

ISSN 2071-3622

ВЕСТИ

**Прикамского
социального
института**

№ 1 (88) 2021

Пермь

ВЕСТНИК ПРИКАМСКОГО СОЦИАЛЬНОГО ИНСТИТУТА
VESTNIK PRIKAMSKOGO SOCIAL'NOGO INSTITUTA
BULLETIN OF PRIKAMSKY SOCIAL INSTITUTE

2021. № 1 (88)

Научный журнал

Учредитель: автономная
некоммерческая организация высшего
и профессионального образования
«Прикамский социальный институт»

Адрес учредителя, издателя, редакции:
614010, Пермь, ул. Куйбышева, 98А
Тел.: (342) 214-26-76
E-mail: psi.nauka@mail.ru

Издается с 2001 года, выходит 3 раза в год

Журнал включен в систему Российского
индекса научного цитирования (РИНЦ)

В журнале публикуются научные материалы,
которые связаны с анализом социально-
экономических и правовых отношений,
посвящены актуальным проблемам
развития общества и личности, носят как
теоретический, так и экспериментальный
характер. Приоритетное исследовательское
направление журнала — теоретические
и практические вопросы совершенствования
системы обеспечения национальной
безопасности

Позиция авторов статей может
не совпадать с мнением редакции

Авторские материалы рецензируются
и не возвращаются

2021. No. 1 (88)

Science journal

Founder: the Prikamsky Social Institute

Address of the founder, editor, publisher:
Kuibyshev st., 98A, Perm, Russia, 614010
Ph.: (342) 214-26-76
E-mail: psi.nauka@mail.ru

Published since 2001, 3 times a year

The journal is included in system
of the Russian Science Citation Index

The journal publishes scientific
materials that are connected with
the analysis of socio-economic and legal
relations, and devoted to the urgent problems
of society and personality. Moreover, they are
both of theoretical researchers' results and
make known specialists' experience in differ-
ent spheres. Priority direction of the journal is
to discuss theoretical and practical issues of
improving the national
security system

The position of the authors of publications
may not coincide with the opinion
of the editorial board

The copyright materials reviewed
and will not be returned

Компьютерная верстка Л. Н. Голубцовой

Выход в свет 28.06.2021. Формат 60 × 84/8.
Усл. печ. л. 23,71. Тираж 100 экз.
Заказ № 1034/2021. Свободная цена

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии
Издательства Пермского национального
исследовательского политехнического университета.
614099, Пермь, Комсомольский пр., 29, к. 113.
Тел.: (342) 219-80-33.
© АНО ВПО «ПСИ», 2021

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Никитина Инна Филипповна — канд. юрид. наук, ректор Прикамского социального института

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Аренков Игорь Анатольевич — д-р экон. наук, профессор Высшей экономической школы Санкт-Петербургского государственного экономического университета

Безукладников Константин Эдуардович — д-р пед. наук, профессор, заведующий кафедрой методики преподавания иностранных языков Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета

Булахтин Максим Анатольевич — д-р истор. наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления, кафедры истории и археологии Пермского государственного национального исследовательского университета

Голохвастова Наталия Вениаминовна — канд. истор. наук, заведующая кафедрой теории и истории государства и права, проректор по научной работе Прикамского социального института (заместитель главного редактора)

Игнатенко Виктор Васильевич — д-р юрид. наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, ведущий научный сотрудник Иркутского областного государственного казенного учреждения «Институт законодательства и правовой информации имени М. М. Сперанского»

Кузнецова Ольга Анатольевна — д-р юрид. наук, профессор кафедры гражданского права, заместитель декана по научной работе юридического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета

Пастухов Павел Сыроевич — д-р юрид. наук, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Пермского государственного национального исследовательского университета

Похмелкин Виктор Валерьевич — д-р юрид. наук, доцент, научный руководитель Научно-исследовательского и внедренческого центра Прикамского социального института

Руденко Марина Николаевна — д-р экон. наук, профессор, заведующая кафедрой предпринимательства и экономической безопасности Пермского государственного национального исследовательского университета

Светлаков Андрей Геннадьевич — д-р экон. наук, профессор кафедры организации аграрного производства Пермского государственного аграрно-технологического университета имени академика Д. Н. Прянишникова

Хочрадел Ребекка — доктор наук (PhD), Бизнес-колледж Университета Дельта (Кливленд, США)

Шевелева Светлана Викторовна — д-р юрид. наук, профессор, декан юридического факультета Юго-Западного государственного университета (Курск)

Шедяков Владимир Евгеньевич — д-р социол. наук, канд. экон. наук, доцент (Киев, Украина)

EDITOR IN CHIEF

Nikitina Inna Philippovna — Cand. of Juridical Sciences, Rector, Prikamsky Social Institute

EDITORIAL BOARD

Arenkov Igor Anatolyevich — Dr. of Economic Sciences, Professor, Higher School of Economics, Saint-Petersburg State Economic University

Bezukladnikov Konstantin Eduardovich — Dr. of Pedagogic Sciences, Professor, Head of the Department of Methodology of Teaching Foreign Languages, Perm State Humanitarian Pedagogical University

Bulakhtin Maxim Anatolyevich — Dr. of Historical Sciences, Professor at the Department of Public Administration, Department of History and Archaeology, Perm State University

Golokhvastova Natalia Veniaminovna — Cand. of Historical Sciences, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Vice-rector for Scientific Work, Prikamsky Social Institute (deputy editor)

Ignatenko Viktor Vasilyevich — Dr. of Juridical Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Leading Researcher of the Irkutsk Regional State Treasury Institution “Institute of Legislation and Legal Information named after M. M. Speransky”

Kuznetsova Olga Anatolyevna — Dr. of Juridical Sciences, Professor at the Department of Civil Law, Vice Dean for Scientific Affairs of the Faculty of Law, Perm State University

Pastukhov Pavel Syroyevich — Dr. of Juridical Sciences, Professor at the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Perm State University

Pokhmelkin Victor Valeryevich — Dr. of Juridical Sciences, Associate Professor, Scientific Director of the Research and Innovation Centre, Prikamsky Social Institute

Rudenko Marina Nikolayevna — Dr. of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Entrepreneurship and Economic Security, Perm State University

Svetlakov Andrey Gennadyevich — Dr. of Economic Sciences, Professor at the Department of Organization of Agricultural Production,

Perm State Agro-Technological University named after Academician D. N. Pryanishnikov

Hochradel Rebecca — Philosophiae Doctor (PhD), Assistant Professor, College of Business of the Delta State University (Cleveland, USA)

Sheveleva Svetlana Viktorovna — Dr. of Juridical Sciences, Professor, Dean of the Law Faculty, Southwest State University (Kursk)

Shedyakov Vladimir Evgenyevich — Dr. of Sociological Sciences, Cand. of Economic Sciences, Associate Professor (Kiev, Ukraine)

Шестова Татьяна Юрьевна — д-р истор. наук, профессор кафедры теории и практики управления Пермского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Юлдашева Оксана Урняковна — д-р экон. наук, профессор, заведующая кафедрой маркетинга Санкт-Петербургского государственного экономического университета

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Голохвастова Наталия Вениаминовна — канд. истор. наук, заведующая кафедрой теории и истории государства и права, проректор по научной работе Прикамского социального института (заместитель главного редактора)

Борцов Алексей Владимирович — консультант правового департамента администрации губернатора Пермского края; заведующий кафедрой гражданского права и гражданского процесса Прикамского социального института

Головкина Дарья Витальевна — канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса Прикамского социального института; доцент кафедры предпринимательства и экономической безопасности Пермского государственного национального исследовательского университета

Маринкин Денис Николаевич — канд. юрид. наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Прикамского социального института

Калугин Алексей Юрьевич — канд. психол. наук, доцент кафедры психологии и педагогики Прикамского социального института

Каминский Борис Борисович — канд. юрид. наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Прикамского социального института

Карнаухова Людмила Исмагиловна — заведующая кафедрой дизайна Пермского гуманитарно-технологического колледжа, член Международной общественной ассоциации «Союз дизайнеров», Общероссийской общественной организации «Союз дизайнеров России»

Кузнецова Елена Геннадьевна — канд. психол. наук, доцент, декан факультета психологии и управления, заведующая кафедрой психологии и педагогики Прикамского социального института

Субботина Яна Владимировна — канд. с.-х. наук, доцент, заведующая кафедрой экономики и управления Прикамского социального института

Советов Игорь Константинович — канд. юрид. наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного, муниципального и административного права Прикамского социального института

Shestova Tatiana Yuryevna —

Dr. of Historical Sciences, Professor at the Department of Theory and Practice of Management, Perm branch of the Russian Presidential Academy

of National Economy and Public Administration
Yuldasheva Oksana Urniakovna — Dr. of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Marketing, Saint Petersburg State Economic University

EDITORIAL STAFF

Golokhvastova Natalia Veniaminovna — Cand. of Historical Sciences, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Vice-rector for Scientific Work, Prikamsky Social Institute (deputy editor)

Bortsov Alexey Vladimirovich — Consultant at the Legal Department of the Administration of the Governor of the Perm Territory; Head of the Department of Civil Law and Civil Procedure, Prikamsky Social Institute

Golovkina Daria Vitalyevna — Cand. of Juridical Sciences, Associate Professor at the Department of Civil Law and Civil Procedure, Prikamsky Social Institute; Associate Professor at the Department of Entrepreneurship and Economic Security, Perm State University

Marinkin Denis Nikolaevich — Cand. of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics, Prikamsky Social Institute

Kalugin Aleksey Yuryevich — Cand. of Psychological Sciences, Associate Professor at the Department of Psychology and Pedagogy, Prikamsky Social Institute

Kaminsky Boris Borisovich — Cand. of Juridical Sciences, Associate Professor at the Department of Theory and History of State and Law, Prikamsky Social Institute

Karnaukhova Lyudmila Ismagilovna — Head of the Department of Design, Perm Humanitarian-Technological College, a member of the International Association “Society of Designers”, a member of “Association of Designers of Russia”

Kuznetsova Elena Gennadyevna — Cand. of Psychological Sciences, Associate Professor, Dean of the Faculty of Psychology and Management, Head of the Department of Psychology and Pedagogy, Prikamsky Social Institute

Subbotina Yana Vladimirovna — Cand. of Agricultural Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Economics and Management, Prikamsky Social Institute

Sovetov Igor Konstantinovich — Cand. of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Constitutional, Municipal and Administrative Law, Prikamsky Social Institute

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА	6
ЮРИСПРУДЕНЦИЯ	8
Марголина Т. И. ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ И ВОПРОСОВ БЕЗОПАСНОСТИ.....	8
Кукеев А. К. КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ПРИНЦИПЫ ПРАВА НА ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ.....	15
Трушкова Т. М. ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ.....	22
Брылева Е. А. ПРАВО ОСУЖДЕННЫХ НА ОБРАЗОВАНИЕ (ОБЗОР СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ).....	27
Добровлянина О. В. ОТДЕЛЬНЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ.....	31
ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ	37
Третьякова Е. А., Алферова Т. В., Шилова Е. В. РОЛЬ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ЦЕНТРА В ОБЕСПЕЧЕНИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА.....	37
Похомова А. А., Березюк Л. А. ОБУЧАЮЩИЕ КУРСЫ ПО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДЛЯ БЕЗРАБОТНЫХ В РАМКАХ СОДЕЙСТВИЯ ЗАНЯТОСТИ В БЕЛАРУСИ.....	53
Воронцовская Л. Г. СОЗДАНИЕ ФОНДОВ ПО ПОДДЕРЖКЕ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ КАК ОДИН ИЗ МЕХАНИЗМОВ ПРИВЛЕЧЕНИЯ МОЛОДЕЖИ В ВУЗОВСКУЮ НАУКУ.....	63
Мальцева А. П., Субботина Я. В., Белых С. А. КОМФОРТНАЯ СРЕДА КАК ФАКТОР ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.....	70
Палкина О. М. ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.....	76
Рубан Л. А. НЕОБХОДИМОСТЬ ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОГО ПОДХОДА К КАДРОВОМУ РАЗВИТИЮ ВУЗОВ В СООТВЕТСТВИИ С ОСОБЕННОСТЯМИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	80
Шимановский Д. В. ОЦЕНКА ВЗАИМОСВЯЗИ МЕЖДУ ВЕЛИЧИНОЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА И РОСТОМ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	85
Холбаева С. Р. ВЛИЯНИЕ ПОТЕРЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА НА ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАНЫ.....	93
Кузина Н. Н., Корчак К. И. ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЙ АСПЕКТ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ.....	97
Усанин С. С., Богданов Д. А. ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗАЩИТЫ ИНФОРМАЦИИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ.....	100
Маринкин Д. Н., Боровиков В. М. БЕЗРАБОТИЦА КАК УГРОЗА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	105
ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА	109
Арпентьева М. Р., Худякова Т. Л., Клепач Ю. В., Гридяева Л. Н. БУЛЛИНГ И СТАЛКИНГ В КОНЦЕПТУАЛЬНОМ ПОЛЕ ИССЛЕДОВАНИЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ.....	109
Бахарев Д. В., Бахарева С. А. ГИПЕРАКТИВНОЕ РАССТРОЙСТВО С ДЕФИЦИТОМ ВНИМАНИЯ — ПРОБЛЕМА ДЛЯ МЕДИКА, ПСИХОЛОГА ИЛИ ЮРИСТА?.....	118
Шершнёва Т. В. ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗА СУБЪЕКТИВНОГО БУДУЩЕГО У СОВРЕМЕННЫХ СТУДЕНТОВ.....	124
Кривошекова К. Э., Калугин А. Ю. ТИПЫ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ КОЛЛЕДЖА.....	133
Лисова Е. Н., Сорокина А. В. ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ СОТРУДНИКОВ, РАБОТАЮЩИХ ДИСТАНЦИОННО.....	142
НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ	149
Булахтин М. А. ПЕРЕГОВОРНАЯ КУЛЬТУРА АМЕРИКАНЦЕВ.....	149
Шедяков В. Е. ТРУД, КАПИТАЛ И СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ.....	158
Дерюгин П. П., Лебединцева Л. А., Ярмак О. В., И Ши, Камышина Е. А. ФОРМИРОВАНИЕ ДЕЛОВЫХ КАЧЕСТВ КИТАЙСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ).....	166
Атажонова С. Б. МОДЕРНИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ НА ОСНОВЕ ИННОВАЦИОННЫХ ИДЕЙ И ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В УЗБЕКИСТАНЕ.....	175
Малик Е. Н. ЦИФРОВАЯ МЕДИАСРЕДА КАК РЕСУРС АКТИВИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ МОЛОДЕЖИ.....	179
Прохоров А. В. ХАРАКТЕРИСТИКА МЕДИАСРЕДЫ ВЕДУЩИХ РОССИЙСКИХ ВУЗОВ.....	184
Тимофеева О. В. «ЖЕНСКАЯ ЗАБАСТОВКА» В ПОЛЬШЕ В СВЕТЕ РЕАКЦИИ ПОЛЬСКОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА.....	192
ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ	200

CONTENTS

WORD OF EDITOR-IN-CHIEF	6
JURISPRUDENCE	8
Margolina T. I. PROBLEMS OF RELATIONSHIP OF HUMAN RIGHTS AND FREEDOMS IN THE EDUCATION SYSTEM AND SECURITY ISSUES	8
Kukev A. K. CONSTITUTIONAL LEGAL PRINCIPLES OF THE RIGHT TO HIGHER EDUCATION	15
Trushkova T. M. LEGAL FRAMEWORK FOR COUNTERING TERRORISM IN EDUCATIONAL ORGANIZATIONS	22
Bryleva E. A. THE RIGHT OF PRISONERS TO EDUCATION (REVIEW OF MODERN RESEARCH)	27
Dobrolyvanina O. V. INDIVIDUAL INVESTIGATIVE ACTIONS	31
ECONOMICS AND MANAGEMENT	37
Tretyakova E. A., Alferova T. V., Shilova E. V. THE ROLE OF RESEARCH AND EDUCATION CENTER IN ENSURING THE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF REGION	38
Pokhomova A. A., Berezvuk L. A. BUSINESS TRAINING COURSES FOR THE UNEMPLOYED TO PROMOTE EMPLOYMENT IN BELARUS	53
Voronetskaya L. G. CREATION OF FUNDS TO SUPPORT SCIENTIFIC RESEARCH AS ONE OF THE MECHANISMS OF ATTRACTING YOUTH IN UNIVERSITY SCIENCE	63
Maltseva A. P., Subbotina Ya. V., Belykh S. A. COMFORTABLE ENVIRONMENT AS A FACTOR FOR ENVIRONMENTAL AND ECONOMIC SECURITY	70
Palkina O. M. HIGHER EDUCATION AS A FACTOR OF NATIONAL SECURITY	76
Ruban D. A. THE URGENCY OF DIFFERENTIATED APPROACH OF UNIVERSITY STAFF DEVELOPMENT IN REGARD TO PECULIARITIES OF RESEARCH ACTIVITY	80
Shimanovskiy D. V. ASSESSMENT OF THE CORRELATION BETWEEN THE SIZE OF HUMAN CAPITAL AND GROWTH OF THE ECONOMY IN RUSSIAN REGIONS	85
Kholbaeva S. R. THE IMPACT OF HUMAN CAPITAL LOSSES ON THE COUNTRY'S ECONOMIC DEVELOPMENT	93
Kuzina N. N., Korchak K. I. INFORMATION SECURITY: THE FUNDAMENTAL ASPECT OF DIGITALIZATION OF EDUCATION	97
Usanin S. S., Bogdanov D. A. ENSURING THE PROTECTION OF INFORMATION IN EDUCATIONAL ORGANIZATIONS	100
Marinkin D. N., Borovikov V. M. UNEMPLOYMENT AS A THREAT TO THE ECONOMIC SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION	105
PSYCHOLOGY AND PEDAGOGY	109
Arpentieva M. R., Khudvakova T. L., Klepach Yu. V., Gridvaeva L. N. BULLYING AND STALKING IN THE CONCEPTUAL FIELD OF EDUCATIONAL SAFETY RESEARCH	110
Bakharev D. V., Bakhareva S. A. AN ATTENTION DEFICIT HYPERACTIVE DISORDER — A PROBLEM FOR A PHYSICIAN, PSYCHOLOGIST OR LAWYER?	118
Shershniova T. V. FEATURES OF THE IMAGE OF THE SUBJECTIVE FUTURE IN MODERN STUDENTS	124
Krivoshchekova K. E., Kalugin A. Yu. TYPES OF INDIVIDUALITY OF COLLEGE STUDENTS	133
Lisova E. N., Sorokina A. V. PROFESSIONAL BURN-OUT OF EMPLOYEES WORKING REMOTE	142
SCIENCE AND EDUCATION	149
Bulakhtin M. A. THE AMERICAN NEGOTIATION CULTURE	149
Shedvakov V. E. LABOUR, CAPITAL AND SOCIAL SECURITY	158
Deryugin P. P., Lebedintseva L. A., Yarmak O. V., Yi Shi, Kamvshina E. A. FORMATION OF CHINESE STUDENTS BUSINESS QUALITIES AS A FACTOR OF ENSURING ECONOMIC SECURITY (THE RESULTS OF EMPIRICAL RESEARCH)	167
Atajonova S. B. MODERNIZATION OF HIGHER EDUCATION AND EDUCATIONAL PROGRAMS BASED ON INNOVATIVE IDEAS AND DIGITAL TECHNOLOGIES IN UZBEKISTAN	175
Malik E. N. DIGITAL MEDIA AS A RESOURCE TO ENHANCE YOUTH POLITICAL PARTICIPATION РОССИЙСКИХ ВУЗОВ	184
Prokhorov A. V. CHARACTERISTICS OF LEADING RUSSIAN UNIVERSITIES MEDIA ENVIRONMENT	184
Timofeeva O. V. “WOMEN'S STRIKE” IN POLAND AMID THE REACTION OF THE POLISH ACADEMIC COMMUNITY	192
GUIDELINES FOR PREPARING ARTICLES FOR PUBLICATION	200

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Уважаемый читатель!

Перед Вами очередной выпуск журнала «Вестник Прикамского социального института», который является научным периодическим изданием. Выпуски журнала с 2015 года включены в базу Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) (с ними можно ознакомиться на сайте Научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU), а также размещаются в Научной электронной библиотеке «КиберЛенинка».

В журнале публикуются материалы, которые связаны с анализом социально-экономических и правовых отношений, посвящены актуальным проблемам развития общества и личности, носят как теоретический, так и экспериментальный характер, обобщают результаты исследований ученых и распространяют опыт практики работы специалистов в указанных отраслях.

Приоритетное исследовательское направление «Вестника Прикамского социального института» сегодня — теоретические и практические вопросы совершенствования системы обеспечения национальной безопасности и реализации стратегических национальных приоритетов. Это не случайно: в условиях глобальных изменений в современном мире возрастает опасность новых угроз, и разработка государством эффективной стратегии национальной безопасности должна основываться в первую очередь на научном анализе условий и факторов, оказывающих как позитивное, так и негативное влияние на безопасность страны, общества и личности.

Миссия нашего журнала в связи со всем вышесказанным:

- поддержка научных исследований широкого спектра социально-экономических, общественных и гуманитарных наук, так или иначе связанных с анализом проблем обеспечения национальной безопасности;
- опубликование значимых материалов и дискуссий по юридическим, экономическим, психолого-педагогическим вопросам общественного развития в контексте прошлого и современности;
- содействие ученым, преподавателям, специалистам-практикам, молодым исследователям в области коммуникации и информированности.

Мы предлагаем ученым, преподавателям, аспирантам, руководителям и специалистам-практикам — всем, кому небезразлично будущее нашей страны, вместе подумать о том, как формировать механизмы безопасной жизнедеятельности нашего государства, общества, личности в непростое время глобальных перемен — на основе оптимального развития социально-экономических и правовых отношений, системы государственных органов и правовых институтов, обеспечивающих защиту прав и законных интересов граждан, сохранения нашего историко-культурного наследия, традиционных духовно-нравственных ценностей, становления российской национальной идентичности, укрепления психологического здоровья нации.

За двадцать лет существования Прикамский социальный институт прочно занял свое место в образовательном пространстве края, накопил опыт продуктивной научно-образовательной деятельности, функционирования и развития в конкурентной среде. Среди авторов журнала, в составе его редакционного совета и редакционной коллегии — из-

вестные ученые и специалисты, которые могут предложить конструктивный анализ и варианты решений актуальных проблем социально-экономического, правового, культурного развития современного общества, вопросов укрепления системы национальной безопасности. К этой дискуссии мы, конечно, приглашаем и молодых ученых, без свежего взгляда которых невозможно прогрессивное развитие и продвижение вперед любой отрасли науки.

На страницах журнала мы публикуем и материалы научно-практических форумов, проводимых Прикамским социальным институтом совместно с представителями международного и российского научно-образовательного сообщества, органов государственной власти и местного самоуправления, общественных организаций, бизнес-структур, анализируем результаты реализации исследовательских и социально значимых проектов, в которых участвует вуз.

В номерах журнала 2021 года будут представлены материалы, апробированные в рамках Международной научно-практической конференции «Образование и безопасность: правовые, социально-экономические, социокультурные, психологические аспекты», посвященной 20-летию Прикамского социального института, которая состоялась в Перми 27 мая 2021 года по инициативе вуза при поддержке Уполномоченного по правам человека в Пермском крае, Министерства образования и науки Пермского края, Пермского отделения Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России», ООО «ТелекомПлюс».

Если Вас, уважаемый читатель, заинтересует содержание нашего журнала и идеи, высказанные на его страницах, ждем Вашего отклика и предложений и приглашаем к публикации статей в «Вестнике Прикамского социального института».

Материалы просьба направить в электронном виде по адресу: psi.nauka@mail.ru или представить по адресу: 614010, Пермь, ул. Куйбышева, 98А, Прикамский социальный институт, каб. 205, научный отдел. Телефон редакции — (342) 214-26-76.

*Главный редактор журнала
«Вестник Прикамского социального
института», ректор института,
кандидат юридических наук*

И. Ф. Никитина

Марголина Т. И. Проблемы соотношения прав и свобод человека в системе образования и вопросов безопасности // Вестник Прикамского социального института. 2021. № 1 (88). С. 8–14.

Margolina T. I. Problems of relationship of human rights and freedoms in the education system and security issues. *Bulletin of Prikamsky Social Institute*. 2021. No. 1 (88). Pp. 8–14. (In Russ.)

УДК 342.7

Т. И. Марголина

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ И ВОПРОСОВ БЕЗОПАСНОСТИ

Марголина Татьяна Ивановна — кандидат психологических наук, профессор кафедры «Социальная работа и конфликтология», член Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека.

E-mail: margolina06@mail.ru

В статье представлен анализ изменений Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», вступивших в силу с 1 июня 2021 года. Автор соотносит данные изменения с культурными, личными и политическими правами профессорско-преподавательского состава, а также с правами образовательных организаций — участников просветительской, научно-методической и международной научно-образовательной деятельности. Обращается внимание на некоторые приоритетные направления деятельности по обеспечению безопасности в системе образования, нацеленные в первую очередь на внутренние угрозы.

Ключевые слова: образование, безопасность, права и свободы человека, просветительская деятельность, международная научно-образовательная деятельность.

T. I. Margolina

Perm State University, Perm, Russia

PROBLEMS OF RELATIONSHIP OF HUMAN RIGHTS AND FREEDOMS IN THE EDUCATION SYSTEM AND SECURITY ISSUES

Margolina Tatyana I. — Candidate of Psychological Sciences, Professor at the Department of Social Work and Conflictology, Member of the Council under the President of the Russian Federation for the Development of Civil Society and Human Rights.

The article presents an analysis of the amendments to the Federal Law “On Education in the Russian Federation” that entered into force on June 1, 2021. The author correlates these changes with the cultural, personal and political rights of the teaching staff, as well as with the rights of educational organizations — participants in educational, scientific and methodological and international scientific and educational activities. The attention is focused on some priority areas of activities to ensure security in the education system, aimed primarily at internal threats.

Keywords: education, security, human rights and freedoms, educational activities, international scientific and educational activities.

В Российской Федерации приоритет прав и свобод человека и гражданина безусловен. В Конституции России (далее — Конституция, Основной закон) вторая глава «Права и свободы человека и гражданина» практически остается основополагающей, ограничение

конституционных прав возможно только в чрезвычайных ситуациях и только конституционным федеральным законом или федеральным законодательством «только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства» (ст. 55, п. 3 Конституции)¹.

Кроме этого п. 2 ст. 55 Основного закона гласит: «В Российской Федерации не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина».

Если проанализировать Федеральный закон «О безопасности», то среди основных принципов обеспечения безопасности (ст. 2) в первую очередь определяется принцип соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина². Однако правоприменительная и законотворческая деятельность всё-таки обозначает проблемы соотношения прав и свобод человека и вопросов безопасности.

С 1 июня 2021 года вступил в силу Федеральный закон от 05.04.2021 № 85-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации»» (далее — Закон «О внесении изменений...»)³. Изменения внесены депутатами от партий «Единая Россия», «Справедливая Россия» (один человек), «ЛДПР» (один человек). Данные инициативы вносят ряд принципиальных изменений в организацию просветительской, методической, международной деятельности сотрудников системы образования.

В законе вводится понятие просветительской деятельности, определяющее, что это деятельность, которая ведется с определенной целью: имеет направленностью распространение знаний, опыта, формирование умений, навыков, ценностных установок и компетенций для развития человека (интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического, профессионального), для удовлетворения образовательных потребностей и интересов человека. Отмечается при этом, что вся эта деятельность ведется вне рамок образовательных программ.

Определение порядка и условий ведения просветительской деятельности закреплено в качестве полномочий Правительства Российской Федерации.

Проект закона и проект Положения об организации просветительской деятельности, подготовленного Правительством РФ, вызвали негативную реакцию со стороны научной общественности: против законопроекта выступил Президиум Российской академии наук и направил в Государственную Думу запрос об отзыве законопроекта [6]; 1 600 ученых подписали петицию, опубликованную в газете «Троицкий вариант — Наука» [2]; в социальных сетях, на *Change.org* астрофизиком Сергеем Поповым была создана петиция, которую подписали 248 113 человек [4]. Против поправок выступили 17 создателей и руководителей независимых просветительских проектов, которые заявили о том, что законопроект вводит цензуру и прямо ограничивает свободу слова и дискуссии в обществе. Среди подписантов — Александр Архангельский (премия «Просветитель»), Лена Немировская и Юрий Сенокосов (Московская школа гражданского просвещения), Ирина Прохорова (Фонд Михаила Прохорова), Ян Рачинский («Международный Мемориал»), Никита Соколов (Вольное историческое общество) и др. [5].

¹ Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020 (дата обращения: 14.04.2021).

² О безопасности: федер. закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ (ред. от 09.11.2020) // Рос. газета. 29.12.2010. № 295.

³ О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс]: федер. закон от 05.04.2021 № 85-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202104050036> (дата обращения: 14.04.2021).

Столь радикальные оценки не возымели действия — изменения вступили в силу. В связи с этим принципиально важно, чтобы правоприменительная практика реализации новых положений о просветительской деятельности не ограничивала свободу слова граждан нашей страны, в том числе преподавателей образовательных организаций.

Предлагаемый проект Положения об организации просветительской деятельности¹ (далее — Положение, Проект) широко трактует просветительскую деятельность, при этом перечень видов деятельности, которую предлагается отнести к просветительской, является открытым. Девять пунктов Положения охватывают сферы от знаний о здоровом образе жизни, психологии до знаний о гражданских правах, свободах и обязанностях человека. В перечне направлений есть также «распространение знаний о формах и методах генерации инновационных подходов, нацеливающих сознание людей на создание новых инновационных социально значимых продуктов, открытий», а также деятельность «по иным направлениям, соответствующим целям просветительской деятельности».

Положение устанавливает также формы просветительской деятельности, подпадающие под действие закона. К ним предполагается отнести организацию презентаций, лекториев; проведение семинаров, мастер-классов, круглых столов, дискуссий; размещение или распространение информационно-печатной продукции, в том числе в интернете; демонстрацию или распространение, в том числе в интернете, видео- и аудиоматериалов; создание просветительских интернет-порталов. По аналогии с перечнем видов деятельности, подпадающих под регулирование, здесь определяются любые иные формы «достижения целей просветительской деятельности»².

Предлагается ограничить круг лиц, которые имеют право осуществлять просветительскую деятельность — это «лица, имеющие образовательный ценз, который определяется в порядке, установленном законодательством Российской Федерации в сфере образования»³. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», в свою очередь, устанавливает, что «право на занятие педагогической деятельностью имеют лица, имеющие среднее профессиональное или высшее образование...»⁴. Однако, по-видимому, просветительская деятельность не является образовательной деятельностью, а просветительские проекты не относятся к образовательным программам.

Кроме того, претенденты на занятия просветительской деятельностью — юридические лица не должны иметь долгов по налогам.

Проект ограничивает возможность физических лиц, имеющих возраст моложе 18 лет, быть субъектами просветительской деятельности, что прямо нарушает права ребенка, который уже в 14 лет является субъектом права (может самостоятельно обратиться с иском в суд, быть субъектом предпринимательской деятельности (с согласия родителей), работать по трудовому договору).

Предлагаемые изменения ограничивают правосубъектность участников просветительской деятельности, так как заниматься просвещением можно будет только при условии заключения договора с организациями, осуществляющими образовательную, научную деятельность и деятельность в сфере культуры.

Предполагается, что юридические лица могут заниматься просветительством, если их нет в реестре некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента. Данная

¹ Об утверждении Положения об осуществлении просветительской деятельности [Электронный ресурс]: проект Постановления Правительства Российской Федерации (подготовлен Минпросвещения России 23.04.2021). URL: <https://base.garant.ru/56875426/> (дата обращения: 15.05.2021).

² Там же

³ Там же.

⁴ Об образовании в Российской Федерации: федер. закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ // Рос. газета. 31.12.2012. № 303.

норма противоречит Постановлению Конституционного суда РФ о том, что включение в реестр иностранных агентов — это лишь способ добиться открытости в отношении источников их финансирования: в постановлении подчеркивается, что некоммерческая организация, выполняющая функции иностранного агента, «не лишается ... возможности участия в политической деятельности, осуществляемой на территории Российской Федерации, и тем самым не ставится в дискриминационное положение по сравнению с некоммерческими организациями, не получающими иностранного финансирования» (абз. 6 п. 3.2 постановления)¹.

В Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» добавили нормы по научно-методическому сопровождению школ и детских садов: Министерство просвещения определит перечень организаций, которые будут этим заниматься, а также определит критерии, по которым отберут кандидатов в этот список. Сегодня данные функции осуществляют и вузы, и центры дополнительного профессионального образования, и бизнес, и некоммерческие организации. В стране действует рынок бюджетных и негосударственных образовательных услуг по научно-методическому сопровождению школ и детских садов. Во многих школах практикуется персональное научное руководство программами развития. Предлагаемая норма ограничивает правосубъектность образовательных организаций в выборе поставщика научно-методических услуг, повышает коррупционность и избирательность выбора и рекомендаций относительно тех или иных претендентов.

Новым законом установлены дополнительные требования к договорам по вопросам международного сотрудничества в сфере образования (за исключением договоров об оказании образовательных услуг иностранным гражданам). Такие договоры могут подписываться при наличии заключения Министерства образования и науки, Министерства просвещения или других федеральных государственных органов, в ведении которых находятся федеральные государственные образовательные организации. Порядок получения заключения установит Правительство РФ (ст. 1, п. 5 Закона «О внесении изменений...»).

Что входит в содержание регулируемой международной деятельности? Она включает:

— совместные образовательные программы с международными или иностранными организациями (например, когда российский и иностранный университеты вместе реализуют бакалавриат или магистратуру);

— обмен обучающимися или преподавателями в рамках образования, повышения квалификации или научной деятельности;

— участие в сетевой форме реализации образовательных программ (когда для образовательной программы задействованы ресурсы сразу нескольких организаций, например для стажировок студентов в иностранных компаниях);

— участие в деятельности международных организаций, в том числе в проведении международных образовательных, научно-исследовательских и научно-технических проектов, конгрессов, симпозиумов, конференций, семинаров, а также самостоятельное проведение таких мероприятий;

— обмен учебно-научной литературой на двусторонней и многосторонней основе.

Вышеназванные положения о регулировании международной деятельности значительно ограничивают правосубъектность образовательных организаций и профессорско-преподавательского состава вузов [7; 8].

¹ По делу о проверке конституционности положений пункта 6 статьи 2 и пункта 7 статьи 32 Федерального закона «О некоммерческих организациях», части шестой статьи 29 Федерального закона «Об общественных объединениях» и части 1 статьи 19.34 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, фонда «Костромской центр поддержки общественных инициатив», граждан Л. Г. Кузьминой, С. М. Смиренского и В. П. Юкечева: постановление Конституц. Суда РФ от 08.04.2014 № 10-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2014. № 4.

Какие обоснования внесения данных изменений предложили авторы законопроекта?

В пояснительной записке авторы ссылались на антироссийскую пропаганду в школах и вузах, которая, по их мнению, ведется под видом просветительской деятельности. Депутаты утверждали, что стремятся не допустить иностранное вмешательство, пропаганду экстремизма и сеяние розни: «Отсутствие соответствующего правового регулирования создает предпосылки для бесконтрольной реализации антироссийскими силами в школьной и студенческой среде под видом просветительской деятельности широкого круга пропагандистских мероприятий, в том числе поддерживаемых из-за рубежа и направленных на дискредитацию проводимой в Российской Федерации государственной политики, пересмотр истории, подрыв конституционного строя» [1]. «В последнее время организаций, предлагающих программы повышения квалификации, стало так много, что порой педагоги сами не знают, куда обращаться — где им дадут реальные знания, а где сомнительную “корочку” ... Закон создает инструмент, позволяющий удостовериться в качестве их услуг», — пояснила парламентарий Любовь Духанина [9].

Таким образом, внесенные изменения, регулирование и контроль просветительской, научно-методической и международной образовательной деятельности должны способствовать повышению безопасности государства. Однако в зоне риска оказывается реализация прав и свобод человека, в первую очередь — преподавателя высшей школы.

Как уже отмечалось автором, в Конституции РФ определена возможность ограничения прав и свобод человека и гражданина, но лишь в определенной мере и при определенных условиях. Анализ конституционных прав — в контексте всего вышесказанного — более явственно демонстрирует возможные риски вмешательства государства в личное пространство преподавателя и в правосубъектность образовательных организаций.

Так, например, в группе культурных прав есть право на свободу творчества и преподавания. В Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах это право определено следующим образом: «...Государства обязуются уважать свободу, безусловно необходимую для научных исследований и творческой деятельности»¹, а в ст. 44, п. 1 Конституции РФ провозглашено: «Каждому гарантируется свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания»².

В комплексе личных (гражданских) прав Конституцией РФ (ст. 29) каждому гарантируется свобода мысли и слова. Следует отметить, что в сентябре 2011 года в ООН Комитетом по правам человека были представлены Замечания общего порядка — толкование по практике отступлений государствами от соблюдения прав человека в период чрезвычайных ситуаций. В замечании 34 отмечено, что свобода выражения мнений является одним из элементов, которые не подлежат отступлению, поскольку не может возникнуть необходимость отступить от этой нормы в период чрезвычайного положения³. Это подчеркивает значимость свободы слова и высоких гарантий этой свободы человека от вмешательства извне.

В Конституции РФ в группе политических прав особое значение имеет свобода информации (ст. 29, п. 4 и 5): «Каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Цензура запрещена»⁴. Перечень можно продолжить.

¹ Ст. 15, п. 3 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах [Электронный ресурс] (принята резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года) // Организация объединенных наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (дата обращения: 22.04.2021).

² Конституция Российской Федерации.

³ Комитет ООН по правам человека. Замечание общего порядка № 34. Ст. 19. Свобода мнений и их выражения [Электронный ресурс]. Женева, 12 сент. 2011 г. CCPR/C/GC/34. URL: <https://www.refworld.org.ru/docid/4ed34b892.html> (дата обращения: 22.04.2021).

⁴ Конституция Российской Федерации.

Очевидно, можно говорить о том, что с принятием в мае 2021 года изменений в Закон «Об образовании в РФ» в зоне риска оказываются свободы человека. Свобода человека — это пространство сугубо личное, любая попытка регулирования и контроля со стороны государства ведет к ограничениям личного творческого пространства и создает атмосферу недоверия.

Сужение пространства просвещения, а через регулирование научно-методической и международной деятельности — фактически сужение и образовательного пространства несут безусловные риски для развития образования, сохранения его гуманитарной сущности — многомерности, открытости, плюрализма мнений, академических свобод и т. д.

Насколько реальны угрозы национальной безопасности, существующие в рамках просветительской деятельности и международного сотрудничества в сфере образования и науки? Надо ли «с водой выплескивать ребенка», нарушая сложившийся конструкт просветительской и международной деятельности, сужая «горлышко контроля» за деятельностью научно-образовательного сообщества? Обоснованные ответы на эти вопросы должен дать последующий анализ практической реализации новых положений Закона «Об образовании в РФ», осмысление этого опыта.

На наш взгляд, правоприменительную практику обеспечения безопасности в образовании с учетом закрепленного в законе «О безопасности» главенства предупредительных мер нужно, безусловно, существенно расширять, но приоритет следует отдавать направлениям, нацеленным не столько на внешние, сколько на внутренние угрозы в системе образования в отдельных образовательных организациях.

Анализ состояния гражданского образования в школах в последние годы показывает, что из образовательных программ ушли дисциплины по правам человека, по воспитанию доброжелательного отношения к другому человеку (по толерантности) и т. п. [3]. Трагические события в казанской школе, в школе № 127 города Перми, в городе Березниках Пермского края указывают на внутришкольные и внутрисемейные причины насильственного криминального поведения выпускников и учащихся. К профилактической работе по безопасности должна быть отнесена работа по предупреждению и разрешению конфликтов в образовательных организациях, причем конфликтов между учениками, между учителями и детьми, родителями и администрацией школ, ведь неразрешенные конфликты, обиды, агрессия выливаются в деструктивное поведение против личности, общества. Ресурсы для этого есть, но необходимо преодолеть формальный подход в организации и проведении этой деятельности.

В заключение хотелось бы еще раз процитировать Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, в котором подчеркивается, что «образование должно быть направлено на полное развитие человеческой личности и сознания ее достоинства и должно укреплять уважение к правам человека и основным свободам»¹. Думается, что законодатель при любых условиях должен руководствоваться в первую очередь этим положением, совершенствуя нормативно-правовую базу, регулиующую жизнедеятельность системы образования.

Библиографический список

1. Внесен законопроект, призванный не допустить негативное иностранное вмешательство в образовательный процесс [Электронный ресурс] // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://duma.gov.ru/news/50058/> (дата обращения: 14.04.2021).
2. Декларация ученых и популяризаторов науки [Электронный ресурс] // Троицкий вариант — Наука. URL: <https://trv-science.ru/2021/01/declaration/> (дата обращения: 14.04.2021).

¹ Ст. 13, п. 1 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах.

3. Доклад. Правоприменительная практика в области гражданского образования и просвещения в области прав человека / под ред. д-ра полит. наук А. Ю. Сунгурова. СПб.: Норма, 2018. 248 с.

4. Против поправок о просветительской деятельности [Электронный ресурс]. URL: <https://www.change.org/p/государственная-дума-РФ-против-поправок-о-просветительской-деятельности-1e6d7a97-a61a-49b9-a7a7-80da49172ccf> (дата обращения: 14.04.2021).

5. Российские просветители выступили против закона о просветительской деятельности [Электронный ресурс]. URL: <https://www.colta.ru/news/26406-rossiyskie-prosvetiteli-vystupili-protiv-zakona-o-prosvetitel'skoj-deyatelnosti> (дата обращения: 14.04.2021).

6. Российские ученые выступили против законопроекта о просветительской деятельности [Электронный ресурс] // Российская академия наук. URL: <http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=d2c2cd58-e2d4-4e88-ab15-68cb1e554d6d> (дата обращения: 14.04.2021).

7. Спасская В. В. Образовательные правоотношения: вопросы теории [Электронный ресурс]: монография. М., 2005 // Федеральный центр образовательного законодательства. URL: <http://fcoz.ru/obrazovatelnoe-pravo/knigi/spasskaya2005/31.php> (дата обращения: 22.04.2021).

8. Твердова Т. В. Правосубъектность образовательного учреждения по гражданскому праву Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. URL: <http://www.dslib.net/civil-pravo/pravosubektnost-obrazovatel'nogo-uchrezhdenija-po-grazhdanskomu-pravu-rossijskoj.html#1021022> (дата обращения: 22.04.2021).

9. Третьякова М. Семь вопросов про закон о просветительской деятельности [Электронный ресурс] // Парламентская газета. 2021. 19 марта. URL: <https://www.pnp.ru/politics/sem-voprosov-pro-zakon-o-prosvetitel'skoj-deyatelnosti.html> (дата обращения: 14.04.2021).

Кукеев А. К. Конституционно-правовые принципы права на высшее образование. Вестник Прикамского социального института. 2021. № 1 (88). С. 15–21.

Kukeyev A. K. Constitutional legal principles of the right to higher education. *Bulletin of Prikamsky Social Institute*. 2021. No. 1 (88). Pp. 15–21. (In Russ.)

УДК 342.7.116

А. К. Кукеев

Южно-Казахстанский университет имени М. Ауэзова, Шымкент, Казахстан

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ПРИНЦИПЫ ПРАВА НА ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Кукеев Аскар Кульчимбаевич — старший преподаватель кафедры «Теория государства и права».

E-mail: askar_kukeyev@mail.ru

В данной статье рассматривается система принципов конституционного права человека и гражданина на высшее образование. Отмечается, что в соответствии с требованиями и предписаниями Конституции Республики Казахстан разработан и принят ряд нормативно-правовых актов, положениями которых в широком объеме закреплено право человека и гражданина на высшее образование и определены механизмы реализации, обеспечения и защиты этого права со стороны государства и общества. Наряду с этим упомянутый перечень расширяется рядом международно-правовых документов, которые стали частью национального законодательства государства. Обоснована необходимость расширения приведенного перечня гарантий путем введения в их состав организационных условий, поскольку именно ими обеспечивается организационная составляющая деятельности государства и его органов, должностных лиц, а также представителей гражданского общества в процессе формирования условий для реализации лицом права на образование (высшее образование).

Предложено рассматривать гарантии исследуемого права как систему, закрепленную действующим законодательством Республики Казахстан, включающую сложный комплекс средств политического, социального, экономического и культурного направления и являющуюся основой для формирования государственного механизма обеспечения конституционного права на высшее образование. Проанализированы доктринальные позиции в научной классификации гарантий, которыми обеспечивается практическая реализация прав и свобод человека и гражданина.

Ключевые слова: высшее образование, конституционно-правовая основа, правовые акты в сфере высшего образования, система образования, принципы реализации права на высшее образование, система управления высшим образованием.

A. K. Kukeyev

M. Auevov South Kazakhstan University, Shymkent, Kazakhstan

CONSTITUTIONAL LEGAL PRINCIPLES OF THE RIGHT TO HIGHER EDUCATION

Kukeyev Askar K. — Senior Lecturer at the Department of Theory of State and Law.

This article examines the system of principles of the constitutional rights of a person and a citizen to higher education. It is noted that in accordance with the requirements and prescriptions of the Constitution of the Republic of Kazakhstan, a number of normative legal acts have been developed and adopted, the provisions of which broadly secure the right of a person and citizen to higher education and define mechanisms

for the implementation, provision and protection of this right by the state and society. Along with this, the aforementioned list is expanded by a number of international legal documents that have become part of the national legislation of the state. The necessity of expanding the above list of guarantees by introducing organizational conditions into their composition is substantiated, since it is they who provide the organizational component of the activities of the state and its bodies, officials, as well as representatives of civil society in the process of creating conditions for a person to exercise the right to education (higher education).

It is proposed to consider the guarantees of the studied law as a system enshrined in the current legislation of the Republic of Kazakhstan, including a complex complex of political, social, economic and cultural means and is the basis for the formation of a state mechanism for ensuring the constitutional right to higher education. Analyzed the doctrinal positions in the scientific classification of guarantees, which ensure the practical implementation of human and civil rights and freedoms.

Keywords: higher education, constitutional and legal framework, legal acts in the field of higher education, education system, principles of the right to higher education, higher education management system.

Современная Государственная программа развития образования и науки Республики Казахстан на 2020–2025 годы¹ основывается на принципах, зафиксированных в нормах Конституции Республики Казахстан² (далее — Конституция, Основной закон), Законе Республики Казахстан «Об образовании»³, а также в международных актах, ратифицированных Казахстаном, в частности во Всеобщей декларации прав человека (1948)⁴, Международном пакте о гражданских и политических правах (1966)⁵ и др. Эти принципы являются определяющими для формирования государственной политики в сфере образования и основополагающими в процессе развития высшего образования, его законодательного регулирования. С помощью конституционно-правовых принципов формируются требования к деятельности всех ветвей государственной власти по обеспечению, охране и защите права на высшее образование.

С целью дальнейшего изучения научных подходов к определению понятия принципов конституционного права обратимся к трактовке, содержащейся в толковых юридических словарях. Согласно им принципы конституционного права (с фр. *princeps*, от лат. *prinsipium* — начало, основа) — это руководящие принципы, идеи, идеалы, которые определяют сущность, содержание, направленность и формы конституционно-правового регулирования [4, с. 205].

В современных условиях развития государства принципы конституционного права призваны определять сущность, содержание, направленность и формы конституционно-правового регулирования всех сфер общественной жизни. Однако наибольшая их ценность обусловлена участием в механизме определения правового статуса человека и гражданина, где принципы являются теми основными идеями, которые превращают совокупность прав и свобод личности в систему.

¹ Об утверждении Государственной программы развития образования и науки Республики Казахстан на 2020–2025 годы [Электронный ресурс]: постановление Правительства Республики Казахстан от 27 дек. 2019 г. № 988 // ИПС «ЭДІЛЕТ». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1900000988> (дата обращения: 24.04.2021).

² Конституция Республики Казахстан [Электронный ресурс] (принята 30 августа 1995 года на республиканском референдуме) // ИПС «ЭДІЛЕТ». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000> (дата обращения: 26.04.2021).

³ Об образовании [Электронный ресурс]: закон Республики Казахстан от 27 июля 2007 г. № 319-III // ИПС «ЭДІЛЕТ». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z070000319> (дата обращения: 25.04.2021).

⁴ Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс]. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 дек. 1948 г. // ИПС «ЭДІЛЕТ». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/O4800000001>. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z070000319> (дата обращения: 25.04.2021).

⁵ О ратификации Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах [Электронный ресурс]: закон Республики Казахстан от 11 февр. 2009 г. № 130-IV // ИПС «ЭДІЛЕТ». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z090000130>. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z070000319> (дата обращения: 25.04.2021).

В науке конституционного права принято выделять такие конституционно-правовые принципы института прав и свобод человека и гражданина, как: закрепление в национальном законодательстве прав и свобод, установленных нормами международного права; принцип неотчуждаемости и незабываемости основных прав, естественных прав и свобод человека и принадлежность ему их от рождения (ст. 12 Конституции), принцип равенства прав и свобод лиц (ст. 13 Конституции), принцип единства прав и обязанностей человека и гражданина (ст. 12 Конституции), принцип гарантированности прав и свобод человека и гражданина.

В свою очередь, право на высшее образование реализуется в рамках системы конституционных принципов, которые представляют собой основные правовые идеи, упорядочивают общественные отношения в сфере образования. Указанные принципы влияют на содержание и юридическую определенность правовых норм, содержащихся в образовательном законодательстве, и определяют и направляют деятельность уполномоченного круга должностных лиц и всех участников образовательного процесса. При таком подходе, по мнению А. Жумагуловой, конституционные принципы рассматриваются как правовые гарантии права на образование, высшее образование [1, с. 45].

Учитывая особенности конституционно-правового регулирования отдельных общественных отношений, некоторые ученые-юристы предлагают следующую классификацию принципов, определяющих содержание, значение, направленность и реализацию конституционного права на образование: общеправовые принципы, общие принципы правового статуса личности и специальные принципы права на образование. Сторонники приведенного подхода считают, что в таком случае принципы права на образование должны пониматься и толковаться в соответствии с общими принципами правового статуса личности, которые, в свою очередь, должны соотноситься с общеправовыми принципами [5].

Предписания Основного закона содержат ряд конституционных норм, определений, гарантий, принципов, связанных между собой сложными правовыми взаимосвязями, которые в совокупности формируют единую систему. Однако конституционные принципы имеют общее значение, являются исходными в механизме нормативно-правового регулирования общественных отношений в сфере образования. В частности, к общим принципам, которыми закрепляются основы реализации права на образование в Республике Казахстан, следует отнести: принцип равенства всех перед законом, в том числе в приобретении, соблюдении и защите прав, независимо от расы, цвета кожи, политических, религиозных и других убеждений, пола, этнического и социального происхождения, имущественного положения, места жительства, по языковым или другим признакам (ст. 12 Конституции); охрана достоинства человека, запрет жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (ст. 17 Конституции); гарантии свободы передвижения, свободного выбора места жительства (ст. 21 Конституции); свобода мысли и слова, свободное выражение своих взглядов и убеждений, право свободно собирать, использовать и распространять информацию (ст. 20 Конституции).

Отдельной группой принципов, которые юридически формируют систему образования, являются конституционные положения, в которых закреплены социальные, культурные, экономические права: право на образование (ст. 30 Конституции); право владеть, пользоваться и распоряжаться своей собственностью, результатами своей интеллектуальной, творческой деятельности (ст. 26 Конституции); гарантии свободы литературного, художественного, научного и технического творчества, защита интеллектуальной собственности, авторских прав, моральных и материальных интересов, возникающих в связи с различными видами интеллектуальной деятельности; содействия развитию науки (ст. 26 Конституции); право на свободный выбор рода деятельности, реализация программ профес-

сионально-технического обучения, подготовка и переподготовка кадров в соответствии с общественными потребностями (ст. 30 Конституции).

Однако из приведенного перечня общих (конституционных) принципов следует выделить нормы ст. 30 Конституции Республики Казахстан: по своей правовой природе они составляют основу конституционного статуса личности, а также являются определяющими для формирования современной системы образования и ее составляющих, в частности высшего образования.

Принципы образовательного права законодательно определены в базовом Законе Республики Казахстан «Об образовании» (далее — Закон «Об образовании», Закон). В положениях Закона «Об образовании» установлено, что принципами образовательной деятельности являются: обеспечение качества образования и качества образовательной деятельности; обеспечение равного доступа к образованию без дискриминации по любым признакам; научный характер образования; интеграция с рынком труда; свобода в выборе видов, форм и темпа получения образования, образовательной программы, учебного заведения, других субъектов образовательной деятельности; академическая добродетель; содействие обучению на протяжении жизни; интеграция в международное образовательное пространство; доступность для каждого гражданина всех форм и типов образовательных услуг, предоставляемых государством; равенство возможностей для всех и т. д. (ст. 8 Закона).

Подчеркнем, что приведенный перечень зафиксированных в нормативно-правовом акте принципов образовательного права не является исчерпывающим, поскольку в положениях ст. 6 Закона определены основные принципы государственной политики в исследуемой сфере.

Предлагаем следующую классификацию специальных принципов высшего образования:

- общая доступность высшего образования;
- доступность высшего образования на основе способностей каждого и бесплатность высшего образования;
- качество высшего образования;
- академическая мобильность;
- преемственность процесса получения высшего образования [5].

Рассмотрим их более подробно.

Общая доступность высшего образования. Принцип закреплен ч. 2 ст. 30 Конституции Республики Казахстан. Однако считаем, что правопонимание указанного принципа в контексте доступности высшего образования несколько отличается от его трактовки на других образовательных уровнях. Провозглашая этот принцип, законодатель обращает внимание на тот факт, что общая доступность вовсе не исключает конкурсной составляющей в случае поступления в учреждения высшего образования. По мнению А. Смолина, толковать общую доступность исследуемого права следует не в буквальном, индивидуальном (абсолютная доступность для каждого), а в социальном смысле (доступность независимо от социального положения). Ученый размышляет о том, что, поскольку право на высшее образование — это конституционное право, соответственно, и правоспособность граждан в этой части имеет универсальный характер [3, с. 36].

Так, современные социально-экономические и политические проблемы, угрозы и риски социальной безопасности отрицательно сказываются на всех сферах жизнедеятельности общества. При таких условиях существенно расширился круг лиц, которые испытывают ряд социально-экономических трудностей и не могут эффективно реализовывать свои конституционные права, в том числе право на высшее образование. К таким категориям следует отнести: лиц с ограниченными возможностями; представителей этнических меньшинств; ветеранов и участников боевых действий; лиц из малообеспеченных слоев населения и т. п.

В общем, в юридической литературе проблему неравенства доступа к высшему образованию определяют как правовое неравенство — неравенство прав, которые закреплены на законодательном уровне; социально-экономическое неравенство, которое понимается как неравенство доступа к достижениям образования, обусловленное социально-экономическими характеристиками различных групп людей [6].

Иными словами, доступность высшего образования — это мера равенства всех участников образовательного процесса как во время обучения, так и после его завершения. Ключевой характеристикой в понимании доступности высшего образования является равенство всех индивидов на всех стадиях и циклах его получения.

Анализ нормативно-правового закрепления принципа доступности высшего образования и имеющихся теоретических разработок по этой тематике дает основания сделать вывод, что доступность высшего образования связана с двумя условиями — общим равенством и доступностью высшего образования на основе способностей каждого. Учитывая имеющиеся объективные факторы, связанные с уникальностью и сложностью процесса получения высшего образования, этот уровень образования не может и не должен быть общедоступным. В первую очередь это связано со способностью каждого отдельного лица приобретать знания и навыки, соответствующие этому высокому уровню образования.

В соответствии со ст. 26.1. Всеобщей декларации прав человека доступ к высшему образованию должен определяться способностями, возможностями, усилиями, упорством, настойчивостью тех, кто хочет получить такое образование. В нормах международного акта отмечается, что быстрое и повсеместное повышение запроса на высшее образование требует, чтобы в надлежащих случаях в пределах любой политики предпочтение отдавалось подходу, основанному на способностях каждого.

С учетом вышесказанного можно сделать вывод, что речь идет об одинаковой доступности высшего образования на основе способностей каждого, уровень которых определяется при конкурсных испытаниях, проводимых для всех желающих на равных условиях.

По этому поводу следует привести соответствующее положение Конституции Республики Казахстан, которым определяется, что «граждане имеют право бесплатно получить высшее образование в государственных учебных заведениях на конкурсной основе» (ч. 2 ст. 30 Конституции)¹. Кроме того, ч. 1 ст. 44 Закона «Об образовании» установлено, что прием на обучение в учреждения высшего образования осуществляется на конкурсной основе в соответствии с условиями приема на обучение для получения высшего образования, утвержденными центральным органом исполнительной власти в сфере образования и науки. Условия конкурса должны обеспечивать соблюдение прав человека в сфере образования.

Право человека и гражданина на получение высшего образования в Республике Казахстан реализуется не только в пределах, определенных ч. 2 ст. 30 Конституции относительно возможности получения высшего образования на бесплатной основе в государственных учреждениях высшего образования. Действующее национальное законодательство, регулирующее правоотношения в сфере образования, формирует правовые механизмы, которые создают условия для обеспечения эффективной реализации лицом своего права на высшее образование, в том числе путем функционирования в государстве системы частных высших учебных заведений и т. п.

Именно такой подход дает основания сделать вывод, что праву на высшее образование свойственна дуальная природа, поскольку оно наделено признаками как положительного, так и отрицательного права.

¹ Конституция Республики Казахстан.

Процесс построения современной конкурентоспособной системы высшего образования в Казахстане напрямую связан с качеством высшего образования, которое рассматривается как составляющая национальной безопасности.

Качество высшего образования, с одной стороны, является специальным характерным признаком высшего образования, а с другой — интегральным продуктом развития науки и культуры, который соответствует актуальным общественным запросам [7, с. 502].

Рассматривая качество как специальный принцип высшего образования, мы в первую очередь исходим из устоявшихся подходов к определению этой категории. В частности, в рамках проекта *UNESCO-CEPES* «Стратегические показатели высшего образования в XXI веке» изложен ряд общих подходов к трактовке качества высшего образования: качество высшего образования как превосходство (высокий уровень сложности программ, процедур тестирования студентов); качество как соответствие поставленным целям (соответствие стандартам); качество как удовлетворение потребителя (оправдание ожиданий потребителей образовательных услуг); качество как синоним улучшения (процесс, направленный на постоянное совершенствование) [2, с. 270].

Попутно отметим, что на национальном уровне принцип качественного обеспечения высшего образования стал приоритетной задачей в деятельности государства. Во-первых, такой подход отражен в положениях нормативно-правовых актов, принятых в последние годы, в частности в законе «Об образовании», Государственной программе развития образования и науки Республики Казахстан на 2020–2025 годы. Во-вторых, решение проблем качества высшего образования положено в основу программных документов, разрабатываемых на государственном уровне. В-третьих, наблюдается высокая заинтересованность представителей гражданского общества и субъектов образовательного процесса высшей школы вопросами обеспечения качества образования как особой составляющей на пути получения полного высшего образования. В-четвертых, в последние годы значительно активизировалось сотрудничество между западными странами по вопросам обеспечения качества образования и образовательного процесса в целом. Сближение национальных систем высшего образования происходит путем привлечения иностранных специалистов по отдельным дисциплинам к процессу оценки качества образования, включение иностранных специалистов или экспертов в органы управления вузами, активное использование имеющихся международных стандартов качества высшего образования и т. д.

Современные процессы глобализации в значительной степени наблюдаются в сфере высшего образования и заставляют национальные системы образования заниматься поиском путей, которые бы обеспечили максимально эффективное использование научно-образовательных достижений на международном уровне, а также способствовали международному взаимодействию и обмену опытом в этой плоскости.

Одним из таких путей стало активное участие национальных систем образования в формировании единого мирового образовательного пространства. Такое сближение стало возможным при универсализации образовательно-научных платформ, что способствует росту мобильности соискателей высшего образования. Кроме того, академическая мобильность является необходимым условием формирования самого общего пространства [8].

В Казахстане введен законодательный механизм реализации принципа академической мобильности. Однако следует констатировать, что сегодня академическая мобильность в государстве развивается медленными темпами в связи с пандемией COVID-19. Обучение и стажировка в зарубежных странах за счет высших учебных заведений или государства составляет не менее 40 % от официального количества студентов, желающих быть вовлеченными в этот процесс. Большинство обменов студентами происходит за счет заключения двусторонних соглашений между казахстанскими и европейскими вузами.

Не менее сложная ситуация — с международной академической мобильностью кадров. Наибольшие сложности связаны с отсутствием со стороны государства финансирования стажировки преподавателей; не разрабатываются совместные с ведущими европейскими образовательными учреждениями программы подготовки специалистов; случаи заключения двусторонних договоров между университетами по стажировке кадров пока являются эпизодическими.

Отдельным пунктом стал принцип преемственности получения высшего образования. Специалисты обращают внимание, что в комплексе национальная система образования переживает ряд трудностей, связанных с процессом реализации принципа преемственности на всех уровнях и этапах реализации права на образование. Однако на уровне высшего образования отмечают меньшую проблемность в этом вопросе.

Такое положение связано с тем, что процесс получения высшего образования основывается на единой программе обучения для каждой специальности, и это, в свою очередь, положительно отражается на соблюдении принципа преемственности. Что касается второй составляющей этого принципа, то ситуация выглядит не оптимистично, так как невозможно на практике осуществить разработку преемственных учебных программ общеобразовательных учреждений и учреждений высшего образования.

По этому поводу ученые отмечают, что дисциплинарное поле образования не следует разбивать на дисциплины, дающие знания, умения, развивающие навыки, компетентности, и те, которые воспитывают культуру, духовность, нравственность и т. п. Все эти составляющие целесообразно рассматривать как «практические универсалии» образовательного процесса, который длится всю жизнь. На наш взгляд, следует согласиться с мнением исследователей, которые убеждены, что при условии соблюдения такого подхода можно получить положительный опыт реализации принципа преемственности не только между различными ступенями образования, но и между вузами и рынком труда.

Библиографический список

1. Жумагулова А. Правовое и институциональное обеспечение качества высшего образования: монография. Алматы, 2019. 295 с.
2. Мороз В. М., Мороз С. А. Концептуализация содержания качества образования [Электронный ресурс] // Образование. Наука. Карьера: сб. науч. ст. Междунар. науч.-метод. конф.: в 2 т. Курск, 24 янв. 2018 г. Курск, 2018. Т. 1. С. 268–271. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/323538184.pdf> (дата обращения: 24.04.2021).
3. Смолин О. Н. Приоритеты образования // Высшее образование в России. 2002. № 5. С. 34–45.
4. Сухарев А. Я. Большой юридический словарь. М.: Инфра-М, 2012. 703 с.
5. Третьяк Н. В. Специальные принципы права на образование [Электронный ресурс] // Право и государство: теория и практика. 2011. URL: <http://www.law.edu.ru/book/book.asp?bookID=1464731> (дата обращения: 24.04.2021).
6. Фурсова В. В., Ха Х. В. Доступность высшего образования [Электронный ресурс]. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/197386530.pdf>. (дата обращения: 24.04.2021).
7. Энциклопедия образования / Акад. пед. наук. Украины; гл. ред. В. Г. Кремень. М., 2008. 1040 с.
8. The European Higher Education Area. Join Declaration of the Ministers of Education. Bologna. 1999. 19 June. URL: https://www.eurashe.eu/library/modernising-phe/Bologna_1999_Bologna_Declaration.pdf (дата обращения: 24.04.2021).

Трушкова Т. М. Правовые основы противодействия – терроризму в образовательных организациях // Вестник Прикамского социального института. 2021. № 1 (88). С. 22–26.

Trushkova T. M. Legal framework for countering terrorism in educational organizations. *Bulletin of Prikamsky Social Institute*. 2021. No. 1 (88) . Pp. 22–26. (In Russ.)

УДК 34:371.5

Т. М. Трушкова

Прокуратура Пермского края, Пермь, Россия

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

Трушкова Татьяна Михайловна — прокурор отдела по надзору за исполнением законов о несовершеннолетних, младший советник юстиции.

E-mail: onl@59.mailop.ru

В статье рассматриваются основные положения нормативно-правовой базы, регулирующей вопросы обеспечения безопасности и противодействия терроризму в образовательных организациях всех уровней образования. Освещается опыт работы органов прокуратуры по проверке обеспечения безопасности и антитеррористической защищенности образовательных организаций Пермского края. Особое внимание обращается на совершенствование системы организации антитеррористической защищенности объектов (территорий) образования, включающее законодательные, контрольные, методические меры. Отмечается необходимость более активного использования комплексного, межведомственного подходов для обеспечения безопасности и антитеррористической защищенности объектов (территорий) образования.

Ключевые слова: безопасность, образовательные организации, антитеррористическая защищенность, органы прокуратуры.

T. M. Trushkova

Perm Krai Prosecutor's Office, Perm, Russia

LEGAL FRAMEWORK FOR COUNTERING TERRORISM IN EDUCATIONAL ORGANIZATIONS

Trushkova Tatiana M. — Prosecutor at the Department for Supervision of the Execution of Laws on Minors, Junior Counselor of Justice.

The article discusses the main provisions of the regulatory framework governing the issues of ensuring security and countering terrorism in educational institutions of all levels of education. The experience of the prosecutor's office in checking the security and anti-terrorist protection of educational institutions of the Perm Territory is discussed. Particular attention is paid to improving the system of organizing anti-terrorist security of objects (territories) of education, including legislative, control, and methodological measures. The need for more active use of integrated, interdepartmental approaches to ensure security and anti-terrorist protection of educational facilities (territories) is noted.

Keywords: security, educational organizations, anti-terrorist security, prosecutors.

На протяжении последнего десятилетия в Российской Федерации не теряют актуальности вопросы обеспечения безопасности и антитеррористической защищенности образовательных организаций [1; 2; 5], и Пермский край в данном случае не является исключением [3; 4]. Как показывает прокурорская практика, данный вопрос для региона, несмотря на принимаемые меры, по-прежнему является открытым.

Согласно Федеральному закону от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»¹ (далее — Закон) одними из принципов противодействия терроризму в Российской Федерации являются обеспечение и защита основных прав и свобод человека и гражданина, приоритет мер предупреждения терроризма, минимизация и (или) ликвидация последствий проявлений терроризма, а также соразмерность мер противодействия терроризму степени террористической опасности (ст. 2 Закона). Осуществление мероприятий по противодействию терроризму возложено на органы власти всех уровней (федеральные, региональные, местные) в пределах предоставленных полномочий, включая обеспечение выполнения требований к антитеррористической защищенности объектов, находящихся в их собственности или в ведении. На юридических и физических лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица либо использующих принадлежащее им имущество в социальных, благотворительных, культурных, образовательных или иных общественно полезных целях, не связанных с извлечением прибыли, возложены обязанности по выполнению требования к антитеррористической защищенности объектов (территорий), используемых для осуществления указанных видов деятельности и находящихся в их собственности или принадлежащих им на ином законном основании (ст. 5, п. 3.1 Закона).

Под антитеррористической защищенностью объекта (территории) в Законе понимается состояние защищенности здания, строения, сооружения, иного объекта, места массового пребывания людей, препятствующее совершению террористического акта. Под местом массового пребывания людей понимается территория общего пользования поселения или городского округа, либо специально отведенная территория за их пределами, либо место общего пользования в здании, строении, сооружении, на ином объекте, на которых при определенных условиях может одновременно находиться более пятидесяти человек (ст. 3).

Таким образом, обязанность по обеспечению антитеррористической защищенности объектов (территорий) образования установлена на законодательном уровне.

В соответствии с Федеральным законом от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»² (далее — Закон «Об образовании в РФ») создание безопасных условий обучения и воспитания обучающихся, присмотра и ухода за ними, их содержания в соответствии с установленными нормами, обеспечивающими жизнь и здоровье обучающихся, работников образовательной организации непосредственно отнесено к компетенции образовательной организации, за невыполнение или ненадлежащее выполнение которых последняя несет ответственность в установленном законодательством Российской Федерации порядке (ст. 28).

Мероприятия по обеспечению жизни и здоровья обучающихся в образовательной организации, среди прочего, включают обеспечение их безопасности и профилактику несчастных случаев с ними во время пребывания в организации, осуществляющей общеобразовательную деятельность (ст. 41 Закона «Об образовании в РФ»).

2 августа 2019 года Постановлением Правительства Российской Федерации № 1006 утверждены требования к антитеррористической защищенности объектов (территорий) Министерства просвещения Российской Федерации и объектов (территорий), относящихся к сфере деятельности Министерства просвещения Российской Федерации (детские сады, школы, профессиональные образовательные организации, учреждения дополнительного образования)³.

¹ О противодействии терроризму: федер. закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // Рос. газета. 10.03.2006. № 48.

² Об образовании в Российской Федерации: федер. закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 30.04.2021) // Рос. газета. 31.12.2012. № 303.

³ Об утверждении требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий) Министерства просвещения Российской Федерации и объектов (территорий), относящихся к сфере деятельности Министерства просвещения Российской Федерации, и формы паспорта безопасности этих объектов (территорий): постановление Правительства РФ от 02.08.2019 № 1006 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 32. Ст. 4716.

Требования к антитеррористической защищенности объектов (территорий) науки и высшего образования, относящихся к сфере деятельности Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, утверждены постановлением Правительства Российской Федерации от 07.11.2019 № 1421¹.

Для определения конкретных мероприятий по обеспечению антитеррористической защищенности образовательным организациям необходимо провести категорирование и паспортизацию каждого объекта (территории), правообладателем которого они являются. В зависимости от степени угрозы совершения террористического акта и возможных последствий его совершения (прогнозируемых количества пострадавших, размера причинения материального ущерба и ущерба окружающей природной среде) объектам (территориям), относящимся к сфере деятельности Министерства просвещения Российской Федерации, присваиваются с 1-й по 4-ю категории опасности, объектам (территориям), относящимся к сфере деятельности Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, — с 1-й по 3-ю категории опасности.

При этом комплекс мер для всех видов образовательных организаций идентичен и включает в себя мероприятия, направленные:

- а) на воспрепятствование неправомерному проникновению на объекты (территории);
- б) выявление нарушителей установленных на объектах (территориях) пропускного и внутриобъектового режимов и (или) признаков подготовки или совершения террористического акта;
- в) пресечение попыток совершения террористических актов на объектах (территориях);
- г) минимизацию возможных последствий совершения террористических актов на объектах (территориях) и ликвидацию угрозы их совершения;
- д) обеспечение защиты служебной информации ограниченного распространения, содержащейся в паспорте безопасности и иных документах объектов (территорий), в том числе служебной информации ограниченного распространения о принимаемых мерах по антитеррористической защищенности объектов (территорий);
- е) выявление и предотвращение несанкционированного проноса (провоза) и применения на объекте (территории) токсичных химикатов, отравляющих веществ и патогенных биологических агентов, в том числе при их получении посредством почтовых отправлений.

16 декабря 2019 года вступил в силу Федеральный закон от 16.12.2019 № 441-ФЗ², которым в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях введена ст. 20.35, предусматривающая ответственность за нарушение требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий) либо воспрепятствование деятельности лица по осуществлению возложенной на него обязанности по выполнению или обеспечению требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий). Совершение правонарушения влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от 3 тыс. руб. до 5 тыс. руб.; на должностных лиц — от 30 тыс. руб. до 50 тыс. руб. или дисквалификацию на срок от 6 месяцев до 3 лет; на юридических лиц — от 100 тыс. руб. до 500 тыс. руб.

Органами прокуратуры края регулярно проводятся проверки обеспечения безопасности и антитеррористической защищенности образовательных организаций Пермского края. По результатам таких проверок отмечается недостаточность принимаемых образовательными организациями и их учредителями мер по устранению выявленных нарушений, ряд из которых носит длящийся характер, особенно в части инженерно-технической укреплен-

¹ Об утверждении требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий) Министерства науки и высшего образования Российской Федерации...

² О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 16.12.2019 № 441-ФЗ // Рос. газета. 19.12.2019. № 286.

ности объектов, что зачастую обусловлено нехваткой финансовых средств, а также ненадлежащим принятием руководителями организационно-распорядительных решений.

Рядом городских и районных прокуроров вскрыты факты занижения категории опасности детских садов путем уменьшения возможных экономического ущерба и (или) людских потерь в случае совершения террористического акта.

Повсеместно прокурорами отмечаются несоблюдение сроков проведения категорирования и паспортизации объектов, отсутствие охранной сигнализации, специализированной физической охраны, помещений для нее, должного пропускного и внутриобъектового режимов, контроля за их функционированием, системы автономного речевого оповещения и управления эвакуацией, ограждения, нарушение его целостности, недостаточность стационарных или ручных металлоискателей, периметрального охранного освещения, видеокамер, нарушение месячного срока хранения видеозаписей.

Отдельными прокурорами пресечены факты размещения в сети Интернет электронных копий паспортов антитеррористической защищенности объектов образования, возложения ответственности за выполнение мероприятий по антитеррористической защищенности на лиц, не наделенных организационно-распорядительными функциями (воспитателей, завхозов, кладовщиков, секретарей и др.).

По-прежнему не исключены случаи отсутствия на объектах образования наглядной информации о порядке действий при обнаружении подозрительных лиц, предметов, угрозе совершения террористического акта, непроведения с работниками практических занятий, тренировок, инструктажей, неисполнения планов обеспечения антитеррористической защищенности объектов и взаимодействия с территориальными правоохранительными органами по вопросам предупреждения терроризма и экстремизма.

Положение о пропускном и внутриобъектовом режимах не соответствует установленным законодательством требованиям, утверждается без согласования с руководителем охранной организации, не определяет перечень запрещенных к проносу на территорию предметов, веществ и устройств. При организации профессиональной охраны объекта время охраны объекта устанавливается без учета режима работы образовательной организации, к охране которой также допускаются сотрудники, не имеющие справок об отсутствии судимости, средств индивидуальной бронезащиты, удостоверений частных охранников и не обучавшиеся по специальности «Частный охранник».

Всего в 2020 году органами прокуратуры края опротестовано порядка 130 незаконных правовых актов, внесено более 250 представлений, к дисциплинарной ответственности привлечено порядка 300 должностных лиц, к административной ответственности по ст. 20.35 КоАП РФ — три лица, в суд направлено свыше 85 исковых заявлений.

В этой связи, а также учитывая количество совершаемых в последнее время вооруженных нападений на образовательные организации, приведших к гибели обучающихся и сотрудников, от уполномоченных органов и организаций требуется обеспечение комплексного подхода по соблюдению безопасности и антитеррористической защищенности объектов (территорий) образования, включающего вопросы достаточного и целенаправленного финансирования на указанные цели, ужесточение ведомственного контроля, начиная с готовности образовательных организаций к началу нового учебного года.

В заключение хотелось бы отметить, что 10.04.2020 письмом Минкомсвязи России № ЛБ-С-088-8929¹ в регионы направлены методические рекомендации для общеобразова-

¹ О направлении методических рекомендаций (вместе с «Методическими рекомендациями для общеобразовательных организаций по обеспечению комплексной безопасности»); письмо Минкомсвязи России от 10.04.2020 № ЛБ-С-088-8929 // Официальные документы в образовании. 2020. № 14, 15. Май.

тельных организаций по обеспечению комплексной безопасности, которые включают вопросы антитеррористической защищенности объектов (территорий) образования, подготовленные рабочей группой по вопросам совершенствования государственной политики в сфере развития информационного общества Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству и Роспотребнадзором и доработанные с учетом замечаний и предложений Минпросвещения России, МЧС России, Минтранса России, МВД России, Рособнадзора, Роскомнадзора, Следственного комитета России и Генеральной прокуратуры России.

Таким образом, органами государственной власти, ответственными за обеспечение безопасности образовательных организаций, ведется комплексная работа по совершенствованию правовой и методической основ деятельности по укреплению антитеррористической защищенности объектов образования, что имеет большое значение для противодействия терроризму в образовательной среде.

Библиографический список

1. Анюров Ф. Ф. Вопросы организации антитеррористической защищенности и охраны образовательных учреждений // Педагогика и современное образование: традиции, опыт и инновации: материалы XII Междунар. науч.-практ. конф. Пенза, 2015. С. 29–31.
2. Загребина Е. И. К вопросу комплексной безопасности образовательных организаций // Казанский педагогический журнал. 2015. № 1(108). С. 97–103.
3. Козеев А. Г. Практика регулирования нормативных требований к охране образовательных учреждений на примере Пермского края // Комплексная безопасность образовательных организаций: теория и практика: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. Уфа, 2017. С. 72–73.
4. Толмачева М. Ю., Киладзе М. Л. Экстремизм и терроризм — реальная угроза безопасности современного общества // Вестник Прикамского социального института. 2018. № 2 (80). С. 59–68.
5. Унусян У. В. К вопросу безопасности образовательных учреждений // Вестник РУДН. Сер. «Государственное и муниципальное управление». 2017. № 4. С. 326–332.

Брылева Е. А. Право осужденных на образование (обзор современных исследований) // Вестник Прикамского социального института. 2021. № 1 (88). С. 27–30.

Bryleva E. A. The right of prisoners to education (review of modern research). *Bulletin of Prikam-sky Social Institute*. 2021. No. 1 (88). Pp. 27–30. (In Russ.)

УДК 343.8

Е. А. Брылева

Пермский институт ФСИН России, Пермь, Россия

ПРАВО ОСУЖДЕННЫХ НА ОБРАЗОВАНИЕ (ОБЗОР СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

Брылева Елена Александровна — кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры «Гражданско-правовые дисциплины», полковник внутренней службы.

E-mail: elenbrylev@yandex.ru

В статье рассматриваются основные принципы реализации права на образование осужденных в воспитательных колониях, организационные требования к обеспечению этой деятельности. Выделяются основные проблемы, поднимаемые в работах современных исследователей по этой теме. Подчеркивается, что реализация права на образование осужденными является одним из главных условий их ресоциализации.

Ключевые слова: право на образование, осужденные, воспитательные колонии, ресоциализация.

E. A. Bryleva

Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Perm, Russia

THE RIGHT OF PRISONERS TO EDUCATION (REVIEW OF MODERN RESEARCH)

Bryleva Elena A. — Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Civil Law Disciplines, Colonel of Internal Service.

The article examines the basic principles of the realization of the right to education of convicts in educational colonies, the organizational requirements for ensuring this activity. The main problems raised in the works of modern researchers on this topic are highlighted. It is emphasized that the realization of the right to education by convicts is one of the main conditions for their re-socialization.

Keywords: the right to education, convicts, educational colonies, resocialization.

Согласно действующему уголовно-исполнительному законодательству несовершеннолетние осужденные отбывают наказание в воспитательных колониях.

В соответствии со ст. 43 Конституции Российской Федерации каждый имеет право на образование, причем обязательное основное общее образование¹. Организация общего образования несовершеннолетних осужденных осуществляется в соответствии с положениями Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»². Получение образования в воспитательных колониях гарантируется Уголов-

¹ Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020 (дата обращения: 14.04.2021).

² Об образовании в Российской Федерации (ред. 30.04.2021): федер. закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ // Рос. газета. 31.12.2012. № 303.

но-исполнительным кодексом Российской Федерации¹, а также Приказом Министерства юстиции от 21 ноября 2005 г. № 223 «Об организации получения осужденными основного общего и среднего (полного) общего образования в вечерней (сменной) общеобразовательной школе воспитательной колонии уголовно-исполнительной системы»².

Осужденные, отбывающие наказание в воспитательных колониях, получают основное общее и среднее (полное) общее образование в школе воспитательной колонии. Учредителем школы является Федеральная служба исполнения наказаний.

Директор школы назначается Федеральной службой исполнения наказаний.

При необходимости ФСИН может создать специальную школу для неразвитых детей, при этом наполняемость специальных классов не должна превышать 16 человек.

Наполняемость в классах специальных (коррекционных) школ меньше, чем в обычных школах. Согласно п. 10 Положения об организации получения осужденными основного общего и среднего (полного) образования в вечерней образовательной школе воспитательной колонии уголовно-исполнительной системы, утвержденному 21 ноября 2005 г., наполняемость классов в обычной школе не должна превышать 25 человек.

Получение образования является таким важным направлением, что даже осужденным, находящимся в режиме следственного изолятора при воспитательной колонии, предоставляются условия для получения образования.

Данная проблематика весьма актуальна и в последние годы стала объектом пристального внимания целого ряда ученых.

Так, в исследовании Г. А. Ванина рассматриваются проблемы в сфере реализации права осужденных на образование, в частности, автор отмечает, что часто усилия педагогов и психологов исправительных учреждений приводят к отрицательным результатам вследствие неверных действий сотрудников оперативных служб [1, с. 73]. Данная проблема говорит о необходимости привлечения в образовательные школы исправительных колоний квалифицированных кадров, не только имеющих знания в области педагогики и психологии, но и владеющих основами оперативной работы.

Зачастую у осужденных отсутствует психологическая готовность и желание получать образование. Социальная изоляция, низкий уровень жизни и нахождение в местах лишения свободы отражаются на психике осужденных и становятся серьезным препятствием для эффективной работы психологов и педагогических коллективов.

Отсутствие финансирования большинства колоний является еще одной проблемой. В последние годы внимание федеральных органов управления УИС ослаблено. Колонии не обеспечиваются новыми учебными пособиями, крайне редко в колониях используются учебно-наглядные пособия. Приобретение книг и современного оборудования становится препятствием для получения полноценного образования, эффективность работы попечительских советов при колониях остается крайне низкой.

Анализ нормативно-правового регулирования данной сферы представлен в работе М. С. Куликовой. Автор приходит к выводу, что для реализации права осужденных, отбывающих наказания в местах лишения свободы, на получение образования имеется достаточная правовая база. Право осужденных к лишению свободы на образование закреплено как в международных стандартах, так и в национальном законодательстве, создана и система соответствующих гарантий их [5, с. 132]. Исследователь обращает внимание на тот

¹ Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 05.04.2021) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 2. Ст. 198.

² Об организации получения осужденными основного общего и среднего (полного) общего образования в вечерней (сменной) общеобразовательной школе воспитательной колонии уголовно-исполнительной системы: приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 21 нояб. 2005 г. № 223 // Рос. газета. 9.12.2005. № 278.

факт, что, согласно Правилам внутреннего распорядка воспитательных колоний уголовно-исполнительной системы Минюста России¹, обучение осужденных, находящихся в данных учреждениях, в общеобразовательной школе, профессиональном училище должно проходить в специальном кабинете, оборудованном в изолированном помещении (п. 107). Кроме того, данным нормативно-правовым актом на администрацию воспитательных колоний возложена обязанность по созданию условий для заочного обучения осужденных в образовательных учреждениях среднего и высшего профессионального образования.

Сопоставительный анализ реализации права на образование осужденных в РФ и зарубежных странах представлен в работе К. А. Гермони [2].

Аналогично в статье А. С. Кобелевой и Е. Г. Копалкиной анализируется роль высшего образования в ресоциализации лиц, находящихся в исправительных учреждениях, а также в профилактике рецидивной преступности. Авторы обозначают важнейшие проблемы, существующие в получении высшего образования в местах лишения свободы. В исследовании на основе актуальных публичных статистических данных ФСИН России раскрывается содержание деятельности по реализации права осужденных на получение высшего образования. Сравнивая отечественный и зарубежный опыт реализации различных образовательных программ в местах лишения свободы, авторы подчеркивают необходимость качественной трансформации инфраструктуры высшего образования в пенитенциарной системе России [4].

Отдельные аспекты проблемы изучены такими авторами, как В. М. Сапогов, В. С. Зайцев, А. А. Проценкова, С. С. Журавская, О. Ф. Нимарицына [3; 6; 7; 8].

Таким образом, исследователи приходят к выводу, что качественная организация образовательного процесса выполняет воспитательную функцию, а также обеспечивает подготовку осужденных к самостоятельной жизни — как в воспитательной колонии, так и после освобождения.

Получение образования, прохождение профессиональной подготовки осужденными является одним из главных направлений деятельности в воспитательных колониях, так как не все осужденные могут привлекаться к труду и не все имеют профессии. Осужденные получают навыки по специальностям, по которым они смогут работать в колонии во время отбывания наказания, а также в последующее время. Кроме того, воспитательная функция при получении образования направлена на формирование у осужденных законопослушного поведения, добросовестного отношения к труду и учебе, повышение их образовательного и культурного уровня.

Данная деятельность выступает важным направлением реализации уголовно-исполнительной политики и уголовной политики в целом.

На современном этапе именно качественное и доступное образование выступает одним из важнейших факторов исправления личности осужденного; именно образованность — путь к ресоциализации и профилактике повторных преступлений.

Библиографический список

1. Ванин Г. А. Право осужденных к лишению свободы на получение образования // Право и общество в условиях глобализации: перспективы развития: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. В. В. Бехер, Н. Н. Лайченковой. Саратов, 2020. С. 73–74.
2. Гермони К. А. Реализация права на образование у осужденных: отечественный и зарубежный опыт // Проблемы и перспективы развития уголовно-исполнительной системы России на

¹ Об утверждении Правил внутреннего распорядка воспитательных колоний уголовно-исполнительной системы (ред. от 29.01.2021): приказ Минюста России от 06.10.2006 № 311 // Рос. газета. 18.10.2006. № 233.

современном этапе: материалы Междунар. науч. конф. адъюнктов, аспирантов, курсантов и студентов. Самара, 2018. С. 55–58.

3. Журавская С. С. Отдельные аспекты права на образование несовершеннолетних осужденных в период отбывания наказания // Преступность в СНГ: проблемы предупреждения и раскрытия преступлений: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Воронеж, 2019. С. 121–122.

4. Кобелева А. С., Копалкина Е. Г. Проблемы получения высшего образования в пенитенциарной системе РФ // Актуальные проблемы развития человеческого потенциала в современном обществе: материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. Пермь, 2019. С. 300–304.

5. Куликова М. С., Кулаков А. В. Правовые основы и гарантии права на образование лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы // Пенитенциарная безопасность: национальные традиции и зарубежный опыт: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием: в 2 ч. Самара, 2020. Ч. 1. С. 132–134.

6. Нимарицына О. Ф. Права осужденных на получение образования в РФ // Науч. электрон. журнал «Меридиан». 2019. № 15 (33). С. 459–461.

7. Прощенкова А. А. Проблемы реализации права на образование несовершеннолетними, осужденными к лишению свободы // Гарантии прав ребенка — безопасность детства: сб. науч. тр. / отв. ред. О. В. Ефимова, А. В. Звонарев. М., 2019. С. 101–105.

8. Сапогов В. М., Зайцев В. С. Организационно-правовые аспекты обеспечения прав осужденных к лишению свободы на образование // Право и наука в современном мире: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Р. В. Новиков, А. М. Бобров. Пермь, 2018. С. 181–185.

Добровлянина О. В. Отдельные следственные действия // Вестник Прикамского социального института. 2021. № 1 (88). С. 31–36.

Dobrovlyanina O. V. Individual investigative actions. *Bulletin of Prikamsky Social Institute*. 2021. No. 1 (88). Pp. 31–36. (In Russ.)

УДК 343.132

О. В. Добровлянина

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

ОТДЕЛЬНЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ

Добровлянина Ольга Владимировна — кандидат юридических наук, доцент кафедры «Уголовный процесс и криминалистика».

E-mail: odobr1@mail.ru

В статье отмечено, что процессуалисты нередко смешивают категории «безотлагательные», «первоначальные», «неотложные» и «отдельные» следственные действия. При этом не все разделяют понимание их сути с позиций процессуальной и криминалистической трактовки. Однако основное внимание в статье уделяется анализу уголовно-процессуального регулирования отдельных следственных действий. Предлагается считать эти следственные действия специальными в силу специфики их производства. Рассматриваются правила Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации о порядке производства отдельных следственных действий в отношении «специальных субъектов». Критически оцениваются положения закона о производстве обыска, осмотра и выемки в отношении адвоката. Обосновывается вывод о необходимости изменения норм производства обыска и других следственных действий, требующих судебного разрешения, в отношении отдельных категорий лиц в сторону упрощения производства. Автор размышляет о целесообразности кардинальных изменений, связанных с возможностью отказа от особого порядка производства следственных действий в отношении «специальных субъектов».

Ключевые слова: следственные действия, отдельные следственные действия, безотлагательные следственные действия, первоначальные следственные действия, неотложные следственные действия, отдельные категории лиц, обыск.

O. V. Dobrovlyanina

Perm State University, Perm, Russia

INDIVIDUAL INVESTIGATIVE ACTIONS

Dobrovlyanina Olga V. — Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor at the Department of Criminal Process and Criminalistics.

E-mail: odobr1@mail.ru

The article notes that processualists often mix the categories of “urgent”, “initial”, and “separate” investigative actions. At the same time, not everyone shares the understanding of their essence from the standpoint of procedural and forensic interpretation. But the main attention in the article is paid to the analysis of the criminal procedure regulation of individual investigative actions. It is proposed to consider these investigative actions special due to the specifics of their production. The article deals with the rules of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation on the procedure for conducting certain investigative actions in relation to “special subjects”. The provisions of the law on search, inspection and seizure in relation to a lawyer are critically evaluated. The author substantiates the conclusion that it is necessary to change the rules on the conduct of searches and other investigative actions that require judicial permission in relation to certain categories of persons in the direction of simplifying the procedure. The author

reflects on the expediency of drastic changes related to the possibility of abandoning the special procedure for conducting investigative actions in relation to “special subjects”.

Keywords: investigative actions, individual investigative actions, urgent investigative actions, initial investigative actions, individual categories of persons, the search.

Проблемам правового регулирования вопросов о понятии, системе и классификации следственных действий уделяется немало внимания [2; 4]. Однако дискуссия продолжается.

Термин «следственное действие» используется в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее — УПК РФ) довольно часто (например, п. 32 ст. 5, ст. 38, ст. 83, ст. 86 УПК РФ и др.)¹. Вместе с тем законодатель выделяет неотложные следственные действия — осуществляемые органом дознания в течение десяти суток после возбуждения уголовного дела, по которому производство предварительного следствия обязательно в целях обнаружения и фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования (п. 19 ст. 5, ч. 5 ст. 152, ст. 157 УПК РФ). По криминалистической сути своей неотложные следственные действия имеют безотлагательный характер и вполне могли именоваться безотлагательными. Однако безотлагательными называют и те первоначальные следственные действия, которые проводятся на стадии возбуждения уголовного дела — первоначальной стадии уголовного судопроизводства — в ходе проверки сообщения о совершенном или готовящемся преступлении с целью обнаружить и закрепить следы преступления, обеспечив таким образом сохранность будущих доказательств. Последнее целесообразно делать без промедления. И в этом случае вновь прослеживается тактическая (криминалистическая) необходимость. Между тем разрешенные на стадии возбуждения уголовного дела следственные действия нередко именуют первоначальными, и суть этого названия, на наш взгляд, логично отражает этап уголовного судопроизводства.

В исключительных случаях, когда производство осмотра жилища, обыска и выемки в жилище, личного обыска, а также выемки заложенной или сданной на хранение в ломбард вещи не терпит отлагательства, указанные следственные действия могут быть произведены на основании постановления следователя или дознавателя без получения судебного решения, но с последующим подтверждением законности действий этих должностных лиц в суде. Представляется, что с процессуальной точки зрения именно перечисленные законодателем в ч. 5 ст. 165 УПК РФ следственные действия следует считать безотлагательными.

Таким образом, несмотря на сохраняющуюся дискуссионность вопроса, полагаем, что с процессуальной (не криминалистической) точки зрения следственные действия можно подразделить на первоначальные, неотложные и безотлагательные, не смешивая эти понятия между собой.

Так сложилось, что процессуалисты, раскрывая сущность какого-либо следственного действия, входящего в систему, предусмотренную в гл. 24–27 УПК РФ, говорят о правилах производства *отдельно* взятого следственного действия. Поэтому нередко именно в этом контексте встречается словосочетание «производство отдельных следственных действий». В юридической литературе также можно обнаружить подход, согласно которому «в понятие “отдельные следственные действия” вкладывается смысл процессуальных средств проверки повода к возбуждению уголовного дела в целях установления наличия достаточных данных, которые бы указывали на признаки преступления» [1, с. 99], что вряд ли уме-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 30.12.2015 № 441-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

стно, так как категории «первоначальные» и «отдельные следственные действия» отождествляются. Однако прежде всего непоследователен законодатель. Так, в п. 4 ч. 2 ст. 38 и п. 3 ч. 1 ст. 39 УПК РФ говорится о том, что следователь и руководитель следственного органа уполномочены давать соответственно органу дознания / следователю поручения/указания о производстве *отдельных* следственных действий. Законодатель также использует эту формулировку, излагая правила осуществления *отдельных* следственных действий в ст. 450 УПК РФ, применительно к отдельным категориям лиц, закрепляя это в названии статьи. Здесь уже прослеживается мысль, что такие следственные действия именуются *отдельными*, потому что для их производства установлен специальный (особый) порядок. Думается, что эти следственные действия правильнее именовать специальными (особыми). Это поможет разграничить такие следственные действия с действиями, выполняемыми, например, по поручению/указанию отмеченных выше должностных лиц. По поводу последнего представляется целесообразным вообще исключить термин «отдельные» из содержания ст. 38 и 39 УПК РФ.

Из анализа положений ст. 450 и 450.1 УПК РФ следует, что к отдельным, а точнее — специальным следственным действиям относятся: обыск в отношении депутата Государственной Думы, обыск в отношении сенатора Совета Федерации¹, обыск в отношении президента РФ, прекратившего исполнение своих полномочий², обыск в отношении Уполномоченного по правам человека в РФ (ч. 3 ст. 450 УПК РФ); обыск в отношении судьи (ч. 4 ст. 450 УПК РФ); обыск, осмотр и выемка в отношении адвоката (ст. 450.1 УПК РФ), а также следственные действия, осуществляемые не иначе как на основании судебного решения, в отношении специального субъекта (с особым правовым статусом), если уголовное дело в его отношении не было возбуждено или такое лицо не было привлечено в качестве обвиняемого (ч. 5 ст. 450 УПК РФ).

Проблемы правового регулирования отдельных (специальных) следственных действий продолжают оставаться актуальными.

Вызывают вопросы правила об обыске, осуществляемом в порядке ст. 450 и 450.1 УПК РФ. Например, изъятия касаются лишь избранных законодателем отдельных категорий лиц, но даже в отношении указанных в данных нормах специальных субъектов правила об обыске не унифицированы. Так, в ч. 4 ст. 450 УПК РФ говорится о необходимости получения мотивированного решения Конституционного Суда РФ квалификационной коллегии судей *на производство обыска* у судьи. В то же время в ч. 3 ст. 450 УПК РФ устанавливается правило уже *об исполнении судебного решения о производстве обыска* в отношении депутата Государственной Думы и других указанных в этой части статьи субъектов с особым правовым статусом. Причем формулировка позволяет гадать, чье согласие — Совета Федерации или Государственной Думы — необходимо для обыска у экс-президента или Уполномоченного по правам человека в РФ.

Получается, что гарантии для судей иные, нежели для других названных лиц. Также по ч. 3 ст. 450 УПК РФ не вполне ясно, решение какого «соответствующего» суда вместе с представлением председателя Следственного комитета РФ должно поступить в Конституционный суд РФ или в квалификационную коллегию судей для получения мотивированного решения о даче согласия на обыск. Данная норма была сформулирована в тот момент, когда действовало правило об обязательном заключении суда о наличии или отсутствии

¹ Очевидно, что в гл. 52 УПК РФ требуется изменить словосочетание «член Совета Федерации» на «сенатор Совета Федерации», так как УПК РФ не должен противоречить Конституции РФ.

² С учетом положений Федерального закона от 22 дек. 2020 г. № 462-ФЗ «О внесении изменения в статью 3 Федерального закона “О гарантиях Президенту Российской Федерации, прекратившему исполнение своих полномочий, и членам его семьи”» // Рос. газета. 2020. 28 дек.

признаков преступления в действиях судьи. Между тем в рамках существующей процессуальной реальности получается, что это положение следует толковать в смысле ч. 2 ст. 165 УПК РФ, то есть речь идет о районном или военном суде соответствующего уровня по месту производства предварительного следствия или производства следственного действия. После получения разрешения на производство обыска в таком суде председатель Следственного комитета РФ должен обратиться в Конституционный Суд РФ или в Высшую квалификационную коллегия судей (и только в отношении судьи конституционного (уставного) суда необходимо обращаться в квалификационную коллегия судей субъекта РФ) для получения мотивированного решения *о даче согласия на обыск*. И это всё в отношении судьи, лишённого неприкосновенности (в силу ч. 1 ст. 450 УПК РФ) — двойной контроль, целесообразность которого следует поставить под сомнение. Не ясно также, каких видов обыска касаются изъятия, включается ли сюда личный обыск. Если да, то возможны ли исключительные случаи личного обыска (ч. 2 ст. 184 УПК РФ) в отношении отдельных категорий лиц. Необходимы разъяснения.

В апреле 2017 года появилась ст. 450.1 УПК РФ, посвященная особенностям производства обыска, осмотра и выемки в отношении адвоката. С одной стороны, были повышены гарантии, связанные со статусом адвоката, но, с другой стороны, появились так называемые привилегии, которыми не обладают другие лица отдельных категорий. Так, следственное действие «осмотр служебного помещения, занимаемого адвокатом и используемого им для осуществления адвокатской деятельности» должно проводиться на основании судебного решения. А как, к примеру, обеспечить внезапность обыска, если для участия в его производстве требуется пригласить члена совета адвокатской палаты субъекта РФ (их 15). В качестве альтернативы всё же допускается присутствие иного представителя, которого уполномочил президент адвокатской палаты. Таким образом, в известность о производстве обыска в помещении адвоката должен быть обязательно поставлен президент адвокатской палаты субъекта РФ. Необходимо официальное обращение в адвокатскую палату. Вряд ли при таких обстоятельствах сам адвокат останется не в курсе предстоящего обыска. Каковы временные рамки решения этих «подготовительных» вопросов? Каковы права, обязанности, ответственность представителя палаты, который, получается, не наделен статусом участника уголовного судопроизводства? Каким образом явившийся представитель будет обеспечивать неприкосновенность предметов и сведений, составляющих адвокатскую тайну? Законодатель на эти вопросы прямых ответов не дает. А имеющиеся Методические рекомендации для представителя адвокатской палаты при производстве обыска, осмотра и выемки в отношении адвоката¹, которыми, по сути, восполнены пробелы в положениях УПК РФ (!), не обязательны для следователя. И только, очевидно, осмотр места происшествия, находящегося в служебном помещении адвоката, осуществляемый на стадии возбуждения уголовного дела, возможен без участия члена совета адвокатской палаты субъекта РФ, но... лишь при невозможности обеспечения его участия. При этом сам по себе осмотр места происшествия — служебного помещения адвоката может быть осуществлен до вынесения судьей постановления о разрешении производства этого следственного действия только в случае, если в указанном помещении были обнаружены признаки совершения преступления. Это только малая часть вопросов, возникающих по поводу правового регулирования производства отдельных следственных действий в отношении адвоката². Полагаем, что для следователей в связи с таким особым (можно ска-

¹ Методические рекомендации для представителя адвокатской палаты при производстве обыска, осмотра и выемки в отношении адвоката: утв. решением Совета Федеральной палаты адвокатов (протокол от 16 мая 2017 г. № 2).

² Положения ст. 450.1 УПК РФ, без сомнения, заслуживают отдельного исследования.

зять, исключительным!) регулированием необходимо издать отдельную инструкцию о производстве следственных действий в отношении адвоката, дабы они не упустили из виду многочисленных деталей. Сегодня следователю перед осуществлением следственных действий — обыска, выемки, осмотра — надлежит тщательно проверять, не имеет ли отношения к исследуемому объекту лицо с особым правовым статусом, чтобы обеспечить особые права последнего. Это необходимо делать и суду, принимающему решение по ходатайству следователя о производстве следственного действия. Так, вышестоящий суд отменил постановления нижестоящих инстанций, которые санкционировали проведение обыска, не проверив, является ли собственник жилого помещения адвокатом¹.

В целом положения ст. 450.1 УПК РФ оцениваются учеными с разных сторон критически. Так, В. А. Семенцов, сетуя, что «на практике имеют место случаи фактической подмены осмотра обыском», справедливо отмечает: «...тем более что ч. 2 ст. 450.1 УПК РФ хотя и косвенно, но подтверждает это, допуская возможность отыскания конкретных объектов не только при производстве обыска, но также выемки и осмотра» [3, с. 59–60].

И наконец, ч. 5 ст. 450 УПК РФ предусматривает правило о проведении следственных действий, осуществляемых на основании судебного решения, в отношении любого специального субъекта, если он еще не является подозреваемым или обвиняемым — с согласия суда, указанного в ст. 448 УПК РФ. При этом такие следственные действия становятся отдельными следственными действиями, потому что для их производства установлен специальный порядок.

Однако ст. 448 УПК РФ подверглась редактированию 25.12.2008 в связи с принятием Федерального закона № 280-ФЗ², в результате чего положения о судебных заключениях, которые необходимо было ранее получать при возбуждении уголовных дел в отношении ряда специальных субъектов, утратили силу. А вот ч. 5 ст. 450 УПК РФ не изменилась. Следовательно, до сих пор так и не ясно, какой суд должен сегодня давать «согласие» на производство отдельных следственных действий.

Если учитывать изначальный смысл нормы, то получается, что указанное правило в существующей редакции применимо лишь в отношении Генерального прокурора РФ (п. 2 ч. 1 ст. 448 УПК РФ) и председателя Следственного комитета РФ (п. 2.1 ч. 1 ст. 448 УПК РФ), для которых «сохранилось» заключение Верховного Суда РФ. Именно Верховный Суд РФ должен санкционировать производство следственных действий, требующих судебного разрешения³ (это внушительный перечень согласно ч. 2 ст. 29 УПК РФ), и в отношении только указанных лиц. Для других отдельных категорий лиц ныне действует общий порядок. Но к чему такая избирательность законодателя? К слову, установленный ч. 3 ст. 450.1 УПК РФ порядок производства следственного действия «осмотр жилых и служебных помещений, используемых для осуществления адвокатской деятельности», — это, по сути, вариация ч. 5 ст. 450 УПК РФ, так как речь в ней идет об отдельном (специальном) следственном действии, предполагающем по общему правилу получение решения суда, в отношении специального субъекта — адвоката, который не является подозреваемым или обвиняемым. И ответ на вопрос о том, какой суд должен решать эту проблему, абсолютно ясен (в отличие от других специальных субъектов): на основании п. 5.2 ч. 2

¹ Адвокатская газета. 2018. 6 июня. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/obysk-v-dome-advokata-v-svyazi-s-ugolovnym-delom-v-otnoshenii-ego-syna-priznan-nezakonnym/> (дата обращения: 03.06.2021).

² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 года и Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 года и принятием Федерального закона «О противодействии коррупции»: федер. закон от 25 дек. 2008 г. № 280-ФЗ // Рос. газета. 2008. 30 дек.

³ В Федеральном конституционном законе «О Верховном Суде РФ» от 5 февр. 2014 г. № 3-ФКЗ (ред. от 02.08.2019 № 4-ФКЗ) такое полномочие Верховного Суда РФ указано в п. 4 ч. 7 ст. 2.

ст. 29 УПК РФ — это районный суд и военный суд соответствующего уровня, которые согласно ч. 9 ст. 31 УПК РФ принимают в ходе досудебного производства по уголовному делу решения, указанные в ч. 2 ст. 29 УПК РФ.

Вывод напрашивается противоречивый: либо это проявление несовершенства законодательной техники (не скорректированы связанные между собой нормы уголовно-процессуального закона — ст. 448 и ст. 450 УПК РФ), либо законодатель сохранил правило о получении согласия суда на производство отдельных следственных действий в отношении только двух категорий субъектов — Генерального прокурора РФ и председателя Следственного комитета РФ. Последнее довольно сомнительно. Согласно Конституции РФ¹ неприкосновенностью обладают депутаты Государственной Думы РФ, сенаторы Совета Федерации (ст. 98), президент, прекративший исполнение своих полномочий (ст. 92.1), а также судьи (ст. 122), а не Генеральный прокурор РФ и председатель Следственного комитета РФ. Кроме того, для последних фактически устанавливаются привилегии. Полагаем, что целесообразно отказаться от ч. 5 ст. 450 УПК РФ, распространив общий порядок производства следственных действий, требующих судебного разрешения, в отношении всех субъектов с особым статусом, указанных в ч. 1 ст. 447 УПК РФ. Предусмотренный ч. 2 ст. 29 и ч. 2 ст. 165 УПК РФ судебный порядок санкционирования данных следственных действий должен быть достаточной гарантией соблюдения прав указанных лиц². Предлагаемые изменения существенно упростят процедуру расследования уголовного дела.

Изложенные проблемы правового регулирования производства отдельных (специальных) следственных действий требуют внимания законодателя.

Библиографический список

1. Бочинин С. А. Основания классификации следственных действий в уголовном судопроизводстве России // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2011. № 3 (17). С. 96–104.
2. Россинский С. Б. Следственные действия: монография. М., 2018. 240 с.
3. Семенцов В. А. О творческом наследии профессора С. А. Шейфера и его значении для формирования научных взглядов на проблемы производства следственных действий // Юридический вестник Самарского университета. 2017. Т. 3, № 4. С. 58–62.
4. Яковлева С. А., Шарова Д. В. Уголовно-процессуальное регулирование понятия и системы следственных действий // Вестник Марийского государственного университета. Сер. «Исторические науки. Юридические науки». 2020. Т. 6, № 2. С. 187–195.

¹ Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020 (дата обращения: 01.06.2021).

² В связи с этим необходимо повышать качество работы судов, осуществляющих судебный контроль в досудебном уголовном судопроизводстве.

Третьякова Е. А., Алферова Т. В., Шилова Е. В. Роль научно-образовательного центра в обеспечении социально-экономического развития региона // Вестник Прикамского социального института. 2021. № 1 (88). С. 37–52.

Tretyakova E. A., Alferova T. V., Shilova E. V. The role of research and education center in ensuring the socio-economic development of regions. *Bulletin of Prikamsky Social Institute*. 2021. No. 1 (88). Pp. 37–52. (In Russ.)

УДК 332.055.2, 51-7

Е. А. Третьякова, Т. В. Алферова, Е. В. Шилова

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

РОЛЬ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ЦЕНТРА В ОБЕСПЕЧЕНИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Третьякова Елена Андреевна — доктор экономических наук, профессор кафедры «Мировая и региональная экономика, экономическая теория».

E-mail: E.A.T.pnrpu@yandex.ru

Алферова Татьяна Викторовна — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Менеджмент».

E-mail: talferova68@mail.ru

Шилова Елена Валерьевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Менеджмент».

E-mail: elena-7700@mail.ru

В статье исследуется влияние научно-образовательных центров (НОЦ) на развитие регионов посредством подготовки кадров, создания инноваций, трансфера и коммерциализации технологий, востребованных в современной экономике знаний. Цель исследования — оценка вклада НОЦ в развитие регионов путем установления зависимости между показателями деятельности НОЦ и социально-экономическими показателями регионов. Доказательное обоснование данной зависимости с помощью экономико-математического моделирования и применение полученных моделей для прогнозирования возможных сценариев регионального развития формируют новизну и практическую значимость исследования. Исходными данными для анализа и моделирования послужили социально-экономические показатели регионов Приволжского и Уральского федеральных округов за период 2013–2017 годов. Методологическая основа статьи — труды отечественных и зарубежных ученых, рассматривающих вопросы интеграции науки, образования и бизнеса, их взаимного влияния и перспективы развития. Методический инструментарий: системный, логический, статистический, корреляционно-регрессионный методы анализа и экономико-математическое моделирование. Основные результаты исследования: установлен ряд статистических зависимостей между затратами на исследования и разработки, численностью персонала, занятого данными разработками, и числом выданных патентов, разработанных передовых производственных технологий, объемом выпуска инновационной продукции, и в конечном итоге величиной ВРП; построены статистически значимые модели, позволившие произвести прогнозные расчеты динамики социально-экономических показателей Пермского края до 2024 года. Основные выводы исследования: увеличение финансирования науки и образования влечет за собой рост ВРП, увеличение доходов консолидированного бюджета, повышение среднедушевых доходов населения, снижение численности занятых и повышение производительности труда.

Ключевые слова: научно-образовательные центры, регион, социально-экономическое развитие, региональное развитие, региональная экономика.

E. A. Tretyakova, T. V. Alferova, E. V. Shilova
Perm State University, Perm, Russia

THE ROLE OF RESEARCH AND EDUCATION CENTER IN ENSURING THE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF REGION

Tretyakova Elena A. — Doctor of Economic Sciences, Professor at the Department of World and Regional Economy, Economic Theory.

Alferova Tatiana V. — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor at the Department of Management.

Shilova Elena V. — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor at the Department of Management.

The article examines the impact of research and education centers (RECs) on the development of regions through training, innovation, transfer and commercialization of technologies that are in demand in the modern knowledge economy. The purpose of the study is to assess the contribution of RECs to the development of regions by establishing a relationship between the performance indicators of RECs and socio-economic indicators of regions. The evidence-based justification of this dependence using economic and mathematical modeling and the use of the obtained models for predicting possible scenarios of regional development form the novelty and practical significance of the study. The initial data for analysis and modeling were socio-economic indicators of the Volga and Ural Federal districts for the period 2013-2017. The methodological basis of the article is the works of domestic and foreign scientists who consider the issues of integration of science, education and business, their mutual influence and development prospects. Methodological tools: system, logical, statistical, correlation and regression analysis methods, economic and mathematical modeling. Main findings: a number of statistical dependency between the cost of research and development, the number of personnel involved in these developments, and the number of issued patents developed by the advanced manufacturing technology, volume of innovative output and ultimately the size of GRP; it built a statistically significant model that will allow to make the forecast calculations of the dynamics of socio-economic indicators of the Perm region until 2024. The main findings of the study: the increased funding of science and education entails the GRP growth, the increase in revenues of the consolidated budget, increased per capita incomes, reducing employment, increasing productivity.

Keywords: scientific and educational centers, region, socio-economic development, regional development, regional economy.

Введение

Одним из направлений национального проекта «Наука», разработанного во исполнение Указа Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»¹, является «создание не менее пятнадцати научно-образовательных центров на основе интеграции университетов и научных организаций и их кооперации с реальным сектором экономики»². Данное решение обусловлено тем, что сегодня экономические системы разного уровня (мировые, национальные, региональные) переживают трансформацию от экономических структур индустриального типа к экономикам, основанным на знаниях, информации, технологиях и пр. В рамках данного тренда научно-образовательные

¹ О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: указ Президента Рос. Федерации от 7 мая 2018 г. № 204. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71837200/> (дата обращения: 12.08.2019).

² Паспорт национального проекта «Наука», утв. президиумом Совета при Президенте Рос. Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 3 сент. 2018 г. № 10). URL: <http://government.ru/projects/selection/740/35565/> (дата обращения: 12.08.2019).

центры (НОЦ) выступают ключевыми научно-технологическими, социальными, предпринимательскими акторами, стимулирующими и координирующими эти процессы.

В связи с этим целью исследования является анализ и оценка вклада НОЦ в социально-экономическое развитие регионов на примере Приволжского и Уральского федеральных округов. Основными задачами исследования является установление зависимости между показателями деятельности НОЦ и показателями деятельности регионов, характеризующими их социально-экономическое развитие; определение тесноты связи между ними; расчет прогнозных значений показателей социально-экономического развития регионов экономико-математическими методами.

Новизну и оригинальность работы формирует постановка новой исследовательской задачи, заключающейся: а) в доказательном обосновании связи между деятельностью НОЦ и социально-экономическим развитием регионов с использованием экономико-математического моделирования; б) в использовании методики для целей прогнозирования возможных сценариев регионального развития.

Практическая значимость работы заключается в развитии механизмов регионального управления путем возможности расчета прогнозных значений показателей, характеризующих социально-экономическое развитие регионов для принятия взвешенных управленческих решений.

1. Степень проработанности темы

Изначально перспективы создания НОЦ обсуждались в контексте модернизации системы высшего образования России и были направлены на повышение конкурентоспособности вузов, совершенствование их структуры, активизацию исследовательской функции, коммерциализацию научных разработок и их внедрение в образовательный процесс [2, с. 51; 8, с. 64]. Сегодня НОЦ отводится ключевая роль в новой экономике знаний. Как правило, авторы рассматривают их влияние на развитие региональных экономических систем путем подготовки высококвалифицированных кадров для регионального рынка труда [16, с. 51; 9, с. 1125; 5, с. 174; 15, с. 101; 6, с. 13 и др.], при этом отмечают их классические функции: обучения, морального воспитания, развития науки и т. д. [14, с. 480; 10, с. 97].

Наряду с базовыми функциями (образовательной и исследовательской), авторы J. V. Goddard, P. Chatterton [25, p. 475], Д. Батлер, Д. Гибсон [1, с. 43], М. А. Каменских [6, с. 13–14], О. В. Перфильева [14, с. 481], В. Zuti, M. Lukovics [29, p. 1310], Д. К. Нуртаева [12, с. 220] отмечают «третью миссию» университетов — трансфер и коммерциализацию результатов исследований и разработок, а также содействие национальным и региональным правительствам в переходе к новой экономике. Р. А. Кузьмина, Л. Ю. Писарева [10, с. 98] рассматривают новую социальную роль университетов — развитие окружающей городской среды и интеллектуального пространства локального сообщества, А. Jaeger, J. Korper, [26, с. 2] называют такие социально-культурные последствия и изменяющуюся городскую атмосферу «творческим шумом». Д. Батлер, Д. Гибсон [1, с. 43], П. Рюкер-Шеффер, Б. Фишер, С. Кьероз [16, с. 52] описывают влияние университетов на развитие инновационных экосистем, Д. А. Кайбияйнен [5, с. 176], Л. А. Коршунов, Н. М. Никонов [9, с. 1125] указывают на формирование новой образовательной сетевой среды, Е. Л. Макарова, А. А. Фирсова [11, с. 412] называют новую функцию университетов служением сообществу, или *service to the community*, по мнению Г. В. Суравицкой [17, с. 72] и Arbo, P. Benneworth [23, p. 55], университеты, являясь драйверами регионального развития, влияют на конкурентоспособность регионов.

В целом мнение о том, что университеты являются ключевыми агентами социально-экономического развития регионов, сегодня можно считать окончательно сформированным.

В то же время при оценке роли исследовательских университетов в региональном развитии был выявлен ряд проблем, которые ограничивают четкое понимание этой проблемы. По

мнению П. Рюкер-Шеффер, Б. Фишер, С. Кьероз [16, с. 51], А. Agrawal, I. Cockburn [22, р. 1228], J. Bercovitz, M. Feldman [24, р. 180], М. Buesa et al. [28, р. 463], В. Kotosz [27, р. 45], описанные эффекты проявляются лишь на территории, ограниченной границами региона, поскольку связаны с его промышленной структурой, принципами взаимодействия экономических агентов и характеристиками расположенных в регионе университетов. Р. А. Кузьмина, Л. Ю. Писарева [10, с. 101] указывают на то, что условия развития и специализации экономики региона также оказывают существенное влияние на достижение основных показателей деятельности университетов. Уделив особое внимание определению степени влияния инновационной составляющей деятельности вуза на социально-экономическое развитие региона, авторы пришли к выводу, что в условиях малоинновационной среды это влияние в краткосрочном периоде не проявляется [10, с. 97.]. Кроме того, изменения в самой системе высшего образования обычно имеют долгосрочную перспективу и сопровождаются частыми дискуссиями и обменом различными точками зрения [26, с. 4].

С точки зрения J. В. Goddard, P. Chatterton [25, р. 477] и В. Kotosz [27, р. 45], проблема территориальности довольно сложна и неоднозначна, с одной стороны, университеты существуют в рамках исторического наследия региона и его особенностей с точки зрения экономической базы, региональной политики, региональной системы образования, с другой стороны, деятельность университетов, напротив, часто характеризуются низким уровнем местной территориальной интеграции, регулированием на национальном уровне и тяготением к международным и национальным академическим исследованиям. Более того, зачастую региональные партнеры считают, что наилучшим способом удовлетворения региональных потребностей является функционирование высших учебных заведений в качестве национальных и международных центров обучения и передовых исследований. С этой точки зрения значимость университетов для регионального развития заключается в их способности встраивать приоритеты национальной политики в региональный контекст. При этом международное измерение важно не только для национальных, но и для региональных систем [14, с. 482].

Столь же неоднозначным является влияние НОЦ на конкурентоспособность региона, например, доля высококвалифицированных работников, имеющих высшее образование, как правило, рассматривается в качестве ключевого показателя потенциала экономического роста и обеспеченности региона человеческим капиталом, но только если выпускники остаются в регионе [26, с. 4], используемые в регионе передовые инновационные технологии не всегда получены в региональных НОЦ, и наоборот, инновационные разработки, полученные в НОЦ, не всегда возможно реализовать на территории его расположения просто из-за отсутствия подходящих региональных партнеров.

В этой связи исследования роли НОЦ в социально-экономическом развитии регионов по-прежнему актуальны.

Учитывая сложность и многоаспектность взаимосвязей региональных экономических систем с деятельностью НОЦ, важно понимать, за счет каких факторов детерминировано развитие и каким образом оценивается и измеряется вклад НОЦ в этот процесс. Существующие на сегодняшний день методы исследования подразделяются на качественные и количественные, теоретические и эмпирические [18, с. 578; 14, с. 483]. Наиболее распространенными инструментами исследования являются методы математического линейного программирования, статистические регрессионные методы, кибернетические и когнитивные модели [19, с. 291; 11, с. 412]. Степень влияния, как правило, оценивается в долгосрочном периоде и по измеримым показателям: численности научного персонала, уровню продаж университетских разработок, объему затрат на научные разработки, количеству выданных патентов и защит диссертаций, количеству ежегодно издаваемых научных статей, численности выпускников и пр. [16, с. 52; 20, с. 290, 3, с. 320]. В качестве результирующих показателей авторы используют: коли-

чество инновационных стартапов, рост передовых производственных технологий, ВРП на душу населения, рост занятости и заработной платы, количество малых предприятий, открытых при НОЦ, количество инноваций, внедрением которых занимается НОЦ [13, с. 53; 20, с. 155; 6, с. 17; 4, с. 28; 7, с. 65] и мн. др.

Таким образом, отсутствует не только общая методология оценки вклада НОЦ в региональное развитие, но и единое мнение о составе и качестве применяемых для этих целей показателей, что связано с высокой степенью индивидуальности решаемых задач (специфика региона, специфика НОЦ, специфика исследовательской задачи и др.).

2. Инструментарий исследования

Основная гипотеза исследования состоит в том, что создание научно-образовательного центра в регионе позволяет интегрировать возможности науки, образования и бизнеса, добиться положительной синергии в обеспечении устойчивого социально-экономического развития данного региона. Для подтверждения гипотезы был проведен анализ влияния показателей деятельности НОЦ на экономику регионов Приволжского и Уральского федеральных округов, в которых расположены участники центра, корреляционно-регрессионным методом. Роль участников НОЦ с точки зрения каналов их воздействия на экономику регионов и планируемых результатов отображена на рис. 1.

Рис. 1. Роль участников НОЦ в обеспечении социально-экономического развития региона

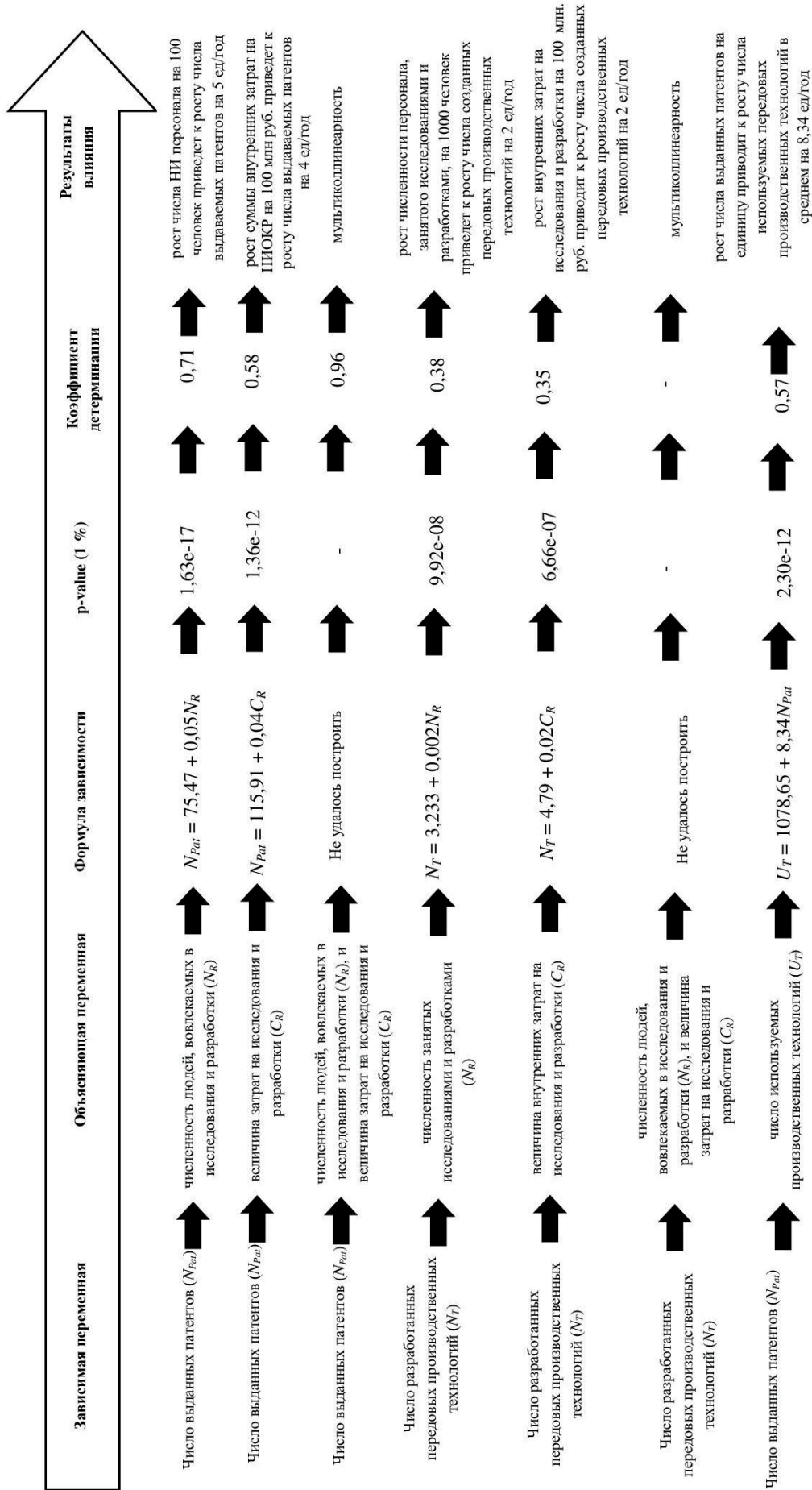

Рис. 2. Оценка влияния показателей на научную деятельность регионов Приволжского и Уральского федеральных округов (составлено авторами)

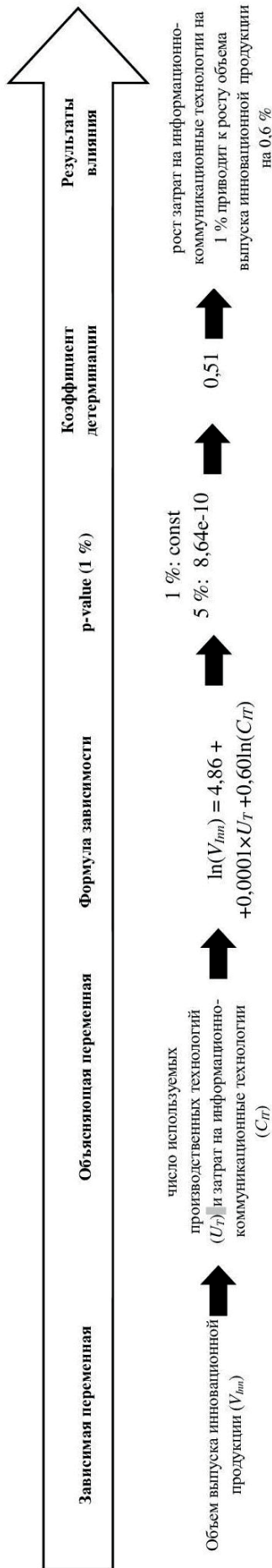

Рис. 3. Оценка влияния показателей на производственную деятельность регионов Приволжского и Уральского федеральных округов (составлено авторами)

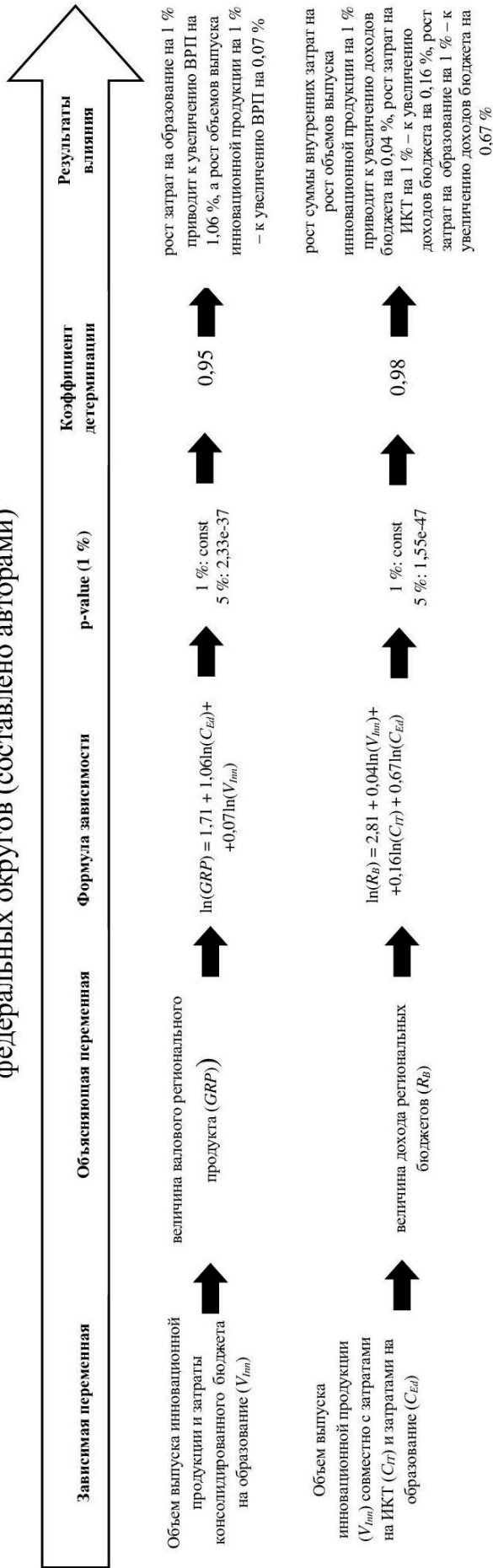

Рис. 4. Оценка влияния показателей на ВРП и доходы регионов Приволжского и Уральского федеральных округов (составлено авторами)

Указанные влияния имеют реальное воплощение, о чем свидетельствуют результаты экономико-математической обработки статистической информации по регионам Приволжского и Уральского федеральных округов за пять лет (с 2013 по 2017 год).

Расчеты, проведенные с использованием эконометрического пакета *Gretl*, выявили ряд статистических зависимостей (рис. 2–4).

Полученные модели на примере регионов Приволжского и Уральского федеральных округов наглядно демонстрируют, что финансирование науки и образования оказывает значимое влияние на инновационное развитие регионов, величину валового регионального продукта и доходы региональных бюджетов, что подтверждает гипотезу о целесообразности создания НОЦ как региональных драйверов развития.

Следующим этапом исследования, формирующим второй аспект новизны, стала апробация пригодности данной методики для целей прогнозирования на примере Пермского края.

3. Результаты оценки влияния НОЦ на экономику Пермского края

Использование данной методики для построения моделей оценки влияния НОЦ на экономику Пермского края позволила сделать ряд выводов, подтверждающих и дополняющих основную гипотезу исследования.

В Пермском крае валовой региональный продукт в постоянных ценах (2017 года) за период с 2005 по 2017 годы увеличился с 444 до 1 191 млрд руб. (рис. 5). Темп роста за период составил 268,3 %. Внутренние затраты на исследования и разработки были подвержены значительным колебаниям, но в целом за период выросли с 10 до 14 млрд руб. При этом темп роста составил 144,7 %.

Рис. 5. ВРП и внутренние затраты на исследования и разработки, млрд руб. (рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: стат. сб. / Росстат. М., 2018. 1162 с.)

Общая сумма затрат на исследования и разработки, информационно-коммуникационные технологии и образование возросла с 36 до 75 млрд руб. (рис. 6). Темп роста составил 207,9 %. Опережающий рост ВРП по сравнению с рассмотренными затратами является позитивной тенденцией, способствующей росту отдачи от произведенных расходов.

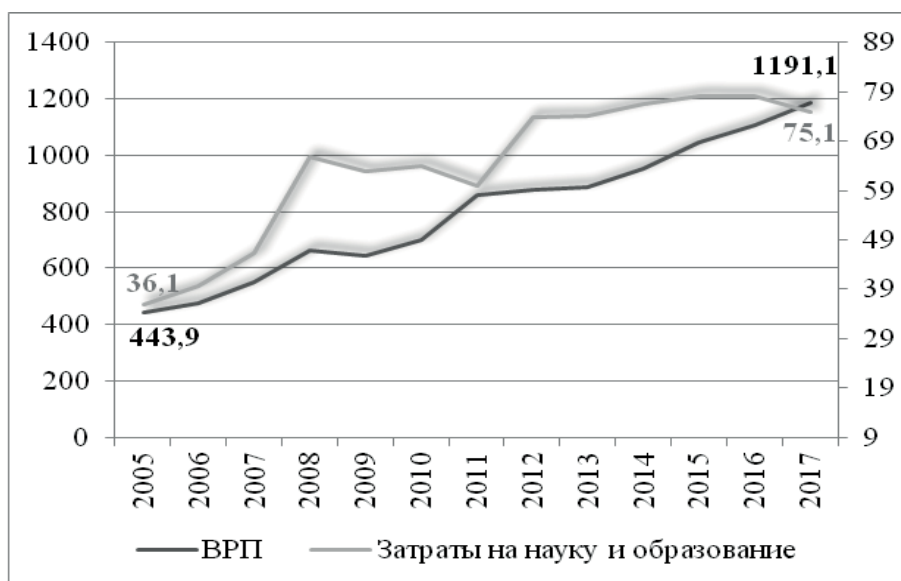

Рис. 6. ВРП и затраты на науку и образование, млрд. руб.
 (рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: стат. сб. / Росстат. М., 2018. 1162 с.)

Помимо этого, неизбежно возникает ряд других социально-экономических явлений, среди которых снижение численности занятых в экономике, повышение производительности труда и пр.

Взаимосвязь роста реального ВРП и снижения численности занятых в экономике Пермского края отражена на рис. 7.

Уравнение, характеризующее взаимосвязь между численностью занятых в экономике Пермского края (N_L) и величиной реального ВРП (GRP), имеет вид

$$N_L = 1454,04 - 0,21GRP. \tag{1}$$

Параметры регрессионной модели значимы на уровне 1 %, уравнение регрессии по критерию Фишера также значимо (значение p -value составляет 0,000 061), коэффициент детерминации равен 0,78. Согласно этой модели рост реального ВРП на 1 млрд руб. сопровождается снижением численности занятых на 210 человек.

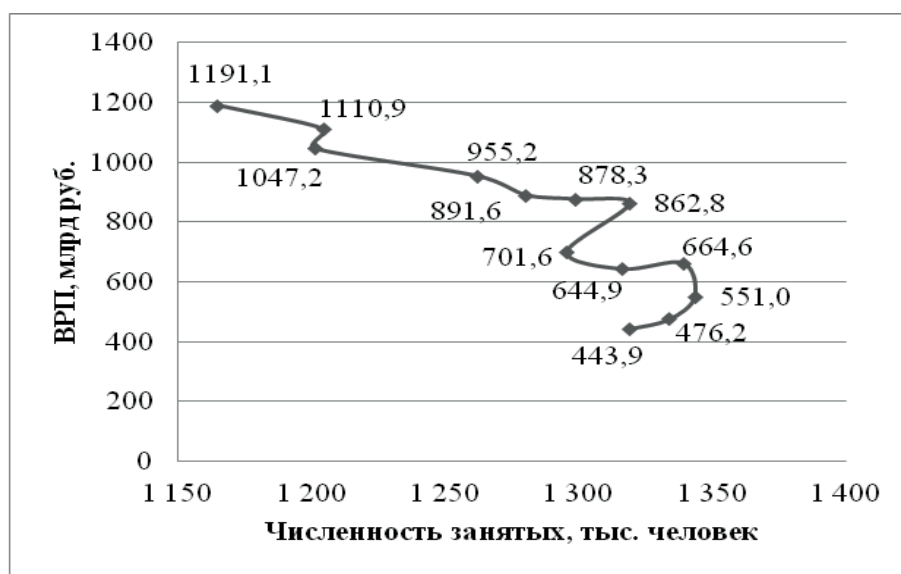

Рис. 7. ВРП и численность занятых в экономике
 (рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: стат. сб. / Росстат. М., 2018. 1162 с.)

Исследование показало, что снижение численности занятых в экономике Пермского края сопровождается ростом производительности труда, основным показателем которой на уровне региона служит размер реального ВРП в расчете на одного занятого (рис. 8).

Повышение производительности труда обеспечивается, в том числе, увеличением финансирования науки и образования (сумма внутренних затрат на исследования и разработки, затраты на ИКТ и образование). Положительная взаимосвязь этих показателей графически отображена на рис. 9.

Эконометрически эта взаимосвязь характеризуется функцией

$$P_L = -184,54 + 0,01Cs. \quad (2)$$

Параметр перед величиной затрат (Cs) значим на уровне 1 %, уравнение регрессии по критерию Фишера также является значимым (значение p -value составляет 0,000 166), коэффициент детерминации равен 0,74. Согласно этой модели рост затрат на науку и образование на 1 млн руб. сопровождается ростом производительности труда на 0,01 тыс. руб. на человека.

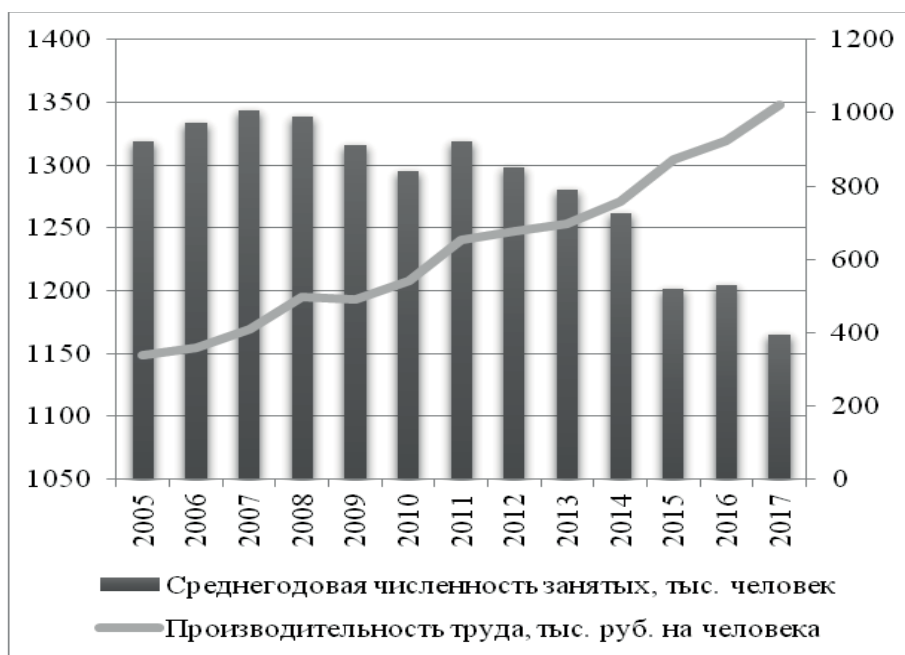

Рис. 8. Численность занятых и производительность труда (рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: стат. сб. / Росстат. М., 2018. 1162 с.)

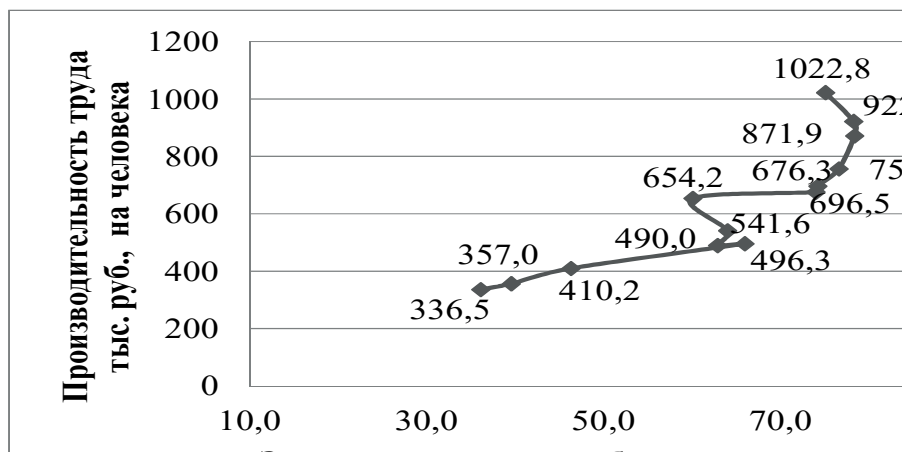

Рис. 9. Производительность труда и затраты на науку и образование (рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: стат. сб. / Росстат. М., 2018. 1162 с.)

К сожалению, рост реального валового регионального продукта не сопровождается устойчивым ростом реальных среднедушевых доходов населения (рис. 10). Позитивная тенденция замедлилась с 2012 года и была сломлена в последние два года исследуемого периода.

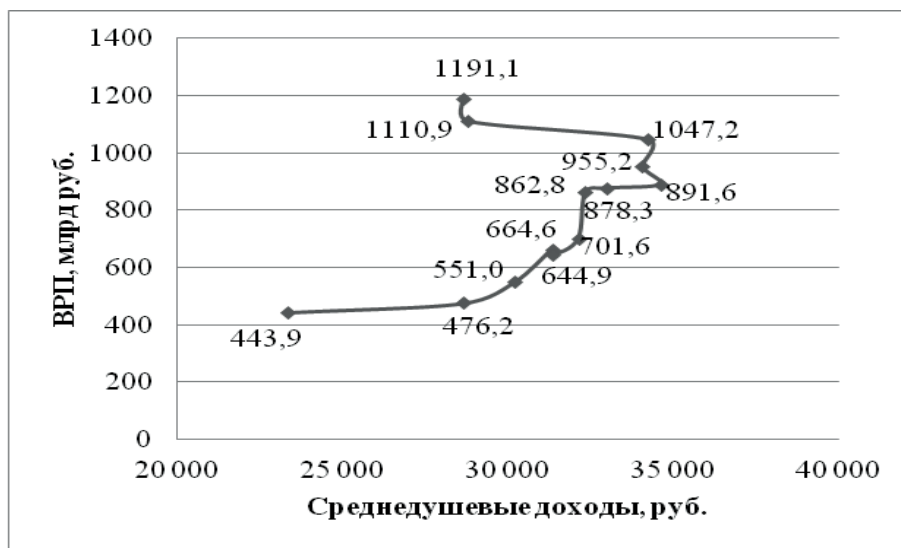

Рис. 10. ВРП и среднедушевые доходы населения (рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: стат. сб. / Росстат. М., 2018. 1162 с.)

Стимулирующее воздействие расходов на науку и образование подтверждается рядом регрессионных моделей.

На рис. 11 отображена взаимосвязь затрат на науку и образование (C_s) и величины ВРП (GRP). Модель, ее характеризующая, имеет вид

$$\ln(GRP) = -5,59 + 1,11\ln(C_s). \quad (3)$$

Параметры регрессионной модели значимы на уровне 1 %, уравнение регрессии по критерию Фишера также является значимым (значение p -value составляет 0,000011), коэффициент детерминации равен 0,84.

Согласно этой модели увеличение затрат на науку и образование на 1 % приводит к росту ВРП на 1,11 %.

Рис. 11. Затраты на науку и образование и валовый региональный продукт (рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: стат. сб. / Росстат. М., 2018. 1162 с.)

Финансирование науки и образования сопровождается увеличением доходов консолидированного бюджета Пермского края (рис. 12).

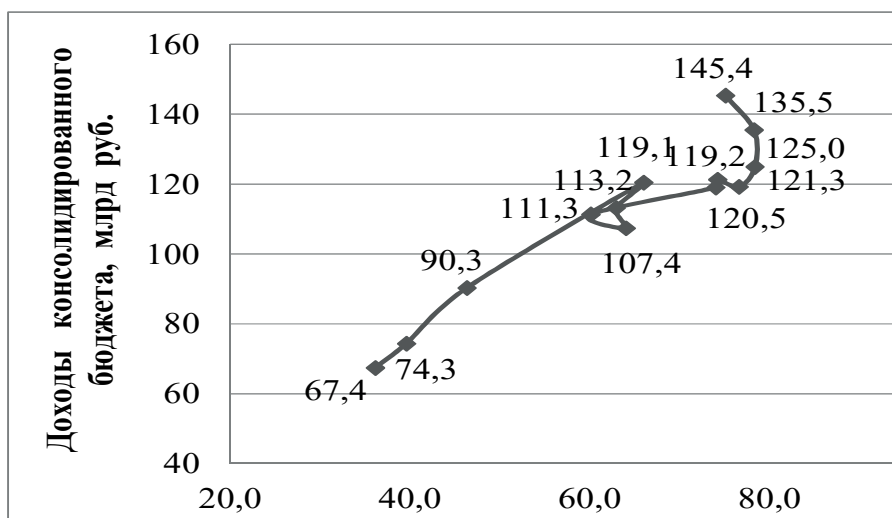

Рис. 12. Затраты на науку и образование и доходы консолидированного бюджета (рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: стат. сб. / Росстат. М., 2018. 1162 с.)

Уравнение, характеризующее взаимосвязь между доходами консолидированного бюджета Пермского края (R_B) и величиной затрат на науку и образование (C_S) имеет вид

$$\ln(R_B) = 2,60 + 0,82 \ln(C_S). \quad (4)$$

Параметры регрессионной модели значимы на уровне 1 %, уравнение регрессии по критерию Фишера также является значимым (значение p -value составляет $1,36e-07$), коэффициент детерминации равен 0,93.

Согласно модели увеличение затрат на науку и образование на 1 % сопровождается ростом доходов бюджета на 0,82 %.

Взаимосвязь между реальными среднедушевыми доходами населения (R_I) и затратами на науку и образование (C_S) отображена на рис. 13.

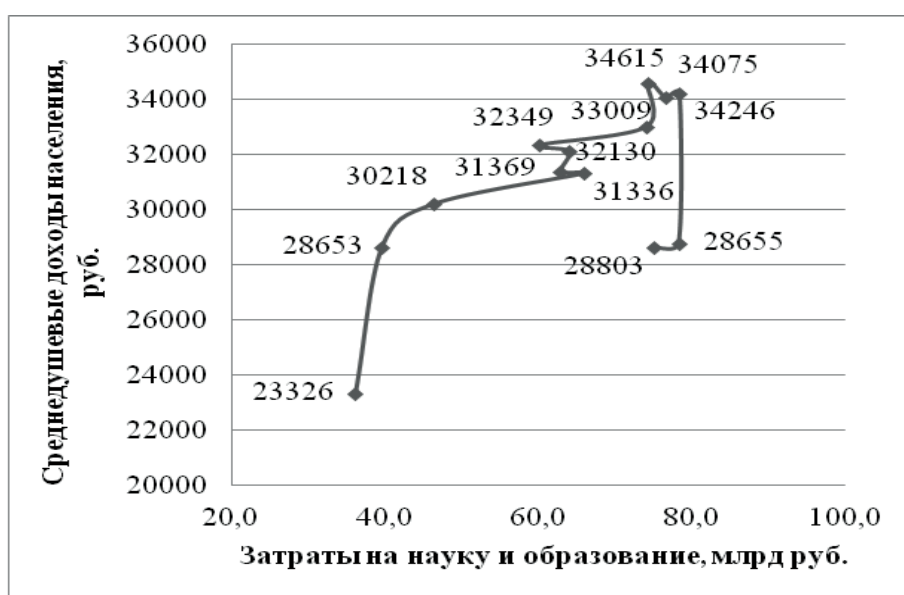

Рис. 13. Затраты на науку и образование и среднедушевые реальные доходы населения (рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: стат. сб. / Росстат. М., 2018. 1162 с.)

Уравнение, ее характеризующее, имеет вид

$$\ln(R_I) = 7,19 + 0,29\ln(C_S). \quad (5)$$

Параметры регрессионной модели значимы на уровне 1 % для константы и 5 % для затрат на науку и образование, уравнение регрессии по критерию Фишера также является значимым (значение *p-value* составляет 0,007059), коэффициент детерминации равен 0,50 (связь характеризуется как «средняя»).

Согласно модели рост затрат на науку и образование на 1 % сопровождается ростом реальных доходов населения на 0,29 %.

Обратную зависимость между численностью занятых в экономике (*L*) и затратами на науку и образование (*C_S*) характеризуют рис. 14 и уравнение регрессии

$$\ln(L) = 9,39 - 0,11\ln(C_S). \quad (6)$$

Параметры регрессионной модели значимы на уровне 1 % для константы и 5 % для затрат на науку и образование.

Рис. 14. Затраты на науку и образование и численность населения, занятого в региональной экономике (рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: стат. сб. / Росстат. М., 2018. 1162 с.)

Уравнение регрессии по критерию Фишера также является значимым (значение *p-value* составляет 0,019 403), коэффициент детерминации равен 0,51 (связь характеризуется как «средняя»).

Согласно модели рост затрат на науку и образование на 1 % сопровождается снижением численности занятого населения на 0,11 %.

Проведенные прогнозные расчеты показали, что увеличение финансирования науки и образования в Пермском крае в расчете на 1 % влечет за собой следующие эффекты: рост ВРП на 1,11 %; увеличение доходов консолидированного бюджета Пермского края на 0,82 %; повышение среднедушевых доходов населения на 0,29 %, снижение численности занятых на 0,11 % в среднегодовом исчислении. За основу был взят прогнозный прирост расходов на науку и образование в Пермском крае до 2024 года, составленный по экспертным оценкам (рис. 15).

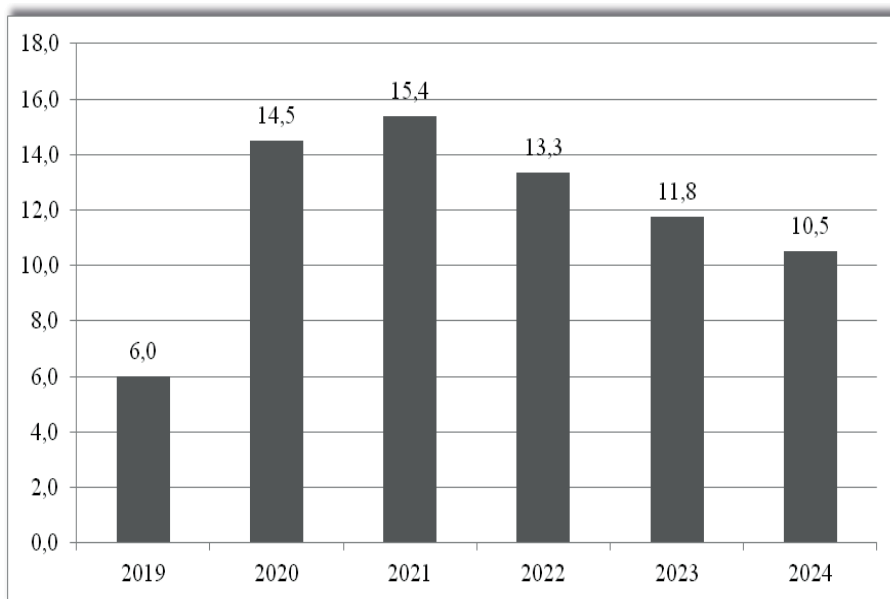

Рис. 15. Прогнозный прирост расходов на науку и образование в Пермском крае за счет создания НОЦ, млн руб.

Результаты расчетов по полученным регрессионным моделям в абсолютных показателях представлены в табл. 1. Согласно прогнозным данным увеличение финансирования науки и образования в Пермском крае за счет создания НОЦ окажет заметное стимулирующее влияние на экономику Пермского края.

Таблица

Влияние создания НОЦ на экономику Пермского края

Показатель	2019	2020	2021	2022	2023	2024	Итого за период
Прирост валового регионального продукта, млн руб.	79 327,4	191 707,8	203 606,9	175 842,3	156 010,5	138 822,9	945 317,8
Прирост доходов консолидированного бюджета Пермского края, млн руб.	7 938,0	19 183,6	20 374,3	17 596,0	15 611,4	13 891,5	94 594,8
Прирост среднедушевых доходов населения, руб.	498,6	1 204,9	1 279,7	1 105,2	980,6	872,5	5 941,5
Снижение численности занятых в экономике, тыс. человек	-7,69	-18,57	-19,73	-17,04	-15,12	-13,45	-91,6

Примечание. Рассчитано авторами на основе приведенных выше моделей.

Заключение

В статье рассмотрено влияние научно-образовательных центров на экономику регионов на примере Приволжского и Уральского федеральных округов с использованием экономико-математического инструментария.

С помощью корреляционно-регрессионного анализа установлена зависимость между внутренними затратами на исследования и разработки, численностью научных кадров и количеством выданных патентов, числом используемых передовых технологий и выпуском инновационной продукции, что, в свою очередь, в совокупности с затратами на науку и образова-

ние положительно влияет на величину ВРП. Построенные статистически значимые модели подтверждают гипотезу о целесообразности создания НОЦ как региональных драйверов развития. Результаты оценки влияния НОЦ на экономику Пермского края стали еще одним таким подтверждением, поскольку затраты на науку и образование, помимо роста ВРП, детерминируют рост среднедушевых доходов населения и рост производительности труда. К сожалению, между затратами на науку и образование и численностью занятых выявлена обратная зависимость. Несмотря на положительное влияние новых технологий на экономический рост, следует учитывать, что технологии могут иметь деструктивный эффект [21, с. 32], возможно их негативное влияние на рынок труда как минимум в краткосрочной перспективе. Постепенная замена устаревших профессий новыми и появление новых видов деятельности приведет к созданию новых рабочих мест в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

Разработанная теоретическая модель, характеризующая роль участников НОЦ в обеспечении социально-экономического развития региона, и методический инструментарий на ее основе имеют практическое значение. Они могут быть использованы органами региональной власти при разработке стратегий и программ регионального развития. В частности, результаты данного исследования были использованы для обоснования положительного влияния НОЦ на развитие региона, а именно на рост ВРП Пермского края¹.

Библиографический список

1. Батлер Д., Гибсон Д. Исследовательские университеты в структуре региональной инновационной системы: опыт Остина, штат Техас // Форсайт. 2013. Т. 7, № 2. С. 42–57.
2. Бахлов И. В., Напалкова И. Г. Научно-образовательные центры вузов: проблемы и перспективы развития в условиях модернизации высшего образования // Гуманитарий: актуальные проблемы науки и образования. 2011. № 1 (13). С. 51–56.
3. Выгодчикова И. Ю. Применение мультипликативных зависимостей в анализе вклада университета в экономическое развитие региона // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Экономика. Управление. Право. 2017. Т. 17, № 3. С. 318–322. DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-3-318-322
4. Дроздова С. О., Пахомова Е. А. Влияние образовательной среды на социально-экономическое развитие региона на примере Центрального федерального округа // Проблемы региональной экономики. 2013. № 22. С. 26–35.
5. Кайбияйнен Д. А. А. Влияние университетских сетевых структур на формирование сетевой среды региональной экономики (на примере национальных исследовательских университетов Республики Татарстан) // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 1 (33). С. 172–178.
6. Каменских М. А. Исследование влияния университетов на региональное экономическое развитие // Региональная экономика: теория и практика. 2014. № 42 (369). С. 12–20.
7. Кириллова С. С. Прогнозирование эффективности формирования малых инновационных предприятий при научно-образовательных центрах // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасского политехнического института). Сер.: Социально-экономические науки. 2012. № 1. С. 63–70.
8. Ключев А. К. Структуры развития вуза: научно-образовательные центры // Университетское управление: практика и анализ. 2009. № 5 (63). С. 64–70.
9. Коршунов Л. А., Никонов Н. М. Сетевые взаимодействия в регионе Большого Алтая // Экономика региона. 2009. Т. 13, № 4. С. 1123–1137. DOI 10.17059/2017-4-12
10. Кузьмина Р. А., Писарева Л. Ю. Корпоративная социальная ответственность федеральных университетов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. № 2 (120). С. 96–106. DOI: 10.14515/monitoring.2014.1.09

¹ Программа деятельности Пермского научно-образовательного центра мирового уровня «Рациональное недропользование» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.psu.ru/files/docs/podrazdeleniya/NOC/programma-NOC.pdf>.

11. Макарова Е. Л., Фирсова А. А. Когнитивное моделирование влияния региональной системы высшего образования на инновационное развитие региона // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Экономика. Управление. Право. 2015. Т. 15, № 4. С. 411–417. DOI: 10.18500/1994-2540-2015-15-4-411-417
12. Нуртаева Д. К. Интеграция науки, образования и бизнеса: исследование зарубежного опыта и перспективы трансформации в Казахстане // Вестник университета Туран. 2018. № 1 (77). С. 220–225.
13. Огурцова Е. В., Перфильева О. В., Фирсова А. А. Показатели оценки вклада университета в инновационное развитие региона // Университетское управление: практика и анализ. 2017. Т. 21, № 4 (110). С. 53–62.
14. Перфильева О. В. Университеты и региональное развитие: теоретический анализ и методология исследования // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Экономика. Управление. Право. 2014. Т. 14, № 3. С. 479–487.
15. Печенкин И. Г., Серпер Н. А. Научно-образовательные центры — эффективная форма интеграции высшей школы, науки и производства // Горный журнал. 2014. № 7. С. 101–106.
16. Рюкер-Шеффер П., Фишер Б., Кьероз С. Не только образование: роль исследовательских университетов в инновационных экосистемах // Форсайт. 2018. Т. 12, № 2. С. 50–61. DOI: 10.17323/2500-2597.2018.2.50.61
17. Суловицкая Г. В. Сравнительная конкурентоспособность опорных университетов России // Университетское управление: практика и анализ. 2017. Т. 21, № 4 (110). С. 63–75. DOI: 10.15826/umpra.2017.04.050
18. Челнокова О. Ю., Фирсова А. А. Типология подходов к анализу влияния университета на инновационное развитие региона // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Экономика. Управление. Право. 2013. Т. 13, № 4-1. С. 577–583.
19. Фирсова А. А., Нархова А. А. Зарубежные подходы к оценке влияния университета на региональное развитие // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Экономика. Управление. Право. 2014. Т. 14, № 2-1. С. 289–294.
20. Фирсова А. А., Нархова А. А. Влияние университетов на инновационное развитие регионов: эмпирический анализ // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Экономика. Управление. Право. 2015. Т. 15, № 2. С. 154–160.
21. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016. 138 с.
22. Agrawal A., Cockburn I. The anchor tenant hypothesis: Exploring the role of large, local, R&D-intensive firms in regional innovation systems // International Journal of Industrial Organization. 2003. Vol. 21, no. 9. P. 1227–1253.
23. Arbo P., Bennenworth P. Understanding the regional contribution of higher education institutions: a literature review // OECD Education Working Paper. 2007. No. 9. P. 55–60.
24. Bercovitz J., Feldman M. Entrepreneurial universities and technology transfer: A conceptual framework for understanding knowledge-based economic development // Journal of Technology Transfer. 2006. Vol. 31, no. 1. P. 175–188.
25. Goddard J. B., Chatterton P. The response of universities to regional needs // European Journal of Education. 2000. Vol. 35, no. 4. P. 475–496.
26. Jaeger A., Kopper J. Measuring the Regional “Third-Mission-Potential” of Different Types of HEIs / Niederrhine Institute for Regional and Structural Research (NIERS). Hochschule Niederrhein — University of Applied Sciences. Mönchengladbach, Germany, 2013. 24 p.
27. Kotosz B. The local economic impact of higher education institutions in Hungary // Intellectual Capital Management. Global Perspectives on Higher Education, Science and Technology / ed. K. J. Khavand. PCM, Zanjan, 2013. P. 45–60.
28. Regional systems of innovation and the knowledge production function: The Spanish case / M. Buesa, J. Heijis, M. M. Pollitero, T. Baumert // Technovation. 2006. Vol. 26, no. 4. P. 463–472.
29. Zuti B., Lukovics M. How to measure the local economic impact of the universities’ third mission activities? // 5th Central European Conference in Regional Science — CERS. 2014. P. 1209–1215.

Похомова А. А., Березюк Л. А. Обучающие курсы для безработных в рамках содействия занятости в Беларуси // Вестник Прикамского социального института. 2021. № 1 (88). С. 53–62.

Pokhomova A. A., Berezyuk L. A. Business training courses for the unemployed to promote employment in Belarus. *Bulletin of the Prikamsky Social Institute*. 2021. No. 1 (88). Pp. 53–62. (In Russ.)

УДК 316.44; 331.5; 349.3

А. А. Похомова

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

Л. А. Березюк

Белорусский государственный экономический университет, Минск, Беларусь

ОБУЧАЮЩИЕ КУРСЫ ПО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДЛЯ БЕЗРАБОТНЫХ В РАМКАХ СОДЕЙСТВИЯ ЗАНЯТОСТИ В БЕЛАРУСИ

Похомова Алеся Андреевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры «Социология».

E-mail: zolotva@yandex.by

Березюк Лилия Анатольевна — ассистент кафедры «Государственно-правовые дисциплины».

E-mail: 2505624@gmail.com

В настоящем исследовании сфокусировано внимание на проблеме содействия занятости безработным со стороны государственных органов в рамках реализации политики занятости. Целью исследования выступает анализ социальных и правовых условий организации и проведения обучающих курсов по предпринимательской деятельности для безработных, предусмотренных программой мероприятий в области содействия занятости безработного населения в Беларуси. Предметной областью исследования являются социальные и правовые условия организации и проведения обучающих курсов по предпринимательской деятельности как одной из мер в области содействия занятости. Реализация поставленной цели осуществлялась методами вторичного анализа официальной статистической информации, формально-логическим, формально-юридическим, герменевтическим методами. Основными результатами исследования являются оценка проводимых мероприятий в виде обучающих курсов по основам ведения предпринимательской деятельности для содействия занятости безработных посредством организации собственного дела, а также разработка рекомендаций для улучшения имеющейся практики в отношении организации и проведения обучающих курсов для безработных. Выводы по результатам исследования заключаются в необходимости проведения дальнейших мероприятий в области организационного содействия безработным в реализации отдельных видов экономической деятельности в виде обеспечения доступности обучающих курсов по основам предпринимательской деятельности для данной категории населения через возможность формировать меньшие по численности учебные группы; расширение практики дистанционного, смешанного и онлайн-обучения.

Ключевые слова: содействие занятости, занятость, обучение, курсы, безработные, предпринимательская деятельность.

A. A. Pokhomova

Belarusian State University, Minsk, Belarus

L. A. Berezyuk

Belarusian State Economic University, Minsk, Belarus

BUSINESS TRAINING COURSES FOR THE UNEMPLOYED TO PROMOTE EMPLOYMENT IN BELARUS

Pokhomova Alesya A. — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor at the Department of Sociology.

Berezyuk Lilia A. — Assistant at the Department of State and Legal Disciplines.

This study focuses on the problem of promoting employment for the unemployed by government agencies in the framework of the employment policy. The aim of the study is to analyze the social and legal conditions for organizing and conducting training courses on entrepreneurship for the unemployed, provided for by the program of measures to promote employment of the unemployed population in Belarus. The subject area of the research is the social and legal conditions for organizing and conducting training courses on entrepreneurship as one of the measures in the field of employment promotion. The goal was realized by the methods of secondary analysis of official statistical information, formal-logical, formal-legal, hermeneutic methods. The main results of the study are the evaluation of the ongoing activities in the form of training courses on the basics of doing business to promote employment of the unemployed through the organization of their own business, as well as the development of recommendations to improve the existing practice in the organization and conduct of training courses for the unemployed. The conclusions of the study are that it is necessary to carry out further measures in the field of organizational assistance to the unemployed in organizing certain types of economic activity in the form of ensuring the availability of training courses on the basics of entrepreneurial activity for the unemployed through the possibility of forming smaller training groups; expanding the practice of distance, blended and online learning.

Keywords: promotion of employment, employment, training, courses, unemployed, entrepreneurial activity.

Введение

Вопросы занятости населения относятся к области междисциплинарных исследований и находятся в фокусе внимания представителей таких наук, как экономика, юриспруденция, социология и др.

В правовом поле проблемы занятости в Республике Беларусь изучались такими учеными, как Т. Н. Важенкова, И. А. Комоцкая, Т. В. Коробкина, К. Л. Томашевский, Е. В. Чичина, А. В. Ясинская-Казаченко и др. Среди социологов проблема занятости и безработицы находилась в фокусе внимания Г. Н. Соколовой, О. В. Кобяка, И. А. Андрос и др.

Право на труд гарантируется каждому человеку согласно международному и национальному законодательству, и его реализация выступает основой достойного уровня жизни. Безработица как социально-экономическое явление имеет ряд негативных последствий на микро- и макроуровне, поэтому государствами предпринимается ряд мер по мониторингу уровня безработицы среди разных половозрастных групп, а также по территориальному признаку и осуществляется комплекс мероприятий с целью вовлечения незанятого населения в трудовую деятельность. Политика занятости способствует достижению на национальном уровне Целей устойчивого развития, в частности цели 8 «Содействие поступательному, всеохватному и устойчивому экономическому росту, полной и производительной занятости и достойной работе для всех»¹. Одной из мер активной политики занятости в Беларуси выступает содействие безработным в организации предпринимательской и ремесленной деятельности, а также деятельности по оказанию услуг в сфере агроэкотуризма.

Основная часть

Деятельность безработных граждан и агентов содействия занятости находится в правовом поле, которое задает рамки законных способов решения проблемы безработицы как на индивидуальном, так и на государственном уровне.

Согласно ч. 1 ст. 1 Закона Республики Беларусь от 15 июня 2006 г. № 125-З «О занятости населения Республики Беларусь» (далее — Закон о занятости) под *занятостью* понимается деятельность граждан, связанная с удовлетворением личных и общественных потребностей, не противоречащая законодательству и приносящая им заработок, а *безработ-*

¹ Цели устойчивого развития в Беларуси [Электронный ресурс]. URL: <https://sdgs.by/targets/target8/> (дата обращения: 20.04.2021).

ным выступает трудоспособный гражданин, не имеющий работы и заработка, который зарегистрирован в комитете по труду, занятости и социальной защите Минского городского исполнительного комитета, управлении (отделе) по труду, занятости и социальной защите городского, районного исполнительного комитета в целях поиска подходящей работы, ищет работу и готов приступить к ней¹.

В 2020 году численность безработных, зарегистрированных в органах по труду, занятости и социальной защите, составляла 7 200 человек, из которых 62,5 % — мужчины. За последние два десятилетия наблюдается устойчивое снижение численности зарегистрированных безработных как среди мужчин, так и среди женщин [10]. При этом необходимо иметь в виду, что только 17,3 % граждан осуществляют поиск работы посредством обращения в государственную службу занятости, более предпочтительными способами выступает самостоятельный поиск через СМИ и интернет (63,2 %), посредством социальных связей через обращение к друзьям, родственникам, знакомым (57,4 %) [13, с. 51].

В результате выборочного обследования домашних хозяйств в 2020 году в статусе безработного было зафиксировано 206 157 человек, что составляло 4 % от численности рабочей силы [9]. Среднее время поиска работы безработными составило 7,8 месяцев (7,6 и 8,1 месяцев у мужчин и женщин соответственно; 7,9 и 7,4 месяцев среди сельского и городского населения соответственно). При этом 44,2 % безработных затратили на поиск работы три месяца и менее, а 22 % безработных осуществляли поиск работы 12 месяцев и более [9]. Средняя продолжительность безработицы на конец 2020 года составила 2,9 месяцев (2,9 и 2,8 месяца у мужчин и женщин соответственно; 2,1 месяца — у молодежи 16–30 лет) [12].

В соответствии с данными Национального статистического комитета Республики Беларусь, в первом квартале 2021 года уровень безработицы составил 4,2 % от численности рабочей силы по расчетам в соответствии с методологией Международной организации труда [6].

Согласно данным Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь, коэффициент напряженности на рынке труда страны на 1 января 2021 года составил 0,1 безработных на одну вакансию. Однако стоит отметить, что из общего числа вакансий 61,5 % составили вакансии для работников по рабочим профессиям [12].

Анализ правового регулирования в области обеспечения занятости свидетельствует о том, что государство осуществляет необходимые меры по содействию занятости на законодательном уровне. В целом выполнение Республикой Беларусь обязательства осуществлять (обеспечивать) право на труд подтверждается признанием права на труд в национальной правовой системе, осуществлением государственной политики в области права на труд, а также разработкой с учетом прогноза социально-экономического развития с 1992 года государственных программ содействия занятости. Программы содействия занятости населения представляют совокупность мероприятий с финансовым, организационным и иным обеспечением и являются главным инструментом реализации политики в области занятости. Специально разрабатываемые программы, по мнению Э. А. Лутохиной, наряду с политикой занятости позволяют наиболее эффективно подготавливать и реализовывать мероприятия, направленные на своевременное предупреждение безработицы, а также на снижение ее негативных последствий [5, с. 118].

В Республике Беларусь в настоящее время реализуются следующие значимые с точки зрения данного исследования программы:

¹ О занятости населения Республики Беларусь [Электронный ресурс]: закон Респ. Беларусь от 15 июня 2006 г. № 125-3 (в ред. Закона Респ. Беларусь от 29.12.2020 № 73-3) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2021.

1) государственная программа «Рынок труда и содействие занятости» на 2021–2025 годы (утверждена постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 30 декабря 2020 г. № 777);

2) государственная программа «Малое и среднее предпринимательство в Республике Беларусь» на 2021–2025 годы (утверждена постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 21 января 2021 г. № 56);

3) государственная программа «Образование и молодежная политика» на 2021–2025 годы (утверждена постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 29 января 2021 г. № 57).

Государство гарантирует безработным бесплатные профессиональную ориентацию, психологическую поддержку, профессиональную подготовку, переподготовку, повышение квалификации и освоение содержания образовательной программы обучающихся курсов с учетом общественных потребностей и в соответствии с имеющимися склонностями, способностями, навыками и особенностями их психофизического развития (ч. 4 ст. 10 Закона о занятости).

Среди комплекса мероприятий по содействию занятости предусмотрена также консультативная, правовая, методическая и финансовая помощь безработным в организации предпринимательской, ремесленной деятельности, деятельности по оказанию услуг в сфере агроэкотуризма.

Так, в соответствии с Государственной программой «Рынок труда и содействие занятости» на 2021–2025 годы одним из важных направлений содействия занятости населения продолжает выступать поддержка предпринимательской инициативы.

Согласно государственной программе «Малое и среднее предпринимательство в Республике Беларусь» на 2021–2025 годы стимулирование деловой инициативы, обучение навыкам предпринимательства и популяризация предпринимательской деятельности является одним из принципов формирования показателей программы. В число мероприятий, направленных на реализацию задач государственной программы «Малое и среднее предпринимательство в Республике Беларусь», включены содействие безработным в организации предпринимательской, ремесленной деятельности, а также деятельности по оказанию услуг в сфере агроэкотуризма: оказание консультативной, методической и правовой помощи, о котором говорилось выше; обучение правовым и финансовым основам предпринимательской деятельности; предоставление финансовой поддержки в виде субсидий.

В то же время законодательство Республики Беларусь не содержит определения понятия «содействие занятости», указывая только, что содействие в организации предпринимательской деятельности, деятельности по оказанию услуг в сфере агроэкотуризма, ремесленной деятельности выражается в ее организационном и методическом обеспечении, а также в финансовой поддержке (п. 3 Положения о содействии безработным в организации предпринимательской деятельности, деятельности по оказанию услуг в сфере агроэкотуризма, ремесленной деятельности (далее — Положение о содействии))¹.

Положением о содействии определяется порядок оказания помощи безработным со стороны органов государственной службы занятости населения в организации названных видов экономической деятельности. Организационное и методическое обеспечение осуществляется в виде информирования, консультирования безработных о порядке и условиях реализации предпринимательской деятельности, деятельности по оказанию услуг в сфере

¹ Об утверждении положения о содействии безработным в организации предпринимательской деятельности, деятельности по оказанию услуг в сфере агроэкотуризма, ремесленной деятельности: постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 7 марта 2008 г. № 342 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2021.

агротуризма, ремесленной деятельности, направления безработных на профессиональное обучение, оказания помощи безработным в подготовке необходимых документов для получения финансовой поддержки (п. 3 Положения о содействии).

В этом контексте можно отметить, что Научно-исследовательским институтом труда Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь осуществляется научная деятельность по разработке предложений в области занятости населения, включающих, например, технико-экономические обоснования по видам экономической деятельности (ремесленная деятельность, агротуризм, организация перевозки грузов, отделочные работы и др.) для содействия безработным в организации самозанятости [11].

Финансовая поддержка оказывается безработным на основании представленных ими документов в виде субсидии (п. 3 Положения о содействии).

Таким образом, под содействием занятости в данном исследовании можно рассматривать участие государства в делах безработных с целью помочь, поддержать, обеспечить их интеграцию в экономическую деятельность, включающее в себя мероприятия по организационному и методическому обеспечению, финансовой поддержке и то, как они реализуются.

Функции по содействию безработным в организации предпринимательской, ремесленной деятельности, деятельности по оказанию услуг в сфере агротуризма возложены на государственную службу занятости населения (ч. 2 ст. 13 Закона о занятости). Государственная служба занятости имеет полномочия направлять безработных на прохождение обучения правовым и финансовым основам предпринимательской деятельности в соответствии с программой обучающих курсов. Содержание и сроки получения образования безработными определяются учебно-программной документацией образовательных программ дополнительного образования взрослых¹.

Ряд организационных и правовых условий организации обучающих курсов для безработных указаны в подпрограмме 7 «Дополнительное образование взрослых» государственной программы «Образование и молодежная политика», которая направлена на решение задачи по совершенствованию содержания дополнительного образования взрослых в соответствии с потребностями экономики. В данной государственной программе также указывается, что обучение граждан из числа высвобождающегося, безработного и незанятого населения осуществляется по направлениям служб занятости.

Кроме этого в подпрограмме 7 «Дополнительное образование взрослых» государственной программы «Образование и молодежная политика» отмечается, что в системе дополнительного образования взрослых будет активно использоваться дистанционная форма обучения и разрабатываться нормативное обеспечение ее реализации. Проблема безработицы осталась в фокусе внимания в период распространения коронавирусной инфекции, что обусловило адаптацию мероприятий содействия занятости к создавшимся неблагоприятным условиям ввиду необходимости следования санитарно-эпидемиологическим мерам по защите здоровья граждан. Это же относится и к обучающим курсам по предпринимательской деятельности для безработных. В настоящее время обучающие курсы «Предпринимательская деятельность» в дистанционной форме осуществляет, например, Государственное учреждение образования «Республиканский институт повышения квалификации и переподготовки работников Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь» [7].

¹ Об утверждении Положения о порядке организации профессиональной подготовки, переподготовки, повышения квалификации безработных и иных категорий граждан и освоения ими содержания образовательной программы обучающих курсов по направлению органов по труду, занятости и социальной защите: постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 12 окт. 2006 г. № 1334 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2021. П. 30.

Таким образом, дополнительное образование взрослых является важным элементом в системе содействия занятости, позволяющим безработным в форме обучающих курсов получить необходимую информацию о финансовых и правовых основах ведения предпринимательской деятельности и подготовить технико-экономическое обоснование планируемой деятельности. Данный документ является необходимым для получения безработным субсидии при организации своего дела.

Содержание программы обучающих курсов для безработных регламентируется постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 12 октября 2006 г. № 1334 «Об утверждении Положения о порядке организации профессиональной подготовки, переподготовки, повышения квалификации безработных и иных категорий граждан и освоения ими содержания образовательной программы обучающих курсов по направлению органов по труду, занятости и социальной защите» (далее — Постановление № 1334)¹. На основании актуальных план-графиков комплектования учебных групп профессиональной подготовки и переподготовки безработных на второй квартал 2021 года можно сделать вывод о том, что обучающие курсы для безработных, желающих организовать собственное дело в форме предпринимательской деятельности, ремесленной деятельности, а также деятельности по оказанию услуг в сфере агротуризма, в основном носят названия «Предпринимательская деятельность», «Основы предпринимательской деятельности», реже — «Предприниматель (индивидуальный)» (Бобруйск), «Основы бизнес-планирования» (Могилев, Горки, Витебск), «Планирование предпринимательской деятельности и основы ведения бизнеса» (Новополоцк).

В п. 27 Постановления № 1334 обозначено, что наполняемость учебной группы при организации обучения безработных должна составлять 20–30 человек. Однако в исключительных случаях при согласовании решения руководителя управления (отдела) по труду, занятости и социальной защите с комитетом облисполкома допускается наполняемость учебной группы в количестве не менее 12 человек. Решение о комплектовании таких групп принимает руководитель управления (отдела) по труду, занятости и социальной защите, комплектуя группу, по согласованию с комитетом облисполкома либо руководителем комитета Минского горисполкома (п. 28 Постановления № 1334).

Это означает, что при отсутствии должной наполняемости группы обучение проводиться не будет. Представляется, что законодательное установление минимального количества обучающихся оправдано распределением бюджетных и внебюджетных средств на проведение обучения и переквалификации, но в то же время такая норма препятствует реализации желающих стать самозанятыми гражданами права на труд и достойный уровень жизни.

Проведение обучающих курсов для безработных по основам предпринимательской деятельности осуществляется в нескольких городах области, которые имеют необходимую материально-техническую базу и кадровый состав (п. 25 Постановления № 1334). Так, в Могилевской области выделяется 21 район (и соответственно, районных центра), рассматриваемые обучающие курсы проводятся в трех из них (Могилев, Бобруйск, Горки); в Гомельской области также выделяется 21 район, обучающие курсы проводятся в четырех из них (Гомель, Жлобин, Мозырь, Светлогорск). Обучение безработных на курсах по основам предпринимательской деятельности, как правило, осуществляется в очной форме (п. 32 Постановления № 1334). Следовательно, одним из факторов, определяющих место и организацию проведения обучающих курсов для безработных, выступает «транспортная дос-

¹ Об утверждении Положения о порядке организации профессиональной подготовки, переподготовки, повышения квалификации безработных...

тупность, наличие возможности размещения безработных, направленных на обучение, в общежитии или предоставления иного приемлемого места для их проживания» (п. 25 Постановления № 1334). При этом из-за неблагоприятных условий, вызванных пандемией коронавирусной инфекции в 2020 году, в первом квартале 2021 года возникла потребность в организации обучения с использованием информационно-коммуникационных технологий. По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, в 2020 году 85,1 % населения в возрасте 6–72 лет имеет доступ к услугам сети Интернет [4].

Согласно п. 6 Постановления № 1334 обучение безработных осуществляется в учреждениях образования, иных организациях, у индивидуальных предпринимателей, которым в соответствии с законодательством предоставлено право осуществлять образовательную деятельность. На основании практики организации обучающих курсов в Республике Беларусь преимущественно обучение безработных основам предпринимательской деятельности осуществляют учреждения образования, например Борисовский государственный политехнический колледж (Минская область), Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова (Могилевская область), Жлобинский государственный профессиональный лицей сферы обслуживания, Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина (Гомельская область) и др. В ряде случаев исполнитель определяется по результатам процедуры государственной закупки образовательных услуг.

В соответствии с законодательством сроки профессионального обучения безработных устанавливаются продолжительностью до 12 месяцев. На основе информации, предоставляемой комитетами по труду, занятости и социальной защите исполкомов в открытом доступе для безработных, можно сделать выводы о том, что обучающие курсы по основам предпринимательской деятельности длятся от 0,25 месяца (Гродно) до одного месяца (Орша), в среднем обучение занимает две-три недели. Курсы для безработных бесплатные, на срок обучения выплачивается стипендия (п. 43.2 Постановления № 1334), а также компенсируются расходы по оплате проезда и проживания граждан, проходящих обучение вне пределов их места жительства (п. 43.3 Постановления № 1334).

За 2020 год 76,7 % безработных (1 249 человек), получивших субсидию на организацию предпринимательской деятельности, ремесленной деятельности, а также деятельности по оказанию услуг в сфере агротуризма, прошли обучение на курсах по основам предпринимательской деятельности [3]; за январь–март 2021 года (с учетом влияния неблагоприятных условий, вызванных пандемией коронавируса) — 85,3 % (319 человек из 374 безработных). Среди них большинство (в 2020 году — 1 324 безработных, или 81,3 %, за первый квартал 2021 года — 294 безработных, или 78,6 %) организовали предпринимательскую деятельность. Наиболее востребованной у безработных, организующих предпринимательскую деятельность, является сфера услуг: розничная торговля; оказание услуг в области строительства, отделочных, электромонтажных, штукатурных, сантехнических и других ремонтных работ; предоставление косметологических и парикмахерских услуг; оказание услуг по грузоперевозкам и пассажироперевозкам (такси) [2].

Считаем немаловажным отметить возможности безработных женщин в организации собственного дела. Развитие механизмов внедрения гендерного подхода в процесс разработки и реализации мер государственной политики в области содействия занятости способствует реализации безработными женщинами права на труд. Так, в Национальном плане действий по обеспечению гендерного равенства в Республике Беларусь на 2021–2025 годы (утвержден постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 30 декабря 2020 г. № 793) (далее — план по гендерному равенству) отмечается необходимость предоставления равных возможностей женщинам и мужчинам для самореализации во всех сферах общества, в том числе посредством выравнивания социально-экономических возможностей мужчин и женщин.

Признавая, что трудовая занятость является одним из главных условий экономической состоятельности и благополучия как мужчин, так и женщин, Республика Беларусь, согласно плану по гендерному равенству, осуществляет активные меры политики занятости на государственном и региональном уровнях. При этом проблемным, наряду с иными аспектами, остается вопрос развития женского предпринимательства и самозанятости. Так, например, 0,5 % женщин-предпринимательниц среди женщин, занятых в экономике, являются работодателями по сравнению с 1,2 % — у мужчин [8]. В связи с этим содействие женщинам, в том числе и безработным, в организации предпринимательской, ремесленной деятельности, а также деятельности по оказанию услуг в сфере агроэкотуризма путем оказания консультативной, методической и правовой помощи, обучения правовым и финансовым основам предпринимательской деятельности, предоставления финансовой поддержки, например в виде кредитов на развитие бизнеса и субсидий на организацию бизнеса, предусмотрено в качестве мероприятий плана по гендерному равенству и на 2021–2025 годы.

Результаты проводимой политики в области гендерного равенства и в области содействия развитию женского предпринимательства среди безработных таковы, что доля безработных среди женщин ниже, чем среди мужчин (соответственно 3,3 и 4,8 % от численности рабочей силы соответствующей группы в 2020 году) [8]; среди безработных, получивших финансовую помощь в виде субсидий для организации собственного дела за 2020 год, женщины составили 44,4 % от общего числа получивших субсидии [3], за первый квартал 2021 года — 44,1 % [2].

При этом стоит отметить, что для обучения на курсах по основам предпринимательской деятельности, в посещении которых безработная женщина заинтересована, она должна на две-три недели делегировать свои семейные обязанности другим членам семьи (при их наличии). Это в большей степени относится к безработным женщинам, проживающим в районных центрах и сельской местности, где такие курсы не проводятся, а управление по труду, занятости и социальной защите районных исполнительных комитетов направляет желающих пройти обучение в другие населенные пункты области, имеющие ресурсы для организации и проведения обучающих курсов по основам предпринимательской деятельности. Иными словами, безработная женщина может столкнуться с барьерами, связанными с физической доступностью обучающих курсов [1].

Заключение

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

При желании безработного осуществлять предпринимательскую, ремесленную деятельность, деятельность по оказанию услуг в сфере агроэкотуризма ему оказывается организационное, методическое и финансовое содействие на основании Положения о содействии.

Обучение безработных от государственных служб занятости является значимым видом помощи со стороны государства. Возможность пройти обучающие курсы по основам предпринимательской деятельности, а также получить субсидию на открытие бизнеса являются одним из инструментов содействия безработным в организации отдельных видов экономической деятельности со стороны государства.

Вместе с тем проведенное исследование показало наличие проблемных аспектов в области содействия занятости посредством направления безработных на обучающие курсы по основам предпринимательской деятельности. Так, рассматриваемые обучающие курсы организуются для безработных, как правило, в областном центре или крупном городе,

длится около двух-трех недель и проводятся при соблюдении наполняемости группы (20–30, в исключительных случаях — не менее 12 человек).

Барьерами к прохождению обучения безработными могут стать очный формат обучения, удаленность от места жительства, а также необходимость набора полной группы. Отдельно следует выделить трудности для безработных женщин, которым необходимо делегировать семейные обязанности другим членам семьи (при их наличии) на время прохождения курсов по основам предпринимательства. Кроме этого в период распространения коронавирусной инфекции требуется адаптация мероприятий по содействию занятости в целях охраны здоровья граждан.

В связи с этим представляется целесообразным внести изменения и дополнения в гл. 3 «Организация обучения безработных» Постановления № 1334, посредством которых закрепить возможность использования различных форм проведения обучающих курсов для безработных — очной, смешанной, в дистанционном (онлайн) формате. При этом решение о форме проведения курсов для конкретного безработного должно приниматься руководителем управления (отдела) по труду, занятости и социальной защите, комплектуя группу, на основании заявления безработного с обоснованием причин выбора определенной формы обучения. Учитывая возможные сложности отдельных безработных граждан, связанные с отсутствием компьютера или устойчивого выхода в сеть Интернет, а также с отсутствием навыков работы на компьютере и (или) дистанционной работы, на базе районных управлений (отделов) по труду, занятости и социальной защите следует обеспечить возможность предоставления удаленного рабочего места с выходом в сеть Интернет.

Библиографический список

1. Березюк Л. А., Довыденко И. И., Похомова А. С. Содействие безработным женщинам в районных центрах в организации отдельных видов экономической деятельности (на примере Могилевской области) // Междисциплинарные исследования в области прав человека / М. С. Абрамэйко [и др.]. Минск: Юнипак, 2020. С. 89–125.
2. Более 370 безработным гражданам предоставлены субсидии на организацию собственного дела [Электронный ресурс] // Министерство труда и социальной защиты. URL: http://www.mintrud.gov.by/ru/news_ru/view/pochti-400-bezrobotnym-grazhdanam-predostavleny-subsidii-na-organizatsiju-sobstvennogo-dela_3999/ (дата обращения: 29.04.2021).
3. В 2020 году субсидию на организацию собственного дела получили более 1 600 безработных на сумму 4,7 млн рублей [Электронный ресурс] // Министерство труда и социальной защиты. URL: http://www.mintrud.gov.by/ru/news_ru/view/-v-2020-godu-subsidiju-na-organizatsiju-sobstvennogodela-poluchili-bolee-1600-bezrobotnyx-na-summu-47-mlnrublej_3898/ (дата обращения: 30.04.2021).
4. Доступ населения в возрасте 6–72 лет к услугам сети Интернет [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/makroekonomika-i-okruzhayushchaya-sreda/informatsionno-telekommunikatsionnye-tekhnologii/graficheskiy-material-grafiki-diagrammy/dostup-naseleniya-v-voznaste-6-72-let-k-uslugam-seti-internet/> (дата обращения: 30.04.2021).
5. Макроэкономика: социально ориентированный подход: учеб. пособие для вузов / Э. А. Лутохина, В. В. Козловский, В. Н. Бусько [и др.]; под ред. Э. А. Лутохиной. Минск: Тесей, 2003. 319 с.
6. О занятости населения в I квартале 2021 г. [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. URL: https://belstat.gov.by/o-belstate_2/novosti-i-meropriyatiya/novosti/o_zanyatosti_naseleniya_v_i_kvartale_2021_g/ (дата обращения: 27.04.2021).
7. Обучение безработных [Электронный ресурс]. URL: <https://ripk.by/educ/profedu> (дата обращения: 27.04.2021).

8. Основные показатели гендерной статистики [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. URL: <https://belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/makroekonomika-i-okruzhayushchaya-sreda/gendernaya-statistika-i-statistika-otdelnykh-gruppnaseleniya/gendernaya-statistika/osnovnye-pokazateli-gendernoy-statistiki/> (дата обращения: 30.04.2021).
9. Официальная статистика. Труд. Безработные по продолжительности поиска работы, месту проживания и полу [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. URL: <https://belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/trud/> (дата обращения: 27.04.2021).
10. Официальная статистика. Труд. Численность безработных, зарегистрированных в органах по труду, занятости и социальной защите, по полу [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. URL: <https://belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/trud/> (дата обращения: 27.04.2021).
11. Рынок труда и демография [Электронный ресурс] // Научно-исследовательский институт труда Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь. URL: <http://www.instlab.by/index.php/deyatelnost/nauchnaya-deyatelnost/16-rynok-truda-i-demografiya> (дата обращения: 29.04.2021).
12. Ситуация в сфере занятости и безработицы в Республике Беларусь [Электронный ресурс] // Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь. URL: <http://www.mintrud.gov.by/ru/sostojanie> (дата обращения: 29.04.2021).
13. Труд и занятость в Республике Беларусь: стат. сб. Минск, 2020. 316 с.

Воронецкая Л. Г. Создание фондов по поддержке научных исследований как один из механизмов привлечения молодежи в вузовскую науку // Вестник Прикамского социального института. 2021. № 1 (88). С. 63–69.

Voronetskaya L. G. Creation of funds to support scientific research as one of the mechanisms of attracting youth in university science. *Bulletin of Prikamsky Social Institute*. 2021. No. 1 (88). Pp. 63–69. (In Russ.)

УДК 378.3

Л. Г. Воронецкая

Институт экономики Национальной академии наук Беларуси, Минск

СОЗДАНИЕ ФОНДОВ ПО ПОДДЕРЖКЕ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ КАК ОДИН ИЗ МЕХАНИЗМОВ ПРИВЛЕЧЕНИЯ МОЛОДЕЖИ В ВУЗОВСКУЮ НАУКУ

Воронецкая Людмила Григорьевна — магистр управления и экономики, заведующая сектором социально-демографической политики.

E-mail: Lu7y@mail.ru

Рассматривается роль научной деятельности в системе высшего образования. Анализируются итоги конкурсов Белорусского республиканского фонда научных исследований, которые прямо или косвенно ориентированы на поддержку научных исследований молодежи. Для углубления сотрудничества между молодыми учеными академической, вузовской и отраслевой науки можно рекомендовать создание молодежного конкурса на получение грантов Белорусского республиканского фонда научных исследований, отличительной чертой которого был бы состав исследовательских групп: наличие представителей академической и вузовской науки (вузовской и отраслевой науки; академической и отраслевой науки) в приблизительно одинаковом соотношении. Делается вывод о целесообразности создания дополнительных научных фондов, что положительно скажется на поддержке научных исследований молодежи. Научным фондам рекомендуется проводить активную информационную работу для привлечения наиболее талантливых молодых ученых.

Ключевые слова: финансирование научных исследований, конкурсное финансирование, гранты, научные фонды, вузовская наука, молодые исследователи.

L. G. Voronetskaya

The Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus, Belarus, Minsk

CREATION OF FUNDS TO SUPPORT SCIENTIFIC RESEARCH AS ONE OF THE MECHANISMS OF ATTRACTING YOUTH IN UNIVERSITY SCIENCE

Voronetskaya Ludmila G. – Master of Management and Economics, Head of Sector of Social and Demographic Policy.

The role of scientific activity in the system of higher education is considered. The results of competitions of the Belarusian Republican Foundation for Scientific Research, which are directly or indirectly focused on supporting scientific research of young people, are analyzed. To deepen cooperation between young scientists of academic, university and industrial science, it is possible to recommend the creation of a youth competition for grants from the Belarusian Republican Foundation for Scientific Research, a distinctive feature of which would be the composition of research groups: the presence of representatives of academic and university science (university and industrial science; academic and industrial science) in approximately the same ratio. It is concluded that it is advisable to create additional scientific funds, which will have a positive impact on the sup-

port of scientific research of young people. Scientific foundations are encouraged to carry out active information work to attract the most talented young scientists.

Keywords: research funding, competitive funding, grants, scientific foundations, university science, young researchers.

Высшее образование как отрасль экономики выполняет ряд функций, в том числе социально-экономические функции, которые связаны с формированием и развитием кадрового, интеллектуального и научно-технического потенциала страны. Помимо образовательной деятельности, которая в учреждениях высшего образования (далее — УВО) является основной, они осуществляют и научную деятельность.

Одной из проблем белорусской системы высшего образования является проблема обеспечения его качества на высоком уровне. Существует и проблема кадрового обеспечения УВО. При этом наблюдается дефицит молодых преподавателей и исследователей, имеющих ученую степень, снижается заинтересованность молодежи продолжать обучение в аспирантуре, обеспечивая тем самым воспроизводство научных и научно-педагогических кадров.

Для амбициозных целей европейских университетов нужен большой резерв молодых исследователей, который в настоящее время является недостаточным. В связи с этим усиливается международная борьба за талантливых молодых научных и научно-педагогических работников, в том числе за счет предоставления грантов [6]. Поэтому система грантового финансирования научных исследований Республики Беларусь должна быть направлена на сохранение и приумножение кадрового научного потенциала страны, не препятствуя при этом обмену опытом и знаниями с зарубежными коллегами, проведению совместных научных исследований с представителями других стран.

В Республике Беларусь принимаются меры по поддержке не только академической науки, но и вузовской, а также отраслевой. Научные и научно-педагогические работники УВО, в том числе молодые ученые, могут подавать заявки на гранты Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (далее — БРФФИ).

К внутриреспубликанским конкурсам БРФФИ, которые напрямую ориентированы на поддержку научных исследований молодежи, относятся «Наука М» и «БРФФИ-Минобразование М». В данных конкурсах могут участвовать только молодые ученые (как в качестве руководителей, так и в качестве исполнителей). В табл. 1 представлен анализ итогов этих конкурсов за 2020 год.

В рамках конкурса «Наука М» финансирование получили проекты вузовской науки, подчиненные не только Министерству образования Республики Беларусь, но и другим органам государственного управления. Удельный вес проектов УВО, получивших финансирование, является высоким и составляет 49,3 %.

В рамках конкурса «БРФФИ-Минобразование М» в 2020 году финансирование получили исключительно проекты вузовской науки (15 проектов). Четырнадцать из пятнадцати организаций, проекты которых получили финансирование, являются УВО, подчиненными Министерству образования Республики Беларусь, одна организация (Учреждение Белорусского государственного университета «Научно-исследовательский институт физико-химических проблем») является научно-исследовательским институтом при Белорусском государственном университете (далее — БГУ), который также подчинен Министерству образования Республики Беларусь. БГУ в настоящее время является не только учреждением высшего образования, но и единым учебно-научно-производственным комплексом, в состав которого входят образовательные, социально-культурные, научно-исследовательские, производственные, структурные подразделения, унитарные предприятия и учреждения. Это объясняет сравнительно более низкую долю профессорско-преподавательского состава в общей численности персонала БГУ [1].

Таблица 1

Анализ итогов конкурсов БРФФИ для молодых ученых «Наука М» и «БРФФИ-Минобразование М» за 2020 год

Количество / удельный вес проектов	Название конкурса		
	«Наука М»	«БРФФИ-Минобразование М»	Суммарно по конкурсам «Наука М» и «БРФФИ-Минобразование М»
Количество / удельный вес проектов научных организаций в системе НАН Беларуси, получивших финансирование (<i>академическая наука</i>)	26 проектов 37,7 %	0 проектов 0 %	26 проектов 31,0 %
Количество / удельный вес проектов УВО, получивших финансирование, в т. ч. научно-исследовательских институтов при УВО (<i>вузовская наука</i>)	34 проекта 49,3 %	15 проектов 100 %	49 проектов 58,3 %
Количество / удельный вес проектов научных и научно-производственных организаций, не входящих в систему НАН, получивших финансирование (<i>отраслевая наука</i>)	9 проектов 13,0 %	0 проектов 0 %	9 проектов 10,7 %
Общее количество проектов академической, вузовской и отраслевой науки, получивших финансирование	69 проектов 100 %	15 проектов 100 %	84 проекта 100 %

Примечание. Составлено по источнику [3]

Таким образом, доля проектов УВО, получивших финансирование в молодежных конкурсах БРФФИ («Наука М», «БРФФИ-Минобразование М») очень высокая и составляет 58,3 %, что свидетельствует о доступности грантов БРФФИ для молодых ученых вузовской науки.

Интерес представляют и итоги других конкурсов БРФФИ (внутриреспубликанских и международных), для участия в которых нет возрастных ограничений, поскольку в данных конкурсах участвуют и молодые ученые. Анализ итогов данных конкурсов за 2020 год свидетельствует о том, что по ряду конкурсов достаточно активно финансирование получают проекты УВО, хоть и в меньшей степени, чем в конкурсах для молодых ученых. Доля проектов УВО, получивших финансирование в 2020 году в конкурсах БРФФИ, кроме молодежных конкурсов, составляет около 37 %.

В общей же сложности по всем конкурсам БРФФИ, в том числе для молодых ученых, доля проектов УВО, получивших финансирование в 2020 году, составляет около 42 % [3].

Кроме БРФФИ, гранты на выполнение НИОКР выделяются Национальной академией наук Беларуси, Министерством образования Республики Беларусь, Президентом Республики Беларусь. Также имеется возможность подавать заявки на гранты в зарубежные фонды.

В Российской Федерации аналогом БРФФИ являлся Российский фонд фундаментальных исследований (далее — РФФИ), который недавно был присоединен к Российскому научному фонду (далее — РНФ).

Кроме РНФ, в Российской Федерации функционирует ряд других научных фондов и организаций, осуществляющих выделение грантов на выполнение НИОКР.

Перечень и характеристика грантодателей Российской Федерации,
осуществляющих финансирование научных исследований

Наименование грантодателя	Характеристика
Российский научный фонд (РНФ)*	Создан по инициативе Президента Российской Федерации в целях поддержки фундаментальных и поисковых исследований, развития научных коллективов, занимающих лидирующие позиции в определенной области науки.
Фонд «Русский мир»	Основными целями фонда являются популяризация русского языка, являющегося национальным достоянием России и важным элементом российской и мировой культуры, и поддержка программ изучения русского языка в Российской Федерации и за рубежом.
Гранты Президента Российской Федерации	В рамках государственной поддержки молодых российских ученых и ведущих научных школ Российской Федерации.
Национальный фонд содействия молодежи «Молодые лидеры»	Миссия фонда — раскрывать творческий потенциал активной российской молодежи в различных областях общественно значимой деятельности, способствуя формированию поколения сознательных граждан — хозяев своей страны.
Национальная система развития научной, творческой и инновационной деятельности молодежи России «Интеграция»	Первая в Российской Федерации организация, осуществляющая на постоянной, систематической основе комплекс всероссийских конкурсных мероприятий по выявлению и поддержке талантливой молодежи с обязательными итоговыми очными соревнованиями победителей заочных этапов.
«Информация, наука, образование»	Цели фонда: содействие развитию общественных и гуманитарных наук в России; развитие творческой активности и научного потенциала российского общества; широкое распространение общечеловеческих и демократических принципов в сфере науки и образования; расширение международного сотрудничества в области науки и образования, установление научных контактов и др.
Международный благотворительный фонд имени Д. С. Лихачева	Миссия фонда — развитие российской культуры, образования, гуманитарной науки, распространение в обществе демократических и гуманитарных ценностей.
Министерство образования и науки Российской Федерации	Государственная поддержка реализации образовательных, научных и (или) научно-технических программ с участием молодых исследователей и обучающихся в целях реализации федерального проекта «Развитие научной и научно-производственной кооперации» национального проекта «Наука».
Российская академия наук (РАН)	Поддержка реализации научных программ с участием молодых исследователей в целях реализации федерального проекта «Развитие научной и научно-производственной кооперации» национального проекта «Наука».
Фонд некоммерческих программ «Династия»	Задача фонда — поиск и поддержка талантов, их идей и проектов в области естественных и общественных наук. Приоритетные направления деятельности фонда — развитие фундаментальной науки и образования в России, создание условий для работы ученых на родине, популяризация науки и просвещение.
Благотворительный фонд В. Потанина	Реализует масштабные программы в сфере образования и культуры, содействует становлению активных, творческих профессионалов и способствует развитию благотворительности в России.
Фонд «Сколково»	Миссия фонда — создание экосистемы, формирование благоприятных условий для инновационного процесса: ученые, конструкторы, инженеры и бизнесмены совместно с участниками образовательных проектов будут работать над созданием конкурентоспособных наукоемких разработок мирового уровня.

Примечания: 1. В 2021 году РФФИ был присоединен к РНФ. Ранее от бывшего РФФИ отделился Российский гуманитарный научный фонд (РГНФ), а затем снова вошел в его структуру.
2. Источник: [5]

Также в России функционируют представительства зарубежных фондов:

— Российская программа экономических исследований.

— Совет по международным исследованиям и обменов. Московское представительство IREX.

— Немецкий фонд академических обменов.

— Объединение имени Гельмгольца.

— Американские программы Фулбрайта и др. [5].

Ниже представлены грантодатели Республики Казахстан.

Перечень и характеристика грантодателей Республики Казахстан,
осуществляющих финансирование научных исследований

Наименование грантодателя	Характеристика
Назарбаев университет	Грант по социальной политике; Грант ORAU
Министерство образования и науки Республики Казахстан	Предоставление грантов. Также Министерство образования и науки Республики Казахстан совместно с Всемирным Банком реализует Проект стимулирования продуктивных инноваций. Проект направлен на укрепление потенциала ключевых институтов национальной инновационной системы, предполагает введение рыночных механизмов отбора и сопровождения инновационных проектов и технологических стартапов, а также стимулирование участия в них частного сектора.
Фонд Первого Президента Республики Казахстан — Лидера Нации (ФПП)	Задачи фонда: — поддержка и развитие активной позиции молодых ученых в процессах проектирования и созидания будущего Республики Казахстан; — пропаганда достижений молодых ученых Казахстана, возможностей их использования в условиях рыночных отношений; — организация научных конференций, форумов, симпозиумов, семинаров, выставок; — проведение научных мероприятий с участием молодых ученых на республиканском и региональных уровнях; — сохранение и развитие ведущих научных школ, преемственности научных поколений, наращивания интеллектуального потенциала Республики Казахстан.
Научно-образовательный фонд имени академика Шахмардана Есенова	Задачи фонда: — реализация образовательных программ; — реализация научно-исследовательских и грантовых программ; — реализация ресурсных программ.
Благотворительный фонд Сорос-Казахстан	Внедрение новых инициатив, направленных на усовершенствование правосудия, образования, общественного здравоохранения и независимых СМИ.
АО «Национальное агентство по технологическому развитию»	Предоставление инновационных грантов: — на коммерциализацию технологий на стадии создания опытного лабораторного образца; — коммерциализацию технологий на стадии создания экспериментального промышленного образца; — коммерциализацию технологий на стадии выпуска и реализации тестовой партии продукции

Примечание. Источник: [4].

В Казахстане также есть возможность подавать заявки на гранты в зарубежные фонды (гранты Рамочной программы Европейского Союза «Горизонт-2020» и др.).

Зарубежный опыт свидетельствует о том, что в развитых странах обычно существует несколько фондов, выделяющих гранты ученым. Они могут отличаться тем, какие науки выбирают для финансирования в качестве приоритетных, объемом и количеством грантов, сложностью подачи заявок на гранты и оформления отчетных документов, условиями конкурсов, финансированием конкретных ученых или же организаций и др.

Изучение опыта России, Казахстана и других стран свидетельствует о целесообразности создания в Беларуси новых дополнительных фондов, специализирующихся на выделении грантов на проведение научных исследований, а также о целесообразности расширения перечня совместных с научными фондами других стран конкурсов на получение грантов, расширение перечня самих этих стран.

Создание дополнительных научных фондов в Беларуси может положительно сказаться и на поддержке социогуманитарных наук. В России был прецедент, связанный с историей РФФИ и Российского гуманитарного научного фонда (далее — РГНФ). Когда-то был один РФФИ, затем от него отделился РГНФ, что было правильным решением. Затем РГНФ вернули в РФФИ. Суммарное бюджетное финансирование фактически не изменилось, однако произошло перераспределение внутри РФФИ, и социогуманитарный блок не оказался в выигрыше. Сейчас в России существует угроза повторения данного опыта в связи с присоединением РФФИ к РНФ. Тем более общественные и гуманитарные науки не дают существенного вклада в результативность при измерении ее по базе данных *Web of Science*, как это делает РНФ [2].

В Беларуси выдается существенно меньше бюджетных грантов по сравнению с Россией, и особенно по сравнению с ЕС и США в условиях отсутствия частных благотворительных научных фондов в Беларуси и невысокого доступа к зарубежному финансированию НИОКР. В такой ситуации разнообразие возможностей могут обеспечить государственные фонды. И. Г. Дежина и другие исследователи отмечают, что сила инновационных систем (а научные фонды — это компоненты таких систем) — в разнообразии, а не в унификации [2], что является одним из важных аргументов в пользу создания в Беларуси дополнительных фондов, выделяющих гранты на проведение научных исследований.

Выводы и рекомендации

В Беларуси создаются и функционируют филиалы кафедр УВО в организациях НАН Беларуси и на высокотехнологичных предприятиях. Такая практика не только обеспечивает практикоориентированную подготовку специалистов, но и положительно влияет на формирование научных связей между представителями академической, вузовской и отраслевой науки, на привлечение молодежи в науку. Но существуют возможности для наращивания кадрового научного потенциала Беларуси в академической, вузовской и отраслевой науке при участии БРФФИ. Для углубления сотрудничества между молодыми учеными академической, вузовской и отраслевой науки можно рекомендовать создание молодежного конкурса на получение грантов в БРФФИ, отличительной чертой которого был бы состав исследовательских групп: наличие представителей академической и вузовской науки (вузовской и отраслевой науки; академической и отраслевой науки) в приблизительно одинаковом соотношении.

Будущие новые научные фонды Беларуси также могли бы объединить представителей академической, вузовской и отраслевой науки совместной работой над научными проектами. Кроме того, будущим научным фондам Беларуси, а также БРФФИ рекомендуется проводить активную информационную работу для привлечения наиболее талантливых молодых ученых. Например, как это делается в России, где РНФ проводит ряд мероприятий,

направленных на распространение информации о своих конкурсах на получение грантов. Так, в рамках международных молодежных конференций на базе ведущих российских вузов организовываются семинары, на которых подробно и наглядно рассказывается о деятельности РНФ и преимуществах участия в конкурсах на получение грантов РНФ.

Библиографический список

1. Абрамеев С. В. БГУ: научная деятельность [Электронный ресурс]. Минск, 2013. 43 с. URL: <http://www.bsu.by/Cache/pdf/515793.pdf> (дата обращения: 02.04.2021).
2. В прорыв — единым научным фондом! Нужно ли делать так, чтобы в стране остался только один безальтернативный источник грантового финансирования науки [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sib-science.info/ru/grants/v-proryv-edinum-nauchnum-22122020> (дата обращения: 02.04.2021).
3. Итоги конкурсов БРФФИ 2020 года [Электронный ресурс]. URL: https://fond.basnet.by/itogi_konkurs_2020.html (дата обращения: 02.03.2021).
4. Отечественные фонды, финансирующие научные исследования организации [Электронный ресурс]. URL: <http://medscience.kz/research-environment/funding-organizations-and-funds/отечественные-фонды-финансирующие-о/> (дата обращения: 02.04.2021).
5. Российские и международные фонды [Электронный ресурс]. URL: <https://khv.gpmu.ru/rossijskie-i-mezhdunarodnye-fondy> (дата обращения: 02.04.2021).
6. Managing the university community: exploring good practice // EUA Case Studies 2007. 2007. 108 p. URL: <https://eua.eu/downloads/publications/managing%20the%20university%20community%20exploring%20good%20practice.pdf> (дата обращения: 02.04.2021).

Мальцева А. П., Субботина Я. В., Белых С. А. Комфортная среда как законодательный фактор экологической и экономической безопасности // Вестник Прикамского социального института. 2021. № 1 (88). С. 70–75.

Maltseva A. P., Subbotina Ya. V., Belykh S. A. Comfortable environment as a factor for environmental and economic security. *Bulletin of Prikamsky Social Institute*. 2021. No. 1 (88). Pp. 70–75. (In Russ.)

УДК 630*342* 330

А. П. Мальцева

Пермский государственный аграрно-технологический университет
имени Д. Н. Прянишникова, Пермь, Россия

Я. В. Субботина

Прикамский социальный институт, Пермь, Россия

С. А. Белых

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Пермь, Россия

КОМФОРТНАЯ СРЕДА КАК ФАКТОР ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Мальцева Анастасия Павловна — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Лесоводство и ландшафтная архитектура».

E-mail: Asyatumh@yandex.ru

Субботина Яна Владимировна — кандидат сельскохозяйственных наук, доцент, заведующая кафедрой «Экономика и управление».

E-mail: ya.v.subbotina@gmail.com

Белых Светлана Александровна — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономика и финансы».

E-mail: belyh_sa@list.ru

Статья рассматривает экологическую и экономическую безопасность как базовую основу в формировании комфортной среды человека. Анализируются правовые аспекты регулирования экологических отношений в контексте конституционных базисов формирования комфортных условий для проживания населения. Обращается внимание на основные законодательные акты, которые, закрепляя необходимость обеспечения сохранения окружающей природной среды, реализуют нормы Конституции РФ, гарантирующие право на достойную жизнь, на охрану здоровья людей и благоприятную окружающую среду. Подчеркивается, что положения стратегий экологической и экономической безопасности РФ являются гарантами стабильного развития общества и комфортных условий жизни населения. Выявляются проблемы в данной сфере на территории Пермского края.

Ключевые слова: комфортная среда, экологическая безопасность, экономическая безопасность, законодательные акты, природные объекты.

A. P. Maltseva

Perm State Agro-Technological University, Perm, Russia

Ya. V. Subbotina

Prikamsky Social Institute, Perm, Russia

S. A. Belykh

National Research University Higher School of Economics, Perm branch, Perm, Russia

COMFORTABLE ENVIRONMENT AS A FACTOR FOR ENVIRONMENTAL AND ECONOMIC SECURITY

Maltseva Anastasia P. — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor at the Department of Forestry and Landscape Architecture.

Subbotina Yana V. — Candidate of Agricultural Sciences, Head of the Department of Economics and Management.

Belykh Svetlana A. — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor at the Department of Economics and Finance.

The article considers environmental and economic security as the basic basis in the formation of a comfortable human environment. The legal aspects of environmental relations regulation discussed in the article lead to the consideration of constitutional bases for the formation of comfortable conditions for living in the population, problems are identified in the Perm Territory. Legislative acts enshrining the need to ensure the preservation of the environment, implement the norms of the Constitution of the Russian Federation, guaranteeing the right to a decent life, to protect human health and a favorable environment. The norms and positions of the Environmental and Economic Security Strategies of the Russian Federation are the guarantors of the stable development of society and comfortable living conditions of the population.

Keywords: comfortable environment, environmental security, economic security, legislative acts, natural objects.

Комфортной называется окружающая среда, качество которой обеспечивает устойчивое функционирование естественных экологических систем, природных и природно-антропогенных объектов¹. Создать благоприятную среду обитания для человека можно при закреплении экологических требований и мер их реализации, обеспечивающих сохранение всех природных объектов. Данные требования необходимо дифференцировать с учетом целевого режима использования объектов окружающей среды и взаимосвязи всех их компонентов. Обеспечивая нормативно сохранение природы, законодатель тем самым реализует положения Конституции Российской Федерации, гарантирующие право на достойную жизнь, охрану здоровья людей, на благоприятную окружающую среду.

По данным Всемирной организации здравоохранения, в мире более 1 млрд человек проживает в крупных мегаполисах с загрязнением окружающей среды выше предельно допустимых концентраций [1], всё больше людей страдает заболеваниями сердечно-сосудистой системы, снижением иммунитета, при этом падает рождаемость и увеличивается смертность. Актуальна смена пассивных методов по охране природы на активные виды технологий, обеспечивающие образование здоровой среды обитания в противовес средоразрушающим и средозагрязняющим технологиям [4].

Законодательство РФ в области охраны окружающей среды и сохранения биологического разнообразия направлено на реализацию целого ряда конституционных прав человека и гражданина, закрепленных в Конституции РФ². Она декларирует ответственность общества перед настоящими и будущими поколениями и его ориентированность на благополучие и процветание страны, кроме того, определяет направления развития государства и законодательства в экологической сфере [3], а также принципы экологической политики регионов. Так, в гл. 1 Основного закона рассматриваются условия, обеспечивающие достойную жизнь и свободное развитие человека (ст. 7 Конституции РФ), устанавливается использование природных ресурсов и их охрана как основа жизни и деятельности народов, населяющих Российскую Федерацию (ст. 9 Конституции РФ); в гл. 2 представлены нормы владения, пользования и распоряжения землей и другими природными ресурсами их соб-

¹ Об охране окружающей среды: федер. закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 09.03.2021) // Рос. газета. 12.01.2002. № 6.

² Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020 (дата обращения: 14.04.2021).

ственников без ущерба для окружающей среды (ст. 36 Основного закона РФ). Ст. 42 и 58 Конституции РФ гарантируют право каждого человека на благоприятную окружающую среду и обязанность беречь природу и ее богатства.

В законодательных нормах фиксируются определенные значимые ценности-базисы, служащие основой экологической и экономической безопасности. Такими базисами (ценностями) являются природные объекты, необходимые для формирования благоприятной окружающей среды, а именно: охраняемые природные территории; земли сельскохозяйственного назначения; зеленые насаждения городской среды; кроме того, важное значение имеют эффективное функционирование предприятий АПК и устойчивое управление предприятий благоустройства и озеленения региона. Сохранение базисов является приоритетной целью реализации государственной политики в области экологической безопасности населения и в обеспечении экономической и продовольственной безопасности страны.

Формируемые Конституцией РФ экологические ценности обеспечивают защиту нескольких сторон жизни человека:

1. Биологическую основу его существования. Человек является частью природы, его физическое существование отдельно от природы не представляется возможным.

2. Материальную основу жизнедеятельности человека. Человек в своей хозяйственно-экономической деятельности (а также во время отдыха, право на который тоже гарантируется Конституцией РФ) использует для удовлетворения своих потребностей природные ресурсы: землю, воздух, недра, леса, воду, животный мир [2].

Для формирования экологической безопасности необходимы:

— Мониторинг превышений предельно допустимых сбросов / предельно допустимых концентраций вредных веществ.

— Мониторинг антропогенного воздействия на окружающую среду.

— Контроль процессов сбора, переработки и утилизации отходов.

— Взаимодействие с природопользователями и потребителями.

— Мониторинг опасных природных явлений.

— Контроль радиационного фона и количества радионуклидов.

— Формирование газонов.

Создание условий для обеспечения экономической безопасности предполагает:

— Оптимальное взаимодействие в системной цепи от производства до потребления, которое гарантирует формирование среды, безопасной и благоприятной для проживания населения.

— Обеспечение продуктами питания, что позволяет экономическим субъектам АПК оставаться рентабельными, финансово устойчивыми, платежеспособными и эффективно использовать свой потенциал: производственный, инвестиционный, инновационный, научный¹.

— Создание возможностей для расширенного воспроизводства с учетом экологических и социальных факторов.

— Устойчивое управление объектами ландшафтной архитектуры.

Согласно стратегии экологической безопасности РФ² в развитии экономоэкологического законодательства устанавливаются такие приоритеты, как сохранение и восстановление природы, обеспечение качества окружающей среды в целях создания благоприятных условий проживания

¹ Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]: указ Президента РФ от 21.01.2020 № 20 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 21.01.2020 (дата обращения: 14.04.2021).

² О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]: указ Президента РФ от 19.04.2017 № 176 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 20.04.2017 (дата обращения: 14.04.2021).

человека и устойчивого развития экономики. Благоприятная среда по Стратегии связывается с сохранением здоровья населения РФ, особенно той его части, которая проживает в промышленных центрах и вблизи производственных объектов. Особое значение приобретает охрана окружающей среды именно в границах населенных пунктов (городах, поселках, селах, деревнях и т. п.), с сохранением отдельных ее компонентов (лес, воды, недра, атмосферный воздух и т. д.).

Стратегия экономической безопасности Российской Федерации¹ представляет собой совокупность правил и принципов сбалансированного развития различных сфер, с помощью которых обеспечивается безопасность страны, в том числе и продовольственная, достигаются ее устойчивые конкурентные позиции. Данная стратегия призвана консолидировать усилия органов государственной власти, органов местного самоуправления, Центробанка РФ и институтов гражданского общества по обеспечению экономической безопасности в целях защиты национальных интересов и реализации стратегических национальных приоритетов России.

По данным территориального органа Федеральной службы государственной статистики, при опросе жителей разных населенных пунктов Пермского края были получены результаты, представленные на рис. 1 и 2. Респондентами являлись лица старше 15 лет, схожие результаты имеют и более узкие группы населения (трудоспособные, старше трудоспособного возраста и молодежь от 15 до 29 лет).

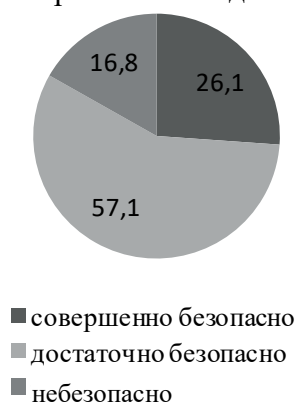

Рис. 1. Ощущение безопасности на улице в своем населенном пункте в темное время суток, %

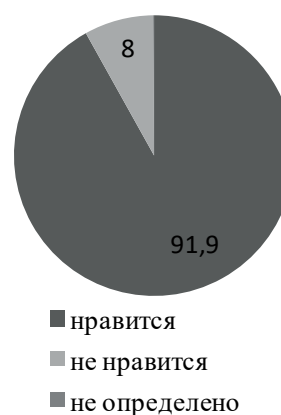

Рис. 2. Мнение о проживании в своем населенном пункте (районе проживания), %

Согласно данным Пермьстата [5], представленным на рис. 1 и 2, видно, что более 90 % респондентов нравятся условия проживания в Перми и Пермском крае. Большинство опрошенных чувствует себя достаточно безопасно на улицах в темное время суток. Также необходимо отметить, что респонденты-женщины менее безопасно ощущают себя на улицах, чем мужчины.

На наличие проблем в условиях проживания на территории края указали 80,5 % респондентов, перечень проблем представлен в таблице [5]. Выявленные проблемы, наиболее волнующие население разных территорий проживания в Пермском крае, дают возможность оценить уровень экологической и экономической безопасности в регионе.

¹ О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года [Электронный ресурс]: указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 15.05.2017 (дата обращения: 14.04.2021).

Таблица

Проблемы в формировании комфортной среды в Пермском крае, %*

Проблемы, указанные респондентами	Все респонденты	в том числе проживающие				
		в городских населенных пунктах	с численностью населения, человек		в сельских населенных пунктах	в моногородах
			менее 50 тыс.	более 1 млн		
Высокий уровень преступности (нарушение общественного порядка)	14,2	17,0	18,7	22,0	5,5	20,8
Недоступность государственных и муниципальных услуг в сфере:						
— медицинского обслуживания	45,5	47,1	61,4	41,3	40,4	57,8
— дошкольного и школьного образования	19,9	17,0	5,5	15,4	28,9	48,3
Большая отдаленность:						
— торговых точек	7,3	5,4	6,2	6,8	13,2	5,4
— аптек	17,5	10,1	18,9	2,7	40,9	10,6
— учреждений культуры	39,0	44,2	25,5	57,5	22,6	10,5
— мест проведения отдыха и досуга	46,9	51,1	35,7	66,2	33,8	16,9
— объектов для занятий физкультурой и спортом	45,2	46,5	30,2	59,1	41,1	22,9
Плохая организация работы:						
— жилищно-коммунальных служб	39,8	37,7	34,4	38,7	46,6	64,2
— общественного транспорта	18,9	14,4	7,9	9,0	33,1	57,6
Общая неблагоустроенность, недостаточность озеленения	35,8	37,1	41,7	24,7	31,7	63,2
Состояние дорог, безопасность дорожного движения	57,7	53,1	66,5	39,5	72,1	85,0
Вандализм (умышленные разрушения в общественных местах и жилых домах)	22,5	26,1	39,6	28,1	11,1	16,7
Распространение:						
— наркотиков;	24,2	26,8	26,4	30,9	16,2	28,3
— алкоголизма	38,3	34,0	38,5	37,2	52,2	55,4
Загрязненность окружающей среды	41,5	40,2	45,2	54,7	45,7	37,4
Другие проблемы	4,3	2,1	8,6	0,3	11,4	0,0

*По данным территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю (дата обращения: 14.05.2021) [5].

Первостепенно волнующей проблемой является загрязненность окружающей среды. Отмечается плохое состояние дорог и отсутствие безопасности дорожного движения, общая неблагоустроенность, недостаточность озеленения и частичная недоступность государственных и муниципальных услуг. Данные проблемы снижают вероятность формирования комфортной среды для проживания человека.

В решении вопросов оздоровления среды обитания человека огромная роль принадлежит растениям как основным компонентом биосферы. Растения приобретают всё большее значение в жизни общества как фактор окружающей нас среды, с помощью которого возможна ее экологическая стабилизация и улучшение жизни людей на фоне увеличивающихся антропогенных нагрузок на природный комплекс [4].

Огромное влияние на качество окружающей среды в населенных пунктах оказывают такие природные компоненты, как лес и зеленые насаждения города. Экологические функции этих компонентов заключаются:

- в поглощении из атмосферы вредных промышленных выбросов;
- накоплении в своей биомассе углерода;
- удалении из воздуха загрязняющих веществ путем их поглощения и осаждения на листьях;
- снижении уровня шума;
- выполнении водоохранной и почвозащитной функций.

Кроме этого необходимо создавать участки с устойчивым газонным покрытием, которые имеют не только декоративное назначение, но и санитарно-гигиеническое. Газонные травы, вследствие сильного испарения влаги, способны увеличивать влажность, снижать температуру приземного слоя воздуха. Газоны отлично задерживают движение пыли, переносимой с других территорий [4].

Не стоит забывать и о рекреационной и экономической функциях леса и зеленого пояса городов, выражающихся в благоприятном воздействии на психическое и физиологическое здоровье людей, создании рабочих мест и сохранении природных объектов для будущих поколений.

Таким образом, экологическая и экономическая безопасность являются основой жизни и деятельности человека, национальным достоянием нынешнего и будущих поколений, служат предпосылкой и условием безопасности страны в целом, определяя условия устойчивого развития государства. Формируя условия для обеспечения экологической безопасности, предполагающие не в последнюю очередь осознание населением сущности природоохранных мер и основных направлений решения экологических проблем, необходимо учитывать все экономические последствия и риски. Следует помнить, что достижение любых государственных целей должно проходить с минимальной степенью вреда для окружающей природной среды, в том числе и для человека как ее неотъемлемой части.

В городе Перми и Пермском крае имеются все предпосылки для сохранения и увеличения озелененных объектов и лесных участков на территориях населенных пунктов, чтобы обеспечить удовлетворение потребностей населения в комфортной окружающей среде и исполнение органами власти обязанностей в этой сфере, возложенных на них законодательством Российской Федерации.

Библиографический список

1. Быков В. А., Жученко А. А., Рабинович А. М. Комплексное средообразование фитотехнологий XI века // Лекарственное растениеводство: сб. науч. тр. М., 2000. С. 145–155.
2. Листопад О. Ф. Основные направления развития экологического законодательства Российской Федерации в сфере обеспечения благоприятной окружающей среды в населенных пунктах // Экологическое право. 2018. № 1. С. 68–72.
3. Несмеянова С. Э. Конституционно-правовое регулирование экологических отношений в Российской Федерации // Бизнес, менеджмент и право. 2015. № 1. С. 62–65.
4. Субботина Я. В., Зубарев Ю. Н. Газоны в Пермском крае: монография / ФГОУ ВПО «Пермская ГСХА». Пермь, 2010. 87 с.
5. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю [Электронный ресурс]. URL: <https://permstat.gks.ru/folder/33465> (дата обращения: 14.05.2021).

Палкина О. М. Высшее образование как фактор национальной безопасности // Вестник Прикамского социального института. 2021. № 1 (88). С. 76–79.

Palkina O. M. Higher education as a factor of national security. *Bulletin of Prikamsky Social Institute*. 2021. No. . Pp. 76–79. (In Russ.)

УДК 338.22

О. М. Палкина

Западно-Уральский институт экономики и права, Пермь, Россия

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Палкина Ольга Михайловна — кандидат экономических наук, доцент, проректор по научной работе.

E-mail: olpalkina@mail.ru

В статье рассматривается образование, и высшее образование в частности, как главный стабилизирующий или антикризисный фактор национальной безопасности современного Российского государства. Приводятся различные научные подходы к пониманию значения высшего образования как фактора национальной безопасности. В исследовании обращается внимание на необходимость анализа состояния и прогнозирования потенциальных моделей становления и развития системы высшего образования с использованием институционального подхода в контексте обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Ключевые слова: высшее образование, национальная безопасность, система образования, социальная политика государства, институциональный подход.

O. M. Palkina

West Ural Institute of Economics and Law, Perm, Russia

HIGHER EDUCATION AS A FACTOR OF NATIONAL SECURITY

Palkina Olga M. — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Vice-rector for Scientific Work.

The article examines education and higher education, in particular, as the main stabilizing or anti-crisis factor in the national security of the modern Russian state. Various scientific approaches to understanding the significance of higher education as a factor of national security are presented. The study draws attention to the need to analyze the state and predict potential models of the formation and development of the higher education system using the institutional approach, in the context of ensuring the national security of the Russian Federation.

Keywords: higher education, national security, education system, social policy of the state, institutional approach.

Уже на протяжении нескольких десятков лет в системе высшего образования России происходят интенсивные процессы административных, структурных, экономических, социальных преобразований, которые имеют радикальный характер и меняют всю совокупность отношений в социуме. Особенное ускорение реформирование системы высшего образования с точки зрения перехода вузов на дистанционное обучение приобрело в связи с наступлением острой эпидемиологической ситуации в стране (COVID-19), когда пришлось буквально за считанные недели настраивать программы, обучать преподавателей и студентов работе с интенсивным использованием дистанционных технологий. Заметим, что это

были вынужденные действия руководства вузов и преподавательского состава. До этого шли долгие дискуссии о необходимости и результативности дистанционного обучения, и надо сказать, что в основном вузы не торопились внедрять дистанционные технологии. Об этом говорили как о достаточно отдаленном будущем, но будущее наступило гораздо быстрее, чем предполагали. Данная ситуация предупреждает нас об ускорении формирования новых тенденций развития современности во всех сферах жизнедеятельности общества, и один из принципов безопасности социума — это постоянная готовность к качественным изменениям.

Эволюция системы высшего образования и образования вообще показывает, что именно образование является главным стабилизирующим и антикризисным фактором национальной безопасности, так как именно образование влияет на все уровни безопасности государства, общества, личности. В частности, без подготовки квалифицированных кадров невозможны экономическая, экологическая, военная и технологическая безопасность государства, а без инновационных методик обучения человечество не будет успевать за изменениями в цифровых технологиях и будет обречено на экономическую непригодность.

В исследовании высшего образования с точки зрения обеспечения национальной безопасности важнейшее значение, на наш взгляд, имеет институциональный подход, с позиций которого прогнозирование потенциальных моделей становления и развития системы высшего образования, выделение стержневых точек ее развития как фактора национальной безопасности может быть достаточно точным и продуктивным.

Подходы к пониманию национальной безопасности государства в современных реалиях требуют уточнения. Так, в российском законодательстве и, в частности, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утвержденной указом Президента РФ от 31.12.2015 № 683 (далее — Стратегия), национальная безопасность Российской Федерации понимается как состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации¹. Национальная безопасность включает в себя государственную, общественную, информационную, экологическую, экономическую, транспортную, энергетическую безопасность, технологическую, безопасность личности и другие².

В соответствии со Стратегией в системе высшего образования прежде всего должны возрождаться исконно российские идеалы: духовность, достойное отношение к исторической памяти; должно укрепляться общественное согласие на основе общих ценностей — свободы и независимости Российского государства, гуманизма, межнационального мира и единства культур многонационального народа Российской Федерации, уважения семейных традиций, патриотизма. Основные стратегические национальные приоритеты определены как важнейшие направления обеспечения национальной безопасности России. Факторами, негативно влияющими на национальную безопасность в области науки, технологий и образования, согласно п. 68 Стратегии, являются, в том числе, отставание в развитии высоких технологий, неэффективная система стимулирования деятельности в области науки, инноваций и промышленных технологий, снижение престижа профессий преподавателя и инженера, уровня социальной защищенности работников инженерно-технического, про-

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 1 (ч. II). Ст. 212.

² О безопасности [Электронный ресурс]: федер. закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ (ред. от 09.11.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>, 09.11.2020 (дата обращения 20.05.2021).

фессорско-преподавательского и научно-педагогического состава, качества общего, среднего профессионального и высшего образования.

Одним из внутренних источников угроз национальной безопасности России в современных условиях выступает некачественное образование. В этой связи, в соответствии с п. 70 Стратегии, намечены пути решения задач национальной безопасности в сфере науки, технологий и образования:

- формирование системы целевых фундаментальных и прикладных исследований;
- создание сети федеральных университетов, национальных исследовательских университетов;
- реализация программ создания учебных заведений, ориентированных на подготовку кадров для органов и сил обеспечения национальной безопасности.

Сегодня данные направления активно претворяются в жизнь и находятся в стадии развития. Однако не все задачи пока выполнены. Одним из инструментов решения поставленных задач в области развития интеллектуального потенциала является «Программа фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (2021–2030 годы)»¹.

В научной литературе можно встретить такие подходы к понятию национальной безопасности, как, например, отождествление национальной безопасности и безопасности государства. Учитывая правовые аспекты, можно говорить о безопасности государства как защищенности качественного, стабильного состояния общественных отношений, обеспечивающих прогрессивное развитие человека и общества в конкретных исторических и природных условиях от опасностей, источником которых являются внутренние и внешние противоречия [4, с. 15–17]. Помимо этого, в научной литературе есть точка зрения, что понятие национальной безопасности, включая ее разные виды, в том числе и экономическую, сегодня уже является предметом различных дисциплинарных практик, что позволяет использовать в его исследовании междисциплинарный подход — и с точки зрения правовых, и с точки зрения экономических и других дисциплин [3]. Конечно, в современном мире очень тесно связаны все основные сферы жизнедеятельности человека, и это, безусловно, находит отражение и в понимании феномена национальной безопасности. Как предмет исследования в этом контексте интересны и вопросы управления процессом предоставления услуг сферой высшего образования в условиях становления инновационной экономики [2].

Автору ближе понимание национальной безопасности, стержнем которого являются понятия «состояние, тенденции развития (в том числе латентные) и условия жизнедеятельности социума, его структур, институтов и установлений» [1, с. 91]. Уточняя данную трактовку с институциональной позиции, добавим, что национальная безопасность государства — это система институтов, которая обеспечивает эффективный интеллектуальный потенциал развития государства на определенный (длительный) период времени, с учетом возможных внутренних и внешних угроз. Данное определение наиболее точно отражает важную роль образованного человека, то есть человека, который постоянно совершенствует себя, интеллектуально развивается. Именно формированию такого человека и должен соответствовать современный уровень высшего образования.

На основе теоретических и практических подходов к конкурентоспособности государства можно выделить факторы, которые в наибольшей мере обуславливают его эффек-

¹ Об утверждении Программы фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (2021–2030 годы): распоряжение Правительства РФ от 31.12.2020 № 3684-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 3. Ст. 609.

тивность в экономической сфере безопасности. Это, во-первых, качество подготовки специалистов, во-вторых, условия, которые государство обеспечивает для формирования, развития и реализации их интеллектуального потенциала.

Низкий уровень вышеприведенных факторов усиливает угрозы национальной безопасности. В связи с этим можно утверждать, что качественная система высшего образования является важнейшим средством обеспечения национальной безопасности.

Библиографический список

1. Бельков О. А. Понятийно-категориальный аппарат концепции национальной безопасности // Безопасность: информ. сб. 1994. № 3 (19). С. 91–94.
2. Бердник-Бердыченко Е. Е., Погребач К. С. Стратегические ориентиры развития высшего профессионального образования как инновационного потенциала национальной экономики // Вестник Российского нового университета. Сер. «Человек и общество». 2020. Вып. 2. С. 12–17.
3. Рендак А. В. Экономическая безопасность государства как предмет теоретической рефлексии в социальном познании // Гуманитарий Юга России. 2017. Т. 6, № 4. С. 240–251.
4. Степашин С. В. Теоретико-правовые аспекты обеспечения безопасности Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 1994.

Рубан Д. А. Необходимость дифференцированного подхода к кадровому развитию вузов в соответствии с особенностями исследовательской деятельности // Вестник Прикамского социального института. 2021. № 1 (88). С. 80–84.

Ruban D. A. The urgency of differentiated approach of university staff development in regard to peculiarities of research activity. *Bulletin of Prikamsky Social Institute*. 2021. No. 1 (88). Pp. 80–84. (In Russ.)

УДК 330.35

Д. А. Рубан

Московский государственный университет технологий и управления
имени К. Г. Разумовского (Первый казачий университет), Москва, Россия

НЕОБХОДИМОСТЬ ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОГО ПОДХОДА К КАДРОВОМУ РАЗВИТИЮ ВУЗОВ В СООТВЕТСТВИИ С ОСОБЕННОСТЯМИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Рубан Дмитрий Александрович — Philosophiae Doctor, кандидат геолого-минералогических наук, доцент, научный сотрудник.

E-mail: ruban-d@mail.ru

Научная профилизация университетов является императивом, а ее обеспечение требует решения кадровых вопросов. Один из них касается формализации исследовательской деятельности в вузе. Предлагается концептуальное рассмотрение трех основных подходов к решению этого вопроса (создание лабораторий, индивидуализация научной деятельности и взаимодействие с исследовательскими пулами). При этом обращается внимание на специфику кадрового развития при использовании каждого из них. Например, взаимодействие с неформальными исследовательскими пулами может быть обеспечено за счет формирования «якорных стоянок» в виде виртуальных лабораторий или институтов приглашенных сотрудников. Подходы равнозначны, а целесообразность каждого из них обуславливается направлением исследований и областями научного знания. Если вуз заинтересован во всеобъемлющем, а не узкоспециализированном развитии, то он должен использовать одновременно все подходы, соответственно дифференцируя свою кадровую политику.

Ключевые слова: исследовательские пулы, кадровая политика, лаборатории, национальные интересы, университеты.

D. A. Ruban

K. G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management
(the First Cossack University), Moscow, Russia

THE URGENCY OF DIFFERENTIATED APPROACH OF UNIVERSITY STAFF DEVELOPMENT IN REGARD TO PECULIARITIES OF RESEARCH ACTIVITY

Ruban Dmitry A. — Philosophiae Doctor, Candidate of Geological-Mineralogical Sciences, Associate Professor, Researcher.

Scientific profiling of universities is imperative, and its support requires solution of staff-related questions. One of them is about formalization of research activity in higher education. It is proposed to treat conceptually three principal approaches answering this question (launching laboratories, research individualization, and interaction with researcher pools). The attention is paid to peculiarities of staff development when each of them is used. For instance, interaction with researcher pools can be realized via creation of “anchorages” in the form of virtual laboratories or institutes of invited specialists. The approaches are equal, and the suitability of each of them is determined by investigation directions and scien-

tific knowledge fields. If any university is interested in holistic and not too specialized development, it should use all approaches simultaneous and so to differentiate its staff policy.

Keywords: researcher pools, staff policy, laboratories, national interests, universities.

Современный университет — это прежде всего научная организация, и такая профилизация диктуется следующими принципиальными обстоятельствами, непосредственно связанными с вопросами обеспечения национальных интересов и безопасности. Во-первых, только исследовательская деятельность сотрудников вузов, предполагающая как генерирование новых результатов, так и знакомство с новейшими идеями и широкий трансфер знаний и опыта в мировом академическом пространстве, обеспечивает высокое качество образовательного процесса как по содержанию, так и по форме. Во-вторых, научные успехи вузов формируют их конкурентоспособность, которая влияет на глобальное позиционирование (не только академическое, но и геополитическое) и имидж страны, а также ее инвестиционную привлекательность (при этом дополняется и имидж вузов, что важно для привлечения абитуриентов). В-третьих, лидерская позиция вузов по отношению к социально-экономической среде и, в частности, бизнес-сообществу, успешное выполнение ими функций форсайта и консалтинга возможны лишь при должном научном обеспечении. В-четвертых, исследовательская активность сотрудников вузов, несомненно, повышает их удовлетворенность и самооценку, способствует развитию особых интеллектуальных площадок, важных для формирования каркаса социальных систем. В-пятых, научная профилизация дает возможность университетам выступать в качестве предпринимательских структур. Иными словами, трактовка университета как научной организации определяется не неким абстрактным переосмыслением роли высшего образования и тем более не необходимостью обеспечения внешней отчетности, а интересами самих вузов, социально-экономическим прогрессом страны (в том числе целями устойчивого развития) и укреплением государственности. Соответствующие вопросы рассматривались отечественными и зарубежными специалистами [1; 2; 5]. Отметим также, что университеты являются идеальными учреждениями для ведения научной деятельности, позволяющими обеспечить флексибельность соответствующей среды.

В настоящее время в России активизировались усилия по модернизации академической системы. Поручение Президента РФ от 2 мая 2021 г. о необходимости поддержки организаций высшего образования в рамках программы «Приоритет-2030»¹ является своевременным стимулом по обеспечению постепенного перехода к университетской системе, которая вполне соответствует вышеуказанным обстоятельствам. Укрепление научной профилизации отечественных вузов поднимает ряд вопросов, в том числе кадровый. Действительно, превращение университетов в полноценные и при этом высокопродуктивные научные организации в большинстве случаев не может быть реализовано в полной мере на основе уже имеющихся кадров, хотя стимулирование, переобучение и «мягкое» реструктурирование последних в ряде случаев может дать весьма позитивный эффект. Принципиальным решением проблемы видится привлечение ученых из других образовательных и научно-исследовательских организаций, сопровождаемое их активным вовлечением в подготовку молодых кадров, с сопутствующей переориентацией (в том числе с научным дообучением) собственных сотрудников. Безусловно, это решение является сложным и поднимает ряд дополнительных вопросов. Одним из них является формализация научной деятельности в вузе. В настоящей работе предлагается концептуальное рассмотрение данного вопроса в связи с кадровой политикой.

¹ URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/65524#assignment-12>.

Традиционным подходом к формализации научной деятельности в университете (и не только) является создание лабораторий, обеспеченных постоянными кадрами. Они поддерживают реализацию конкретных проектов с одновременной отработкой навыков и корректным распределением обязанностей среди персонала. В таком случае кадровое развитие заключается в назначении руководителя лаборатории из числа проявляющих соответствующую инициативу и обладающих должными компетенциями сотрудников или приглашении такового из другого учреждения. Он(а), в свою очередь, подбирает персонал из числа работников вуза, «со стороны» и/или начинающих ученых (магистрантов, аспирантов, стажеров). Однако тиражирование этого подхода является неверным, так как лаборатории наиболее подходят для исследований, которые реализуются по довольно однотипной схеме и при этом требуют использования сложного оборудования или проведения трудоемких экспериментов, что означает также потребность в значительном финансировании. Это характерно для экспериментальной биологии, физики, химии и ряда других наук.

Другой подход, также распространенный — индивидуализация научной деятельности в рамках так называемых инициативных, зачастую тематически разнородных исследований, выполняющихся конкретными учеными (иногда совместно с немногочисленными коллегами и учениками). В таком случае развитие кадрового потенциала заключается в продвижении имеющих в наличии специалистов такого типа или привлечении их «со стороны» для работы в качестве штатных сотрудников, совместителей или приглашенных ученых с неким особым (в том числе почетным) статусом. Принципиально важно и для тех, и для других обеспечить предельно комфортные условия работы с предоставлением максимальной свободы. Очевидно, что этот подход может быть использован только в тех случаях, когда характер самой исследовательской деятельности предполагает индивидуализацию и при этом не требует использования сложного оборудования и грантовой поддержки. Это относится, в частности, к таким наукам, как, например, география, история, философия. Главной трудностью оказывается необходимость привлечения довольно большого числа кадров самой высокой квалификации.

Однако в последние два десятилетия сформировался еще один подход, который заслуживает особого интереса в силу своей перспективности. Речь идет о научной работе, выполняемой исследовательскими пулами. Они представляют собой гибкие и отчасти непостоянные группы специалистов, связанных общими интересами, ценностями и личными отношениями. При этом они могут иметь как общую, так и различную научную специализацию, а вклад некоторых из них обеспечивается доступом к лабораторной базе и периодической грантовой поддержке (в тех довольно редких случаях, когда она действительно нужна). Исследовательские пулы включают работников нескольких вузов, часто из разных регионов и стран. Их эффективность определяется эмоциональной слаженностью работы и потребностью во внутринаучной социализации, возможностью перекрестной проверки методик и результатов, сочетанием уникального исследовательского опыта и концентрацией научного и, в ряде случаев, административного авторитета. Иными словами, это неформальные сетевые структуры, в которые входят от трех–пяти до нескольких десятков человек. При этом состав участников каждого конкретного проекта, реализуемого пулом, может быть различен. В силу академической глобализации и виртуализации с одновременным упрочнением и упрощением коммуникации в мировом научном сообществе роль исследовательских пулов, являющихся формой внеуниверситетской самоорганизации ученых, неуклонно возрастает. Это особенно касается таких наук, как геология, социология, экономика, экология. Однако представители и других наук также всё больше организуются соответствующим образом.

Кадровое развитие вузов, на первый взгляд, довольно сложно сочетать с деятельностью исследовательских пулов, которые по определению являются внеорганизационными структурами. Однако получаемые ими научные результаты представляют для университетов большой, возможно даже максимальный интерес в силу их значимости с одновременно интернационализацией. В этой связи вузам логичнее всего создавать так называемые «якорные стоянки» для исследовательских пулов. Безусловно, участники и неформальные руководители последних являются сотрудниками конкретных университетов. Однако с учетом коллективности работы доля научного результата, приходящегося на конкретный вуз, оказывается сравнительно небольшой, и, следовательно, последний заинтересован в ее увеличении. Более того, тесная привязка пула к одному вузу позволяет заявить последнему о своих лидерских амбициях и начать их реализовывать. Смысл идеи «якорных стоянок» заключается в том, чтобы закрепить в конкретном университете хотя бы одного неформального лидера пула, а также максимально возможное количество его участников, однако при этом без избыточной формализации их деятельности, которая негативно повлияла бы на научную продуктивность (неформальность исследовательских пулов — их основное конкурентное преимущество). Сделать это возможно двумя способами. Первый из них — формирование виртуальных лабораторий, открытых для сторонних участников, на базе конкретных вузов. Второй способ — создание института приглашенных сотрудников (однако не в формате программ *post-doc*, который по определению не подходит для состоявшихся ученых высокого класса). В любом случае важно обращение к опыту виртуальных команд, которые активно используются современными предприятиями и организациями [3; 4]. Выбор конкретного способа и реализация соответствующей инициативы в рамках действующих нормативно-правовых актов — задача, решаемая каждым конкретным вузом с учетом его возможностей и компетентности его администрации.

Выше перечислены три основных подхода к формализации научной деятельности в вузе; при этом степень формализации максимальна для лабораторий, умеренна для исследовательских пулов и минимальна для отдельных ученых. Важно при этом, что данные подходы являются равнозначными, то есть ни один из них не имеет очевидных преимуществ перед другими. Каждый из этих подходов получает преимущество только при применении к конкретным наукам. С учетом различного кадрового развития, предполагаемого данными подходами, можно сделать общее заключение о том, что для достижения успешности университетам требуется проведение дифференцированной кадровой политики, которая определяется научной специализацией вузов. Те из них, что нацелены на комплексное развитие без очевидной специализации на конкретных научных направлениях, должны применять все три подхода. Однако если конкретный вуз ориентирован на развитие экспериментальных направлений, требующих сложного оборудования и грантового обеспечения, то в нем целесообразно осуществлять кадровое развитие, ориентированное на формирование лабораторий. Напротив, университету, нацеленному на прорыв в области малозатратных, но высокопродуктивных естественно-научных или гуманитарных исследований, целесообразно создавать «якорные стоянки» для исследовательских пулов, о которых уже говорилось выше. В ближайшие годы в России следует ожидать резкого усиления конкуренции вузов в борьбе за перспективные кадры, и в связи с этим использование дифференцированного подхода к кадровому развитию в соответствии с особенностями исследовательской деятельности представляется очевидным конкурентным преимуществом.

В целом может быть сделан вывод о том, что современным университетам требуется максимально широкое видение проблемы кадрового развития. В частности, необходимо

четкое понимание того, что формализация исследовательской деятельности имеет различные формы, специфичные для конкретных наук. Кадровое развитие должно быть выстроено соответствующим образом, что предполагает его дифференциацию, в том числе и в пределах конкретного университета.

Библиографический список

1. Кудряшова Е. В., Сорокин С. Э. Модель исследовательского университета: реализация «третьей миссии» (зарубежные практики и российский опыт) // Ценности и смыслы. 2020. № 1. С. 26–40.
2. Носачевская Е. А. Об актуальных вопросах научного обеспечения развития региональной экономики в контексте реализации национальных проектов // Экономика устойчивого развития. 2019. № 1. С. 210–213.
3. Enrique G.-G., Joel M.-G. Best practices and opportunity areas for the intelligent management of virtual teams // Management Science Letters. 2020. Vol. 10. Pp. 3507–3514.
4. Glikson E., Erez M. The emergence of a communication climate in global virtual teams // Journal of World Business. 2020. Vol. 55. P. 101001.
5. How the relational structure of universities influences research and development results / M. A. F. Santini, K. Faccin, A. Balestrin, B. Volkmer Martins // Journal of Business Research. 2021. Vol. 125. Pp. 155–163.

Шимановский Д. В. Оценка взаимосвязи между величиной человеческого капитала и ростом экономики регионов РФ // Вестник Прикамского социального института. 2021. № 1 (88) . С. 85–92.

Shimanovsky D. V. Assessment of correlation between the size of human capital and growth of the economy in Russian regions. *Bulletin of Prikamsky Social Institute*. 2021. No. 1 (88). Pp. 85–92. (In Russ.)

УДК 332.055.2

Д. В. Шимановский

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

ОЦЕНКА ВЗАИМОСВЯЗИ МЕЖДУ ВЕЛИЧИНОЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА И РОСТОМ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Шимановский Дмитрий Викторович — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Информационные системы и математические методы в экономике».

E-mail: Dmitry-Shimanovsky@mail.ru

В статье рассматривается воздействие величины накопленного человеческого капитала на рост валового регионального продукта различных регионов Российской Федерации. Для оценки величины столь специфичного актива, как человеческий капитал, нами был предложен собственный подход, основанный на нормировании трех показателей, определяющих производительность труда в разных регионах России: доля занятых с высшим образованием, заболеваемость на 1 000 человек населения и количество посещений театров на 1 000 человек в год. С использованием вычисленного индекса человеческого капитала была построена эконометрическая модель, основанная на логарифмировании трехфакторной производственной функции Кобба — Дугласа. Результаты построения модели наглядно демонстрируют, что величина человеческого капитала является вторым по значимости фактором регионального экономического роста. Следовательно, комплексные стратегические планы развития различных регионов и их муниципальных образований должны планировать постепенное наращивание инвестиций в человеческий капитал.

Ключевые слова: человеческий капитал, эконометрическая модель, нормированные показатели.

D. V. Shimanovsky

Perm State University, Perm, Russia

ASSESSMENT OF THE CORRELATION BETWEEN THE SIZE OF HUMAN CAPITAL AND GROWTH OF THE ECONOMY IN RUSSIAN REGIONS

Shimanovsky Dmitry V. — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor at the Department of Information Systems and Mathematical Methods in Economics.

In the article, the impact of the accumulated human capital on the growth of the gross regional product in various regions of the Russian Federation has been considered. In order to assess the size of such specific asset as human capital, the authors have suggested their own approach based on standardizing three indicators that determine labor productivity in various Russian regions: the share of employees who have higher education, the morbidity per 1 000 people, and the number of theater visits per 1 000 people in year. Using the calculated human capital index, the econometric model based on the logarithm of the Cobb-Douglas three-factor production function has been developed. According to the results of the model development, it has been defined that the size of human capital is the second most important factor of the regional economic growth. Consequently, comprehensive strategic plans for the development of various regions and their municipalities should plan for a gradual increase in investments in human capital.

Keywords: human capital, econometric model, control parameters.

Введение

Разработка возможных практических рекомендаций для повышения темпов экономического роста является одной из центральных тем прикладных макроэкономических исследований. При этом общепринятым тезисом неоклассической макроэкономики выступает предположение, согласно которому рост валового внутреннего продукта (ВВП) определяется производственной функцией, задаваемой следующими факторами производства: трудом, капиталом и природными ресурсами государства.

В связи с этим следует отметить, что за последние 15 лет регионы России имели различные среднегодовые темпы роста экономики, выраженные в темпах прироста их валового регионального продукта (ВРП) [5]. Следовательно, объяснение причин различной скорости экономического развития субъектов Российской Федерации является актуальной задачей.

Между тем применение классических двухфакторной или трехфакторной производственных функций не всегда дает удовлетворительные результаты для объяснения причин экономического роста в регионах и муниципальных образованиях [12]. В связи с этим особую актуальность приобретает теория человеческого капитала, учитывающая неоднородность главного фактора экономического роста — труда. Суть данной концепции заключается в том, что каждый работник обладает некоторым капиталом знаний, навыков и способностей, которые определяют его производительность труда. Часто под человеческим капиталом понимают уровень образования, здоровья, культуры и профессиональных навыков человека.

Концепция человеческого капитала начала формироваться в 1960-е годы с выходом работ Г. Беккера и Т. Шульца [7]. Однако вопрос оценки величины человеческого капитала и ее использования в экономико-математических моделях остается дискуссионным и в настоящее время.

В связи с этим *целью* настоящего исследования является построение экономико-математической модели, объясняющей скорость экономического роста в регионах России с учетом фактора накопленной величины человеческого капитала.

Для достижения поставленной цели необходимо оценить величину названного показателя в различных регионах РФ. Тем не менее, как уже было сказано, данный вопрос является дискуссионным. Изначально оценкой величины человеческого капитала служил уровень образования населения. Такой подход используется некоторыми авторами и в настоящее время [9]. Однако в более поздних работах для оценки данной величины привлекался уже более широкий спектр показателей: уровень образования, заболеваемость, уровень культуры и др. Более подробно обзор трудов по оценке величины человеческого капитала представлен в первом разделе статьи.

Из сказанного следует, что актуальной является задача оценки воздействия инвестиций в человеческий капитал (повышение качества образования и усиление его практической направленности, увеличение государственных и частных вложений в систему здравоохранения, постоянное повышение квалификации занятого населения и другие аспекты) на экономический рост.

В связи с этим тема настоящего исследования представляется востребованной и актуальной.

1. Обзор литературы

Как сказано выше, теория человеческого капитала получила развитие в 1960-е годы с выходом трудов Г. Беккера и Т. Шульца. Далее мы сделаем обзор трудов современных авторов, посвященных оценке величины накопленного человеческого капитала и ее использованию в экономико-математическом моделировании.

В работе А. Е. Гафаровой и О. Г. Кантор приводится перечень показателей, которые, по мнению авторов, позволяют оценить величину человеческого капитала [4]. При этом авторы исследования сосредоточились на образовательном аспекте этого показателя. Так, среди характеристик социально-экономического развития региона авторы исследования выделяют те, которые могут оценивать величину накопленного человеческого капитала: среднее число лет обучения занятых в экономике, долю исследователей в общей численности занятых, среднюю продолжительность жизни.

В работе О. В. Мичасовой строится ряд эконометрических моделей регионального экономического роста с учетом воздействия человеческого капитала на развитие регионов РФ [10]. В результате исследования автор делает вывод о том, что сильнее всего на рост экономики региона влияет количество занятых в исследованиях и разработках — показатель, который характеризует долю занятых высокоинтеллектуальным трудом. Результаты данного исследования демонстрируют, что вклад человеческого капитала в рост ВРП сопоставим с аналогичным вкладом для физического капитала.

В работе Е. Н. Васильевой рассматривается два альтернативных подхода к оценке величины человеческого капитала [3]. Первый подход основан на дисконтированной денежной стоимости будущих доходов человека. Однако такой подход, на наш взгляд, является скорее теоретическим ввиду того, что будущую величину доходов человека можно лишь спрогнозировать с некоторой долей погрешности. Второй подход основан на среднем арифметическом трех показателей, характеризующих уровень образования, состояние здоровья и уровень квалификации работника. Причем первый и третий показатели автор предлагает оценивать путем тестирования, а не по формальным величинам, таким как число лет обучения или стаж работы в организации.

В работе Н. Р. Кельчевской и Е. В. Ширинкиной строится модель множественной регрессии, спецификация которой основана на уравнении Минцера [6]. В статье рассматривается зависимость логарифма величины заработной платы работника от следующих факторов: возраст человека, число отработанных лет на последнем месте работы, образование, пол. При этом второй и третий факторы отражают накопленный человеческий капитал индивида.

В результате уравнение регрессии приобретает вид

$$\ln w = a_0 + a_1 S + a_2 X + a_3 M + a_4 G + a_5 B + \varepsilon, \quad (1)$$

где w — заработная плата работника; S — возраст работника; X — стаж на последнем месте работы; M — уровень образования работника; G — пол работника; B — уровень профессии согласно квалификационному справочнику.

Уровень значимости всех переменных модели множественной регрессии составляет 5 %. В результате исследования авторы делают вывод, что человеческий капитал имеет свою «амортизацию». После 30 лет влияние первого профессионального образования на доходы человека слабеет. Если человек не получает второе высшее образование после 10–15 лет профессиональной деятельности, то многие его знания и навыки могут уже не соответствовать современным запросам рынка труда.

Изучив опыт применения отечественными авторами характеризующих человеческий капитал показателей в экономико-математическом моделировании, перейдем к описанию зарубежного опыта.

В работе D. Cohen и M. Soto рассматривается зависимость роста логарифма ВВП от количества лет обучения в различных странах мира и в различные временные периоды [13]. В результате исследования авторы приходят к выводу, что люди с более высоким уровнем образования не только имеют более высокую производительность труда, но и отличаются более высоким качеством жизни.

В исследовании S. Maksymenko и M. Rabbani [14] рассматривается сравнительный анализ роли человеческого капитала в экономическом росте Индии и Республики Корея. В своем исследовании они использовали так называемый индекс человеческого капитала, который включает в себя продолжительность обучения и продолжительность жизни. Авторы строят две модели множественной регрессии, описывающие экономический рост в Индии и в Республике Корея. В результате исследования делается вывод о том, что эластичность ВВП по числу занятых, скорректированному на величину индекса человеческого капитала, больше, чем эластичность ВВП по физическому капиталу.

Как видно из обзора трудов отечественных и зарубежных авторов, существует немало показателей, которыми можно оценить величину накопленного человеческого капитала. Однако при построении экономико-математических моделей вклада человеческого капитала в экономический рост исследователи часто ограничиваются лишь одним или двумя показателями.

Далее перейдем к описанию авторского исследования, которое было проведено с учетом опыта других ученых, описанного выше.

2. Основные предпосылки и допущения модели

На основании представленного выше обзора литературы нами были выбраны следующие показатели региона, которые могли бы говорить об уровне накопленного человеческого капитала: доля занятых с высшим образованием, заболеваемость хроническими болезнями в расчете на 1 000 человек населения и число посещений театров в год в расчете на 1 000 человек населения.

Названные показатели были нормированы по следующей формуле:

$$N_{i,t} = \frac{X_{i,t} - X_{\min,t}}{X_{\min,t} - X_{\max,t}}, \quad (2)$$

где $N_{i,t}$ — нормированное значение показателя для i -го региона в период времени t ; $X_{i,t}$ — исходное значение показателя i -го региона в период времени t ; $X_{\min,t}$ — минимальное среди всех регионов значение исходного показателя в период времени t ; $X_{\max,t}$ — максимальное среди всех регионов значение исходного показателя в период времени t .

Переход к нормированным показателям является стандартным преобразованием, используемым в экономических исследованиях. Например, данный подход применяется для оценки энергетической безопасности в КНР в работе [8].

Затем для нормированных значений трех показателей (доля занятых с высшим образованием, заболеваемость в расчете на 1 000 человек населения, число посещений театров в расчете на 1 000 человек населения) было вычислено среднее арифметическое, которое, на наш взгляд, может оценивать величину накопленного значения человеческого капитала региона:

$$HKI_{i,t} = \frac{N_{ed,i,t} + N_{hl,i,t} + N_{cul,i,t}}{3}, \quad (3)$$

где $HKI_{i,t}$ — индекс человеческого капитала для i -го региона в период времени t ; $N_{ed,i,t}$ — нормированное значение доли занятых с высшим образованием для i -го региона в период времени t ; $N_{hl,i,t}$ — нормированное значение заболеваемости на 1 000 человек населения для i -го региона в период времени t ; $N_{cul,i,t}$ — нормированное значение числа посещений театров на 1 000 человек населения для i -го региона в период времени t .

Таким образом, *первой предпосылкой* модели является предположение, что индекс, вычисленный по формуле (3), объективно отражает величину накопленного человеческого капитала.

Далее нами был применен математический аппарат теории производственных функций. Предположим, что ВРП региона описывается двухфакторной производственной функцией Кобба — Дугласа

$$Y_{i,t} = AI_{i,t}^{\alpha} L_{i,t}^{\beta}, \quad (4)$$

где $Y_{i,t}$ — ВРП i -го региона в период времени t , тыс. руб.; I — инвестиции в основной капитал i -го региона в период времени t ; L — численность занятых в i -м регионе в период времени t .

При этом стандартная форма функции Кобба — Дугласа была слегка изменена: фактор «капитал» был заменен на фактор «инвестиции в основной капитал». Подобный переход был сделан в работе [11].

Теперь предположим, что ВРП региона определяется не только численностью занятых, но и качеством кадрового состава, выраженным величиной накопленного человеческого капитала:

$$Y_{i,t} = AI_{i,t}^{\alpha} НКИ_{i,t}^{\gamma} L_{i,t}^{\beta}. \quad (5)$$

Исходя из предыдущих рассуждений, *второй предпосылкой* модели служит допущение, согласно которому процесс создания валового регионального продукта можно описать функциональной зависимостью, выражаемой формулой (4).

Для того чтобы модель (4) свести к модели множественной регрессии, необходимо произвести операцию логарифмирования:

$$\ln Y_{i,t} = \ln A + \alpha \ln I_{i,t} + \gamma \ln НКИ_{i,t} + \beta \ln L_{i,t} + \varepsilon_{i,t}. \quad (6)$$

Далее перейдем к описанию процесса сбора статистических данных и построения эконометрической модели.

3. Построение эконометрической модели

Для построения модели множественной регрессии прежде всего был рассчитан индекс человеческого капитала по формуле (2) для каждого региона за период с 2012 по 2017 год. Временной интервал определяется наличием статистических данных Росстата. При этом определенные регионы (г. Москва, г. Санкт-Петербург, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра и некоторые др.) не принимались в расчет, чтобы исключить выбросы. Ввиду этого общий объем выборки составил 444 наблюдения.

Для построения более качественной модели стоимостные показатели были приведены к ценам 2012 года путем дефлирования. Эта процедура была осуществлена по формуле

$$\bar{Y}_{i,t} = \frac{Y_{i,t}}{\prod_{j=1}^t DI_{i,t}}, \quad (7)$$

где $\bar{Y}_{i,t}$ — стоимостный показатель i -го региона (ВРП, инвестиции в основной капитал) в ценах базисного года в период времени t ; $Y_{i,t}$ — стоимостный показатель i -го региона (ВРП, инвестиции в основной капитал) в текущих ценах в период времени t ; $DI_{i,t}$ — индекс-дефлятор ВРП i -го региона.

Описание переменных после их дефлирования и нормирования представлено в табл. 1.

Таблица 1

Описание используемых переменных

Переменная	Обозначение	Источник данных	Объем выборки
ВРП региона в ценах 2012 года, млрд руб.	Y	Росстат, собственный расчет	444 наблюдения
Инвестиции в основной капитал в ценах 2012 года, млрд руб.	I	Росстат, собственный расчет	
Индекс человеческого капитала, пунктов	HKI	Собственный расчет	
Численность занятых, тыс. человек	L	Росстат	

Далее были рассчитаны основные числовые характеристики переменных, указанных в табл. 1. Результаты расчетов представлены в табл. 2.

Таблица 2

Описательные статистики переменных эконометрической модели

Переменная	Среднее	Стандартное отклонение	Медиана	Коэффициент вариации
Y	213,05	204,14	126,41	0,96
I	36,65	40,05	21,04	1,05
HKI	0,45	0,21	0,48	0,46
L	805,77	654,10	594,70	0,81

Анализ данных, представленных в табл. 2, позволяет сделать вывод, что среди показателей, вошедших в эконометрическую модель, отечественные регионы наиболее различаются по уровню инвестиций в основной капитал и имеют наименьшие различия по индексу человеческого капитала.

По формуле (5) была построена модель множественной регрессии. Оценки неизвестных параметров были получены методом наименьших квадратов. Результаты оценки неизвестных параметров представлены ниже.

Оценка неизвестных параметров методом наименьших квадратов

Переменная	Оценка неизвестного параметра
A	5,35*** (0,18)
I	0,76*** (0,01)
HKI	0,11** (0,04)
L	0,07*** (0,02)
R^2	0,93

Примечание. Символом «***» отмечены оценки с уровнем значимости 1 %; символом «**» отмечены оценки с уровнем значимости 5 %. В скобках указаны стандартные ошибки неизвестных параметров.

Коэффициент детерминации близок к единице, что говорит о хорошем качестве модели.

Далее модель была проверена на наличие мультиколлинеарности. Результаты проверки представлены ниже.

Корреляционная матрица объясняющих переменных

	<i>L</i>	<i>I</i>	<i>HKI</i>
<i>L</i>	1,00		
<i>I</i>	0,37	1,00	
<i>HKI</i>	-0,03	0,09	1,00

Исходя из данных, представленных матрицей, можно сделать вывод, что мультиколлинеарность отсутствует, так как абсолютные значения всех коэффициентов корреляции меньше 0,7.

Перейдем к описанию экономической интерпретации оценок неизвестных параметров.

4. Интерпретация эконометрической модели

Поскольку исходная модель является мультипликативной, оценки неизвестных параметров для переменных *I*, *L* и *HKI*, представленные выше, означают эластичность ВРП по данным показателям.

Из данных, представленных выше, видно, что рост экономики регионов наиболее эластичен к наращиванию инвестиций в основной капитал. Этот вывод согласуется с результатами исследований А. Г. Аганбегяна [1].

Второй по значимости фактор регионального экономического роста — индекс человеческого капитала. Следовательно, наращивая инвестиции в человеческий капитал и вкладывая больше средств в качество кадров, органы регионального государственного управления могут значительно стимулировать рост ВРП своего региона.

Однако индекс человеческого капитала подвержен медленному изменению. Следовательно, стратегической задачей органов государственного управления является стимулирование роста объема человеческого капитала.

Вместе с тем эластичность ВРП по численности занятых, как следует из оценки неизвестных параметров методом наименьших квадратов, невысока. В период, для которого была построена модель (2012–2017), отечественный рынок труда характеризовался высоким уровнем занятости и близким к естественному уровнем безработицы [2].

Из корреляционной матрицы объясняющих переменных видно, что индекс человеческого капитала отрицательно коррелирует с численностью занятых. Такая зависимость может объясняться тем, что снижение уровня безработицы в 2015–2017 годах сопровождалось привлечением на рынок труда кадров с низкой производительностью труда.

Заключение

В данной работе была построена эконометрическая модель, объясняющая динамику ВРП различных регионов России за период с 2012 по 2017 год. В основе предложенной модели лежит модифицированная функция Кобба — Дугласа, учитывающая фактор человеческого капитала. Для этого автором исследования был составлен индекс человеческого капитала, рассчитанный на основе трех показателей: доля занятых с высшим образованием, заболеваемость хроническими болезнями и частота посещений театров и музеев.

Построенная модель наглядно демонстрирует, что инвестиции в основной капитал выступают главным фактором ускорения экономического роста большинства отечественных регионов. В то же время вторым по значимости фактором роста экономики регионов является уровень накопленной величины человеческого капитала. Ввиду того что повышение качества кадров, занятых в экономике, — процесс длительный, важной составляющей стратегий социально-экономического развития субъектов Федерации и их муниципальных образований должна быть политика наращивания инвестиций в человеческий капитал.

В качестве направления дальнейших исследований нам представляется совершенствование методологии оценки величины человеческого капитала в регионах РФ и усложнение экономико-математических моделей.

Библиографический список

1. Аганбегян А. Г. Инвестиции в основной капитал и вложения в человеческий капитал — два взаимосвязанных источника экономического роста // Проблемы прогнозирования. 2017. № 4 (163). С. 17–20.
2. Батиевская В. Б. Сравнительная оценка национальной безопасности России на современном этапе // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2019. № 2 (26). С. 31–36.
3. Васильева Е. Н. Анализ методологических подходов к измерению человеческого капитала // Федерализм. 2010. № 1 (57). С. 89–96.
4. Гафарова Е. А., Кантор О. Г. Методы оценки регионального человеческого капитала: обзор подходов // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2018. № 7 (165). С. 54–60.
5. Заруцкий С. А. Межрегиональная неоднородность в Российской Федерации: динамика и компонентный анализ // Угрозы и безопасность. 2011. № 46 (139). С. 56–66.
6. Кельчевская Н. Р., Ширинкина Е. В. Региональные детерминанты эффективного использования человеческого капитала в цифровой экономике // Экономика региона. 2019. Т. 15, № 2. С. 465–482.
7. Комарова А. В., Павшок О. В. Оценка вклада человеческого капитала в экономический рост регионов РФ (на основе модели Мэнкью — Ромера — Уэйла) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: Социально-экономические науки. 2007. Т. 7, № 3. С. 191–201.
8. Кононов Ю. Д. Анализ зарубежного опыта комплексной оценки состояния энергетической безопасности // Энергетическая политика. 2018. № 6. С. 98–107.
9. Кузнецов А. Ю., Мичасова О. В. Человеческий капитал: формирование, измерение, вклад в экономический рост // Экономический анализ: теория и практика. 2010. № 26 (191). С. 21–33.
10. Мичасова О. В. Эмпирический анализ экономического роста и человеческого капитала в регионах России // Экономический анализ: теория и практика. 2014. № 34 (220). С. 22–31.
11. Петров А. Н. Производственная функция экономики региона // Экономический анализ: теория и практика. 2011. № 19 (226). С. 53–60.
12. Третьякова Е. А., Алферова Т. В. Производственная функция и производственный цикл: специфика муниципальных образований Пермского края // Актуальные проблемы экономики и права. 2019. Т. 13, № 4. С. 1620–1636.
13. Cohan D., Soto M. Growth and human capital: good data, good results // Journal of Economic Growth. 2007. Vol. 12, no. 1. P. 51–76.
14. Maksymenko S., Rabbani M. Economic reforms, human capital, and economic growth in India and South Korea: A cointegration analysis // SSRN Electronic Journal. 2011. Vol. 36, no. 2. P. 39–58.

Холбаева С. Р. Влияние потерь человеческого капитала на экономическое развитие страны // Вестник Прикамского социального института. 2021. № 1 (88). С. 93–96.

Kholbaeva S. R. The impact of human capital losses on the country's economic development. *Bulletin of Prikamsky Social Institute*. 2021. No. 1 (88) . Pp. . (In Russ.)

УДК 338

С. Р. Холбаева

Ташкентский государственный экономический университет, Ташкент, Узбекистан

ВЛИЯНИЕ ПОТЕРЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА НА ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАНЫ

Холбаева Сабина Рустамовна — докторант 1-го курса в Научно-исследовательском центре «Научные основы и проблемы развития экономики Узбекистана».

E-mail: s.xolbayeva@tsue.uz

В современном мире человеческий капитал играет определяющую роль как в достижении конкурентных преимуществ, так и в обеспечении качественных параметров экономического роста, выступая не только главной движущей силой социально-экономического развития современного общества, но и основой построения новой экономики, экономики знаний, инноваций, глобальных информационных систем и новейших технологий. Наличие правильных стимулов государства и фирм для эффективного использования человеческого капитала очень важно для развития экономики. Проблема утечки человеческого капитала свидетельствует о том, что разработчики государственной политики не могут справиться с ситуацией на рынке труда или воздействовать на силы, влияющие на миграцию.

Ключевые слова: человеческий капитал, «утечка мозгов», высококвалифицированные кадры, стимулы, инвестиции.

S. R. Kholbaeva

Tashkent State University of Economics, Tashkent, Uzbekistan

THE IMPACT OF HUMAN CAPITAL LOSSES ON THE COUNTRY'S ECONOMIC DEVELOPMENT

Kholbaeva Sabina R. — 1st year Doctoral Student at the Research Center “Scientific Foundations and Problems of Economic Development of Uzbekistan”.

In the modern world, human capital plays a decisive role both in achieving competitive advantages and ensuring the quality parameters of economic growth, acting not only as the main driving force of the socio-economic development of modern society, but also as the basis for building a new economy, the economy of knowledge, innovation, global information systems and the latest technologies. Having the right incentives for the state and firms to effectively use human capital is very important for the development of the economy. The problem of human capital leakage shows that public policy makers are unable to cope with the situation in the labor market or to influence the forces that influence migration.

Keywords: human capital, brain drain, highly qualified personnel, incentives, investments.

Как показывает мировая практика, устойчивое развитие экономики невозможно без приумножения человеческого капитала. Его роль в условиях устойчивого развития экономики стран постоянно растет [2, с. 5–6]. По оценкам Всемирного банка, в развитых странах 64 % активов в структуре экономики приходится на человеческий капитал, 16 % — на физический и 20 % — на сырьевой капитал [5].

Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) определяет человеческий капитал как сумму знаний, умений и атрибутов, присущих индивидуумам. Он приобретает как через формальное обучение, подтвержденное сертификатами школ, вузов и т. п., так и через несертифицированное (например, через накопление опыта уже на рабочем месте) [4].

В экономике, основанной на знаниях, происходит существенное повышение роли человека в создании общественного богатства. Эта роль стала значительно более высокой по сравнению с ролью других факторов производства. Человек становится не просто субъектом репродуктивного труда с элементами творчества, а преимущественно субъектом творческого труда, обладающим не только высокоразвитыми способностями, высоким профессионализмом и интеллектом, но и широким кругом разнообразных потребностей.

Человеческий капитал — это не капитал в подлинном смысле этого слова, а капиталоподобная форма использования человеческого труда, принявшего своеобразную форму человеческого капитала. Ведь длительное время в истории общества труд выступал в качестве основного фактора производства.

Считается, что человеческий капитал должен способствовать экономическому росту, в частности через увеличение производительности труда, но вот измерить этот эффект весьма трудно. Бесчисленные эмпирические исследования так и не сумели установить точные взаимосвязи между человеческим капиталом и ростом валового внутреннего продукта (ВВП). Агрегированные оценки лишь показывают, что каждый дополнительный год образования может в итоге приводить к увеличению ВВП на душу населения от 3 до 15 % — очень большой разброс [4].

Почему так происходит? Потому что, в конце концов, важно не только наличие человеческого капитала, но и способ его использования самими людьми. Важны стимулы государства, которые мотивируют население применять накопленные знания и навыки для определенных целей.

Эти стимулы, в свою очередь, во многом определяются институциональной структурой экономики, которая сильно различается в разных странах, что еще больше затрудняет измерения такого рода.

Наличие правильных стимулов для эффективного использования человеческого капитала важно не только на уровне всего государства, но и на уровне предприятий. Преуспевать будут прежде всего те компании, внутренняя структура которых организована таким образом, чтобы их работники могли реализовать свои таланты и знания в полной мере. Эту способность фирм можно назвать организационным капиталом. Его эффективность, в свою очередь, связана с управленческими талантами руководителей компании.

В век информационных технологий каждой стране необходим интеллектуальный потенциал: потенциал людей, способных мыслить иначе. За каждый такой ум каждая страна готова бороться. Ведь все страны заинтересованы в своем развитии — это развитие промышленности, развитие цифровых технологий, которое в дальнейшем приведет к росту экономики в стране. Нередко дело доходит до перекупа или миграции молодых ученых в развитые страны.

В экономическом плане принимающим странам (прежде всего развитым) иммиграция выгодна. В частности, широко известен вклад интеллектуальной иммиграции в развитие американской экономики. Достаточно сказать, что 40 % из пришедших на рынок труда США в 1990-е годы докторов наук в области инженерных и компьютерных дисциплин были иммигрантами; 25 % преподавателей технических предметов в вузах — тоже иммигранты. По оценкам экспертов, проживающие в Соединенных Штатах, иммигранты зарабатывали в конце 90-х годов прошлого века более 240 млрд долл. в год, выплачивая около 90 млрд долл. в качестве налогов [3, с. 20].

В то же время американское государство тратит на социальное вспомоществование иммигрантам ежегодно порядка 5 млрд долл. Понятно, что отдача, которую обеспечивает эта категория граждан в чисто денежном выражении, весьма высока, не говоря уже о том вкладе, который они вносят в развитие науки и техники. США, проводя политику по привлечению высококвалифицированных кадров, и сегодня остаются общепризнанным центром притяжения профессионалов.

Тысячи программистов из СНГ и других специалистов в области информационных технологий и компьютерной техники работают в компаниях Силиконовой долины, других технологических парках страны.

Получая хорошую базу, выпускники университетов и аспирантур уезжают на Запад продолжать свое образование. Зачастую они получают предложения о работе, остаются, и в этом заключается очевидный экономический ущерб для страны-донора, так как основа для дальнейшего профессионального роста за рубежом обеспечивается именно в этой стране. Действенная защита безопасности самих ученых, общества и государства может быть обеспечена лишь при наличии гибкой и эффективной системы регулирования интеллектуальной миграции.

Все страны стремятся привлечь образованный и квалифицированный человеческий капитал для повышения инноваций и производительности. Что касается принимающих стран, то разработка ясной стратегии предоставления постоянного местожительства или даже гражданства является важным фактором привлечения квалифицированной рабочей силы. Это связано с тем, что в таких странах, как правило, имеются постоянные рабочие места, требующие существенных инвестиций в человеческий капитал с учетом определенных видов занятости. Поскольку многие квалифицированные работники переезжают со своими семьями, важно обеспечить им гарантии местожительства, доступа к образованию и другим государственным услугам.

Инвестиции в высшее образование также имеют решающее значение, поскольку наличие хороших учебных заведений — залог привлечения талантливых и целеустремленных кадров.

Что касается стран-доноров, которые испытывают дефицит человеческого капитала, то утечка квалифицированных кадров для них представляет серьезную проблему. Такие устойчивые тенденции зачастую являются симптомом, а не глубинной причиной проблемы. Повышение качества государственного управления и укрепление институциональных основ в странах-донорах должно стать предметом долгосрочной политики, направленной на преодоление причин, лежащих в основе «утечки мозгов». К мерам политики, направленным на удержание квалифицированных кадров, относятся развитие частного сектора, создание рабочих мест, инвестиции в высшее образование и расширение экономических возможностей для женщин.

Совокупные материальные потери от выезда одного специалиста из стран с развивающейся или переходной экономикой могут составлять до одного миллиона долларов США. Кроме того, сужается область распространения инноваций на всех направлениях науки, техники и культуры. Тем самым производственный потенциал государства на десятилетия лишается возможностей поступательного роста. Однако на фоне экономических расчетов не всегда учитываются не менее важные политические моменты, в частности то, что интеллектуальная миграция ведет к размыванию среднего класса и осложняет процессы общественного управления в современном понимании этого слова, ослабляет устойчивость демократических институтов не только в сравнительно отдаленной, но и краткосрочной перспективе [1, с. 28].

Мотивация политики на поощрение притока высококвалифицированных специалистов из-за рубежа, проводимая промышленно развитыми странами, вполне понятна. Более интересным является то, что процессы интеллектуальной миграции не всегда негативно воспринимаются властями направляющих стран. Часто власти стран-доноров, страдающих от «утечки мозгов», даже поддерживают формирующиеся или уже сложившиеся миграционные тенденции.

Во-первых, квалифицированные мигранты, как и другие участники трансграничных перемещений, неизменно направляют значительные средства оставшимся дома родственникам. Во-вторых, во многих развивающихся странах благодаря отъезду квалифицированных кадров снижается уровень безработицы среди образованной части общества и заметно ослабляется его протестный потенциал.

Однако большинство государств всё же пытается противодействовать оттоку своих специалистов, а не поощряет «утечку мозгов» или использование ее преимуществ. Некоторые страны законодательно запрещают отъезд за границу определенных категорий специалистов, например врачей и учителей. Однако это не решает проблему как таковую [1, с. 30–31].

Дефицит человеческого капитала имеет опасную тенденцию к росту на фоне быстрых глобальных изменений в области технологий, демографии, нестабильности и климата. Тем не менее инвестициями в людей нередко пренебрегают.

Опыт развитых стран свидетельствует, что образовательный и квалификационный потенциал заметно усиливает конкурентные позиции работников на рынке труда: чем он значительнее, тем выше экономическая активность и занятость; меньше риск попадания в безработицу и короче ее продолжительность; больше заработки и шире доступ к привлекательным рабочим местам; интенсивнее профессиональная и территориальная мобильность. Более образованная и квалифицированная рабочая сила, как результат эффективных инвестиций в человеческий капитал, способна успешнее адаптироваться к изменениям в экономической и социальной среде, активнее осваивать новые знания и навыки, быстрее откликаться на достижения научно-технического прогресса и раньше внедрять их в свою повседневную практику.

Проблема утечки человеческого капитала свидетельствуют о том, что разработчики государственной политики не могут справиться с ситуацией на рынке труда или воздействовать на силы, влияющие на миграцию. Эти силы слишком мощные, чтобы их преодолеть простыми ограничительными мерами. Ими необходимо управлять с помощью инновационных и экономически обоснованных мер.

Библиографический список

1. Интеллектуальная миграция в современном мире: учеб. пособие / под ред. М. М. Лебедевой. М.: МГИМО-Университет, 2014.
2. Как увеличить человеческий капитал и его вклад в экономическое и социальное развитие: тез. докл. / С. С. Бирюкова [и др.]; под ред. Я. И. Кузьминова, Л. Н. Овчаровой, Л. И. Якобсона; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом ВШЭ, 2018.
3. Рязанцев В. В., Письменная Е. Е. Эмиграция ученых и высококвалифицированных специалистов из России: тенденции, последствия, государственная политика // Социология. 2016. № 4. С. 18–27.
4. Что дает экономике человеческий капитал [Электронный ресурс] // Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». URL: <https://www.hse.ru/news/science/211875128.html> (дата обращения: 10.04.2021).
5. World Bank 2016. World Development Indicators. URL: <http://data.worldbank.org/indicator; WorldBankWDLXL> (дата обращения: 10.04.2021).

Кузина Н. Н., Корчак К. И. Информационная безопасность: основополагающий аспект цифровизации образования // Вестник Прикамского социального института. 2021. № . С. 97–99.

Kuzina N. N., Korchak K. I. Information security: a fundamental aspect of digitalization of education. *Bulletin of Prikamsky Social Institute*. 2021. No. 1 (88). Pp. 97–99. (In Russ.)

УДК 37

Н. Н. Кузина, К. И. Корчак

Ставропольский государственный педагогический институт, Ставрополь, Россия

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЙ АСПЕКТ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Кузина Наталья Николаевна — старший преподаватель кафедры «Математика, информатика и цифровые образовательные технологии».

E-mail: r.natasha2010@mail.ru

Корчак Константин Игорвич — студент 3-го курса направления подготовки «Педагогическое образование», профили «Математика» и «Информатика».

E-mail: scrillas@yandex.ru

В статье обращается внимание на то, что основным направлением модернизации образования в настоящий момент является его цифровизация. Перевод образования в новую, отличную от прежней, информационную среду предполагает возникновение новых угроз для обучающихся в части взаимодействия с цифровой реальностью. В статье рассматривается информационная безопасность как фундаментальный аспект цифровизации образования. Анализируется имеющийся опыт дистанционного образования.

Ключевые слова: информационная безопасность, цифровизация образования, модернизация образования, безопасность цифрового образования.

N. N. Kuzina, K. I. Korchak

Stavropol State Pedagogical Institute, Stavropol, Russia

INFORMATION SECURITY: THE FUNDAMENTAL ASPECT OF DIGITALIZATION OF EDUCATION

Kuzina Natalia N. — Senior Lecturer at the Department of Mathematics, Computer Science and Digital Educational Technologies.

Korchak Konstantin I. — 3rd year Student of the Direction of Training “Pedagogical Education”, Profiles “Mathematics” and “Informatics”.

The main direction of modernization of education at the moment is its digitalization. The transfer of education to a new, different from the previous, information environment implies the emergence of new threats to students in terms of interaction with the digital information environment. This article considers information security as a fundamental aspect of digitalization of education, analyzing the existing experience of distance education.

Keywords: information security, digitalization of education, modernization of education, security of digital education.

Современный этап развития человечества характеризуется массовой тенденцией к трансформации общественной парадигмы — этому способствуют достижения в области информационно-коммуникационных технологий, ставшие неотъемлемой частью жизни большинства населения планеты. Наибольшее влияние на социальную жизнь человека ока-

зало возникновение Интернета, ставшего на данный момент самостоятельной, принципиально новой по отношению к концу XX века информационной средой. Положительные характеристики Интернета не только как средства поиска необходимой информации, но и как средства межличностного взаимодействия обуславливают необходимость модернизации общества путем внедрения новой информационной среды во все сферы человеческой жизни.

Место образования в данной системе преобразований вызывает большое количество вопросов. Очевидно, что доминирующей тенденцией трансформации образования является его цифровизация: активное использование современных технологий в ходе учебных занятий, Интернета как невероятно удобного места поиска доступно представленной информации — это далеко не все преимущества этого веяния. В настоящее время существуют два противоположных взгляда на модернизацию педагогической системы через цифровизацию: согласно первому — более консервативному — существующая на данный момент система образования выполняет свои функции, и внесение в нее столь кардинальных новшеств, как потенциальное изменение способа взаимодействия, может привести к непредсказуемым последствиям. При этом очевидно, что образование должно быть актуальным, и игнорировать современные достижения и веяния — непозволительная роскошь для фундаментальной области человеческой жизни.

Опыт дистанционного образования, несмотря на свой несколько случайный и сумбурный характер, показал, что цифровизации образования не избежать — в большей или меньшей степени. Вопросы о форме образования будущего не столь важны на текущем этапе: будь то полностью дистанционный или смешанный тип занятий — необходимо отвечать на вызовы современности уже сейчас, разрабатывая область дистанционного образования как неотъемлемую часть педагогической системы в целом. При этом одним из главных организационных вопросов является вопрос об информационной безопасности обучающихся.

Так, процесс обучения в средней школе подразумевает лишь формирование гармонично развитой личности, то есть обучающихся нельзя назвать в полной мере самостоятельными и готовыми к принятию решений индивидами. Интернет как площадка межличностного взаимодействия имеет и отрицательные моменты, такие, как всевозможные киберугрозы — вымогательство, социальная инженерия, вредоносное программное обеспечение [2], фишинг, скам, «группы смерти», развитие компьютерной зависимости [3] и др. Поиск информации в сети Интернет также необходимо осуществлять исключительно хорошо понимая и принимая угрозу возможности того же «фишинга» и веб-вирусов. При этом, следуя вышесказанному утверждению о процессе обучения, становится очевидным факт неготовности обучающихся средней школы к полностью самостоятельному безопасному взаимодействию в сети Интернет.

Рассматривая цифровизацию как приоритетное направление трансформации педагогической системы, необходимо предупредить возможные негативные последствия вышесказанной неготовности и разработать меры по формированию культуры информационной безопасности у обучающихся.

Очевидно, первостепенным является повышение информационной грамотности у педагогов и студентов педагогических направлений, так как одной из первостепенных задач современного преподавателя, а в особенности классного руководителя, является обеспечение информационно-психологической безопасности личности воспитанников [1].

Не менее важной мерой, направленной на обеспечение безопасности обучающихся при работе в Интернете, может являться обязательное проведение внеучебных мероприятий классными руководителями на тему информационной безопасности. Количество ча-

сов, выделяемых в средней школе на изучение информатики, нельзя назвать достаточным, особенно в условиях цифровизации образования, однако именно внеклассный, возможно несколько свободный, формат данных мероприятий способствует более эффективному воспитанию информационно развитой личности.

Также стоит отметить важность участия родителей в процессе формирования информационной безопасности. Учитывая объем внеурочного времени, который обучающийся проводит в Интернете, очевидно, что образовательные учреждения не могут справиться с данной задачей самостоятельно. Участие в жизни ребенка и доверительные отношения между родителями и обучающимся, возможно, являются наиболее эффективным методом борьбы с нежелательными знакомствами в сети Интернет, а также социальной инженерией и другими киберугрозами, основывающимися на межличностном взаимодействии.

Так, проанализировав существующие на сегодняшний день тенденции трансформации образования, можно заключить, что в свете цифровизации педагогической системы одним из важнейших вопросов является вопрос об информационной безопасности обучающихся. При этом он требует безотлагательного разрешения, так как, учитывая опыт дистанционного образования 2020 года, стоит понимать возможное благо цифрового формата учебного взаимодействия, а также его потенциальную необходимость.

Библиографический список

1. Кузина Н. Н. Культура информационной безопасности личности учителя и процесс ее формирования у студентов педагогического вуза // *Kant*. 2018. № 2 (27). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kultura-informatsionnoy-bezopasnosti-lichnosti-uchitelya-i-protsess-ee-formirovaniya-u-studentov-pedagogicheskogo-vuza> (дата обращения: 12.05.2021).
2. Смирнова А. А., Захарова Т. Ю., Синогина Е. С. Киберугрозы безопасности подростков // *Ped. Rev.* 2017. № 3 (17). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kiberugrozy-bezopasnosti-podrostkov> (дата обращения: 12.05.2021).
3. Томилов И. О., Грицкевич Е. В. Анализ актуальных киберугроз и средств защиты от них // *Интерэкспо Гео-Сибирь*. 2018. № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-aktualnyh-kiberugroz-i-sredstv-zaschity-ot-nih> (дата обращения: 12.05.2021).

Усанин С. С., Богданов Д. А. Обеспечение защиты информации в образовательных учреждениях // Вестник Прикамского социального института. 2021. № 1 (88). С. 100–104.

Usanin S. S., Bogdanov D. A. Ensuring the protection of information in educational institutions. *Bulletin of Prikamsky Social Institute*. 2021. No. 1 (88). Pp. 100–104. (In Russ.)

УДК 004.056.53

С. С. Усанин, Д. А. Богданов

Пермский военный институт войск национальной гвардии Российской Федерации,
Пермь, Россия

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗАЩИТЫ ИНФОРМАЦИИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

Усанин Сергей Сергеевич — адъюнкт адъюнктуры Пермского военного института войск национальной гвардии Российской Федерации.

E-mail: usanin-sergei@mail.ru

Богданов Денис Александрович — адъюнкт адъюнктуры Пермского военного института войск национальной гвардии Российской Федерации.

E-mail: svki.bogdanov@yandex.ru

Статья посвящена вопросам обеспечения защиты информации в образовательных организациях. Подчеркивается, что защита персональных данных сотрудников образовательных организаций является прямой задачей руководства этих организаций. Рассматриваются вопросы модернизации системы защиты информации в образовательных организациях, а также вопросы защиты персональных данных профессорско-преподавательского состава, руководства и обучающихся.

Ключевые слова: информационные технологии, защита информации, сотрудник, руководство, образовательные организации, процесс обучения, персональные данные.

S. S. Usanin, D. A. Bogdanov

Perm Military Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation,
Perm, Russia

ENSURING THE PROTECTION OF INFORMATION IN EDUCATIONAL ORGANIZATIONS

Usanin Sergey S. — Adjunct at the Perm Military Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation.

Bogdanov Denis A. — Adjunct at the Perm Military Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation.

The protection of personal data of employees of educational organizations involved in the educational process is the direct task of the leadership of the educational organizations. The article is devoted to the issues of ensuring the protection of information in educational institutions and discusses the issues of modernizing the information protection system in these organizations, as well as issues of protecting the personal data of the teaching staff, management and students.

Keywords: information technology, information security, employee, management, educational organizations, learning process, personal data.

Современные информационные технологии диктуют нам свои требования, которые должны быть интегрированы в образовательный процесс, что подразумевает внедрение в этот

процесс информационных технологий, облегчающих и делающих его более понятным, но использование данных технологий может нанести непоправимый вред обществу [1].

В образовательных учреждениях среднего и высшего образования стремительно внедряются информационные системы, обеспечивающие обработку персональных данных сотрудников, перевод существующих документов в электронный вид. Назначение этих систем — создание и ведение баз данных студентов, работников образования, расширение административных возможностей в управлении учебным процессом. Работа с такими массивами информации требует от учебного заведения, с одной стороны, соответствия современным требованиям к скорости доступа и обработки существующих массивов информации в этой организации, с другой стороны, соблюдения необходимых норм и правил законодательной базы в области обработки данных. Помимо функций, обеспечивающих обработку данных, в образовательных учреждениях циркулирует другая информация различного характера, таким образом, любая современная образовательная организация испытывает необходимость в защите информации [2].

Соответственно, обеспечение защиты персональных данных в образовательных организациях в настоящее время является довольно серьезным и актуальным вопросом. В соответствии с Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» «оператор, обрабатывающий такие данные, должен предпринимать все необходимые организационно-технические меры для защиты персональных данных от неправомерного или случайного доступа к ним, уничтожения, изменения, блокирования, копирования, распространения, от иных неправомерных действий»¹.

Постановлением Правительства Российской Федерации 1 ноября 2012 года были утверждены «Требования к защите персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных»². Таким образом, вопросы обеспечения защиты информации, сведения которой не составляют государственную тайну, являются приоритетной задачей для любого образовательного учреждения — необходимо наличие специальной системы защиты информации, хорошо продуманного управления информационным пространством образовательной организации (рис. 1).

Информация, обрабатываемая в образовательной организации, классифицируется по различным критериям: временная, ежедневная, ежемесячная, годовая.

По степени доступа к информации, обрабатываемой в образовательной организации, она делится на открытую информацию и информацию для служебного пользования, распространение которой возможно только при соблюдении определенных условий конфиденциальности и секретности³.

Различная информация, полученная образовательной организацией из совершенно разных источников, разделяется по источникам ее получения: внешним и внутренним. Прежде всего, обмен информацией предполагает обмен методическими документами с вышестоящими ведомствами и руководящими органами в сфере образования, другими организациями образования, а кроме того, обмен информацией, не имеющей прямого отношения к учебному процессу.

¹ О персональных данных: федер. закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 30.12.2020, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2021) // Рос. газета. 29.07.2006. № 165.

² Об утверждении требований к защите персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных: постановление Правительства Рос. Федерации от 01.11.2012 № 1119 // Рос. газета. 07.11.2012. № 256.

³ Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 09.03.2021, с изм. и доп., вступ. в силу с 20.03.2021) // Рос. газета. 29.07.2006. № 165; Об утверждении Инструкции о порядке обращения со служебной информацией ограниченного распространения в Министерстве образования и науки Российской Федерации: приказ Министерства образования и науки РФ от 30.12.2010 № 2233. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

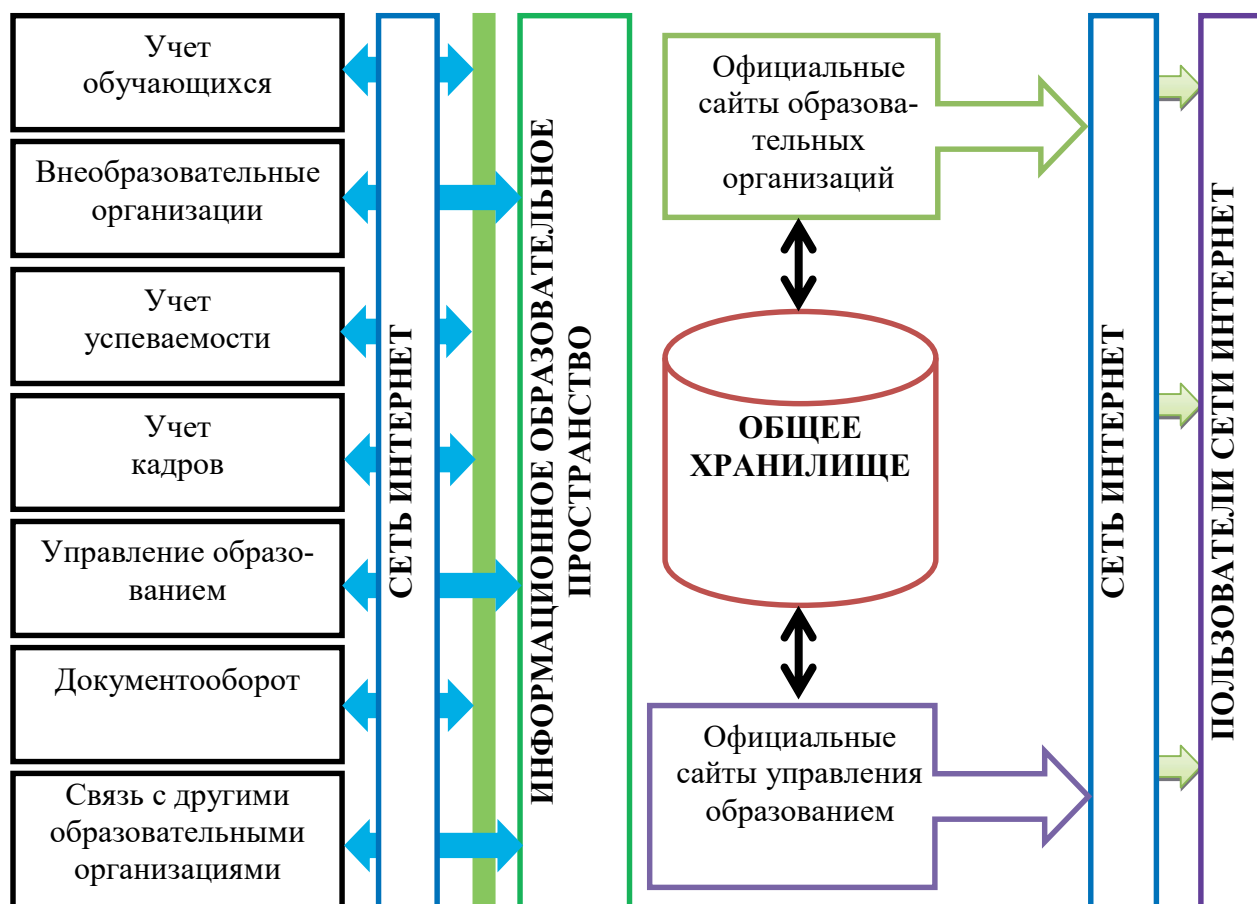

Рис. 1. Схема управления информационным пространством образовательной организации

С точки зрения обеспечения обязательной безопасности и ответственности руководства образовательного учреждения персональные данные всей цепочки организационного и служебного порядка его состава, а также коммерческая информация, относящаяся к экономической сфере, ее компоненты, поступающие в учебное заведение, представляют наибольший интерес [2].

Анализируя нормативно-правовую базу обеспечения защиты информации, необходимо выделить следующие федеральные законы и постановления правительства:

- Конституция Российской Федерации;
- Федеральный закон от 27 июня 2006 г. № 152 «О персональных данных»;
- Федеральный закон от 27 июня 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»;
- Федеральный закон от 19 мая 2005 г. № 160-ФЗ «О ратификации Конвенции Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке информации»;
- Постановление Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 146 «Об утверждении Правил организации и осуществления государственного контроля и надзора за обработкой персональных данных»;
- Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ — гл. 14 «Защита персональных данных работников».

Информационные потоки, которые сосредоточены в типовом образовательном учреждении, рассмотрены нами на рис. 2.

Рис. 2. Типовая схема информационных потоков в образовательной организации

В образовательных организациях принципиальным моментом для возникновения прецедентов утечки информации является, прежде всего, нарушение правил обращения с техническими средствами, программным и аппаратным обеспечением защиты персональных данных, недостаточно продуманная система хранения и доступа к специальной информации, несовершенство нормативной документации образовательной организации по обеспечению защиты информации [2].

Наиболее частыми причинами утечки информации в образовательных организациях являются:

- регулярное обновление персонала, в том числе тех, кто имел или имеет доступ к информации «для служебного пользования»;
- отсутствие у персонала сформированных компетенций в области обеспечения норм и правил защиты информации;

— недостаточное количество или отсутствие аттестованных рабочих мест в соответствии с требованиями, утвержденными ФСТЭК России;

— недостаточный контроль со стороны руководства образовательной организации за соблюдением норм и правил, обеспечивающих защиту информации [3].

Таким образом, большинство причин, влияющих на возможные утечки информации в образовательной организации, связаны с несовершенством нормативной базы, недостаточной квалификацией сотрудников в области защиты информации, а также отсутствием мер, обеспечивающих эту защиту.

Проведенный анализ обзоров по нарушению норм и правил защиты информации показывает, что в качестве возможных причин нарушений в области защиты информации могут выступать:

— бывшие сотрудники, уволенные из образовательной организации по различным причинам: при увольнении эти сотрудники могут в качестве «акта мести» передать необходимую информацию заинтересованным лицам;

— осуществление непреднамеренных хакерских атак с целью навредить образовательной организации или завладеть необходимой информацией (например, экзаменационными билетами или ответами к ним, внести корректировки в электронные дневники обучающихся и т. д.).

Соответственно, в рамках модернизации организации защиты информации в образовательных учреждениях необходимо ввести так называемые парольные протоколы и учитывать доступ к рабочему месту, использовать встроенный или программный межсетевой экран и установить лицензионные средства контроля доступа сотрудников [4]. Также необходимо организовать установку сертифицированного программного комплекса на базе *Secret.Net*, что обеспечит контроль над процессом защиты информации.

Дополнительной мерой повышения эффективности защиты информации в образовательной организации является разработка типового плана защиты информационных данных этой организации и назначение лица, ответственного за обеспечение защиты информации.

Рассмотренные в статье положения и предложенные меры помогут повысить надежность и эффективность системы защиты информации образовательного учреждения при соблюдении определенных эксплуатационных и организационных требований и рекомендаций.

Библиографический список

1. Бариев А. А. Внедрение современных информационных технологий в образовательный процесс // Актуальные вопросы современной педагогики: материалы VI Междунар. науч. конф. (г. Уфа, март 2015 г.). Уфа: Лето, 2015. С. 228–230.

2. Васильев Д. А. Подход к модернизации системы защиты информации в образовательных учреждениях среднего общего полного образования // Auditorium. 2017. № 1 (13). С. 85–92.

3. Методика определения актуальных угроз безопасности персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных: утв. заместителем директора ФСТЭК России 14 февр. 2008 г. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

4. Методические рекомендации по ограничению в образовательных организациях доступа обучающихся к видам информации, распространяемой посредством сети Интернет, причиняющей вред здоровью и (или) развитию детей, а также не соответствующей задачам образования: утв. Мин-вом просвещения РФ, Мин-вом цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ, Федер. службой по надзору в сфере связи, информ. технологий и массовых коммуникаций 16 мая 2019 г. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

Маринкин Д. Н., Боровиков В. М. Безработица как угроза экономической безопасности Российской Федерации // Вестник Прикамского социального института. 2021. № 1 (88). С. 105–108.

Marinkin D. N., Borovikov V. M. Unemployment as a threat to the economic security of the Russian Federation. *Bulletin of Prikamsky Social Institute*. 2021. No. 1 (88). Pp. 105–108. (In Russ.)

УДК 330.1

Д. Н. Маринкин

Пермский государственный национальный исследовательский университет;
Прикамский социальный институт, Пермь, Россия

В. М. Боровиков

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

БЕЗРАБОТИЦА КАК УГРОЗА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Маринкин Денис Николаевич — кандидат юридических наук; доцент кафедры «Предпринимательство и экономическая безопасность»; заведующий кафедрой «Уголовное право, уголовный процесс и криминалистика».

E-mail: marinkindn@yandex.ru

Боровиков Владимир Михайлович — студент 4-го курса специальности «Экономическая безопасность».

E-mail: mr.borovikovv@mail.ru

В статье рассматривается понятие безработицы, отмечается влияние пандемии на безработицу и экономическую безопасность РФ. Выявлены определенные особенности рынка труда в нашей стране. Представлены варианты сокращения безработицы в РФ.

Ключевые слова: безработица, угроза, экономическая безопасность, Российская Федерация, пандемия.

D. N. Marinkin

Perm State University; Prikamsky Social Institute; Perm, Russia

V. M. Borovikov

Perm State University, Perm, Russia

UNEMPLOYMENT AS A THREAT TO THE ECONOMIC SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Marinkin Denis N. — Candidate of Juridical Sciences; Associate Professor at the Department of Entrepreneurship and Economic Security; Head of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics.

Borovikov Vladimir M. — 4th year Student, Specialty “Economic Security”.

The article examines the concept and types of unemployment, notes the impact of the pandemic on unemployment and economic security of the Russian Federation. Identified specific features of the labor market in our country. The options for reducing unemployment in the Russian Federation are presented.

Keywords: unemployment, threat, economic security, Russian Federation, pandemic.

Безработица является одной из важнейших угроз экономической безопасности любой страны, в том числе России, что делает данную тему, безусловно, актуальной. Чем ниже уровень безработицы, тем выше экономическая безопасность, и наоборот.

Безработица — социально-экономическое явление, при котором часть населения, которая желает трудиться, не может найти подходящую работу [2, с. 76].

Особенно тема безработицы стала актуальной в 2020 году, так как именно в этот год в мире стала активно распространяться короновирусная инфекция (COVID-19).

Данной проблематике в 2020 году посвятили свои работы И. М. Габбасова, О. В. Лукина, Е. Е. Петрова, П. В. Назаров, Л. Е. Пак, З. Д. Макаzieва, В. А. Цветков, М. Н. Дудин и другие авторы. В них анализируются статистические данные, характеризующие текущее состояние рынка труда, половую и пространственную структуру незанятого населения РФ, обозначены подходы к определению экономической безопасности на макроуровне; сформулированы негативные последствия высокого уровня безработицы для обеспечения экономической безопасности страны [1].

Динамика изменения безработицы по годам с 2012 до 2020 года показана на рис. 1.

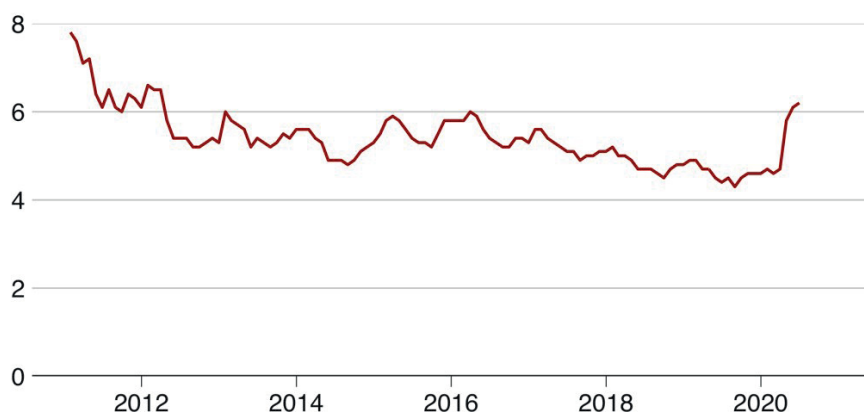

Рис. 1. Динамика изменения безработицы по годам, 2012–2020 годы, % (источник: Росстат)

В 2020 году пандемия оказала значительное дестабилизирующее влияние на экономику за счет ряда факторов прямого и косвенного воздействия. К числу явных факторов относятся снижение товарооборота и объемов промышленного производства, закрытие предприятий сферы услуг и увольнение работников предприятий, что вызывает рост безработицы [5] (рис. 2).

Рис. 2. Явные факторы, влияющие на безработицу и экономическую безопасность в РФ

К факторам прямого воздействия следует также отнести снижение доходов населения и платежеспособного спроса, прямые затраты на осуществление комплекса мероприятий по борьбе с пандемией [5].

Для повышения экономической безопасности и в том числе для сокращения безработицы внедрена Стратегия экономической безопасности РФ¹, в которой разработаны многочисленные показатели, призванные отражать развитие страны в этих сферах как на федеральном, так и на региональном уровнях [3, с. 40].

Тяжелое социально-экономическое положение актуализировало необходимость обоснования и разработки прогрессивных концепций и практических рекомендаций в области стратегического управления процессами построения и устойчивого развития инновационной экономики субъекта РФ, что позволит обеспечить стабильность социо-эколого-экономического развития региона и эффективно реализовать основные стратегические национальные приоритеты в условиях посткризисной экономики [4].

Сложная эпидемиологическая ситуация ускорила трансформационные процессы: работодатели стали активно использовать нестандартные формы занятости, изменилась система трудовых отношений между работодателем и работником и т. д.

Отсутствие занятости в настоящее время можно рассматривать как фактор роста бедности, более того, безработица, которая охватывает достаточно большое количество трудоспособного населения, не обошла стороной и образованных, профессионально подготовленных граждан.

В современной России рынок труда имеет свои особенности, которые нужно учитывать:

- цифровизация всех сфер деятельности, которая отражается на рынке труда;
- выплата «серых» зарплат для экономии на зарплатных налогах;
- теневая занятость;
- невысокий уровень трудоустройства выпускников образовательных организаций среднего профессионального и высшего образования;
- низкий уровень качества образования;
- нехватка специалистов в некоторых отраслях, в других отраслях — переизбыток специалистов, то есть дисбаланс рынка труда.

Для решения проблемы безработицы в РФ можно предложить следующие меры:

- сокращение зарплатных налогов;
- развитие сельских территорий и улучшение качества жизни населения данных территорий;
- крупным предприятиям, таким как Сбербанк, «ЛУКОЙЛ», «Роснефть» и т. д., которые способны предоставить существенное количество рабочих мест в силу их немалых объемов, следует сформировать список вакансий рабочих, специалистов, которые будут им наиболее необходимы в ближайшее время, и периодически обновлять его. Например, IT-специалист: предположим, что на момент рассмотрения претендентов по данной должности в компании определена заработная плата в размере 70 тыс. руб. После проведения отбора претендентов, в числе которых люди, имевшие опыт безработицы, компания может обучить их в течение определенного периода времени, платя при этом стипендию в размере 12 тыс. руб., а потом берет на работу, но с оплатой гораздо меньшей, чем было установлено изначально по этой вакансии для любых претендентов, например 35 тыс. руб., учитывая не слишком высокие запросы бывших безработных к заработной плате. Перед обучением, естественно, подписывается договор, в котором фиксируется, что сотрудник обязан отработать два года в компании или он компенсирует расходы на обучение.

¹ О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года [Электронный ресурс]: указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 15.05.2017 (дата обращения: 14.04.2021).

Отдельно хотелось бы обратить внимание на сельское хозяйство, где дефицит специалистов катастрофический. Для него можно рекомендовать субсидирование, так как обычно сельское хозяйство имеет проблему с финансированием. В результате выгодно и безработному человеку, так как у него появляется перспектива, и компании, которая получает специалиста, а платить ему можно меньше, поскольку бывший безработный вряд ли будет претендовать на высокую оплату труда. Предприятие, участвующее в данной программе, получает налоговые льготы по налогу на прибыль в размере 3 %.

Реализация предложенных выше мер будет, по мнению авторов, способствовать снижению уровня безработицы и в связи с этим — повышению уровня экономической безопасности в стране.

Библиографический список

1. Габбасова И. М. К вопросу о влиянии уровня безработицы на обеспечение экономической безопасности // Российская наука: актуальные исследования и разработки: материалы IX Всероссий. науч.-практ. конф.: в 2 ч. / редкол.: С. И. Ашмарина, А. В. Павлова (отв. ред.) [и др.]. Самара, 2020. Ч. 1. С. 736–739.
2. Котова Л. Г., Михалкина Ю. С. Проблема занятости и безработицы в рыночной экономике // Теоретические и прикладные вопросы экономики, управления и образования: материалы междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Б. Н. Герасимова. Пенза, 2020. С. 76–79.
3. Лукина О. В., Петрова Е. Е., Назаров П. В. Анализ показателей состояния экономической безопасности регионов РФ // Ученые записки Международного банковского института. 2020. № 2 (32). С. 40–50.
4. Пак Л. Е., Макадиева З. Д. Особенности обеспечения стабильного социально-экономического развития региона на основе задействования его национально-образовательного потенциала // Естественно-гуманитарные исследования. 2020. № 31 (5). С. 181–185.
5. Цветков В. А., Дудин М. Н. Пандемия Covid-19 как угроза продовольственной и экономической безопасности страны // Экономика и управление. 2020. Т. 26, № 4 (174). С. 334–344.

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

Буллинг и stalking в концептуальном поле исследований безопасности образования / М. Р. Арпентьева, Т. Л. Худякова, Ю. В. Клепач, Л. Н. Гридяева // Вестник Прикамского социального института. 2021. № 1 (88). С. 109–117.

Bullying and stalking in the conceptual field of education safety research / M. R. Arpentieva, T. L. Khudyakova, Yu. V. Klepach, L. N. Gridyaeva. *Bulletin of Prikamsky Social Institute*. 2021. No. 1 (88). Pp. 109–117 (In Russ.)

УДК 159.94

М. Р. Арпентьева

Международная академия образования, Лондон, Великобритания;
свободный исследователь, Калуга, Россия

Т. Л. Худякова, Ю. В. Клепач, Л. Н. Гридяева

Воронежский государственный педагогический университет,
Воронеж, Россия

БУЛЛИНГ И СТАЛКИНГ В КОНЦЕПТУАЛЬНОМ ПОЛЕ ИССЛЕДОВАНИЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ

Арпентьева Мариям Равильевна — доктор психологических наук, доцент, свободный исследователь, академик Международной академии образования, член-корреспондент Российской академии естествознания.

E-mail: mariam_rav@mail.ru

Худякова Татьяна Леонидовна — кандидат психологических наук, заведующая кафедрой «Практическая психология».

E-mail: tanya.dom@list.ru

Клепач Юлия Владимировна — кандидат психологических наук, доцент кафедры «Практическая психология».

E-mail: y-klepach@mail.ru

Гридяева Людмила Николаевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры «Практическая психология».

E-mail: lgridyaeva@yandex.ru

В статье очерчивается понятийное поле исследований рисков и угроз безопасности образования, которое формируется из ряда концептов, включая более или менее специфические для сферы образования концепты организационного, межличностного и личностного уровней. Особое внимание обращается на наиболее популярные среди них концепты межличностного уровня, например такие, как буллинг, отражающие значение противоречий и конфликтов в межличностных отношениях как существенного источника угроз безопасности в образовательной среде. Отмечается, что агрессия, вызываемая нарушенной, чрезмерной и болезненно отвергаемой привязанностью к миру и людям, рождает буллинг, или травлю. Суть травли — stalking, который обнажает лежащую в его основе привязанность к миру и к человеку (зависимость от них, деформации «объектных», близких отношений, желание «быть хорошим», точнее, «лучшим», гарантировать себе и близким комфорт полного удовлетворения и выживание, чтобы хоть как-то заполнить «черную дыру» в человеке). Авторы подчеркивают, что привязанность к желаниям (комфорта, контроля, власти) всегда ведет к дальнейшим деформациям отношений. Stalking является одним из крайних проявлений синдрома или феномена Люцифера.

Ключевые слова: безопасность образования, насилие, буллинг, stalking, дидактогении, школярство, синдром Люцифера.

M. R. Arpentieva

International Academy of Education, London, Great Britain;
Free Researcher, Kaluga, Russia

T. L. Khudyakova, Yu. V. Klepach, L. N. Gridyaeva

Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russia

BULLING AND STALKING IN THE CONCEPTUAL FIELD OF EDUCATIONAL SAFETY RESEARCH

Arpentieva Mariyam R. — Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Free Researcher, Academician of the International Academy of Education, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences.

Khudyakova Tatyana L. — Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor at the Department of Practical Psychology.

Klepach Yuliya V. — Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor at the Department of Practical Psychology.

Gridyaeva Lyudmila N. — Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor at the Department of Practical Psychology.

The conceptual field of studies of the danger of education is formed by a number of concepts, including more or less specific for the sphere of education, concepts of organizational, interpersonal and personal levels. The most popular of these are interpersonal concepts such as bullying. These concepts reflect the importance of contradictions and conflicts in interpersonal relationships as a source of dangers in educational relationships. Aggression, born of a disturbed, excessive and painfully rejected attachment to the world and people, gives rise to bullying or persecution. The essence of bullying is stalking, while stalking itself exposes the underlying attachment to the world and to a person (dependence on them, deformation of “object”, close relationships, the desire to “be good”, more precisely, “the best”, to guarantee oneself and loved ones the comfort of complete satisfaction and survival) - to somehow fill this “black fool”. Attachment to desires (comfort, control, power) always leads to further deformations of the relationship. Stalking is one of the extreme manifestations of the Lucifer syndrome or phenomenon.

Keywords: educational safety, violence, bullying, stalking, didactogeny, scholasticism, Lucifer syndrome.

Концептуально-теоретическая база исследования безопасности образования включает множество понятий и концептов.

1. Первый уровень анализа образуют понятия опасности и безопасности субъектов, структур, процессов и компонентов образования. Эти понятия выступают как системообразующие, концептуальные: их анализ предполагает структурирование концептуального поля «безопасность образования», разработку его общих и частных концепций и моделей. Общим условием безопасности образования является его духовно-нравственная идентичность: как института культуры, института заботы старших поколений о младших, института культурной трансмиссии. Антипедагогика/антиобразование в современном мире проявляются в рамках доктрин «образовательных услуг», «толерантного» к деформациям и девиациям развития человека образования (то есть ориентированного на девиантное развитие), подготовки «квалифицированных потребителей» и «конкурентоспособных», в том числе «роботоустойчивых», специалистов «одной кнопки», способных обслуживать интересы производства и, таким образом, интересы финансово-правлящей элиты («генерального предиктора», меньшинства). Здесь важными являются также понятия менеджериализма, коррупции и т. д.: деструктивное авторитарно-вертикальное управление образованием как источник многих современных проблем в образовании дополняется общей культурой на-

силы и коррупции в организации. Напротив, интересубъективное руководство, нацеленность на подготовку всесторонне развитого человека, свободного в своей человеческой жизни от привязки к интересам производства, приводит к гармонизации отношений в образовании. Специфических для образования концептов здесь не создано: разработка проблемы осуществляется в поле общих представлений о феномене опасности и деформациях образовательной системы на ее разных уровнях и в разных отношениях [7; 15; 17; 19].

2. Второй уровень анализа образуют понятия психологических, опасных и безопасных образовательных и квазиобразовательных отношений (ресентимента/зависти и мести, запутанного клубка отношений или «двойной связи» в отношениях, фантомных/объектных отношений и т. д.). Сюда же входят и понятия конфликта/противостояния (выступающего источником и формой проявления опасности образования / образовательных отношений) и насилия/ненасилия (ненасилие предстает как альтернатива насилию в смысле способности противостоять негативным явлениям в отношениях, включая войны и чрезвычайные ситуации, криминальные ситуации и ситуации нетерпимости и т. п.). Кроме того, этот уровень включает анализ многочисленных концепций виктимизации, буллинга (травли) и stalkingа, моббинга и т. д. Также популярны концепции дидактогений (педиогении, матетогении, эдьюктогении), дидактогенного невроза и т. д. Ненасилие исследуется в разных контекстах: внутриличностном, межличностном, профессиональном и т. д.; в разных теориях, например в теории ненасиления Р. Берроуза, В. Кула, А. Бренеса, Д. Риттера, Д. Мейтона, М. Розенберга; осмысляются проблемы, связанные с измерением ненасиления, в том числе: а) пацифизма и «не-убийственности» (nonkilling) и б) подтверждения, разрешения, сотрудничества, диалога/консенсуса и т. д. Есть масштабные формы ненасиления и сопротивления насилию, в том числе митинги, забастовки, протесты, бойкоты, гражданское неповиновение, отказ от сотрудничества и т. д. При этом ненасилие выступает не только и не столько как слабость, но и как сила: отношения сострадания, принятия и любви, стремление к совместному развитию, в том числе сотворчеству, исцеление последствий конфликтных, манипулятивных и открыто насильственных отношений, так же, как и отношений, связанных с конфронтацией, с умением «сказать нет», отказом участвовать в деструктивных отношениях и т. д., — таковы два основных модуса ненасиления. Особенно интересный вопрос здесь — вопрос манипуляций, принятия и непринятия принуждения, которые могут выражаться как в насильственных, так и ненасильственных формах и т. д. Не менее интересен вопрос о непрямом, структурном насилии: под структурным насилием подразумеваются создание обществом условий, не позволяющих людям в полной мере удовлетворять свои основные потребности [13; 21–25; 29; 30]. На этом уровне мы видим наличие специфических понятий, связанных с описанием разных типов дидактогенных нарушений. В последнее время сюда относят понятия, связанные с проблемами цифровой безопасности, в том числе цифрового слабоумия, цифрового насилия, кибербуллинга, иных киберпреступлений и т. д.

3. Третий уровень анализа образуют понятия психологически безопасной, ненасильственной и миролюбивой, полноценно функционирующей, развивающейся, успешно самоактуализирующейся и самореализующейся, ассертивной личности, способной достигать жизненных целей без использования ненужного и деструктивного для себя и других принуждения и/или проблемных ситуаций / кризисов / коллапсов. Ее антиподы — личности-роли жертвы и преследователя и также спасителя: эти личностные и ролевые структуры связаны с противоположным модусом, проявляющимся, в частности, в стремлении контролировать мир, в том числе обеспечивать свою безопасность ценой потери безопасности других людей. На конкретно-личностном уровне с безопасностью, ненасилием связаны терпение/терпимость и толерантность, смирение, стремление к развитию, искренность и

транспарентность, свобода и ответственность и т. п. На этом уровне анализа специфические понятия касаются описания разных типов учащихся/обучающихся, например «школяров», и связанных с ними феноменов («школярство»). Очень популярны понятия выученной беспомощности, прокрастинации и т. п. Человек-манипулятор манипулирует не только другими, но и собой [5; 10; 16; 20].

Наиболее популярный и, по оценкам специалистов, наиболее многообещающий уровень анализа представляют понятия буллинга и сходные с ним [1; 2; 3; 4]. Связывается это с тем, что сейчас, в современном, потерявшем ведущие нравственные опоры мире буллинг и аналогичные формы насилия — явления массовые, и становятся всё более интенсивными. Во всем мире, начиная с неблагополучных семей, с начальной и средней школы, вплоть до профессиональных коллективов и корпораций, буллинг и виктимизация становятся всё более распространенными [6; 8; 9; 10; 11]. Обобщая данные, исследователи констатируют, что частота проявления буллинга и виктимизации в образовании колеблется от 15 до 25 % в Австралии, Австрии, Англии, Финляндии, Германии, Норвегии и Соединенных Штатах Америки, в России ее показатель также весьма высок и достигает, по разным оценкам (как регулярная практика), 30 % и даже (как опыт насильственных отношений) 90 % [12; 14; 18]. Особенно выражена эта проблема в отношении детей (учащихся школ и даже дошкольников). Практически в каждом классе, школе, колледже и институте есть учащиеся, которые становятся объектами частых нападков, систематических насмешек, вымогательства, физических и психических унижений, различного вида издевательства, бойкота и игнорирования со стороны одноклассников, старшеклассников, родителей, соседей или даже учителей [26; 27; 28]. Школьное или семейное насилие и травля не являются чаще всего ситуативными: боль и унижения часто продолжаются от недели до нескольких лет, а иногда до окончания школы или ухода ребенка из нее или семьи. Проблема в том, что в группе риска может оказаться практически любой ребенок или подросток. Ранее таких детей называли «белой вороной», «козлом отпущения», жертвой «школьной дедовщины», а теперь жертвами буллинга. В психологических исследованиях, например В. С. Собкина, М. М. Смысловой, под термином «буллинг» (травля) понимаются совокупность различных социальных, психологических и педагогических проблем, обуславливающих процесс длительного (группового или индивидуального) физического или психического насилия в отношении индивида, который не способен защитить себя в данной ситуации [18, с. 130]. Буллинг (*bullying*) также определяется как притеснение, дискриминация, травля. Д. Лейн и Э. Миллер определяют буллинг как длительный процесс сознательного жестокого отношения, физического и (или) психического, со стороны одного человека или группы людей к другому человеку (другим людям) [11; 12]. Ролевая структура буллинга содержит три основные позиции: булли, жертвы и булли/жертвы. Сюда можно также включить спасителей. Преследователь (булли) — это обидчик, задира, обычно формальный или неформальный лидер группы, который является инициатором тех или иных видов насилия. По мнению Д. Олвеуса, инициаторами травли могут быть: дети, мечтающие быть лидерами в классе и желающие быть в центре внимания; дети с высоким уровнем притязаний, уверенные в своем превосходстве над жертвой; дети, не признающие компромиссов, считающие, что верна только их позиция и ничья больше; агрессивные дети, легко возбудимые, довольно сильные физически, самоутверждающиеся в жертве [26].

Жертва — ребенок, подросток, отличающийся от своих сверстников социальными взглядами, имеющий собственное мнение, идущее вразрез с общим групповым мнением (идеями), ребенок, находящийся в группе риска, имеющий другую национальность. Жертвами становятся тревожные, несчастные, с низкой самооценкой, не уверенные в себе; не имеющие ни одного близкого друга, предпочитающие общение со взрослыми людьми;

пугливые, чувствительные, замкнутые и застенчивые; склонные к депрессии и чаще сверстников думающие о самоубийстве; мальчики/девочки, физически слабее, чем ровесники. Также жертвами буллинга могут стать дети, которые верят (потому что им внушили), что заслуживают роли жертвы, и пассивно ожидающие насилия преследователей; страдающие от одиночества дети; имеющие негативный опыт жизни; дети из социально неблагополучных семей, испытывающие физическое насилие дома; страдающие комплексом неполноценности; не верящие в защиту их педагогами; дети, предпочитающие умалчивать о насилии и травле; не считающие себя значимой частью своего коллектива; смирившиеся с этим насилием как со своей судьбой. Говоря о спасателях и наблюдателях (кем бы они ни были), ученые часто отмечают такие их типичные состояния, как чувство вины и ощущение собственного бессилия, а также иногда и подавляемое стремление к насилию, от которого спасатель стремится защитить и себя, и других [6; 8; 10].

Буллинг предполагает довольно длительное постоянное или периодическое физическое или психическое насилие со стороны индивида или группы в отношении ребенка, группы детей или иных лиц, не способных защитить себя в той или иной ситуации по тем или иным причинам. Это форма жестокого обращения, когда физически или психически сильный или более высокостатусный индивид или группа таковых причиняет боль другим людям, прямо или косвенно прикладывая усилия к тому, чтобы человек испытал физическую, психологическую или нравственную боль, страдание. Травящий получает удовольствие, видя страдания и унижение жертвы, добываясь всё большей покорности и уступок, завладевая имуществом и иными жизненными ресурсами более слабого. Пострадавшие склонны испытывать стыд и неуверенность в себе, но часто предпочитают не сообщать об издевательствах и унижениях, опасаясь «санкций» со стороны агрессора и/или его группы, а также осмеяния и вторичной виктимизации, так или иначе возникающей при попытке объяснить суть происходящего, отстоять себя. При этом буллинг — агрессивное и негативное поведение, которое осуществляется регулярно, происходит в отношениях, участники которых обладают неодинаковой властью, а само агрессивное поведение является умышленным, а в случае stalking — еще и целенаправленным. При этом агрессор навязчиво преследует свою жертву (stalking или stalkerство), специально оказывается рядом, чтобы показать свою власть над пострадавшим, над его судьбой. Stalking (*stalking*) — навязчивое нежелательное внимание к одному человеку со стороны другого (преследователя) или группы людей, целенаправленное преследование с помощью доступных преследователю средств, становится всё более распространенным: живя в атмосфере постоянных репрессий, люди привыкают и к насилию над ними, и к насилию в отношении других лиц. Stalking является по своей сути формой вымогательства, домогательства (в том числе харассмента, сексуального домогательства) и запугивания (шантажа). Как правило, он выражается в постоянном выслеживании жертвы, преследовании, шпионаже — как в реальном мире, так и в виртуальном (социальные сети, почта). Типичное поведение stalkеров включает в том числе навязчивые постоянные звонки по телефону или приложениям типа *Skype*, а также оскорбления, посылку угрожающих, унижающих или «намекающих» на желания преследователя нежелательных подарков, например непристойного содержания письма, а также угрозы или запугивающие действия. Тем самым stalker и buller (булли) являются практически одним и тем же лицом, за исключением того, что stalking отличается от буллинга постоянством и целенаправленностью. Stalker — человек, который желает полностью контролировать мир физический и мир социальный, мир отношений человека с собой и с другими людьми. Для этого он топчет мир и людей ради власти и комфорта спокойной жизни сейчас и возможности спокойной и сытой жизни в будущем, своей и своих детей. На этом фоне часто возникают психические отклонения (болезнь контроля,

болезнь власти), stalking становится всё более масштабным явлением не только в повседневности, но и в практике психиатрии. Буллинг выступает как некая репетиция, предвестник stalking, ограничиваемый набором сиюминутных проявлений насилия в конкретной ситуации, stalking же есть более или менее явственный процесс самоуничтожения и уничтожения мира — ради и в процессе контроля над ними и собой. Однако человек не понимает, что не может контролировать и самого себя, что, уничтожая других, он уничтожает и себя. Как правило, сам stalker чаще всего когда-то был или продолжает оставаться жертвой духовного, психического или физического насилия. Страстное желание поменять роль с «ведомого» на «ведущего» (контролирующего, властелина) приводит к нападкам и унижению другого (жертвы) для повышения собственного статуса.

Формы буллинга и stalking разнообразны. Отверженность ребенка в школе проявляется актами насилия или травли, а также неприятием и игнорированием его. Неприятие существует двух видов: активное и пассивное. Игнорирование и неприятие показывает ребенку, что он лишний в этом коллективе, семье, так же, как травля взрослого прямо указывает ему на то, что в семье и на работе он «никто и ничто», он не нужен и не считается человеком. А если нужен, то только для того, чтобы за счет него решить свои проблемы в учебе, профессии или отношениях или поиздеваться просто так, для развлечения (шут или «подушка для битья» для «рекреации»).

Чаще всего в травле участвует целая группа людей. Это особенно хорошо видно на примере школьной травли. Если лидер — булли, то остальные — последователи или союзники инициаторов травли одноклассников. Союзниками булли бывают дети, страшась оказаться на месте жертвы; не желающие выделяться из толпы одноклассников; дорожащие своими отношениями с лидером; поддающиеся влиянию «сильных мира сего» в классе; не умеющие сопереживать и сочувствовать другим; не имеющие собственной инициативы; принимающие травлю за развлечение; дети жестоких родителей; озлобленные ровесники, мечтающие взять реванш за свои унижения; из неблагополучных семей, испытавшие страх наказания.

Таким образом, возможность стать жертвой школьной травли определяется целым рядом как демографических, так и социально-стратификационных факторов. Это позволяет жертве сделать вывод о том, что современная школа, как и другие структуры, является достаточно жестким социальным институтом, где более слабые в социальном отношении группы чаще оказываются в зоне риска (риск стать жертвой, «лохом», изгоем) [10, с. 73–74].

Иногда последствия травли и преследования продолжаются у жертвы всю жизнь, калеча и продолжая испытания, домогательства, унижения. Возможно даже развитие серьезного посттравматического стрессового расстройства, которое включает ряд фаз своего развития:

1. Фаза отчаяния — повышенный уровень тревожности, когда ребенок еще плохо осознаёт происходящее с ним, страх — он не может самостоятельно разобраться в ситуации, замыкается в себе.
2. Фаза отрицания — попытка вытеснить из памяти происшедшее с ним. Могут появиться соматические расстройства, бесчувственность и бессонница. Жертва как бы пытается не верить в происходящее.
3. Фаза навязчивости или депрессии — смирение с происшедшим насилием на фоне эмоциональной лабильности, нарушения сна, плохое настроение.
4. Фаза прорабатывания того, что произошло, с осознанием причины происшедшего.
5. Фаза завершения — появляется надежда на будущее, человек выходит из ситуации насилия с новыми силами и опытом, способный помогать другим людям.

Различные факторы влияют на психическое состояние потенциальных жертв буллинга и stalking.

В. С. Собкин и М. М. Смыслова отмечают следующие факторы:

1. *Пол и возраст.* Девочки чувствуют себя более благополучно в школьном коллективе, чем мальчики, однако тяжелее и интенсивнее переживают насилие. Мальчики чаще отмечают эпизодическое психическое насилие и эпизодическое физическое насилие. Этому способствует большая агрессивность мужской субкультуры, в которой насмешки или проявления физической агрессии зачастую считаются нормальным явлением и даже поощряются сверстниками. Перспектива окончания школы и смены коллектива в течение ближайшего года снимает напряженность восприятия тех или иных проблем в общении в пределах данного коллектива.

2. *Уровень доходов семьи и образование родителей.* Существует отчетливая тенденция влияния уровня материального благополучия семьи на опыт пребывания подростков в роли жертвы буллинга: чем выше уровень доходов семьи, тем комфортнее чувствует себя ребенок или подросток в школе. Дети из высокообеспеченных семей чувствуют себя наиболее благополучными и уверенными, поэтому чаще отмечают отсутствие психического и физического насилия. Факторы социальной стратификации (образование, профессиональный, материальный и т. д. статус семьи) оказывают существенное влияние на отношения ребенка в школе: представители более высокостатусных социальных страт гораздо реже могут оказаться в зоне риска и стать жертвами школьного буллинга и преследования.

3. *Социальный статус учащихся в классе.* Не менее важен психосоциальный статус ребенка в классе. Дети и подростки-парии, которые чувствуют себя одиноко в классе, значительно чаще сталкиваются с различными формами насилия. При этом дети, считающие себя лидерами, «звездами» в классе, значительно чаще по сравнению с теми, кто чувствует себя одиноко, отмечают, что они не оказывались жертвами ни психического, ни физического насилия: они чувствуют себя намного более защищенно и благополучно, в то время как подростки-одиночки («отверженные», «ведомые — шестерки» и т. д.) большей частью не имеют возможности благополучно существовать в школьном коллективе, становясь жертвами насмешек и издевательств [18].

Е. А. Гусейнова, С. Н. Ениколопов пишут, что буллинг имеет большое распространение в нашей стране, и большинство его участников становятся одновременно и жертвами, и агрессорами буллинга [6]. А учитывая современную ситуацию развития нашего общества, психосоциальные особенности участников буллинга, можно прогнозировать неблагоприятное формирование личности и адаптации в обществе агрессоров / жертв буллинга.

Учителям, психологам и социальным работникам необходимо выявлять и пресекать все виды буллинга, любые его формы — издевательства, просто обзывания или изоляции учащегося, так как эти ситуации не могут считаться нормальными в образовательном учреждении, в семье, на работе и т. д. Между тем многие обыватели полагают, что пережить подобное иногда просто необходимо каждому человеку: они считают эти ситуации «школой жизни». Важно разъяснить родителям и преподавателям, что буллинг — это не единичная реакция в определенной ситуации, а стойкие неэффективные паттерны поведения, которые вносят серьезные ограничения в развитие человека. Более того, необходимо привлечь особое внимание к агрессорам и жертвам буллинга: вместо замалчивания и утаивания необходимо активизировать обучение и профилактику, коррекцию и развитие детей и взрослых, оказавшихся включенными в ситуации буллинга.

В заключение скажем, что буллинг — явление системное и комплексное. Поэтому, кроме врачей, психотерапевтов, психологов, занимающихся, как правило, уже с теми детьми, которые подверглись травле и издевательствам со стороны своих сверстников и одноклассников, к изучению и профилактике этого явления должны подключиться школьные учителя и социальные педагоги, а тем более эдологи, которые в опоре на жизненные ресурсы ребенка смогут напра-

вить жертву на путь уверенности, спокойствия. И жертвы, и их преследователи (буллы, сталкеры) имеют низкий потенциал жизнеутверждения, склонны отрицать жизнь, быть недовольными собой и миром. Самоутверждаясь, они унижают не только объект нападков, но и самих себя и, таким образом, еще более ухудшают ситуацию. Выход из замкнутого круга насилия — диалог, признание буллы вины и прощение его жертвой, анализ внутренней, а не только внешней структуры насилия. Чрезмерная и болезненно отвергаемая привязанность к миру и людям порождает агрессию, которая может выражаться в форме буллинга или stalkingа — травли. Stalking обнажает эту лежащую в его основе привязанность к миру и к человеку, зависимость от них, деформации отношений, желание «быть хорошим», точнее, «лучшим», гарантировать себе и близким комфорт полного удовлетворения и выживание и, в то же время, заполнить «черную дыру» внутри личности. Привязанность к желаниям (комфарту, контролю, власти) всегда ведет к дальнейшим деформациям отношений. Stalking — одно из крайних проявлений синдрома или феномена Люцифера, описанного в работах Ст. Милграма и Ф. Зимбардо: духовное состояние, когда «черная дыра» в человеке столь глубока, что ее не могут заполнить ни власть, ни деньги, ни образовательные или иные успехи. Единственное «благо» stalkера — он сам: вернуться к Богу и признать кого-то выше себя он не в состоянии. Суть «эффекта Люцифера» — алчность как желание уподобить себе или поглотить всё «другое», не похожее на него, попытки использовать мир и другого человека как вещь ради удовлетворения собственных желаний. Это противоположность служению: в последнем человек воспринимает себя как часть круга любви, в котором каждый отдельный человек ценен сам по себе, а также в отношениях с другими. Для педагога или ученика такое состояние очень деструктивно: оно перекрывает возможности развития, деформируя их и сводя к одной из сторон образования. В сфере приобретения «образовательных услуг» это часто сводится к навязчивому приобретению документов об образовании (дипломов, сертификатов и т. д.), поиску и накоплению знаний и умений, которые человек никогда не востребует и порой даже не осознает, забывая сразу после приобретения. В сфере предоставления образовательных услуг нередко ситуация «каждый ребенок — деньги» и т. д.: как ярко демонстрируют, например, современные программы элитарного образования, «реестрирование» и «администрирование» отбора и развития талантов ведется безотносительно к пониманию того, как такая практика сказывается на развитии талантливых учащихся и студентов как людей. Сама практика разделения обучающихся на более или менее талантливых во многом порочна: она демонстрирует отказ образовательной системы работать на развитие каждого и всех в рамках модели всестороннего развития человека как свободного существа.

Библиографический список

1. Ачитаева И. Б. Деструктивные взаимоотношения в учебных группах образовательных учреждений МВД России: дис. ... канд. психол. наук. М., 2010. 249 с.
2. Баева И. А. Психологическая безопасность в образовании. СПб.: Союз, 2002. 271 с.
3. Бердышев И. Лекарство против ненависти // Первое сентября. 2005. 15 марта. № 18. С. 3.
4. Бочавер А. А., Хломов К. Д. Буллинг как объект исследований и культурный феномен // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10, № 3. С. 149–159.
5. Горчинская А. А., Капелюшник Р. Е. Обеспечение психологической безопасности образовательного процесса в образовательных организациях высшего образования // Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение. 2020. № 1 (9). С. 5–9.
6. Гусейнова Е. А., Ениколопов С. Н. Влияние позиции жертвы буллинга на агрессивное поведение // Психолого-педагогические исследования. 2014. № 2. С. 246–256.
7. Данилова А. Д., Костылева Т. А., Карабулатова И. С. Трансформация подходов в образовании на современном этапе в условиях непрерывности // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 5 (84). С. 223–225.
8. Ениколопов С. Н. Психологические проблемы безопасности в школе [Электронный ресурс] // Материалы проекта «Образование, благополучие и развивающаяся экономика России, Бра-

зилии и Южной Африки». М., 2010. URL: http://psyjournals.ru/edu_economy_wellbeing/issue/36278_full.shtml (дата обращения: 21.04.2021).

9. Зимбардо Ф. Почему хорошие люди превращаются в злодеев. М.: Альпина нон-фикшн, 2013. 740 с.

10. Кравцова М. М. Дети-изгой: психологическая работа с проблемой. М.: Генезис, 2005. 111 с.

11. Кутузова Д. А. Травля в школе: что это такое и что можно с этим делать // Журнал практического психолога. 2007. № 1. С. 72–90.

12. Лэйн Д. А. Школьная травля (буллинг) // Детская и подростковая психотерапия. СПб.: Питер, 2001. С. 240–276.

13. Маралов В. Г., Ситаров В. А. Проблема насилия в зарубежной психологии (обзор публикаций) // Знание. Понимание. Умение. 2020. № 1. С. 173–186.

14. Мерцалова Т. Насилие в школе: что противопоставить жестокости и агрессии? // Директор школы. 2000. № 3. С. 25–32.

15. Осокина О. В. Природа и сущность социальных конфликтов в организации высшего образования // Гуманитарные ведомости Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого. 2020. № 3 (35). С. 73–84.

16. Скорова Л. В., Качимская А. Ю. Деятельностные пробы в профессиональной подготовке педагогов к обеспечению психологической безопасности образовательной среды // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. 2020. № 3. С. 656–662.

17. Смирнов И. П. О научности педагогики (как избежать трансформации педагогической науки в идеологию) // Образование и наука. 2020. Т. 22, № 2. С. 9–28.

18. Собкин В. С., Смыслова М. М. Жертвы школьной травли: влияние социальных факторов // Социология образования. Труды по социологии образования. Т. XVI. Вып. XXVIII / под ред. В. С. Собкина; Ин-т социологии образования РАО. М., 2012. С. 130–136.

19. Суханова Н. П. Принципы антипедагогики и современные задачи образования // Alma mater (Вестник высшей школы). 2020. № 2. С. 24–27.

20. Футин В. Н. Психологические ресурсы противодействия насилию в структуре soft skills специалистов гуманитарного профиля // Балтийский гуманитарный журнал. 2021. Т. 10, № 1 (34). С. 295–298.

21. Brenes A. C. An integral model of peace education // Educating for a culture of social and ecological peace / ed. by A. L. Wenden. Albany: State University of New York Press, 2004. P. 77–98.

22. Burrowes R. J. The strategy of nonviolent defense: A Gandhian approach. Albany: State University of New York Press, 1996. 367 p.

23. Kool V. K. The psychology of nonviolence and aggression. New York & New Hampshire: Palgrave Macmillan, 2008. 204 p.

24. Mayton D. M. Gandhi as peacebuilder: The social psychology of Satyagraha // Peace, conflict, and violence: Peace psychology for the 21st century / eds. D. J. Christie, R. V. Wagner & D. D. N. Winter. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice Hall/Pearson Education, 2001. P. 307–313.

25. Mayton D. The psychology of nonviolence and nonkilling: theory, measurement, and correlates // Nonkilling Psychology / eds. D. J. Christie & J. E. Pim. Honolulu, Hawai'i: Center for Global Nonkilling, 2012. P. 241–360.

26. Milgram S. Behavioral study of obedience // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1963. No. 67. P. 371–378.

27. Mullen P. E., Pathé M., Purcell R. The management of stalkers // Advances in Psychiatric Treatment. 2001. Vol. 7. P. 335–342.

28. Olweus D. Bullying at school: what we know and what we can do (understanding children's worlds). Oxford: Blackwell Publishing, 1993. 140 p.

29. Ritter D. P. A two-dimensional theory of nonviolence: paper presented at the annual meeting of the American Sociological Association, 2005. Philadelphia, PA. URL: http://www.allacademic.com/meta/p21970_index.html.

30. Rosenberg M. B. Nonviolent communication: a language of life. Encinitas, CA: PuddleDancer Press, 2015. 280 p.

Бахарев Д. В., Бахарева С. А. Гиперактивное расстройство с дефицитом внимания — проблема для медика, психолога или юриста? // Вестник Прикамского социального института. 2021. № 1 (88). С. 118–123.

Bakharev D. V., Bakhareva S. A. An attention deficit hyperactivity disorder — a problem for a physician, psychologist or lawyer? *Bulletin of Prikamsky Social Institute*. 2021. No. 1 (88). Pp. 118–123. (In Russ.)

УДК 616.831

Д. В. Бахарев

Пермский институт ФСИН России, Пермь, Россия

С. А. Бахарева

Муниципальное бюджетное дошкольное образовательное учреждение № 29 «Журавушка», Сургут, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, Россия

ГИПЕРАКТИВНОЕ РАССТРОЙСТВО С ДЕФИЦИТОМ ВНИМАНИЯ — ПРОБЛЕМА ДЛЯ МЕДИКА, ПСИХОЛОГА ИЛИ ЮРИСТА?

Бахарев Дмитрий Вадимович — доктор юридических наук, профессор кафедры «Публичное право».

E-mail: demetr79@mail.ru

Бахарева Светлана Афанасьевна — педагог-психолог высшей квалификационной категории, почетный работник общего образования РФ.

E-mail: sv.bahareva@mail.ru

В статье рассматривается вопрос о необходимости как можно более ранней диагностики такого распространенного детского заболевания, как гиперактивное расстройство с дефицитом внимания (далее — ГРДВ). Научкой установлена высокая степень взаимосвязи между поведенческими расстройствами у взрослых, возникающими в результате отсутствия, или несвоевременной, или недостаточной терапии ГРДВ, и девиантным поведением (включая совершение преступлений). В частности, современные диагностические средства фиксируют наличие схожих патологий отдельных структур головного мозга у пациентов с ГРДВ и у преступников-убийц. В связи с этим авторами разработан перечень рекомендаций для педагогов-психологов по выявлению первичных признаков возникновения и развития ГРДВ у детей дошкольного возраста и последующей его терапии.

Ключевые слова: гиперактивное расстройство с дефицитом внимания, управляющие функции психики, преступления, убийцы, лобные доли головного мозга.

D. V. Bakharev

Perm Institute of the Federal Penal Service of Russia, Perm, Russia

S. A. Bakhareva

Municipal Budgetary Preschool Educational Institution No. 29 “Zhuravushka”,
Surgut, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug-Yugra, Russia

AN ATTENTION DEFICIT HYPERACTIVE DISORDER — A PROBLEM FOR A PHYSICIAN, PSYCHOLOGIST OR LAWYER?

Bakharev Dmitry V. — Doctor of Juridical, Professor at the Department of Public Law.

Bakhareva Svetlana A. — Teacher-Psychologist of the Highest Qualification Category, Honorary Worker of General Education of the Russian Federation.

The article discusses the need for the earliest diagnosis of such a common childhood disease as attention deficit hyperactivity disorder (ADHD). Science has established a high degree of relationship between behavioral disorders in adults resulting from the absence, or untimely, or insufficient therapy for ADHD, and deviant

behavior (including crimes). In particular, modern diagnostic tools record the presence of similar pathologies of individual structures of the brain in patients with ADHD and in criminals-killers. In this regard, the authors have developed a list of recommendations for parents, teachers and psychologists to identify the primary signs of the onset and development of ADHD in children of primary preschool age.

Keywords: attention deficit hyperactivity disorder, executive functions of the psyche, crimes, killers, frontal lobes of the brain.

Важной проблемой психологического дискурса на протяжении последних десятилетий продолжает оставаться *синдром дефицита внимания в сочетании с гиперактивностью* (далее — СДВГ). Это психоневрологическое расстройство, характеризующееся несвойственной для нормальных возрастных показателей двигательной гиперактивностью, дефектами концентрации внимания, отвлекаемостью, импульсивностью поведения, проблемами во взаимоотношениях с окружающими [5, с. 5]. По данным отечественных и зарубежных исследований, частота СДВГ среди детей и подростков составляет 5–10 % [4], среди взрослых — от 3 % [12, р. VII] до 4,4 % [16, р. 716]. СДВГ преобладает среди мальчиков, соотношение мальчиков и девочек составляет примерно 3:1 [6, с. 48].

Один из ведущих отечественных исследователей данного феномена Н. Н. Заваденко отмечает, что более обоснованным является его обозначение не как СДВГ, а как «*гиперактивного расстройства с дефицитом внимания*» (ГРДВ), поскольку оно более соответствует международному термину, обозначающему данное явление, *attention deficit hyperactivity disorder (ADHD)*. Кроме того, по мнению этого автора, такой перевод термина, в отличие от «синдрома», лучше подходит для обозначения самостоятельного патологического состояния, которым является ГРДВ согласно данным современных исследований [5, с. 5].

Симптомы ГРДВ у ребенка часто становятся поводом для первичного обращения родителей к психологам, а также логопедам, дефектологам и педиатрам. Один из самых важных показателей психического статуса — это *поведение*. Его анализ расширяет возможности оценки клинической картины состояния ребенка. Характеризуя поведенческую и когнитивную сферу детей старшего дошкольного возраста с ГРДВ, ученые отмечают следующие особенности: несформированность высших психических функций — регуляторного компонента программирования и контроля (проявляющегося в импульсивном и гиперактивном поведении, нарушении внимания), негативизм, лживость, агрессивность (как форма компенсаторного проявления при наличии депривации в семье и коллективе), преобладание игровых интересов. При этом в игровой деятельности дети конфликтны из-за нарушений в эмоционально-волевой сфере личности и регуляторных процессах, вызывающих аффективное поведение [7, с. 26].

Накопленный в течение нескольких десятилетий обширный опыт научного изучения ГРДВ достаточно убедительно свидетельствует о том, что описанные выше расстройства поведенческой сферы, характерные для данного патологического состояния человеческого организма, нередко могут вести к формированию устойчивых форм *девиантного поведения* (алкоголизм, наркомания и др.). При особо неблагоприятном стечении обстоятельств, когда физиологические и психосоматические нарушения в организме ребенка, обусловленные ГРДВ, усугубляются факторами социального и, в первую очередь, семейного неблагополучия, это может активно способствовать формированию криминогенного потенциала личности.

Благодаря современным исследованиям в области нейропсихологии уже на текущем этапе можно построить теоретическую схему взаимосвязи между органическими нарушениями мозговой деятельности человека и деструктивным поведением личности, включая его крайнее проявление — совершение преступлений. Так, учеными-медиками установлено, что в основе формирования ГРДВ лежат *нейробиологические факторы: генетические механизмы и*

раннее повреждение центральной нервной системы (далее — ЦНС) в пре-, интра- и постнатальном периодах, которые могут сочетаться между собой. Они определяют изменения со стороны ЦНС и работы нейромедиаторных систем, нарушения высших психических функций и поведения, соответствующие картине ГРДВ [6, с. 49; 9, с. 13]. В частности, в патогенетический механизм ГРДВ вовлекается система «ассоциативная кора — базальные ганглии — таламус — мозжечок — префронтальная кора» («префронтальная кортикально-полосатомозжечковая сеть» (по Barkley [10, p. 236]), в которой согласованное функционирование всех структур обеспечивает контроль внимания и организацию поведения [6, с. 49].

Данный вывод помимо прочего доказывается тем, что пациенты с ГРДВ демонстрируют дефицит поведенческого торможения, устойчивого внимания (упорство в выполнении задачи), сопротивления отвлечению и дефицит развития управляющих функций (усвоение речи, вербальная рабочая память, временная последовательная рабочая память, координация движений и определение времени мелкой моторики, эмоциональная и мотивационная саморегуляция, беглость речи и планирование). При этом диагностические исследования префронтальной коры и ее сетей с базальными ганглиями и мозжечком (как уже указывалось, опосредующей эти управляющие функции) у таких пациентов фиксируют: а) снижение возбуждения на стимуляцию этих областей мозга (метод электроэнцефалографии (ЭЭГ)); б) снижение притока крови к лобным долям, полосатому телу и мозжечку, что согласуется с их недостаточной активностью (исследование мозгового кровообращения); в) некоторое снижение активации в островковой доле и области гиппокампа и, напротив, большую активацию в правой передней поясной извилине во время принятия решений (позитронно-эмиссионная томография (ПЭТ)); г) меньший общий размер головного мозга с наибольшим уменьшением объемов головного мозга передних лобных долей (в основном справа), базальных ганглиев и червя мозжечка (в основном справа) (магнитно-резонансная томография (МРТ)); д) отличия от типичной мозговой активности в лобной области, базальных ганглиях и мозжечке. Дефицит конкретных нейротрансмиттеров окончательно не установлен, но очевидная роль дофамина и норадреналина подтверждается положительной реакцией людей с ГРДВ на стимуляторы (ингибиторы и агонисты обратного захвата дофамина) и атомoksetин (ингибиторы обратного захвата норадреналина), а также распределением этих двух нейротрансмиттеров в областях мозга, участвующих в ГРДВ (функциональная магнитно-резонансная томография (фМРТ)) [13, p. 237].

Таким образом, проявление «управляющей дисфункции» (*executive dysfunction*) у лиц с диагнозом ГРДВ скорее всего опосредовано нарушениями (незрелостью) функций лобных долей головного мозга. При этом развитие управляющих функций и созревание этих областей мозга представляют собой длительные процессы, продолжающиеся не только в детском, но и подростковом возрасте. Поэтому вмешательство ГРДВ в эти процессы может привести к тому, что и у взрослых пациентов с данным заболеванием отмечаются низкие результаты при нейропсихологическом исследовании регуляции и контроля когнитивных процессов, в том числе рабочей памяти, поддерживаемого внимания, торможения реакций. Характерными признаками ГРДВ у взрослых являются: импульсивность (в том числе и выражающаяся в социально неприемлемых формах поведения), забывчивость, рассеянность, неорганизованность, трудности доведения до конца работы по выполнению различных заданий, частая смена работы, проблемы в семейной жизни, трудности переживания негативных эмоций и др. [6, с. 49].

Примечательно, что указанная совокупность психологических черт лиц с клиническим проявлением симптомов ГРДВ практически идентична обобщенному психологическому портрету преступников-убийц. Так, наиболее авторитетными на сегодняшний день специалистами в области изучения личности насильственного преступника Ю. М. Антоня-

ном и В. Е. Эминовым отмечается, что «убийцы — это чаще всего импульсивные люди с высокой тревожностью и высокой эмоциональной возбудимостью, для которых в первую очередь важны собственные переживания и интересы... Они не устойчивы в своих социальных связях и отношениях, склонны к конфликтам с окружающими. От других преступников убийц отличает эмоциональная неустойчивость, высокая реактивность поведения, когда оно обычно принимает форму реакции на внешние раздражители, сугубо субъективно воспринимаемые и оцениваемые. Они внутренне неорганизованны, а высокая тревожность порождает такие качества, как подозрительность, мнительность, мстительность, как правило, сочетающиеся с беспокойством, раздражительностью, напряженностью» [1, с. 128]. Отсюда логичным выглядело бы предположение о наличии органических предпосылок поражения управляющих функций и у лиц, систематически демонстрирующих агрессивное поведение, и тем более у преступников-убийц. Причем, как опять же предполагается, и этиология, и локализация патологических процессов в мозге последних должна совпадать с клинической картиной ГРДВ. Сразу же отметим, что многочисленные факты, подтверждающие данную гипотезу, в распоряжении современной науки уже имеются.

Так, обследование в США группы лиц с историей «крайне агрессивного поведения» методом ПЭТ показало заметное снижение метаболизма височных долей мозга в сравнении с контрольной группой. Выявленные аномалии коррелировали с лимбическими аномалиями, зафиксированными в ходе электрофизиологической и нейропсихиатрической оценки обследуемых [11, р. 628–630].

Далее коллектив американских ученых под руководством переехавшего в США английского исследователя Адриана Рэйна исследовал активность физиологических процессов в различных участках коры головного мозга у сорока одного осужденного за убийство. В отличие от ранее несудимых лиц того же возраста и пола, также отобранных и обследованных в рамках контрольной группы при помощи метода ПЭТ, у убийц было зафиксировано значительное снижение метаболизма глюкозы в префронтальной коре головного мозга. Наличие подобной закономерности Рэйн связал с результатами других исследований, объясняющих взаимосвязь между нарушением функций префронтальной коры мозга и личностными нарушениями на эмоциональном, поведенческом, когнитивном и других уровнях. Сочетание этих нарушений, по мнению Рэйна, с большой долей вероятности подталкивает их «обладателя» к совершению тяжких преступлений [15, р. 66–67].

Следует отметить, что в настоящее время ПЭТ является одним из наиболее распространенных методов изучения соотношения функциональной активности мозга и эмоций, включая агрессию. В частности, он дает возможность неинвазивно исследовать уровень метаболизма глюкозы в головном мозге, коррелирующий с функциональной активностью структур головного мозга, и, таким образом, изучать их включение в обеспечение высших психических функций (таких, как речь, память, внимание и др.) и эмоциональных состояний (депрессии, тревоги, агрессии и др.). Метод ПЭТ применяется и в исследованиях российских нейрофизиологов, при этом их результаты коррелируют с описанными выше выводами зарубежных коллег. Так, коллективом ученых Института мозга человека имени Н. П. Бехтеревой (Санкт-Петербург) при помощи ПЭТ зафиксирована ведущая роль лобных долей левого полушария головного мозга и лимбической системы в контролирующих механизмах сдерживания агрессии [8, с. 40].

Нельзя не упомянуть и о результатах еще одного исследования в области «нейровизуализации преступного поведения», также осуществленного в США в 2019 году. Группой ученых были изучены структурные данные МРТ головного мозга 808 заключенных, разделенных на три группы: 203 убийцы, 475 осужденных за тяжкие, но не связанные с убийством преступления (включая нападения, домашнее насилие и другие случаи причинения

тяжких телесных повреждений), и 130 лиц, совершивших незначительные преступления (хранение наркотиков, проституция и др.). В результате был обнаружен ряд различий в объеме и структуре серого вещества мозга тех преступников, которые совершили убийство, по сравнению с лицами из двух других групп. Исследователи пришли к выводу, что нет большой разницы между субъектами, склонными к насилию, но не склонными к убийству, и менее опасными преступниками. При этом у убийц был зафиксирован значительно меньший объем серого вещества в областях мозга, «участвующих в эмоциональном процессе, поведенческом контроле, управляющем функционировании и социальном познании», — орбитофронтальной (вентромедиальной префронтальной) коры, передней височной коры, островка и др. [10, р. 2058]. Один из инициаторов данного исследования Кент Кил в интервью влиятельному научно-популярному интернет-изданию *New Atlas* заявил, что «орбитальная лобная кора и передние височные доли показали наибольшую величину эффекта; то есть у мужчин, совершивших убийство, было меньше серого вещества в этих областях, чем у других насильственных или ненасильственных преступников» [14].

Вышеизложенные факты в своей совокупности являются, на наш взгляд, достаточной эмпирической базой для построения следующей теоретической цепочки: «нейробиологические предпосылки (органическое поражение отдельных участков головного мозга) — гиперактивное расстройство с дефицитом внимания — нарушение управляющих функций психики — девиантное поведение — преступление». Это означает, что *отклонения в поведении и развитии организма у детей дошкольного возраста, характерные для проявления ГРДВ, при самом неблагоприятном стечении жизненных обстоятельств через 10–15 лет могут привести к совершению некоторыми из них особо опасных преступлений*. По этой причине трудно переоценить роль дошкольного психолога в фиксации первоначальных признаков формирования ГРДВ на самом раннем этапе развития данного заболевания и роль врача в диагностике и последующей терапии ГРДВ физио- и медикаментозными средствами.

Накопленный практикой психологической деятельности и обобщенный психологической наукой опыт ранней диагностики ГРДВ у дошкольников позволяет нам сформулировать следующие рекомендации педагогам-психологам по выявлению ранних признаков данного заболевания и последующей его коррекции:

1. При поступлении ребенка в дошкольное учреждение (в два-три года) необходимо: а) выявлять детей с первичными признаками ГРДВ по вышеуказанным поведенческим признакам; б) диагностировать уровень их познавательного развития для того, чтобы не упустить ранние маркеры неблагополучия в развитии познавательной сферы (в частности, несформированность восприятия) [2; 3]; в) тактично осуществлять сбор анамнестических данных в ходе первичного консультирования родителей и др.

2. В период адаптации ребенка в дошкольном учреждении педагог-психолог должен оказывать консультативную помощь воспитателям в вопросе формирования навыков: а) создания атмосферы «принятия» и б) установления доверительного контакта с родителями, поскольку нередко именно в этот период ребенок в силу разных причин впервые сталкивается с так называемым отторжением его родителями и другими детьми.

3. Психолог должен осуществлять планомерную индивидуальную работу по коррекции поведения ребенка с диагнозом ГРДВ имеющимися в его распоряжении средствами (песочная терапия, сенсорная комната и др.).

4. Ведущей должна быть роль психолога в обеспечении целостности педагогического процесса в дошкольном образовательном учреждении посредством интеграции деятельности специалистов и воспитателей, а также разработки предложений по совершенствованию форм и методов организации образовательного процесса (с учетом специфических особенностей детей с ГРДВ).

5. В отношении детей старшего дошкольного возраста целесообразно проведение сплошной профилактической диагностики для выявления детей с ГРДВ и организации для них своевременной адресной психолого-медико-педагогической помощи.

Подводя итоги и отвечая на вопрос, вынесенный в заглавие статьи, скажем, что *гиперактивное расстройство с дефицитом внимания* — это целый комплекс вопросов с точки зрения различных аспектов диагностики данного заболевания, его проявлений, последствий и средств профилактики. Частная медико-психологическая проблема одной семьи впоследствии может перерасти в проблему общественно-юридическую, за которой будет стоять уже трагедия для многих семей (в случае, например, совершения посягательства на чужую жизнь и здоровье лицом, страдавшим в детстве ГРДВ). Случившееся потребует вмешательства государства в лице его правоохранительной системы, которое, впрочем, уже ничего не изменит. Поэтому еще раз подчеркнем важность решения задачи по своевременной диагностике и последующей терапии ГРДВ и ведущую роль в этом педагогов-психологов дошкольных образовательных учреждений.

Библиографический список

1. Антонян Ю. М., Эминов В. Е. Личность преступника. Криминолого-психологическое исследование. М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. 368 с.
2. Бахарева С. А. Профилактика нарушений психологического здоровья детей в дошкольном образовательном учреждении // Теория и практика дошкольного образования. 2014. № 2. С. 10–14.
3. Бахарева С. А. К проблемам профилактики психологического неблагополучия детей старшего дошкольного возраста [Электронный ресурс]. URL: <https://diplom-pedagoga.ru/public/public-teacher1/?id=115607> (дата обращения: 15.05.2021).
4. Заваденко Н. Н. Гиперактивность и дефицит внимания в детском возрасте. М.: Академия, 2005. 256 с.
5. Заваденко Н. Н. Гиперактивность и дефицит внимания в детском возрасте. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2020. 275 с.
6. Заваденко Н. Н. Синдром дефицита внимания и гиперактивности в амбулаторной практике: вопросы диагностики и лечения // Психиатрия. 2013. № 3. С. 48–53.
7. Политика О. И. Дети с синдромом дефицита внимания и гиперактивностью. СПб.: Речь, 2008. 208 с.
8. Функциональная активность структур головного мозга и склонность к агрессии у больных с длительно текущими заболеваниями ЦНС / Т. Н. Резникова, Н. А. Селиверстова, Г. В. Катева [и др.] // Физиология человека. 2015. Т. 41 (1). С. 35–42.
9. Яременко Б. Р., Яременко А. Б., Горяинова Т. Б. Минимальные дисфункции головного мозга у детей. СПб.: Салит-Медкнига, 2002. 128 с.
10. Aberrant brain gray matter in murderers / A. Sajous-Turner, N. E. Anderson, M. Widdows [et al.] // Brain Imaging and Behavior. 2019. No. 14. P. 2050–2061.
11. Abnormal temporal lobe metabolism in violent subjects: correlation of imaging and neuropsychiatric findings / D. Seidenwurm, T. R. Pounds, A. Globus [et al.]. // American Journal of Neuroradiology. 1996. 18 (4). P. 625–631.
12. Attention deficit hyperactivity disorder: From genes to patients / eds. D. Gozal, D. Molfese. Totowa: Humana Press Inc., 2005. 561 p.
13. Barkley R. Attention-deficit hyperactivity disorder: A handbook for diagnosis and treatment. 3rd ed. NY-L.: The Guilford Press, 2006. 770 p.
14. Haridy R. Inside the head of a killer: Imaging study uncovers unique brain abnormalities in murderers [Электронный ресурс]. URL: <https://newatlas.com/brain-scan-murderers-homicide-neuroscience/60510/> (дата обращения: 10.05.2021).
15. Raine A. The anatomy of violence. The biological roots of crime. NY: Vintage Books, 2014. 478 p.
16. The prevalence and correlates of adult ADHD in the United States: results from the National Comorbidity Survey Replication / R. Kessler, L. Adler, R. Barkley [et al.]. // American Journal of Psychiatry. 2006. Vol. 163 (4). P. 716–723.

Шершнёва Т. В. Особенности образа субъективного будущего у современных студентов // Вестник Прикамского социального института. 2021. № 1 (88). С. 124–132.

Shershniova T. V. Features of the image of the subjective future in modern students. *Bulletin of Prikamsky Social Institute*. 2021. No. 1 (88) . Pp. 124–132. (In Russ.)

УДК 159.92

Т. В. Шершнёва

Белорусский национальный технический университет, Минск, Беларусь

ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗА СУБЪЕКТИВНОГО БУДУЩЕГО У СОВРЕМЕННЫХ СТУДЕНТОВ

Шершнёва Татьяна Викторовна — кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой «Психология».

E-mail: shershniova_t@mail.ru

В статье представлен анализ основных теоретических подходов к определению понятий антиципации, образа будущего, субъективного будущего, временной перспективы личности, а также влияния переживания духовного кризиса на образ субъективного будущего. Указывается на влияние пандемии COVID-19 на формирование негативного отношения к субъективному будущему у современных студентов. Анализируются данные эмпирического исследования, проведенного на базе одного из белорусских университетов. Установлено, что большое количество юношей и девушек переживают духовный кризис, эмоциональный вакуум, у трети из опрошенных выявлено негативное отношение к субъективному будущему, высокий уровень безнадежности связан с пиковой тенденцией протекания духовного кризиса. Переживание духовного кризиса связано с более негативным прогнозом относительно одиночества, свободы, ответственности, бессмысленности жизни, переживания вины и страха смерти в будущем.

Ключевые слова: субъективное будущее, образ будущего, временная перспектива, антиципация, духовный кризис, безнадежность.

T. V. Shershniova

Belarusian National Technical University, Minsk, Belarus

FEATURES OF THE IMAGE OF THE SUBJECTIVE FUTURE IN MODERN STUDENTS

Shershniova Tatyana V. — Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Psychology.

The article presents an analysis of the main theoretical approaches to the definition of the concepts of anticipation, the image of the future, the subjective future, the temporal perspective of the individual, as well as the influence of the experience of a mental crisis on the image of the subjective future. The influence of the Covid-19 pandemic on the formation of a negative attitude to the subjective future among modern students is indicated. The author analyzes the data of an empirical study conducted on the basis of one of the Belarusian universities. It was found that a large number of young men and women are experiencing a mental crisis, an emotional vacuum, a third of the respondents revealed a negative attitude to the subjective future, a high level of hopelessness is associated with the peak trend of the course of the mental crisis. Experiencing a mental crisis is associated with a more negative outlook on loneliness, freedom, responsibility, meaninglessness of life, feelings of guilt, and fear of death in the future.

Keywords: subjective future, image of the future, time perspective, anticipation, mental crisis, hopelessness.

Юношеский возраст, период студенчества характеризуется как завершающая стадия персонализации, что влечет за собой особые новообразования, среди которых выделяется готовность к осознанному построению жизни. Данный период тесно связан с кризисными и конфликтными явлениями, что может повлиять на негативную оценку субъективного будущего. В то же время от взглядов на будущее зависит поведение человека в настоящем, а изучение представлений о личном будущем может помочь в прогнозировании развития общества в целом. Особую актуальность проблема изучения отношения к субъективному будущему приобрела в связи с социальными изменениями, вызванными пандемией COVID-19: перевод обучения в дистанционную форму, снижение межличностных контактов, оптимизация или сокращение на предприятиях и последующие проблемы с трудоустройством, необходимость следовать санитарным нормам и ограничительным мероприятиям, информация о постоянно растущем количестве заболевших и умерших, новых мутировавших вариантах вируса и др.

Образ будущего создается в результате предвидения и планирования изменений существующей действительности. Термины, встречающиеся в психологической литературе и описывающие представления о будущем, разнообразны. Наиболее известной теорией, затрагивающей будущее личности, является квантовая концепция психологического времени К. Левина, который считал, что в поле сознания одновременно существуют прошлое, настоящее и будущее. К. Левин определял образ будущего через понятие временной перспективы, которую рассматривает как целостность взглядов индивида на свое психологическое прошлое и будущее [6]. Понятие временной перспективы может включать психологическую, личностную и жизненную перспективы. «Психологическая перспектива — это способность человека сознательно, мысленно предвидеть будущее, прогнозировать его, представлять себя в будущем» [1, с. 77]. Личностная перспектива характеризуется способностью человека не только представлять себя в будущем, но и быть готовым к трудностям, к неопределенности. Она определяет потенциал развития личности, является показателем ее зрелости. Под жизненной перспективой понимают «совокупность обстоятельств и условий жизни, которые при прочих равных условиях создают личности возможность для оптимального жизненного продвижения» [1, с. 77].

В психологии субъективное будущее рассматривают через жизненные цели, от содержания, глубины и ясности которых зависят жизненная стратегия личности, протяженность ее временной перспективы. Система жизненных целей способствует продуктивности личности в деятельности и в межличностных отношениях. Цель — это прогноз на будущее, к которому стремится человек, обусловленный уже достигнутым в прошлом уровнем деятельности. Наличие целей делает жизнь осмысленной. Л. И. Анцыферова считает, что субъективное восприятие будущего — это направленность развития личности [2].

А. Маслоу считал, что зрелой личности должны быть присущи спонтанность, непринужденность, доверие, творчество, непредсказуемость и т. д. Согласно этому образ будущего должен содержать элемент неожиданности и неопределенности. В гуманистической психологии основной метод бытия личности — развитие, выражающее потребность человека расширять свои пределы, прогнозируя себя в свое будущее, а свое будущее — в настоящее. Иными словами, анализируя образ будущего отдельной личности, можно понять ее суть [8].

С точки зрения когнитивного подхода человек — это исследователь, ориентированный на свое будущее: человек интерпретирует жизненный опыт, проецируя его на будущее с целью построения планов. А. Бандура указывал, что люди, верящие в свои силы, обладающие самоэффективностью, создают свое будущее, а те, кто в себя не верит, присваивают неудачные действия, могут свое будущее лишь предвидеть [3].

Основатель логотерапии В. Франкл считал, что осознание человеком смысла своего существования непрерывно связано с построением образа будущего. Если этот образ потерян, то надежда, перспективы и само будущее становятся туманными и неопределенными. Данному явлению В. Франкл дал название «экзистенциальный вакуум» («неогенный невроз») [10].

С образом будущего связано понятие «концепция собственного будущего», предложенное К. Обуховским, олицетворяющее устойчивую систему ценностей, целей и представлений о будущем отдельной взятой личности [9]. По мнению Б. Ф. Ломова, прогнозирование, предвосхищение, планирование, целеобразование — вот те категории, которые составляют процесс моделирования субъективного будущего в современных психологических исследованиях [7]. Под предвосхищением принято понимать «способность человека представить возможный результат действия, принимать решения с определенным временно-пространственным упреждением в отношении ожидаемых, будущих событий» [7, с. 24]. В качестве синонима прогнозированию Б. Ф. Ломов выдвигает понятие «антиципация», которое включает в себя, «во-первых, предвосхищение, предвидение и ожидание тех или иных событий, т. е. проявление когнитивной функции психики; во-вторых, готовность к встрече с этими событиями и упреждение их в деятельности, т. е. проявление регулятивной функции психики» [7, с. 27]. К тому же прогнозирование выступает в качестве целенаправленного процесса познания будущего, побуждает человека к активной деятельности для реализации индивидуального образа будущего.

Эмоциональный компонент образа будущего состоит из личного отношения человека к субъективному будущему, к жизни в целом. Негативные эмоции в настоящем затрудняют построение планов на будущее. Ценностно-смысловой компонент образа будущего включает в себя ценности, смысловые ориентиры, мировоззрение, устремления и склонности человека, он отражает уровень идентичности личности. Когнитивный (оценочный) компонент образа будущего включает субъективно значимые для человека события, которые располагаются в определенном порядке. В рамках этого формируется индивидуальная скорость течения времени, ожидаемые события. Поведенческий компонент — это следствие взаимодействия всех предыдущих компонентов, который определяется жизненным стилем и формами поведения субъекта, выражается в активности личности в достижении поставленных целей и задач. На формирование образа собственного будущего влияет множество факторов: насыщенность и разнообразие настоящего, наличие духовных кризисов, умение адекватно оценивать ситуацию, правильно делать выводы и обобщать. Также влияет субъективная оценка вероятности наступления того или иного события (человек оценивает вероятность в терминах определенности (неопределенности), с которой будут происходить события) [4]. Все факторы, влияющие на формирование и развитие образа будущего, можно разделить на личностные и социальные. К первым относится возраст, уровень мотивации, интеллекта и тревожности личности. Особую группу факторов здесь составляют особенности характера, умение ставить цели, качество этих целей, жизненный опыт, а также мировоззрение и мировосприятие. Социальные же факторы включают в себя различные сферы жизни: образование, карьера, взаимоотношения и контакты с коллегами, семейная жизнь, сфера досуга и увлечений, религия, средства массовой информации, особенности национальной культуры, среда проживания и т. д.

По мнению Н. С. Даниловой, основополагающим параметром моделирования образа будущего в юношеском возрасте является смысло-жизненная рефлексия. На втором месте находится способность индивида к построению системы целей. Наличие целей обуславливает активность личности, обеспечивает ее собственную динамику как источника построения собственной жизни, создания модели будущего. Сформированность модели будущего зависит от временной протяженности жизненных планов [5].

В качестве источника личностного развития выступают «переломные», кризисные жизненные события. Устойчивость личности и сохранение ею позитивного образа своего будущего в такие периоды зависит от наличия системы ценностей. В юношеском возрасте основным кризисом является кризис выбора жизненной стратегии, однако, как отмечалось ранее, окружающая обстановка играет немаловажную роль. Так, духовный кризис в юношеском возрасте может возникнуть из-за неопределенной экономической, социальной, политической ситуации. Например, можно предположить, что на переживание кризиса современными студентами оказала влияние резкая смена жизненного уклада, вызванная пандемией COVID-19. Всё вышесказанное обусловило выбор цели, объекта и базы исследования. В эмпирическом исследовании проблемы формирования негативного отношения к субъективному будущему приняли участие студенты Белорусского национального технического университета. Возраст испытуемых составил 18–23 года. Сбор данных проходил при использовании платформы *Google*, позволяющей создавать опросы. Для проведения психологического анализа негативного отношения к субъективному будущему были выбраны две методики: шкала безнадежности А. Бека, которая измеряет выраженность негативного отношения к субъективному будущему у взрослых и подростков, а также служит косвенным индикатором суицидального риска, и методика диагностики духовного кризиса (ДДК) Л. В. Шутовой, А. В. Ляшук.

Анализ результатов исследования позволил установить, что духовный кризис с вероятностью более 50 % выявлен у 44 % респондентов, при этом 21 % из них имеют показатели духовного кризиса выше 60 %, что может являться подтверждением гипотезы о том, что реалии сегодняшнего дня, связанные с пандемией, сыграли роль в развитии духовного кризиса.

Эмоциональный вакуум с вероятностью более 50 % выявлен у 51 % опрошенных. Не все респонденты с эмоциональным вакуумом имеют выраженный духовный кризис, как и не все респонденты с духовным кризисом имеют эмоциональный вакуум. Так, духовный кризис не выявлен у 23 % из опрошенных с эмоциональным вакуумом. При этом у 11 % респондентов с духовным кризисом эмоциональный вакуум не был выявлен.

У 30 % респондентов наблюдаются показатели безнадежности, превышающие 40 %. Все респонденты без признаков духовного кризиса имеют по шкале безнадежности А. Бека менее 8 баллов (< 40 %). При этом тех, у кого наблюдается духовный кризис, можно разделить на две группы. Первая из них составляет 53 % респондентов, у кого показатели по шкале А. Бека составляют менее 8 баллов (< 40 %), а вторая — 47 % — тех, у кого наличие духовного кризиса сопряжено с высокими показателями безнадежности (> 40 %). На основе данного наблюдения можно сделать вывод, что низкие показатели по шкале А. Бека не могут свидетельствовать об отсутствии или наличии духовного кризиса, но, если безнадежность составляет более 40 %, тогда духовный кризис наблюдается в большинстве случаев.

Испытуемые, показатели по шкале безнадежности которых превышают 8 баллов (> 40 %), в 67 % случаев имеют пиковую тенденцию протекания духовного кризиса. Поскольку пиковая тенденция протекания духовного кризиса указывает на человека, испытывавшего эмоциональное потрясение или разочаровавшегося в жизни, можно выдвинуть предположение, что высокие показатели безнадежности могут быть выявлены у людей, которые пережили какую-либо утрату, эмоциональный шок. Среди испытуемых с выявленным духовным кризисом пиковую тенденцию его протекания имеет 42 % респондентов. Регрессивная тенденция, когда наблюдается снижение проявлений духовного кризиса, что указывает на духовный рост испытуемого, человек по-новому смотрит на жизнь, у него появились осознанная цель и смысл жизни, выявлена у 37 % респондентов. Стагнационную тенденцию, которая может свидетельствовать о глубоком духовном кризисе, кото-

рый связан с потерей смысла жизни, депрессией и чувством вины, имеют 5 % испытуемых. Низинная тенденция, которая указывает на человека, периодически входящего в состояние духовного кризиса, но отрицающего истинность и ценность своих переживаний; несмотря на это, ему не удается вернуться к своему прежнему состоянию и он «тоскует по божественному», наблюдается у 16 % респондентов. Это может говорить, во-первых, о том, что значительная часть духовных кризисов вызвана острыми потрясениями. Во-вторых, большое количество испытуемых с регрессивной тенденцией переживания духовного кризиса скорее всего связано со спецификой юношеского возраста.

При сопоставлении данных по шкале безнадежности и данных о тенденции протекания духовного кризиса удалось выявить следующее: 67 % респондентов с показателями безнадежности выше 40 % имеют пиковую тенденцию протекания духовного кризиса. Следовательно, юноши и девушки с пиковой тенденцией протекания духовного кризиса более склонны к негативной оценке субъективного будущего по сравнению с другими.

Ниже приведен анализ оценок респондентов по категориям неудовлетворенности, одиночества, страдания и т. д. в будущем и настоящем. Выбраны именно эти промежутки времени, так как в большинстве своем положение человека в настоящем, его нынешние чувства влияют на восприятие будущего и, наоборот, восприятие будущего влияет на поведение в настоящем.

По шкале присутствия неудовлетворенности в настоящем 68 % респондентов с выявленным духовным кризисом выставили отметку меньше или равную 3. По шкале будущего таких испытуемых выявлено 89 %. Следовательно, у данной группы студентов отношение к субъективному будущему позитивное, с надеждой на то, что там их ждет куда больше достатка и удовлетворения.

По шкале присутствия неудовлетворенности в настоящем 96 % респондентов без признаков духовного кризиса выставили отметку меньше или равную 3. По шкале будущего такую отметку выставили все принявшие участие в исследовании студенты. Если сравнить данные показатели у испытуемых с духовным кризисом и без него, то можно сделать вывод, что неудовлетворенность является предпосылкой духовного развития. Что касается формулировок к данному понятию, то 23 % респондентов указали на «недовольство чем-либо», «нехватку чего-либо», «недостаток чего-либо». Среди ответов, которые основаны на личном опыте более, чем предыдущие, встречались следующие формулировки: «инсомния», «недостаток положительных эмоций», «недовольство собой», «сожаление о прошлом», «разочарование» и т. д.

По шкале присутствия одиночества в настоящем 58 % респондентов, переживающих духовный кризис, выставили отметку больше 3. По шкале будущего таких испытуемых выявлено 42 %. Те же, кто не переживает духовный кризис на момент исследования, по шкале присутствия одиночества в настоящем выставили отметку больше 3 в 4 % случаев. По графе будущего такую отметку выставили 8 % студентов. Таким образом, подтверждается мнение Л. В. Шутовой и А. В. Ляшук о том, что человек, испытывающий одиночество, вступает в период духовного кризиса.

Категорию одиночества респонденты интерпретировали по-разному. Так, 16 % студентов определяют данное понятие как «нехватку общения»; 28 % респондентов считают, что одиночество — это отсутствие близких людей рядом; 9 % понимают под одиночеством отсутствие поддержки и еще 9 % — «чувство ненужности». Один респондент не сформулировал определение. Также встречались следующие формулировки: «уединение со своими мыслями», «когда тебе не комфортно с самим собой и своими мыслями», «благо», «дар», «сам по себе», «возможность побыть одному».

По шкале присутствия свободы в настоящем 58 % всех принявших участие в исследовании студентов выставили отметку больше 3. По шкале будущего такой показатель выявлен у 63 % респондентов, переживающих духовный кризис, и 73 % — без его признаков. Следовательно, показатели восприятия свободы в будущем и настоящем испытуемыми, переживающими духовный кризис, практически идентичны. Студенты без духовного кризиса видят в своем будущем больше свободы, чем в настоящем, в то время как респонденты с духовным кризисом уже не надеются, что станут свободнее.

С экзистенциальной точки зрения свобода неразрывно связана с тревогой, ведь предполагает ответственность человек за свои решения, поступки, за свою жизненную ситуацию. Однако респонденты дают этому понятию немного иные формулировки. 28 % из них считают, что свобода — это отсутствие ограничений в каких-либо действиях, 7 % считают свободу равноценной независимости, встречаются также следующие интерпретации: «воля выбирать свои действия», «свобода слов, права», «легкость и непринужденность человека по жизни, освобождение от нежелательных действий, которым противится человек», «счастье», «свобода выбора», «ответственность», «жизнь сугубо в свое удовольствие» и т. д.

По шкале присутствия греха в настоящем 53 % респондентов с духовным кризисом выставили отметку больше 3. По графе будущего таких испытуемых выявлено 42 %. Среди студентов без признаков духовного кризиса таких оказалось 16 и 8 % соответственно. Это говорит о том, что испытуемые с духовным кризисом испытывают больше чувства вины, которое является следствием греха, чем те, у кого кризиса нет. Следует отметить, что у 26 % респондентов формулировка значения данного слова вызвала затруднение. Зачастую студенты ссылались на то, что грех — это не более, чем предписание религиозной литературы (9 %), а для кого-то это понятие вообще отсутствует (4,5 %). 23 % респондентов считают, что грех — это плохой поступок, встречались также и следующие определения понятия греха: «отказ либо противоречие себе», «игра с чувствами окружающих», «забыть или оставить родственников», «упустить что-либо», «поступок, мысль, чувство, разрушающие тебя и окружающих», «тяжелая ноша», «стыд перед собой» и т. д. В основном грех воспринимается как плохие поступки, нарушение моральных норм, как то, что терзает совесть, как нарушение религиозных правил. Однако авторы использованной нами диагностической методики понимали под грехом чувство вины, поскольку согласно христианской традиции человек изначально виновен, вина — это осознание первородного греха [11]. Методика требует, по нашему мнению, корректировки в этой части.

По шкале присутствия страдания в настоящем 42 % респондентов с духовным кризисом выставили отметку больше 3. По графе будущего таких испытуемых выявлено 16 %. Несмотря на то что показатели присутствия страдания в настоящем достаточно высоки, испытуемые с духовным кризисом надеются, что в будущем страдания уменьшатся.

Респонденты без духовного кризиса испытывают меньше страданий в настоящем (8 % из них выставили по шкале больше 3 баллов) и не настроены на то, что в будущем их станет больше (0 %). Конечно, ожидания респондентами идеального будущего могут столкнуться с жизненными трудностями, которых вряд ли станет меньше. Это, в свою очередь, может вызвать кризисные ситуации, но, как уже говорилось ранее, нельзя рассматривать кризисы исключительно как негативные явления, так как с помощью них происходит развитие личности.

В целом респонденты понимают страдание как психологический дискомфорт (19 %), муки, чувство боли (30 %). Некоторые участники исследования давали определение понятию через призму собственного опыта: «безответная любовь», «депрессия», «отсутствие возможностей самореализации», «недопонимание», «пустота внутри», «чувство вины» и т. д.

По шкале присутствия ответственности в настоящем 63 % респондентов с духовным кризисом выставили отметку больше 3. По шкале будущего таких испытуемых выявлено 79 %. Участников исследования без признаков духовного кризиса с такими показателями оказалось 80 и 92 % соответственно. Все респонденты, таким образом, осознают увеличение ответственности с наступлением будущего. Данный критерий работает в обе стороны: он может свидетельствовать о способности справиться с духовным кризисом, быть предпосылкой к выходу из него либо же, наоборот, подтолкнет личность в новый кризис в случае, если сильно разнятся показатели от прошлого к будущему.

Понятие «ответственность» участники опроса в основном интерпретируют как «выполнение поручений», однако встречались и другие определения: «совесть», «зависимость», «полный контроль действий», «свобода», «чувство долга», «сказал — сделал», «обязательство», «возможность держать слово» и т. д.

По шкале присутствия страха смерти в настоящем 32 % респондентов с духовным кризисом выставили отметку больше 3. По графе будущего таких испытуемых выявлено 42 %. Студентов без признаков духовного кризиса в этой группе оказалось существенно меньше: 4 и 13 % соответственно. Это свидетельствует о том, что эмоциональных переживаний относительно факта собственной смерти у переживающих кризис значительно больше.

Основная формулировка понятия смерти сводится к остановке процессов жизнедеятельности, ее придерживается 19 % респондентов, еще 16 % придерживаются мнения, что смерть — это конец существования. 16 % респондентов не смогли дать определение, остальные опрошенные давали следующие формулировки: «страх», «пустота», «потеря», «состояние, когда твое тело перестает существовать вместе с душой», «не преграда», «исчезновение», «единственный Бог, в которого я верю», «если о тебе забудут» и т. д.

По шкале присутствия бессмысленности в настоящем 32 % респондентов, переживающих духовный кризис, выставили отметку больше 3. По шкале будущего таких испытуемых выявлено 42 %, что свидетельствует о том, что у данных респондентов есть надежда, что в будущем жизнь станет больше наполнена смыслом, чем сейчас. По данной шкале только 4 % студентов без признаков духовного кризиса выставили больше 3 баллов. Следовательно, количество респондентов без духовного кризиса, которые отмечают высокое присутствие бессмысленности в своей жизни, значительно меньше. Результаты по данной шкале могут указывать на то, что у человека, переживающего бессмысленность, период духовного кризиса возникает с большей долей вероятности.

Под смыслом жизни 33 % респондентов понимают цель, к которой стремится человек, не давая пояснений относительно своей жизненной цели. Это может свидетельствовать о том, что респонденты осознают, что такое смысл жизни, но не могут сформулировать его конкретно для себя. Также были сформулированы следующие определения смысла жизни: «быть кому-то нужным», «научиться любить / любовь», «забота о близких людях», «жить ради эмоций», «добиться в жизни по максимуму и оставить наследие своим детям, чтобы у них жизнь была лучше и проще, чем у нас», «удовольствие», «путь», «аниме, хентай, рок», «в правде», «размножение», «семья» и т. д.

В ходе статистической обработки результатов исследования взаимосвязи между формулировками и показателями духовного кризиса и безнадежности выявлено не было (кроме понятия «смерть»). Тем не менее подтвердилась гипотеза о том, что на негативное восприятие субъективного будущего может оказывать влияние отношение человека к себе и к своей жизни в настоящем, наличие у него духовного кризиса. Однако важно подчеркнуть, что высокий уровень безнадежности по отношению к собственному будущему в основном сопряжен только с пиковой тенденцией протекания духовного кризиса, которая

как раз и характеризуется либо эмоциональным шоком, либо разочарованием от жизни [11]. Вместе с тем духовный кризис в большинстве случаев наблюдается при выраженной безнадежности (более 40 %).

Также методика выявления духовного кризиса предполагает формулировку респондентами ответов на три дополнительных вопроса. Первый из них необходим для выявления субъективной достоверности методики, второй и третий — для самостоятельной рефлексии испытуемого. На вопрос: «С какой точностью приведенные Вами результаты описывают Ваше состояние?» — 49 % ответили «точно» или «9/10», 7 % — «50 на 50», 19 % — «не уверены» или «7/10», 5 % выставили 6 из 10 баллов, 12 % — 8 из 10 баллов, 2 % — «недостаточно точно», 6 % — «более-менее точно». Следовательно, с субъективной точки зрения данная методика является достаточно точной. На вопрос: «Изменилось ли Ваше отношение к собственной жизни после прохождения методики?» — большинство респондентов (74 %) ответили «нет». На вопрос: «Способна ли данная методика помочь Вам для более глубокого понимания себя?» — 37 % опрошенных ответили «нет», 32 % — «возможно» и лишь 19 % — «да». Такие результаты могут указывать на малую способность данной методики к немедленной рефлексии субъективного состояния человека. Однако А. В. Шутова и Л. В. Ляшук предупреждали об этом в статье, посвященной разработке данной методики [11].

На основе анализа полученных в ходе исследования результатов можно сформулировать рекомендации, позволяющие оптимизировать преодоление духовных кризисов, чтобы не возникло негативное отношение к субъективному будущему, а также помогающие сформировать адекватный образ будущего. Как отмечалось ранее, на формирование образа субъективного будущего оказывают влияние личностные и социальные факторы. Социальные факторы — это среда, в которой проходит развитие. Поскольку на образ будущего может оказывать существенное влияние образование, карьера, профессиональная жизнь, то следует обратить внимание на профессиональный выбор и условия образования и, по возможности, скорректировать их. Иногда необходимо изменить окружение или взаимоотношения с коллегами, найти подходящие увлечения, организовать свой досуг. В случае, если личностные потребности не совпадают с местом проживания, существенное влияние на преодоление негативного отношения к субъективному будущему оказывает смена обстановки — переезд.

Важным является самопознание. Для юношеского возраста в особенности важно сформировать позицию и установки, на основе которых индивид в будущем будет преодолевать сложившиеся трудности. Для того чтобы предотвратить или преодолеть негативное отношение к субъективному будущему, следует найти глубокие, ясные, содержательные жизненные цели, которые будут способствовать формированию жизненной стратегии. Чтобы представления о будущем сложились максимально реалистичные, адекватные, необходимо в настоящем расставить жизненные приоритеты, выработать систему ценностей.

Для переживающих духовный кризис важно найти поддержку близких. При поддержке человека в кризисном состоянии важно иметь собственную эмоциональную устойчивость, ведь главное, что можно дать человеку в таком состоянии, — это немного ресурса справиться с экзистенциальной угрозой, сделать так, чтобы человек не чувствовал себя одиноким и потерянным, чтобы он знал, что его принимают. Второе, чем можно помочь человеку, переживающему духовный кризис, — это поддержка человека рефлексией, то есть необходимо помочь выбраться из состояния, когда жизнь кажется мраком, и совместно найти выход из тупика. Важно выслушивать, беседовать, делиться опытом, однако делать это не назидательно, не поучая и максимально не директивно. Любое моральное давление в такие моменты вгоняет человека в новый кризис и усугубляет ситуацию. Человеку,

переживающему духовный кризис, можно предлагать свои идеи и варианты действий, разрешения тупиковой ситуации. При этом важно избегать формулировок типа: «У меня такое было, я тоже сомневался...», «Я это переживал не один раз», «Нашел из-за чего переживать» и т. д., то есть нельзя допустить обесценивания чужих страданий, мыслей и интуиции. Также человеку может навредить осуждение со стороны, разговоры о его бездуховности, циничности или фразы: «Сам виноват», «Это тебе по грехам», «Поделом тебе» и т. д. Вредно навязывать ему собственное мнение как безальтернативное и единственно верное. Важно понимать, что кризис — это возможность, которая позволяет человеку духовно вырасти, пусть и путем преодоления страданий и мучений. Пока человек проживает духовный кризис, у него выстраивается система новых жизненных ориентиров, смыслов, появляется иной взгляд на вещи и на существование. Кризис — это период реформирования собственной личности, период переосмысления ценностей и формирования нового мировоззрения.

Библиографический список

1. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991.
2. Анцыферова Л. И. Психология формирования и развития личности. М.: Наука, 1987.
3. Бандура А. Теория социального научения. СПб.: Евразия, 2000.
4. Воробьева К. И. Психология времени: личностный аспект: монография / Дальневосточ. ин-т психологии и психоанализа. Хабаровск, 2003.
5. Данилова Н. С. Психологические факторы формирования модели будущего в юношеском возрасте // Психологический журнал. № 4 (24). С. 107–111.
6. Левин К. Теория поля в социальных науках. СПб.: Речь, 2000.
7. Ломов Б. Ф., Сурков Е. Н. Антиципация в структуре деятельности. М.: Наука, 1980.
8. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 1999.
9. Обуховский К. Психология влечений человека. М.: Прогресс, 1972.
10. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.
11. Шутова Л. В. Духовный кризис: проблемы определения и диагностики // Психологическая диагностика. 2005. № 1. С. 51–71.

Кривощекова К. Э., Калугин А. Ю. Типы индивидуальности студентов колледжа // Вестник Прикамского социального института. 2021. № 1 (88). С. 133–141.

Krivoshchekova K. E., Kalugin A. Yu. Types of individuality of college students. *Bulletin of Prikamsky Social Institute*. 2021. No. 1 (88). Pp. . 133– 141. (In Russ.)

УДК 159.923

К. Э. Кривощекова, А. Ю. Калугин

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, Россия

ТИПЫ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ КОЛЛЕДЖА

Кривощекова Ксения Эдуардовна — магистрант 2-го курса факультета психологии.

E-mail: ksenya342@yandex.ru

Калугин Алексей Юрьевич — кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой «Практическая психология».

E-mail: kaluginau@yandex.ru

В статье представлены особенности типов индивидуальности на примере исследования студентов колледжа. Целью исследования является изучение стабильности типологической структуры индивидуальности. Выборка исследования составила 73 студента первого курса среднего профессионального образовательного учреждения города Перми. В качестве психодиагностического инструментария использовались: «Опросник формально-динамических свойств индивидуальности» В. М. Русалова, опросник *Big Five Inventory* — 2 К. Сото и О. Джона, опросник *Eysenck Personality Questionnaire* Г. и С. Айзенков, опросник «Когнитивные стили индивидуальности человека» Е. В. Волковой и В. М. Русалова. На основании кластерного анализа были выявлены четыре группы, отражающие типы индивидуальности студентов. Одномерный однофакторный дисперсионный анализ показал, что выделенные группы студентов имеют значимые различия в выраженности разноуровневых свойств индивидуальности.

Ключевые слова: индивидуальность, типы индивидуальности, темперамент, личность, индивидуальные различия.

К. E. Krivoshchekova, A. Yu. Kalugin

Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia

TYPES OF INDIVIDUALITY OF COLLEGE STUDENTS

Krivoshchekova Ksenia E. — 2nd Year Master Student at the Faculty of Psychology.

Kalugin Aleksey Yu. — Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Practical Psychology.

E-mail: kaluginau@yandex.ru

The article presents the features of personality types on the example of a study of college students. The aim of the research is to study the stability of the typological structure of individuality. The study sample consisted of 73 first-year college students in Perm. The psychodiagnostic tools were used: “Questionnaire of formal-dynamic properties of individuality” by V. M. Rusalov, “The Big Five Inventory-2” by C. Soto and O. John, “Eysenck Personality Questionnaire” by H. Eysenck and S. Eysenck, “Cognitive styles of human individuality” questionnaire by E. V. Volkova and V. M. Rusalov. Based on the cluster analysis, four groups were identified, reflecting the types of students’ individuality. Univariate ANOVA showed that the selected groups of students have significant differences in the expression of multi-level properties of individuality.

Keywords: individuality, types of individuality, temperament, personality, individual differences.

Идея деления людей на психологические типы восходит к V веку до н. э., к учению Гиппократу о том, что человеческое тело состоит из четырех элементов: воздуха, воды, огня и земли. Позже, опираясь на учение Гиппократу, Гален (130–200 годы до н. э.), предложил выделить четыре психологических типа: сангвиник, флегматик, холерик и меланхолик.

В XX веке Э. Кречмер попробовал связать особенности темперамента с особенностями строения тела человека и выделил три постоянно повторяющихся главных типа: астенический, атлетический и пикнический тип. Другой вариант типологии предложили У. Шелдон в сотрудничестве со С. Стивенсом: оценив телосложение и используя термины эмбриологии по развитию трех тканей человека, они выделили экзоморфных, эндоморфных и мезоморфных людей. В работе «Психологические типы» К. Г. Юнг выделил два общих типа установок, которые он назвал интровертным и экстравертным. К современным типологиям можно отнести типологии, основанные на исследовании индивидуальности человека. Например, типология интегральной индивидуальности В. В. Белоуса: он выделил творческий, новаторский, созерцательный и реактивный (брутальный) типы индивидуальности; типология индивидуальности, предложенная Е. В. Волковой и А. Ю. Калугиным: на основе факторного анализа ими были обнаружены четыре обобщенных фактора индивидуальности (духовные и ценностные составляющие индивидуальности, эмоциональная составляющая, интеллектуальная и моторная активность, коммуникативная активность). Затем с помощью кластерного анализа были получены четыре кластера, отражающие типы индивидуальности [6]. В другом исследовании А. Ю. Калугина было выделено три типа индивидуальности [2].

Целью данного исследования является изучение стабильности типологической структуры индивидуальности на новой выборке участников — студентах среднего профессионального образовательного учреждения.

Гипотеза исследования: несмотря на изменение состава участников, другой психодиагностический инструментарий и иной возрастной диапазон, будут получены типы индивидуальности, сопоставимые с типами, полученными в исследовании Е. В. Волковой и А. Ю. Калугина.

Метод

Выборка исследования составила 73 студента первого курса среднего профессионального образовательного учреждения города Перми. Выборка преимущественно женского пола (85 %). Возрастной диапазон: 15–18 лет ($M = 16$; $SD = 0,6$, где M — среднее значение; SD — стандартное отклонение).

Психодиагностический инструментарий. Для диагностики свойств темперамента использовался опросник формально-динамических свойств индивидуальности (ОФДСИ) [3]; для оценки черт личности использовался опросник *The Big Five Inventory — 2 (BFI-2)* [7]; измерение нейротизма, экстраверсии и психотизма осуществлялось при помощи личностного опросника *Eysenck Personality Questionnaire (EPQ)* [5]; с помощью опросника «Когнитивные стили индивидуальности человека» (КСИЧ) [8] были оценены двенадцать когнитивных стилей.

Анализ данных. Для разделения испытуемых на группы использовался иерархический кластерный анализ (метод Уорда, квадрат евклидовых расстояний). Для сравнения типов использовался одномерный однофакторный дисперсионный анализ. Множественные сравнения проводились по критерию Тьюки.

Результаты

Иерархический кластерный анализ позволил получить четыре кластера. Средние значения разноуровневых свойств индивидуальности по каждому из выделенных четырех кластеров представлены в табл. 1–4.

В процессе обработки опросника ОФДСИ В. М. Русалова были найдены значимые различия по компонентам двигательной, интеллектуальной и коммуникативной сфер темперамента (табл. 1).

Таблица 1

Среднее значение выраженности свойств темперамента методики ОФДСИ для каждого кластера, результаты множественных сравнений по критерию Тьюки и результаты однофакторного дисперсионного анализа

Показатели	Средние значения				Попарные сравнения кластеров						F	p
	Кл. 1	Кл. 2	Кл. 3	Кл. 4	2-1	3-1	4-1	3-2	4-2	4-3		
ЭРМ	53,22	47,74	43,89	57,21	—	—	—	—	**	***	8,27	<0,001
ЭРИ	46,44	50,19	44,33	56,84	—	—	*	—	—	***	6,40	0,001
ЭРК	61,11	49,41	41,61	53,47	**	***	—	*	—	***	13,03	<0,001
ПМ	49,67	47,78	47,72	55,42	—	—	—	—	*	—	2,83	0,045
ПИ	56,44	48,93	44,17	54,16	—	**	—	—	—	**	5,25	0,003
ПК	58,22	47,04	47,00	53,32	*	*	—	—	—	—	4,63	0,005
СМ	57,78	48,81	41,00	56,47	*	***	—	*	*	***	14,70	<0,001
СИ	54,56	48,85	39,67	59,32	—	***	—	***	***	***	25,28	<0,001
СК	58,44	48,85	42,94	54,47	*	***	—	—	—	**	8,56	<0,001
ЭМ	55,89	48,44	57,39	42,47	—	—	**	**	—	***	11,78	<0,001
ЭИ	57,89	48,85	55,50	42,58	*	—	***	—	—	***	9,88	<0,001
ЭК	55,33	50,48	56,28	41,21	—	—	***	—	**	***	11,74	<0,001

Примечание: Кл — кластер; F — критерий Фишера; p — уровень значимости (при $p \leq 0,05$ разница достоверна); ЭРМ — эргичность психомоторная, ЭРИ — эргичность интеллектуальная, ЭРК — эргичность коммуникативная, ПМ — пластичность психомоторная, ПИ — пластичность интеллектуальная, ПК — пластичность коммуникативная, СМ — скорость психомоторная, СИ — скорость интеллектуальная, СК — скорость коммуникативная, ЭМ — эмоциональность психомоторная, ЭИ — эмоциональность интеллектуальная, ЭК — эмоциональность коммуникативная; * — $p < 0,05$; ** — $p < 0,01$; *** — $p < 0,001$; «—» — не значимо.

Эргичность психомоторная выражена у студентов четвертого кластера по сравнению со вторым и третьим кластером ($F = 8,27$, $p < 0,001$). Эргичность интеллектуальная выше у студентов, входящих в четвертый кластер по сравнению с первым и третьим ($F = 6,4$, $p = 0,001$). Эргичность коммуникативная выше у первого кластера, чем у второго и третьего. В то же время у третьего кластера потребность в общении, круг контактов ниже, чем у второго и четвертого ($F = 13,03$, $p < 0,001$).

Пластичность моторная у четвертого кластера развита в большей степени по сравнению со вторым ($F = 2,83$, $p = 0,045$). У студентов третьего кластера пластичность интеллектуальная выше по сравнению с обучающимися первого и четвертого кластеров ($F = 5,25$, $p = 0,003$). Пластичность коммуникативная преобладает у студентов первой группы над студентами второй и третьей группы ($F = 4,63$, $p = 0,005$).

Скорость моторная ниже у обучающихся второго кластера, чем скорость всех остальных. В свою очередь, моторная скорость студентов, входящих в третий кластер, меньше, чем у студентов первого и четвертого кластеров ($F = 14,7$, $p < 0,001$). Интеллектуальная скорость замедлена у третьего кластера по сравнению со всеми остальными группами. Скорость интеллектуальная четвертого кластера имеет уровень выше, чем у студентов второго кластера ($F = 25,28$, $p < 0,001$). У первой группы студентов скорость коммуникативная превосходит второй и третий кластеры. У студентов третьего кластера скорость коммуникации ниже, чем у студентов четвертого кластера ($F = 8,56$, $p < 0,001$).

Моторная эмоциональность у третьего кластера развита в большей степени, чем у второго и четвертого. У студентов первого кластера моторная эмоциональность повышена по сравнению со вторым ($F = 11,78, p < 0,001$). У четвертого кластера интеллектуальная эмоциональность имеет более низкий уровень, чем у третьего и первого. У второго кластера интеллектуальная эмоциональность ниже, чем у первого ($F = 9,88, p < 0,001$). Коммуникативная эмоциональность у четвертого кластера развита в большей степени, чем у остальных кластеров ($F = 11,74, p < 0,001$).

В ходе обработки опросника EPQ Г. и С. Айзенков были найдены различия по шкалам «нейротизм» и «экстраверсия-интроверсия» (см. табл. 2).

Таблица 2

Среднее значение выраженности показателей методики EPQ для каждого кластера, результаты множественных сравнений по критерию Тьюки и результаты однофакторного дисперсионного анализа

Шкалы	Средние значения				Попарные сравнения кластеров						F	p
	Кл. 1	Кл. 2	Кл. 3	Кл. 4	2-1	3-1	4-1	3-2	4-2	4-3		
ШН	55,89	48,44	57,00	42,89	—	—	**	**	—	***	9,99	<0,001
ШЭИ	60,11	50,89	42,17	51,32	*	***	—	**	—	*	9,37	<0,001
ШП	51,78	53,96	46,94	46,89	—	—	—	—	—	—	2,93	0,039

Примечание: Кл — кластер; F — критерий Фишера; p — уровень значимости (при $p \leq 0,05$ разница достоверна); ШН — шкала нейротизма, ШЭИ — шкала экстраверсии-интроверсии, ШП — шкала психотизма; * — $p < 0,05$; ** — $p < 0,01$; *** — $p < 0,001$; «—» — не значимо.

Нервность, неустойчивость, склонность к лабильности, чувство беспокойства, озабоченности (нейротизм) характерны для третьей группы студентов в большей степени, нежели для второго и четвертого кластера. У четвертого кластера студентов уровень нейротизма ниже, чем у третьего ($F = 9,99, p < 0,001$).

Общительность и обращенность вовне, необходимость в контактах (экстраверсия) выражена у первого кластера больше по сравнению со вторым и третьим. Спокойствие, застенчивость, склонность к самоанализу, пессимистичность (интроверсия) характерна в большей степени для третьего кластера ($F = 9,37, p < 0,001$).

При анализе результатов опросника BFI-2 были найдены различия по всем шкалам, кроме шкалы «доброжелательность» (см. табл. 3).

Таблица 3

Среднее значение выраженности показателей методики BFI-2 для каждого кластера, результаты множественных сравнений по критерию Тьюки и результаты однофакторного дисперсионного анализа

Шкалы	Средние значения				Попарные сравнения кластеров						F	p
	Кл. 1	Кл. 2	Кл. 3	Кл. 4	2-1	3-1	4-1	3-2	4-2	4-3		
E	58,33	47,59	41,06	58,00	**	***	—	*	***	***	20,68	<0,001
A	51,22	46,41	51,78	52,84	—	—	—	—	—	—	2,00	0,122
C	47,89	46,70	47,56	57,95	—	—	*	—	***	**	6,90	<0,001
N	54,78	50,48	58,89	39,63	—	—	***	**	***	***	23,12	<0,001
O	50,00	45,41	46,22	59,95	—	—	*	—	***	***	13,84	<0,001

Примечание: Кл — кластер; F — критерий Фишера; p — уровень значимости (при $p \leq 0,05$ разница достоверна); E — экстраверсия, A — согласие, или сотрудничество, C — сознательность, или добросовестность, N — нейротизм, O — открытость опыту; * — $p < 0,05$; ** — $p < 0,01$; *** — $p < 0,001$; «—» — не значимо.

Экстраверсия у первого кластера студентов выше, чем у второго и третьего, что совпадает с результатами опросника *EPQ*. У третьего уровень экстраверсии ниже по сравнению со вторым, а у четвертого выше, чем у третьего кластера ($F = 20,68, p < 0,001$).

Студенты, входящие в четвертый кластер, как правило, организованны и ответственны, усердно трудятся для достижения своих целей, добросовестность у них выше по сравнению со вторым и третьим кластерами ($F = 6,90, p < 0,001$).

Нейротизм у четвертого кластера ниже, чем у всех остальных. Повышенный уровень нейротизма наблюдается у третьего кластера по сравнению со вторым ($F = 23,12, p < 0,001$). Результаты по этой шкале в полной мере соотносятся с аналогичной шкалой методики *EPQ*.

Обучающиеся четвертого типа в большей степени открыты новому опыту и новым идеям (открытость опыту), нежели представители остальных кластеров ($F = 13,84, p < 0,001$).

Между шкалами «полезависимость — полнезависимость», «узкий диапазон эквивалентности», «рефлексивность», «конкретная концептуация — абстрактная концептуализация», «толерантность к нереалистичному опыту» в ходе анализа опросника «Когнитивные стили индивидуальности человека» были найдены значимые различия между кластерами (см. табл. 4).

Таблица 4

Среднее значение выраженности показателей методики КСИЧ для каждого кластера, результаты множественных сравнений по критерию Тьюки и результаты однофакторного дисперсионного анализа

Шкалы	Средние значения				Попарные сравнения кластеров						F	p
	Кл. 1	Кл. 2	Кл. 3	Кл. 4	2-1	3-1	4-1	3-2	4-2	4-3		
ПЗ	58,89	49,74	54,5	42,16	*	—	***	—	*	***	10,36	<0,001
ПНЗ	55,00	44,56	48,83	56,47	*	—	—	—	***	*	8,13	<0,001
УДЭ	56,44	45,19	55,39	48,95	*	—	—	**	—	—	6,23	0,001
ШДЭ	55,56	50,59	49,56	47,32	—	—	—	—	—	—	1,50	0,222
ГИБ	58,22	46,26	46,50	54,89	**	*	—	—	*	*	6,76	<0,001
РИГ	49,33	50,07	54,00	45,89	—	—	—	—	—	—	2,08	0,111
ИМП	55,33	48,56	52,50	45,95	—	—	—	—	—	—	2,58	0,061
РЕФ	53,22	44,67	49,28	56,89	—	—	—	—	***	—	7,37	<0,001
КОНКОН	46,22	45,63	56,83	51,74	—	*	—	**	—	—	6,26	0,001
АБСКОН	59,22	43,59	45,83	58,68	***	***	—	—	***	***	23,17	<0,001
ТОЛ	57,67	46,19	49,33	52,47	*	—	—	—	—	—	3,94	0,012
НЕТОЛ	55,78	48,78	49,89	49,37	—	—	—	—	—	—	1,16	0,333

Примечание: Кл — кластер; F — критерий Фишера; p — уровень значимости (при $p \leq 0,05$ разница достоверна); ПЗ — полезависимость, ПНЗ — полнезависимость, УДЭ — узкий диапазон эквивалентности, ШДЭ — широкий диапазон эквивалентности, ГИБ — гибкость, РИГ — ригидность, ИМП — импульсивность, РЕФ — рефлексивность, КОНКОН — конкретная концептуализация, АБСКОН — абстрактная концептуализация, ТОЛ — толерантность к нереалистичному опыту, НЕТОЛ — нетолерантность к нереалистичному опыту; * — $p < 0,05$; ** — $p < 0,01$; *** — $p < 0,001$; «—» — не значимо.

Студенты, опирающиеся на внешнее видимое поле, с трудом отделяющие детали от фона (полезависимые), входят в первый кластер. Полезависимость у данной группы выражена в большей степени, чем у второй группы. В то же время для четвертого кластера полезависимость характерна в меньшей степени, чем для всех остальных ($F = 10,36, p < 0,001$).

Контроль зрительных впечатлений, структурирование, выделение отдельных важных элементов (полнезависимость) у четвертого кластера встречается чаще, чем у второго и третьего. Также полнезависимость выше у первого кластера, чем у второго ($F = 8,13$, $p < 0,001$).

Полнезависимы оказываются женщины во всех возрастных группах и типах культур. Это объясняется как биологическими (специализация женщин и мужчин в виде консервативного или исследовательского поведения), так и социальными (тип воспитания девочек и ожидания относительно нормативного поведения женщин содействуют формированию стиля) детерминантами [4]. В нашем исследовании можно тоже провести данную аналогию, так как в первый кластер входят семь девушек из девяти исследуемых, во второй кластер 24 девушки из 27 человек, а третью группу образуют 18 девушек.

Узкий диапазон эквивалентности (аналитический стиль) выше у второго кластера по сравнению с первым, а у третьего выше, чем у второго ($F = 6,23$, $p = 0,001$). Данные студенты склонны ориентироваться на различия объектов, не обращая внимания на признаки.

Гибкость у первого кластера выше, чем у второго и третьего. У четвертого кластера наблюдаются более высокие значения по легкости, быстроте перехода от одной деятельности к другой, чем у второго и третьего ($F = 6,76$, $p < 0,001$).

Для мужчин характерна гибкость мышления, легкость переключения с одного вида деятельности на другой, стремление к разнообразным формам деятельности. Чаще наблюдается высокий темп поведения, более высокая психомоторная скорость выполнения операций при осуществлении предметной деятельности [1]. Полученные в нашем исследовании данные тоже позволяют увидеть вышеназванную закономерность, так как гибкость значимо выше у первого и четвертого кластеров, в которые входит большая часть молодых людей.

Рефлексивность четвертой группы выше по сравнению со второй ($F = 7,37$, $p < 0,001$). Рефлексивные более полнезависимы, чем импульсивные. У них выше устойчивость внимания, они эффективнее используют обратную связь, имеют лучшую зрительную и слуховую кратковременную память [4].

Конкретная концептуализация сильнее выражена у третьей группы студентов по сравнению с первым и вторым кластерами ($F = 6,26$, $p = 0,001$). Абстрактная концептуализация у первого и четвертого кластеров более выражена по сравнению со второй и третьей группой ($F = 23,17$, $p < 0,001$).

Толерантность к нереалистичному опыту у первой группы выше по отношению ко второй ($F = 3,94$, $p = 0,012$).

Обсуждение

В проведенном исследовании под кластерами нами понимались типы индивидуальности, поэтому на основе полученных эмпирических результатов мы можем описать обобщенные психологические портреты, присущие разным типам:

1. Первый тип объединил в себя студентов, для которых характерна высокая скорость речевой активности: легкая и плавная речь, быстрая вербализация. Студенты экстравертированы. Наблюдается высокая потребность в общении, легкость в установлении контактов, стремление к лидерству.

Студенты спокойны, беззаботны, уверены в себе, надежны, склоны к лидерству. Это эмоционально стабильные и устойчивые люди, организованны и ответственны. Заметна высокая гибкость мышления, легкий переход с одной деятельности на другую, высокая скорость в различных видах деятельности.

Наблюдается высокая чувствительность (сильное эмоциональное переживание) по поводу расхождения между ожидаемым и реальным результатом ручного труда, умствен-

ной работы, постоянное ощущение неполноценности продукта физической работы, сильное беспокойство по поводу работы, связанной с умственным напряжением; ранимость в случае неудач в общении, ощущение постоянного беспокойства в процессе общения; неуверенность, раздражительность в ситуации общения.

Полезависимы, преобладает узкий диапазон эквивалентности, характерна гибкость познавательного контроля, импульсивность, абстрактная концептуализация, толерантность к нереалистичному опыту.

В данную группу вошли девять человек (два юноши, семь девушек), что составляет 12 % от общего числа выборки.

2. Второй тип индивидуальности характеризуется средними значениями по предметно-деятельностному (психомоторная и интеллектуальная сферы) компоненту. Наблюдается повышенная склонность к монотонной физической работе, боязнь разнообразных видов работы, стремление к шаблонным способам физической деятельности.

Для студентов данной группы характерны низкая потребность в общении, социальная пассивность, замкнутость, кроме этого низкий уровень готовности к вступлению в новые социальные контакты, тщательное продумывание своих поступков в процессе социального взаимодействия. Они проявляют социальную и эмоциональную сдержанность. Предпочитают в основном быть в одиночестве или иметь несколько близких друзей и не делиться своими мнениями и чувствами. Обычно стремятся к работе, требующей самостоятельности больше, чем социальных взаимодействий.

Выражен высокий уровень шкалы психизма, по сравнению со всеми остальными типами студентов. Студенты склонны выражаться непосредственно и прямо, даже если рискуют вступить в спор, склонны скептически относиться к чужим намерениям.

Полезависимы, преобладает широкий диапазон эквивалентности, слабо развита гибкость, рефлексивность, абстрактная и конкретная концептуализация находится на одном уровне, толерантность и нетолерантность к нереалистичному опыту находится на низком уровне.

В данную группу вошли 27 человек (24 девушки, три юноши), что составляет 37 % от общего числа выборки.

3. Студенты третьего типа характеризуются низким уровнем интеллектуальных возможностей и низкой вовлеченностью в процесс умственной деятельности, нежеланием умственного напряжения, узким кругом интеллектуальных интересов. Присуща заторможенность психомоторики, низкая скорость двигательных операций при выполнении ручного труда. Таким студентам проще действовать спонтанно, чем составлять планы, легче видеть общую картину, чем обращать внимание на детали. Стереотипный подход к решению проблем, ригидность в решении абстрактных задач. Низкая скорость умственных процессов, замедленность выполнения операций в ходе интеллектуальной деятельности. Низкая речевая активность, медленная вербализация, речевая заторможенность, хотя, как правило, студенты этого типа организованны и ответственны. В целом у данного кластера наблюдается низкий уровень психомоторной и интеллектуальной активности, а также общей активности и адаптивности. Эмоциональность по всем трем сферам имеет высокие показатели, как и у студентов первого типа.

Студенты данного типа обладают повышенным уровнем нейротизма, выражающимся в чрезвычайной нервности, неустойчивости, плохой адаптации, склонности к быстрой смене настроений (лабильности), чувстве вины и беспокойства, озабоченности, депрессивных реакциях, рассеянности внимания, неустойчивости в стрессовых ситуациях.

Полезависимы; узкий диапазон эквивалентности преобладает; высокий уровень ригидности, низкий — рефлексивности; низкий уровень абстрактной и конкретной концептуализации, толерантность и нетолерантность к нереалистичному опыту находится на низком уровне.

В данную группу вошли 18 девушек, что составляет 25 % от общего числа выборки.

4) К четвертому типу относятся студенты, имеющие высокие показатели по предметно-деятельностному (психомоторная и интеллектуальная сферы) компоненту, с высокой скоростью и потребностью в движении, с постоянным стремлением к физической активности, высоким уровнем гибкости при переключении с одних форм двигательной активности на другие. Высокая скорость интеллектуальных способностей, постоянное стремление к деятельности, связанной с умственным напряжением.

Студенты этого типа экстравертированы. Они безразличны к расхождению между ожидаемым и реальным результатом действия при выполнении умственной работы, слабое эмоциональное реагирование при неудачах, связанных с интеллектуальной деятельностью, для них также характерна низкая чувствительность к неудачам в общении, при взаимодействии с людьми ощущают чувство радости и уверенности, тактичны и вежливы, имеют склонность к сотрудничеству.

Полнезависимы; характеризуются низким уровнем ригидности и импульсивности; преобладает рефлексивность и гибкость, абстрактная концептуализация, толерантность к нереалистическому опыту.

В данную группу вошли 19 человек (13 девушек, шесть юношей), что составляет 26 % от общего числа выборки, при этом в данную группу входят 55 % юношей.

Соотнося полученные типы индивидуальности с ранее проведенным исследованием [6], можно сказать, что первый тип в нашем исследовании в полной мере соотносится с четвертым типом, который охватывает активных респондентов с высоким уровнем выносливости, духовности, осмысленности и ценности жизни. Вторая группа студентов, имеющих средние значения по предметно-деятельностному компоненту (психомоторная и интеллектуальная сферы) и низкую потребность в общении, похожа на третий тип в исследовании Е. В. Волковой и А. Ю. Калугина. Третья группа студентов, имеющих низкий уровень интеллектуальных возможностей и низкую вовлеченность в процесс умственной деятельности, похожа на второй тип индивидуальности. Четвертый тип студентов, у которых наблюдается высокое значение по предметно-деятельностному компоненту имеет схожие характеристики с первым типом в исследовании Е. В. Волковой и А. Ю. Калугина. Таким образом, гипотеза нашего исследования находит эмпирическую поддержку, а типы индивидуальности, обнаруженные ранее [6], демонстрируют высокую степень устойчивости.

Выводы

На основании таких показателей, как формально-динамические свойства индивидуальности, показатели когнитивных стилей индивидуальности человека и черт личности, были выделены четыре кластера, отражающие типы индивидуальности студентов-первокурсников. Полученные типы согласуются с теми, что были получены ранее в исследовании Е. В. Волковой и А. Ю. Калугина [6], что свидетельствует в пользу гипотезы о том, что типы индивидуальности достаточно устойчивы.

Среди ограничений исследования следует отметить сильный перевес испытуемых женского пола в выборке, что могло повлиять на полученные результаты.

Библиографический список

1. Грошев И. В. Половые различия в проявлениях свойств темперамента // Вестник РУДН. Сер. Психология и педагогика. 2004. № 2. С. 170–177.
2. Калугин А. Ю. Индивидуальность человека и ее типы // Ананьевские чтения — 2019: Психология обществу, государству, политике: материалы Междунар. науч. конф. СПб.: Скифия-Принт, 2019. С. 284–285.

3. Русалов В. М. Темперамент в структуре индивидуальности человека: дифференциально-психофизиологические и психологические исследования / Ин-т психологии РАН. М., 2012.
4. Холодная М. А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. 2-е изд. СПб.: Питер, 2004.
5. Eysenck H. J., Eysenck S. B. Manual of the Eysenck Personality Questionnaire. San Diego, CA: EDITS, 1975.
6. Kalugin A. Yu., Volkova E. V. Typology of individuality: problems and solutions // XVI European Congress of Psychology (EPC 2019). Moscow: Moscow University Press, 2019. P. 767–768.
7. Measurement invariance and sex and age differences of the Big Five Inventory-2: Evidence from the Russian version / S. Shchebetenko, A. Y. Kalugin, A. M. Mishkevich, C. J. Soto, O. P. John // Assessment. Vol. 27, no. 3. P. 472–486. DOI: 10.1177/1073191119860901
8. Volkova E. V., Rusalov V. M. Cognitive styles and Personality // Personality and Individual Differences. 2016. Vol. 99. P. 266–271.

Лисова Е. Н., Сорокина А. В. Профессиональное выгорание сотрудников, работающих дистанционно // Вестник Прикамского социального института. 2021. № 1 (88). С. 142–148.

Lisova E. N., Sorokina A. V. Professional burn-out of employees working remote. *Bulletin of Prikamsky Social Institute*. 2021. No. 1 (88). Pp. 142–148. (In Russ.)

УДК 159.9.07

Е. Н. Лисова, А. В. Сорокина

Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ СОТРУДНИКОВ, РАБОТАЮЩИХ ДИСТАНЦИОННО

Лисова Екатерина Николаевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры «Общая и социальная психология».

E-mail: lisova.yekaterina@yandex.ru

Сорокина Алина Витальевна — магистрант 2-го курса факультета философии и психологии, направление подготовки «Психология».

E-mail: sorokina.alina97@mail.ru

В статье анализируется влияние дистанционной работы на профессиональное выгорание сотрудников. На основе анализа зарубежных и отечественных исследований обоснована гипотеза о различиях в профессиональном выгорании сотрудников, исходно работающих дистанционно и переведенных на такой режим работы в связи с пандемией COVID-19. Посредством методики «Диагностика уровня эмоционального выгорания» проведено пилотажное эмпирическое исследование 80 сотрудников и проанализированы эмпирические данные, согласующиеся с предположением о большей выраженности профессионального выгорания во втором случае, а также раскрывающие динамическую и содержательно-симптоматическую картину этого феномена у сравниваемых подвыборок. Предложены рекомендации по психологической профилактике и психологической коррекции профессионального выгорания обеих групп работников с учетом выявленных общих черт и различий в их профессиональном выгорании.

Ключевые слова: профессиональное выгорание; профессиональное выгорание сотрудников, работающих дистанционно; психопрофилактика и психокоррекция профессионального выгорания.

E. N. Lisova, A. V. Sorokina

Voronezh State University, Voronezh, Russia

PROFESSIONAL BURN-OUT OF EMPLOYEES WORKING REMOTE

Lisova Ekaterina N. — Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor at the Department of General and Social Psychology.

Sorokina Alina V. — 2nd Year Master Student at the Faculty of Philosophy and Psychology, Direction of Training “Psychology”.

The article analyzes the impact of the transition to teleworking on the professional burn-out of workers. Based on the analysis of foreign and domestic studies, a hypothesis was substantiated about the differences in professional burn-out of employees who initially worked remotely and transferred to such an operating mode in connection with the COVID-19 pandemic. Using the methodology “Diagnostics of the level of emotional burn-out”, a pilot empirical study of 80 employees was carried out and empirical data were analyzed, consistent with the assumption of a greater severity of professional burn-out in the second case, and also revealing a dynamic and content-symptomatic picture of this phenomenon in the compared subsamples. Recommendations for psychological prevention and psychological correction of

professional burn-out of both groups of workers are proposed, taking into account the identified common features and differences in their professional burn-out.

Keywords: professional burn-out; professional burn-out of employees working remotely; psychoprophylaxis and psychocorrection of professional burn-out.

Профессиональное выгорание, выступая видом профессиональных деструкций и особым эмоционально-мотивационным состоянием, нарастающим и требующим совладания в целях недопущения снижения эффективности труда, является многосторонне изученным феноменом (В. В. Бойко, М. В. Борисова, Н. Е. Водопьянова, А. А. Гришина, В. Н. Дружинин, С. А. Калашникова, О. В. Крапивина, Л. А. Китаев-Смык, В. Е. Орел, А. А. Рукавишников, М. М. Скугаревская, Е. С. Старченкова, С. В. Умняшкина, Т. В. Форманюк, А. А. Хван, P. Brill, С. Chernis, D. Green, H. Fredenberg, M. King, M. Leiter, С. Maslach, W. В. Shaufeli, L. Talbot и др.). Удаленная работа (*ICT-based mobile work*) в научных исследованиях рассматривалась преимущественно с правовой и управленческой стороны (А. О. Козырев, Е. Ф. Прокушев, А. П. Прокушева, А. Г. Пшенко, А. А. Стребкова, В. М. Трегубова, Н. В. Черных и др.), реже с психологической точки зрения и главным образом зарубежными учеными (Z. Abrams, S. Mann, L. Holdsworth, S. R. Sardeshmukh, D. Sharma, T. D. Golden и др.), а ее влияние на профессиональное выгорание раскрывалось в аспектах копингов, а также в отношении отдельных категорий работников, таких, в частности, как поездные диспетчеры [3], и изучалось главным образом для лиц, рассматривающих возможность осуществления дистанционной работы, выбирающих именно такую форму деятельности.

Дистанционная форма профессиональной деятельности может подразумевать более гибкий график работы, предполагает отсутствие предоставленного работодателем рабочего места и обратную связь в форме электронных сообщений. Выбор профессии, связанной изначально с дистанционной работой, скорее всего преимущественно мотивирован лично [7]; также он может быть продиктован пространственной удаленностью от офиса, необходимостью экономии средств на проезд или ограниченными возможностями человека.

Психическое выгорание при дистанционной работе вполне возможно, и оно при любой форме профессиональной деятельности подразумевает подавленность и обиду на условия профессиональной среды, однако не все виды деятельности, традиционно предполагающие выгорание, в принципе когда-либо могут иметь удаленный формат. Так, сервис дистанционной медицины в нашей стране только развивается, а, допустим, летчики, вахтеры, полицейские, пожарные, рабочие на промышленном производстве и в телефонной компании при такой форме не смогут реализовывать свою деятельность вообще. В то же время менеджмент, юридическое сопровождение и образование в такой форме потенциально возможны.

Дистанционная работа, согласно S. W. Hayes, J. Priestley, H. Ray, N. Ishmakhametov, может позволить «выгореть» в большем диапазоне, так как с трудом дифференцируются семейные и профессиональные роли [6]. Это согласуется с описанным в специальной литературе преимуществом дистанционной работы в части возможности управлять своим временем, с учетом сложностей, вероятных в случае недостаточности для этого ресурсов саморегуляции. Одновременно данные сведения не противоречат результатам исследований, свидетельствующих, что эффективность такого труда достаточно высока, а ведь известно, что именно она страдает вследствие психического выгорания, тем более что именно удаленные работники склонны к презентеизму (засиживаться допоздна, работать большее количество часов, не брать больничные листы), а также в принципе больше страдают психическими расстройствами, подвержены большей тревоге и ощущению одиночества, чем офисные работники [7].

В условиях перехода на дистанционную работу усиливаются такие объективные факторы профессионального выгорания личности, как большая психофизиологическая нагрузка, дефицит времени на принятие решения, информационная перенасыщенность [4], ужесточенный контроль со стороны руководства, что повышает уровень психологической опасности для личности данной формы работы. Более того, если интенсивная реализация цифровых технологий не была исходно предусмотрена требованиями рабочего места, то для эмоционального истощения, восприятия собственного несоответствия профессии определяющим является также фактор профессиональной неготовности [1] и слабой технической оснащенности удаленного взаимодействия.

Исследование профессионального выгорания в условиях перехода на дистанционную работу, проведенное S. W. Hayes, J. Priestley, H. Ray, N. Ishmakhametov, показало, что выгорание больше именно у тех, кто до этого с дистанционной работой не сталкивался [6]. Однако согласно предложенной S. R. Sardeshmukh, D. Sharma, T. D. Golden модели соотношения вреда и ресурсов в производственной деятельности дистанционный вид профессиональной деятельности может повлиять на истощение и вовлеченность сотрудников, их эмоциональную заинтересованность, но при этом психологическое выгорание должно уменьшаться [8].

Такое противоречие в результатах исследований приводит к предварительному выводу о разнонаправленности и многофакторной обусловленности профессионального выгорания в различных условиях дистанционной формы труда.

С одной стороны, сама по себе дистанционная работа за счет того, что она является вынужденной мерой, может быть связана с еще большим отчуждением от социума, а значит, может также интенсифицировать выгорание [5] у представителей профессионального типа «Человек — Человек». Введение ее в условиях изоляционных мероприятий отвечает необходимости «быстрого овладения вариативными способами профессиональной деятельности в условиях повышенной ответственности и эмоциональных перегрузок» [2, с. 3], но это нередко подразумевает не «самоосуществление» человека, а жертвенное служение и неполную реализацию (особенно если вид деятельности плохо соотносим с дистанционным форматом), а следовательно — потерю смысла деятельности и чувства значимости ее результатов.

С другой стороны, в зависимости от того, субъект-субъектным или субъект-объектным является тип профессиональной деятельности, переход на дистанционную ее реализацию может как усиливать (потеря социальной поддержки коллег, дефицит времени на освоение новых технологий), так и ослаблять выгорание (при редуцировании компонентов труда, из-за которых шла более интенсивная нагрузка, например в связи со снижением интенсивности межличностного взаимодействия с клиентами).

В то же время интерес представляет сравнение не столько профессионального выгорания между исходно занятыми и недавно включенными в дистанционный труд сотрудниками, сколько межкультурное сравнение, так как приведенные выше данные S. W. Hayes, J. Priestley, H. Ray, N. Ishmakhametov и S. R. Sardeshmukh, D. Sharma, T. D. Golden не охватывают нашу социокультурную общность. С учетом ее специфики (аврального характера трудовой деятельности, меньшей распространенности телекоммуникационных технологий, уровня их освоения), возможно, наблюдается большая дифференциация исходно включенных в дистанционный вид труда сотрудников (а значит, уже адаптированных, снабженных необходимыми орудиями труда работников) и тех, кому приходится осваивать такую форму «с нуля»; по выраженности профессионального выгорания — низкая и высокая его степень.

Для проверки выдвинутой гипотезы с помощью методики В. В. Бойко «Диагностика уровня эмоционального выгорания» было проведено пилотажное эмпирическое исследование 80 сотрудников, работающих удаленно, из них 30 человек работают в дистанционном формате на постоянной основе, а 50 были переведены на удаленную работу в связи с введенными карантинными мерами. Поскольку мы сопоставляем полученные данные с другими исследованиями, проведенными за рубежом, важно акцентировать, что как данные S. W. Hayes, J. Priestley, H. Ray, N. Ishmakhametov, так и результаты S. R. Sardeshmukh, D. Sharma, T. D. Golden получены на американской популяции [6; 8].

Общий уровень выгорания сотрудников, постоянно осуществляющих профессиональную деятельность в дистанционном режиме, и специалистов, вынужденных перейти на удаленную работу, имеет значимые различия ($|t| = 5,63$, при $p < 0,05$; здесь и далее t — t -критерий Стьюдента, направленный на оценку различий средних значений двух выборок, которые распределены по нормальному закону; p — уровень достоверности). Среднее значение показателя профессионального выгорания в первой группе составляет 75,2, а во второй группе — 176,54 баллов по шкале общего уровня профессионального выгорания, то есть в целом у перешедших на дистанционный формат он выше. Это согласуется в большей мере с данными S. W. Hayes, J. Priestley, H. Ray, N. Ishmakhametov [6].

По нашим данным, общий уровень профессионального выгорания сотрудников, работающих дистанционно постоянно, и специалистов, переведенных в такой формат, достаточно дифференцирован, распределения данных в подвыборках являются скошенными: в первом случае в сторону низкого уровня в 77 % (левосторонняя асимметрия), а во втором — высокого уровня профессионального выгорания 52 % (правосторонняя асимметрия) (рис. 1).

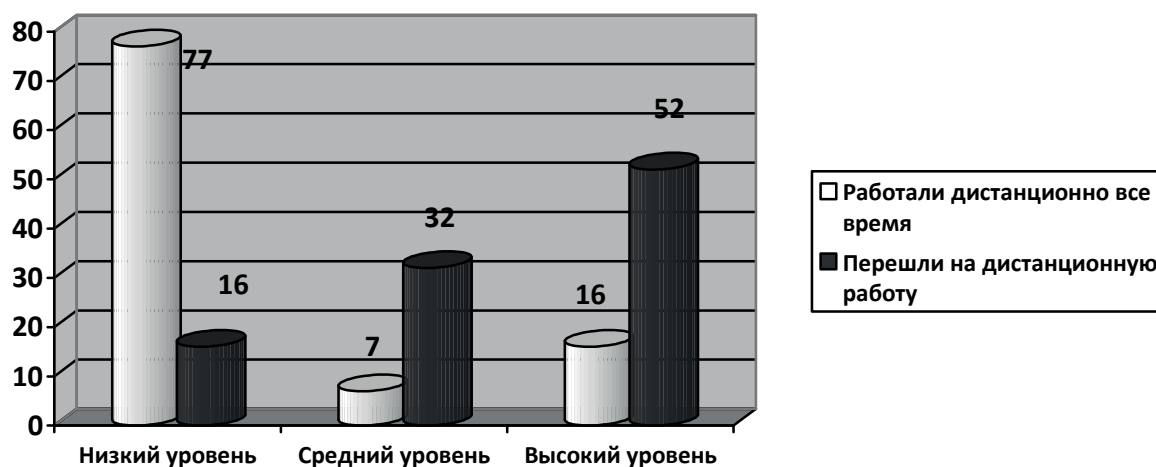

Рис. 1. Уровень профессионального выгорания сотрудников, всё время работающих дистанционно и перешедших на такую форму работы, %

Одновременно с этим можно учесть, что в нашем и двух зарубежных исследованиях представлены разные по профессиональному составу выборки — среди постоянно работающих мы охватили преимущественно дизайнеров, создателей сайтов, программистов и менеджеров по продажам, а среди перешедших на удаленный режим работы — преподавателей, аналитиков, юристов, инженеров, экономистов, специалистов по работе с кадрами. Следовательно, работа представителей последней группы в большей мере требует очного взаимодействия и для дистанционного формата нетрадиционна в нашей стране. В выборке S. W. Hayes, J. Priestley, H. Ray, N. Ishmakhametov состав более вариативен, включая адми-

нистративных работников и руководство, а также бухгалтеров, супервайзеров и исследователей и даже студентов [6], а в случае исследования S. R. Sardeshmukh, D. Sharma, T. D. Golden представлены только сотрудники компании, занимающейся поставками [8]. В этой связи возможно, что большая алгоритмизация деятельности последних и включенность их в одно организационное пространство с особым распорядком и ориентация на работу главным образом с клиентами определили специфику этих результатов по сравнению с другими данными.

Анализируя результаты, обнаруживаем, что перевод сотрудников в условиях введения самоизоляции из-за пандемии COVID-19 был осуществлен в достаточно короткие сроки, что уже могло вызвать определенный стресс у специалистов. Такие факторы, как отсутствие опыта реализации обязанностей в дистанционной форме как у самого сотрудника, так и у предприятий в целом, низкий уровень освоения информационно-коммуникационных технологий, большой объем работы могли способствовать возникновению профессиональной деформации сотрудников, в частности выгорания. Кроме того, трудности для специалистов связаны и с тем, что большинство работодателей не смогли обеспечить комфортный переход сотрудников на удаленную работу, а именно: внести коррективы в рабочие планы, обеспечить специалистов необходимыми материалами и техническими средствами, способствовать обеспечению эффективной коммуникативной связи между специалистами и т. д.

Помимо этого, различия между подвыборками значимы по фазе выгорания «Напряжение» ($|t| = 4,12$, при $p < 0,05$). Поскольку у большинства сотрудников, постоянно работающих удаленно, фаза «Напряжение» не была сформирована, а у специалистов, переведенных на дистанционный формат, — напротив (рис. 2), то, по всей видимости, последними переход к новой форме работы рассматривается как ситуация, сопряженная с психотравматизацией (мгновенно перестроиться, действовать по-иному). Тем более что именно у них акцентирован симптом «переживание психотравмирующих обстоятельств». Также следует отметить, что среди сотрудников, постоянно работающих в дистанционном формате, данная фаза преобладает у тех, у кого другие фазы выгорания уже сформировались, так как, скорее всего, они имеют предрасположенность к выгоранию, обусловленную предыдущим опытом работы, ситуацией в семье и личностными особенностями. У них при этом отмечается симптом «загнанность в клетку» как реакция на постоянно повторяющийся неприятный процесс работы с ожиданием его окончания.

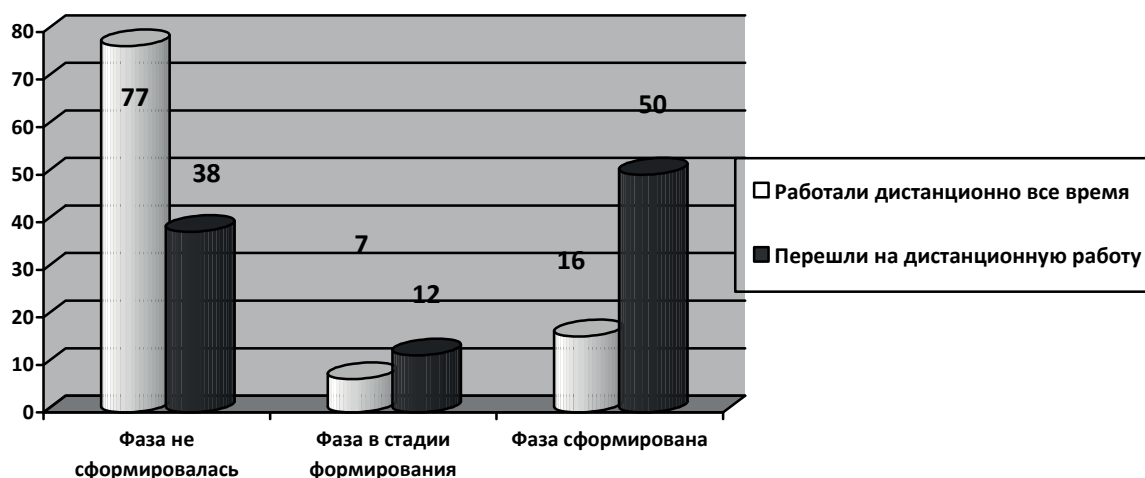

Рис. 2. Степень сформированности фазы выгорания «Напряжение» у сотрудников, всё время работающих дистанционно и перешедших на такую форму работы, %

Значимые различия между выборками наблюдаются и по фазе «Резистенция» ($|t| = 6,93$, при $p < 0,05$). У большинства сотрудников, постоянно работающих удаленно, фаза «Резистенция» не сформирована, а у специалистов, переведенных на дистанционный формат, — напротив (рис. 3). При этом у первой выборки акцентирован симптом «экономия эмоций» (возможна при этом и исходная их слабая эмоциональность и ориентированность на формально-документальное и организационно-техническое решение производственных проблем), а у второй — редукция профессиональных обязанностей, что может быть обусловлено неполнотой их осуществления в удаленном формате, а также общей эмоционально-нравственной дезориентацией в связи с непониманием масштабов изменений, способов реагирования на них и исходным непринятием данной формы работы как неприятной, не согласующейся с ожиданием и опытом трудовой деятельности.

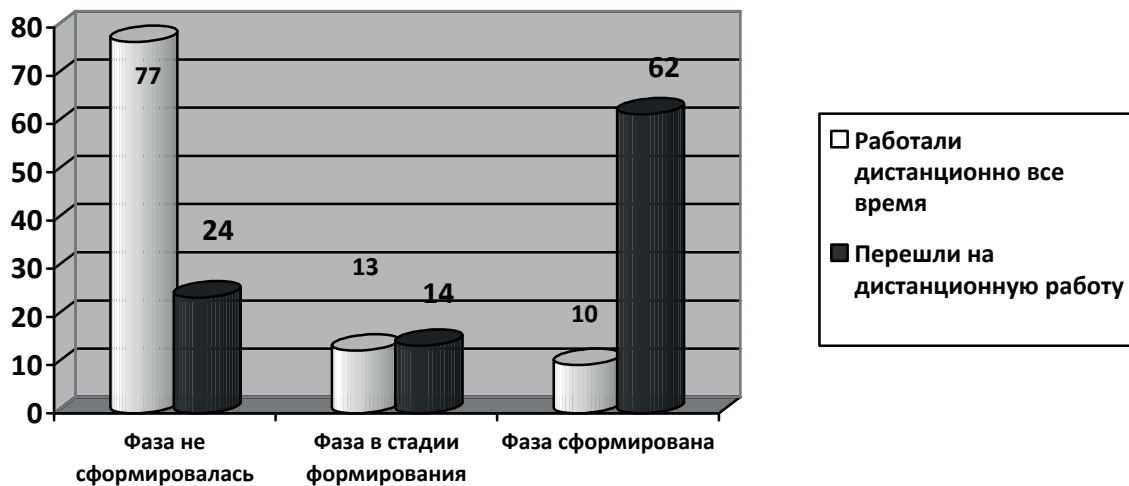

Рис. 3. Степень сформированности фазы выгорания «Резистенция» у сотрудников, всё время работающих дистанционно и перешедших на такую форму работы, %

Значимые различия между выборками наблюдаются и по фазе «Истощение» ($|t| = 5,33$, при $p < 0,05$). У большинства сотрудников, постоянно работающих удаленно, фаза «Истощение» не сформирована, как и среди специалистов, переведенных на дистанционный формат, но в два раза меньше, и переведенные на удаленный формат также в более чем трети случаев имеют выраженную фазу (рис. 4).

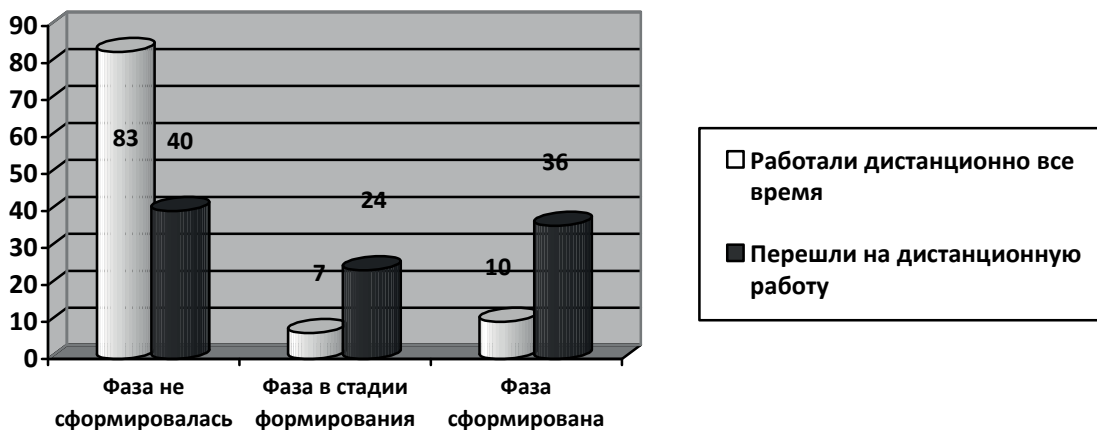

Рис. 4. Степень сформированности фазы выгорания «Истощение» у сотрудников, всё время работающих дистанционно и перешедших на такую форму работы, %

Объяснением этому может служить то, что, с одной стороны, потенциальные испытуемые на сформированной фазе профессионального выгорания не хотят и не в состоянии выполнять инструкции исследователя, воспринимая участие в исследовании как тяжкое бремя, отказываясь от психодиагностики. С другой стороны, и работать в прежнем режиме трудовой деятельности (не то что в новом дистанционном) они также уже не могут, оставляя прежнее место работы.

Среди особенностей сравниваемых подвыборок относительно преобладающей симптоматики профессионального выгорания можно отметить не только уже описанную выше специфику, но и общность одного симптома — «неадекватное избирательное эмоциональное реагирование» в обоих случаях, что мы можем объяснить недостаточностью непосредственных контактов между работниками, нередко — отсроченной обратной связью в процессе дистанционного взаимодействия, что влечет за собой невозможность своевременно корректировать свои реакции на партнера по общению и учитывать в полном виде как вербальную, так и невербальную обратную связь.

Таким образом, выдвигая нами гипотеза о том, что имеется большая дифференциация среди исходно включенных в дистанционный вид труда сотрудников и тех, кому приходится осваивать такую форму, по выраженности профессионального выгорания — низкой и высокой, подтвердилась. Переход на дистанционную форму работы представляет большую психологическую опасность с позиции влияния на профессиональное выгорание сотрудников и их профессиональную деятельность, практически подводя их к последним этапам проявления данного синдрома.

В целях предотвращения рисков отказа от работы и снижения эффективности труда работающего удаленно персонала требуется проведение, во-первых, психологической профилактики профессионального выгорания в большей мере на случай перехода разных организаций на удаленный режим работы и в процессе его введения. Нам видится это в форме учений по введению разных необычных способов и методов работы, тренингов саморегуляции, ролевого перемещения (работник — член семьи). Вместе с тем постоянно работающим в удаленном режиме может помочь психокоррекция профессионального выгорания путем главным образом эмоциональной санации и нахождения адекватных способов реагирования, а для переведенных на дистанционную форму работы — самооценивания и формирования соответствующего новым способам и условиям работы уровня притязаний, умений и навыков дистанционного взаимодействия в ходе выполнения работы.

Библиографический список

1. Блинков А. Н., Лебединцева О. И. Профессиональное выгорание как следствие дефицита профессиональной готовности (на основе анализа научной литературы) // Акмеология. 2018. № 1 (65). С. 27–32.
2. Василенко А. Ю. Личностные факторы профилактики эмоционального выгорания в процессе профессиональной самоактуализации: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Хабаровск, 2008. 22 с.
3. Куликова Е. А. Факторы профессионального выгорания у поездных диспетчеров // Концепт. 2020. № 9. С. 138–149.
4. Самохвал В. Г. Проблемы возникновения профессиональной деструкции и профессионального выгорания // Территория науки. 2016. № 4. С. 20–23.
5. Чаплинская Я. И. Профессиональное выгорание как современная форма отчуждения: опыт культурфилософского осмысления: дис. ... канд. филос. наук. Томск, 2018. 120 с.
6. "I'm not working from home, I'm living at work": perceived stress and work-related burnout before and during COVID-19 / S. W. Hayes, J. Priestley, H. Ray, N. Ishmakhametov // Stress and Work-Related Burnout during COVID-19. Kennesaw, 2020. P. 2–26.
7. Mann S., Holdsworth L. The psychological impact of teleworking: stress, emotions and health // New Technology Work and Employment. 2003. № 18 (3). P. 196–211.
8. Sardeshmukh S. R., Sharma D., Golden T. D. Impact of telework on exhaustion and job engagement: a job demands and job resources model // New Technology, Work and Employment. 2012. № 3. P. 193–207.

Булахтин М. А. Переговорная культура американцев // Вестник Прикамского социального института. 2021. № 1 (88). С. 149–157.

Bulakhtin M. A. The American negotiation culture. *Bulletin of Prikamsky Social Institute*. 2021. № 1 (88). Pp. 149–157. (In Russ.)

УДК 327:008(73)

М. А. Булахтин

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

ПЕРЕГОВОРНАЯ КУЛЬТУРА АМЕРИКАНЦЕВ

Булахтин Максим Анатольевич — доктор исторических наук, профессор кафедры «Государственное и муниципальное управление», кафедры «История и археология».

E-mail: bulachtin@yandex.ru

Американцы уделяют большое внимание развитию навыков деловой коммуникации. Важным элементом переговоров в США считается формирование доверия между сторонами. Хотя американцы стараются демонстрировать дружелюбие и позитивное отношение к партнеру, тем не менее они стремятся к лидерству и всегда нацелены на выигрыш. Переговоры воспринимают как состязание, в котором хотят победить. Могут использовать обманные приемы для достижения цели, но считают оскорбительным быть обвиненными во лжи.

Несмотря на значительные достижения в области социальных наук и образования, американцы не обращают особого внимания на национальную самобытность и культурный контекст своих партнеров по переговорам. Также отрицательно относятся к прямым критическим замечаниям.

Американцы жестко относятся к более слабому и неуверенному в себе партнеру, но считаются с «силовыми», ресурсными возможностями другой стороны, уважают спокойных, уверенных в себе, умеющих настоять на своем собеседников.

В США ценят скорость, готовность к риску, деловитость, четкое вербальное общение. Американские партнеры привержены достижению конкретного, значимого результата в ходе переговоров, уделяют большое внимание деталям при юридическом оформлении договоренностей. Они часто откровенны в общении и независимы в принятии решений, хорошо подготовлены к переговорам и полагаются на хороших специалистов. Американские переговорщики стремятся также эффективно использовать «язык телодвижений».

Ключевые слова: США, ценностные ориентиры, межкультурная коммуникация, переговоры.

M. A. Bulakhtin

Perm State University, Perm, Russia

THE AMERICAN NEGOTIATION CULTURE

Bulakhtin Maxim A. — Doctor of Historical Sciences, Professor at the Department of Public Administration, Department of History and Archaeology.

The American negotiation culture takes its roots in the American educational tradition of the business communication skills development. Americans consider confidence-building between the parties as first and one of the most important parts of any negotiations. They show friendliness and a positive attitude towards their partners, but they strive for leadership and are focused on winning as well. Negotiations in their point of view are competition in which they want to win.

At the same time, the American negotiation culture supposes a deceptive tactics to achieve the goal, but using this tactics the American negotiator finds it insulting to be accused of lying.

Despite the strong basis in social sciences and education, the Americans do not pay much attention to the national identities and cultural contexts of their negotiating partners. Also they have a negative attitude towards direct critical remarks.

Americans behave harshly towards a weaker, insecure partner, but they reckon with “strong-arm” and resourced capabilities of the other side. They respect calm, self-confident, assertive interlocutors.

Speed, risk appetite, efficiency and clear verbal communication are the values within the American negotiation culture. The American negotiators are committed to achieving a concrete, meaningful result in the course of negotiations and pay great attention to details in the legal execution of agreements. They are often outspoken in communication and, independent in making decisions. At the same time they are always well prepared for negotiations and rely on good experts. Though, the American negotiators also strive to use body language effectively.

Keywords: USA, values, intercultural communication, negotiations

Хорошо известно, что познание культур других народов позволяет избегать недопонимания и ошибок при взаимодействии с зарубежными партнерами, совершенствовать навыки деловой коммуникации. Исследователи отмечают, что ценности личности во многом формируются внешней средой, они весьма устойчивы и трудно поддаются изменениям. Осознавая культурные различия между людьми, понимая и не оскорбляя ценности другого человека, мы можем понять поведение собеседника, встать на его место и тем самым раскрыть двери для успешных переговоров [19, pp. 4–5].

Хорошими знатоками коммуникации являются американцы. Они постоянно совершенствуют свои навыки в этой сфере, изучают специальную литературу, с раннего возраста тренируются правильно себя подавать, держаться уверенно, произносить речи перед публикой. Исследователи отмечают, что в американском обществе хвалиться и «бить себя в грудь» не только допустимо, но и ожидаемо. Большое внимание американцы уделяют подготовке публичных презентаций: они должны быть привлекательными, ясными, краткими, иметь хорошую и четкую визуализацию. В своих выступлениях американцы акцентируют внимание на картине или ситуации в целом, избегают излишних подробностей, рассказывают о самом важном, подчеркивают уникальность своего предложения [10, p. 4; 11; 17, s. 102].

Важным культурным стандартом в США является коммуникативный оптимизм. Американцы верят, что любую ситуацию можно изменить к лучшему, настроены на создание приятной атмосферы встречи, проявляют дружелюбие, общительность, открытость, демонстрируют энтузиазм, позитивный настрой, чувство юмора [11; 14; 15; 21, s. 137]. Считается, что для большинства граждан США характерен экстравертированный стиль общения. Они хотят нравиться, стараются не показывать раздражение или злость, стремятся не обидеть собеседника, всегда быть вежливыми. Кроме того, в деловой жизни дружелюбие помогает вызвать у переговорщиков чувство доверия, а использование юмора позволяет снять напряжение, «сломать лед», помочь продвинуть трудные переговоры к нужному результату. При этом в общении с американцами не рекомендуется быть ироничным, циничным или саркастичным. Следует всегда помнить о правилах политкорректности [10, p. 4, 8; 15].

В США доверие рассматривается как самый важный элемент выстраивания хороших отношений с деловыми партнерами. Российские переговорщики отмечают, что американские коллеги часто используют в беседах выражение «доверяйте нам». Специалисты в области коммуникации называют доверие одним из главных средств укрепления взаимоотношений между сторонами. Примером использования этого подхода могут служить переговоры между президентом Египта А. Садатом и премьер-министром Израиля М. Бегинном в 1978 году. Координатором встречи был президент США Дж. Э. Картер. Когда глава

Египта пригрозил покинуть переговоры, Дж. Э. Картер во время личной беседы с ним отметил, какой серьезный ущерб это может нанести самому ценному в их отношениях — дружбе и взаимному доверию. Когда американскому президенту сообщили, что М. Бегин высказал крайнее разочарование риторикой по поводу Иерусалима, Картер лично посетил израильского премьера и выстроил общение таким образом, чтобы установить с ним доверительные отношения. Американский президент поставил свой автограф на фото для внуков Бегина, собственноручно написал на них имя каждого из внуков, поговорил с премьером о семье, арабо-израильском конфликте. Такое общение укрепило их личные отношения и оживило сами переговоры, по итогам которых были подписаны мирные соглашения между Египтом и Израилем [13, р. 48].

Важно также отметить, что американцы любят, чтобы атмосфера деловых встреч была неформальной. Во время переговоров они могут встать, чтобы потянуться, выйти из комнаты на некоторое время. Однако это не значит, что они утратили интерес к беседе [10, р. 4].

Поскольку американцы стремятся быть позитивными, то «проблемы» в этой культуре воспринимаются как негативизм. Поэтому американцы стараются выражать свои опасения осторожно и косвенным путем [14, р. 3]. В общении с ними следует быть особенно внимательным в высказывании критики. Даже конструктивные замечания они воспринимают плохо. «Критический» человек считается придирой, брюзгой, пессимистом. Если все-таки требуется высказать замечание, то нужно сделать это наедине, говорить вежливо, сочетать свои критические высказывания с положительными комментариями. Критиковать следует только предмет разногласий, а не лично собеседника. Критика должна основываться на фактах и быть по делу [10, р. 3; 11; 14; 21, s. 137].

Замечание можно сделать также через похвалу, высказанную более сдержанно. В США такое поведение уже может свидетельствовать о том, что что-то происходит не так. Американцы поймут этот сигнал и сделают соответствующие выводы [11].

В целом они предпочитают говорить не о проблемах, а о «вызовах», искать решения, а не виновников возникших трудностей. Поэтому публичные выговоры и замечания можно услышать в США крайне редко. Нравоучения и наставления тоже не приветствуются. По мнению большинства американцев, человек должен сам нести ответственность за свои успехи и промахи [14; 22].

В США любят хвалить, причем даже за выполнение достаточно тривиальных, рутинных поручений. Похвала призвана мотивировать сотрудника к продуктивной деятельности, придавать уверенность в себе. Необходимо говорить прежде всего о том, что понравилось в работе сотрудника, вместо того чтобы отталкивать человека негативной критикой [11].

Следует также быть осторожным с использованием выражения «Вы должны». В английском языке этот оборот имеет сильное значение. Вместо него рекомендуется использовать «нам нужно» (как приглашение к сотрудничеству) или «было бы здорово, если бы Вы могли...» [14].

Важными ценностями американской культуры являются достижения и стремление к успеху. Человек, который чего-то добился в жизни, заслуживает уважения. К достижениям побуждают уже в школе, где лучших учеников заносят в почетные списки отличников, что должно стимулировать и других школьников к успешной учебе [11].

Ориентация на достижения обусловлена историей США. Как известно, важную роль в формировании мировоззрения современных американцев сыграл протестантизм. Исследовательница Э. Слейт напоминает, что немецкий богослов Мартин Лютер призывал людей к активной деятельности и считал, что «человек рожден работать, как птица — летать». Другой видный деятель Реформации Жан Кальвин заявлял, что хотя люди и должны работать, однако большинство из них всё равно осуждены как грешники. Однако среди

людей есть избранные, которые спасутся. Поэтому если человеку в его мирской жизни сопутствует успех, то это знак избранности Богом и обладания Божией благодатью [18]. Протестанты, оказавшиеся в Америке, прославляли упорный труд и активную деятельность. Нужно было доказать себе и другим свою принадлежность к числу избранных. При этом нельзя было останавливаться на достигнутом, потому что многое еще требовалось сделать в жизни [21, s. 144].

Таким образом, современные американцы — это активный, энергичный, деятельный народ. Ориентация на действия проявляется в готовности рисковать, терпимо относиться к неопределенности, идти на смелые шаги, выдвигать на переговорах новаторские идеи, предложения, конкретные формулировки, причем часто даже без предварительного согласования с руководством. Всё это делается для того, чтобы достичь соглашения с партнером [12; 15].

Многие отмечают, что американцы часто спешат. Действительно, в США распространено мнение о том, что «скорость имеет значение», и «чем быстрее, тем лучше» [7, p. 12; 10, p. 5]. По признанию американского дипломата Джона Уорлика Макдональда, его соотечественники — это «самые нетерпеливые люди в мире», а также «не очень хорошие слушатели» [15]. Молчание редко встречается в общении с американскими собеседниками, вызывает у них дискомфорт, воспринимается как выражение отказа, неприятия или как другое негативное сообщение. Они не любят тишину настолько, что иногда не могут выдержать даже нескольких десятков секунд молчания [1, с. 266; 10, p. 3; 16, p. 7].

Важным элементом деловой культуры американцев является пунктуальность. Опоздание даже на 10 минут считается неприличным [9; 10, p. 4]. Они задают высокий темп переговорам, стараются не тратить на них много времени, считая долгие переговоры ненужным «торгом» [17, s. 102]. Для американского бизнесмена прекрасная сделка — это когда ее заключили быстро, замечает знаток американской деловой культуры Р. Доусон [1, с. 255]. Учитывая, что в США деятельность ценится выше, чем детальное планирование и долгий анализ, американские партнеры стремятся завершить переговоры в кратчайшие сроки и предпринять безотлагательные действия по реализации договоренностей. При этом следует принимать во внимание, что перфекционизм в американской культуре менее важен, чем прагматизм. Главное, чтобы решение было, пусть и неоптимальное. От него можно будет потом легко отказаться, если не достигнут нужный результат [9; 10, p. 5; 11; 21, s. 138].

Следовательно, в деловых вопросах американцы нацелены на получение краткосрочной выгоды, уделяя внимание ближайшему будущему и получению «быстрого доллара». При этом они готовы отказаться даже от долгосрочного партнера, если посчитают, что можно заключить более выгодную сделку в другом месте [1, с. 263–264; 10, p. 2; 12].

В США спокойно и терпимо относятся к ошибкам. С раннего возраста американцев поощряют пробовать что-то на практике, приобретать жизненный опыт, учиться на неудачах. Это делает их более открытыми к переменам и гибкими в поиске решений. Проигрыш смягчается убеждением, что на ошибках учатся и в следующий раз всё получится. Текущий опыт считается полезным, и если сначала у вас что-то пошло не так, то нужно попробовать сделать это еще раз [11; 21, s. 138]. С некоторой долей иронии У. Черчилль так охарактеризовал эту черту американской культуры: «Вы всегда можете рассчитывать, что американцы поступят правильно — после того как перепробуют всё остальное».

Во время переговоров американские партнеры часто спешат перейти к деловой части, большое значение придается содержанию и любят беседы, насыщенные информацией [1, с. 245–246; 20, p. 149]. При этом опытные переговорщики обращают внимание на то, каких тем собеседник избегает в общении. Известный американский журналист Роберт А. Каро

указывает на то, что этим методом великолепно владел президент США Линдон Джонсон. «Он знал, — замечает Роберт А. Каро, — что то, о чем человек хочет вам сказать, никогда не бывает так важно, как то, о чем он говорить вам не хочет, и чем дольше он [Джонсон] может поддерживать разговор, тем лучше он видит, чего этот человек избегает. Неудивительно, что Джонсон был отличным собеседником. Он редко читал книги, но умел читать людей» [8].

Главным на переговорах для американцев является достижение конкретного, значимого результата. Они не захотят пойти вам на уступки только ради поддержания хороших личных отношений [10, p. 5]. Исследователи характеризуют такое поведение, проводя аналогии с «персиком»: у него много сладкой мякоти (внешнее дружелюбие, любезность американцев), но твердое ядро (практицизм, прагматизм) [21, s. 141]. Российский дипломат В. И. Попов приводит в своей книге высказывание британского исследователя, который отмечал, что «американские дипломаты стремятся создать представление об их дружественном отношении к другим странам, но обязательно выиграть в состязании с ними» [5, с. 258].

Таким образом, стремление к лидерству — другая важная черта американской культуры. Джон Уорлик Макдональд отмечает, что американцы отличаются властным высокомерием: «Мы верим в то, что мы лучшие во всем» [15]. Представители США убеждены, что их способ решения проблем является самым оптимальным, указывают на преимущества заключения соглашения на американских условиях и негативные последствия отказа от них [7, p. 13; 16, p. 1, 3, 8]. В. И. Попов так описывает подход американской стороны: «...что хорошо для США — хорошо для всего мира, что хорошо для американского гражданина — хорошо для любого иностранца» [5, с. 259]. Другой российский дипломат, Ю. В. Дубинин, опираясь на личный опыт, также замечает, что американские коллеги «не свободны от завышенных оценок своих возможностей», создавая этим трудности для самих себя и своих зарубежных партнеров [2, с. 117]. В общении с иностранцами они любят морализаторствовать и рассуждать о «неоспоримых истинах» [16, p. 3]. В целом неохотно ведут переговоры с теми, чьи убеждения противоречат американским обычаям и ценностям [6].

Исследовательницы Э. Слейт и С. Шроль-Махль указывают на то, что граждане США гордятся своей нацией, считают американскую конституцию и содержащиеся в ней ценности образцовыми, а свою страну — чрезвычайно привлекательной для людей со всего мира. Такое отношение к своему государству сформировалось еще в период становления молодой республики. Для пуритан, заложивших основы американской культуры, США стали «землей обетованной», а сами жители страны воспринимались как «избранный народ» искренне верующих христиан [21, s. 142, 145].

В контактах с американцами следует иметь в виду их небольшой опыт общения с другими культурами. Р. Доусон рекомендует не ожидать от граждан США понимания тонкостей чужой культуры [1, с. 266]. Многие из них редко покидали Америку, за исключением коротких отпусков. Даже высокопоставленные переговорщики, направляясь в другие страны, обладают весьма ограниченными познаниями особенностей культур своих зарубежных партнеров. Кроме того, в контактах с иностранцами они часто настаивают, чтобы всё делалось по их правилам [10, p. 1].

В общении с американцами следует принимать во внимание, что в США поощряется дух соперничества. Сильная конкуренция и состязательность воспринимаются в Америке как позитивный вызов [11]. Победителям не завидуют, напротив, ими восхищаются. Во время переговоров американцы также нацелены на победу. Как отмечает Джон Уорлик Макдональд, многие американские переговорщики имеют юридическое образование: «По-

скольку юридические школы в США учат студентов выходить и побеждать, то нас приучают к принципу ведения переговоров: я выигрываю — вы проигрываете» [15].

Фактор силы, размер компании, ее финансовые возможности играют важную роль, и американские партнеры могут это подчеркнуть во время переговоров. Им свойственна напористость, большая настойчивость и даже воинственность при достижении целей, жесткое поведение в отношении неуверенных в себе партнеров. В начале переговоров они часто занимают жесткую позицию, выдвигают нереалистичные, завышенные предложения. Их упрекают в стремлении добиваться односторонних уступок, приверженности принципу «или-или»: когда партнер либо принимает их предложение, либо отказывается — другой вариант исключен. Однако некоторые эксперты отмечают, что в конечном итоге американцы заинтересованы в поиске решения, приемлемого для обеих сторон. Поэтому в общении с ними рекомендуется сохранять спокойствие, твердость, проявлять конструктивность, позитивный настрой и не принимать всё на свой счет. Если партнер убедит их в том, что намерен настаивать на своем, то они могут стать более уступчивыми [2, с. 117–118; 11, pp. 5–6; 12; 16, pp. 3–5].

Другая черта культуры многих переговорщиков из США — прямой стиль общения. Они говорят без намеков, прямо высказывают свои взгляды и ценят такое поведение со стороны партнеров [2, с. 119; 14]. Любят быстро и без долгих отступлений переходить к сути дела, ценят откровенность, полагая, что это позволяет легче решать вопросы. И, напротив, изложение или маскировка позиции с помощью сложных лексических оборотов может лишь помешать эффективному общению и привести к неправильной интерпретации [7, p. 13].

В ходе общения американцы делают упор на логику, факты и ясные аргументы, любят четкие словесные сообщения [12; 20, p. 147]. Порой задают вопросы, которые в других культурах считаются бесцеремонными. О прямом подходе к диалогу вашего американского собеседника свидетельствует употребление таких выражений, как «ну, что у нас в сухом остатке», «давайте выложим карты на стол», «давайте сегодня же с этим покончим», «давайте называть вещи своими именами», «ближе к делу», «я такой, какой есть», «сделка есть сделка» и пр. Подобная манера общения также может быть признана невежливой в культурах, где важную роль играют ритуалы, придается большое значение взаимному узнаванию партнеров [1, с. 261; 17, s. 102].

Некоторые специалисты в области межкультурной коммуникации отмечают, что в США не любят слышать категоричное «нет». Рекомендуется заменять его на «да, но...», что будет звучать более вежливо [22]. Отказ может быть выражен с помощью уклончивых фраз, таких как «я не уверен», «мы никогда не делали этого раньше» [14]. Тем не менее известный специалист в области деловой коммуникации Л. Кац замечает, что жители северных штатов, а также Калифорнии легко говорят «нет», если им не нравится ваше предложение. Использование в общении с ними расплывчатых выражений может сбить их с толку, вызвать раздражение, произвести впечатление неискренности собеседника. Представители же южных штатов нередко прибегают к непрямым методам общения. Обычно они подчеркивают положительные стороны действия или предложения собеседника, чтобы «смягчить» сообщение. Вместо того чтобы прямо сказать «нет», они могут выразить сообщение более косвенно, чтобы не выглядеть враждебно. Для этого используются выражения типа «я не уверен, что соглашусь», «я сообщу вам наше решение», «пока я не могу сказать». Подобные высказывания могут указывать на отсутствие интереса к вашему предложению. Однако как только американские партнеры решат, что хотят иметь с вами дело, то будут вести себя более прямо и открыто [10, p. 3].

Хотя американцы стремятся вести переговоры честно, тем не менее в их переговорной практике используются и обманные приемы. Например, они могут посылать ложные

невербальные сообщения, делать вид, что не заинтересованы в сделке или отдельных условиях, выступать с заявлениями, вводящими партнера в заблуждение, сознательно использовать двусмысленные высказывания и пр. Подобную обманную тактику они называют «незначительным передергиванием», «искажением истины/фактов», «умалчиванием некоторых аспектов» и т. п. Однако было бы серьезным личным оскорблением обвинить американца во лжи [10, р. 6]. Тем не менее, как отмечает Э. Слейт, хитрые и ловкие действия вызывают у ее соотечественников восхищение. Например, если какой-то бизнесмен нашел законный способ уклониться от выплаты налогов, то в Америке этим можно даже похвастаться [18].

Эффективным средством давления на американцев может служить молчание. Как уже отмечалось, тишина часто вызывает у них дискомфорт и может подтолкнуть к уступкам. Зная, что американцы очень ценят время, у иностранных партнеров может возникнуть соблазн использовать это в своих интересах и создать цейтнот искусственно. Однако в такой ситуации представители США могут потерять интерес к переговорам и будут искать другие решения [10, pp. 5–6]. Тем не менее сами американцы могут торопить своих иностранных коллег и заставлять их соблюдать временные рамки ведения переговоров, выгодные для США [16, р. 7].

Во время переговоров американцы имеют значительные полномочия для принятия решений. На международных встречах делегации США бывают значительно больше, чем команды из других стран. Это связано с тем, что американцы включают в состав своей делегации большое число экспертов. По мнению Джона Уорлика Макдональда, это позволяет быстрее и легче адаптировать позицию США к ситуации или проблеме, которая может возникнуть во время переговоров [15]. Наглядным примером того, какое большое внимание американцы придают международным переговорам, было их представительство на Парижской мирной конференции в 1919 году. Делегация США составляла 1 300 (!) человек [4, с. 150].

Эксперты отмечают хорошую подготовку и высокий профессионализм американских переговорщиков. На этапе подготовки они стараются предвидеть каждую проблему, которая может возникнуть в ходе переговоров, заблаговременно разрабатывают решения, которые можно будет потом использовать [2, с. 119; 15; 16, р. 5, 8]. Еще Г. Никольсон в своей известной книге «Дипломатия» так характеризовал партнеров из США: «Мои собственные соприкосновения с американскими дипломатами всегда были приятны. Они оказывались людьми рассудительными, находчивыми, хорошо осведомленными, точными и чрезвычайно надежными» [3, с. 80].

При заключении соглашения большое внимание американцы уделяют деталям. Как уже отмечалось, это связано в том числе с юридической подготовкой большинства американских переговорщиков. Они обязательно продумывают возможность судебного рассмотрения будущей сделки и с учетом этого прорабатывают все нюансы письменного соглашения. Защита своих прав в суде является в США обычным делом. При этом, как пишет Р. Доусон, «американцы могут подавать друг на друга в суд и по-прежнему сохранять деловые взаимоотношения. В большинстве культур это немыслимо» [1, с. 246].

Важно помнить, что американские партнеры выполняют свои обязательства, если они хорошо задокументированы [10, р. 7]. В международной практике известен случай, когда в 1990 году государственный секретарь США Дж. Бейкер пообещал М. С. Горбачеву за согласие СССР на членство объединенной Германии в НАТО, что этот блок на продвигается на восток «ни на дюйм». Однако данное обещание не было закреплено советской стороной документально [4, с. 545]. Последствия этого промаха хорошо известны.

В общении с американской стороной следует принимать во внимание, что статусные моменты в США играют меньшую роль, чем в других странах. Поэтому в американских

переговорных командах на высоких должностях можно встретить относительно молодых людей, обладающих полномочиями принимать важные решения [10, p. 2; 21, s. 137].

Необходимо учитывать также особенности невербального поведения американцев. Языку телодвижений они придают большое значение и стремятся его эффективно использовать [17, s. 102]. Так, существенное внимание уделяется поддержанию зрительного контакта с собеседником на протяжении всего разговора. Частый зрительный контакт считается выражением искренности и уверенности в себе, помогает укрепить доверие, считается знаком надежности и проявлением внимания к высказываниям партнера. Однако не рекомендуется слишком пристально смотреть на собеседника. Во время разговора американцы могут также постоянно кивать, чтобы подтвердить или усилить сообщение [10, p. 3; 12; 14]. Однако они сами часто не обращают внимания на тонкости невербального поведения представителей «высококонтекстных культур», например из Китая и Японии, и пропускают значимые невербальные сигналы с их стороны [16, p. 7].

Важно придерживаться определенной физической дистанции в общении с американскими партнерами. В США обычно разговаривают стоя на расстоянии около одного метра друг от друга, поскольку слишком близкое расстояние может вызвать раздражение у собеседника [10, p. 3; 12].

Во время встречи приветствуется крепкое и короткое рукопожатие. Часто можно услышать вопрос: «Как дела?». Однако он ничего не значит и является лишь формой выражения любезности. Поэтому рекомендуется ответить: «Всё хорошо, спасибо» или «У меня всё отлично, а у Вас?» [10, p. 4]. Когда вам говорят «скоро увидимся», так же не следует придавать этому большого значения.

Важную роль в американской культуре играет небольшая светская беседа. В таких случаях американцы обычно говорят о погоде, спорте, хобби, автомобилях, новостях. При этом избегают таких тем, как религия, социальные различия, доходы, возраст, стресс, болезнь, смерть. Следует также иметь в виду, что замечания и некоторые шутки могут быть сочтены некорректными. Кроме того, американцы неохотно сообщают о личных проблемах и переживаниях. Такие темы могут обсуждаться только с настоящими друзьями [11; 21, s. 141].

Таким образом, на переговорах с американскими партнерами следует учитывать особенности американской культуры. Среди них — коммуникативный оптимизм, стремление к успеху, ориентация на достижения, нацеленность на результат и поиск решения проблемы, трудолюбие, активная деятельность и готовность к риску, ценность времени, терпимость к ошибкам, открытость к переменам, патриотизм, стремление к лидерству, а также к установлению доверительных отношений с партнерами. Для переговорного стиля американцев присущи высокий темп, инициативность, деловитость, прагматизм, рационализм, состязательность, уважение к силе, прямолинейность, откровенность. Некоторые партнеры из США используют и косвенные методы общения. Американцы считают свою переговорную культуру универсальной и нередко плохо разбираются в культурных особенностях поведения представителей других стран. На переговорах могут использовать обманную тактику, однако обвинение во лжи воспринимают как личное оскорбление. Весьма самостоятельны в принятии решений, хорошо готовятся к переговорам, уделяют большое внимание юридическим аспектам, выполняют обязательства, закрепленные документально.

Библиографический список

1. Доусон Р. Мастерство общения в любой ситуации / пер. с англ. В. Скоробогатова. Харьков; Белгород: Клуб семейного досуга, 2011, 400 с.
2. Дубинин Ю. В. Мастерство переговоров. М.: Междунар. отношения, 2012. 320 с.
3. Никольсон Г. Дипломатия. М.: Гос. изд. полит. лит., 1941. 153 с.

4. Печатнов В. О., Манькин А. С. История внешней политики США. М.: Междунар. отношения, 2012. 672 с.
5. Попов В. И. Современная дипломатия: теория и практика. Дипломатия — наука и искусство. М.: Междунар. отношения, 2003. 576 с.
6. American Negotiating Behavior: Questions and Answers / United States Institute of Peace. URL: <https://www.usip.org/publications/american-negotiating-behavior-questions-and-answers> (дата обращения: 09.02.2021).
7. Coutu D. Lessons in power: Lyndon Johnson revealed // Harvard Business Review. Apr. 2006. URL: <https://hbr.org/2006/04/lessons-in-power-lyndon-johnson-revealed> (дата обращения: 09.02.2021).
8. Carrie Luria Cooper. Varied Negotiation Approaches // Cross Cultural Negotiation for U.S. Negotiators / ed. by Kristen Blankley. P. 11–19. URL: https://moritzlaw.osu.edu/programs/adr/docs/cross_cultural_negotiation.pdf (дата обращения: 09.02.2021).
9. Hall Ch., Nazarkiewicz K. Interkulturelle Kompetenz hilft. URL: https://www.consiliacct.com/dokumente/Artikel_Interkulturelle_Kompetenz_hilft_IKK_USA.pdf (дата обращения: 09.02.2021).
10. Katz L. Negotiating International Business — United States. URL: <http://www.leadershipcrossroads.com/mat/cou/UnitedStates.pdf> (дата обращения: 09.02.2021).
11. Kulturelle Werte in den USA — Eidam & Partner. URL: https://www.eidam-und-partner.de/files/downloads/eidam_und_partner_kulturelle_werte_in_den_usa.pdf (дата обращения: 09.02.2021).
12. LeBaron M. Culture-based negotiation styles // Beyond Intractability. URL: https://www.beyondintractability.org/essay/culture_negotiation (дата обращения: 09.02.2021).
13. Lennane M. T., Weidner L. E. In each other we trust: the Importance of relationship building in cross-cultural negotiations // Cross Cultural Negotiation for U.S. Negotiators / ed. by K. Blankley. P. 47–68. URL: https://moritzlaw.osu.edu/programs/adr/docs/cross_cultural_negotiation. (дата обращения: 09.02.2021).
14. Marius J. Tipps zur Kommunikation mit US-Amerikanern // PresseBox. URL: <https://www.pressebox.de/pressemitteilung/johanna-marius-languages-intercultural-ek/10-Tipps-zur-Kommunikation-mit-US-Amerikanern/boxid/525134> (дата обращения: 09.02.2021).
15. McDonald John W. An American's view of the U.S. negotiating style // American Diplomacy. URL: <https://americandiplomacy.web.unc.edu/2001/03/an-americans-view-of-the-u-s-negotiating-style/> (дата обращения: 09.02.2021).
16. Quinney N. U.S. negotiating behavior / United States Institute of Peace. Spec. Rep. 94. Oct. 2002. URL: <https://www.usip.org/sites/default/files/sr94.pdf> (дата обращения: 09.02.2021).
17. Rodewald M. Indywidualizm amerykański na tle innych społeczeństw zachodnich // Język, Komunikacja, Informacja. 2009. No. 4. S. 95–108.
18. Slate E. Warum wir Donald Trump lieben // Neue Debatte. URL: <https://neue-debatte.com/2018/08/02/warum-wir-donald-trump-lieben/> (дата обращения: 09.02.2021).
19. Stahley S. A. Tuning the harmony between negotiation and culture // Cross Cultural Negotiation for U.S. Negotiators / ed. by K. Blankley. P. 3–10. URL: https://moritzlaw.osu.edu/programs/adr/docs/cross_cultural_negotiation.pdf (дата обращения: 09.02.2021).
20. Stanfield E. Channels of information exchange: Indirect and non-verbal communication // Cross Cultural Negotiation for U.S. Negotiators / ed. by K. Blankley. P. 145–150. URL: https://moritzlaw.osu.edu/programs/adr/docs/cross_cultural_negotiation.pdf (дата обращения: 09.02.2021).
21. Thomas A., Kamhuber S., Schroll-Machl S. (Hrsg.). Handbuch Interkulturelle Kommunikation und Kooperation. Band 2: Länder, Kulturen und interkulturelle Berufstätigkeit. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht Verlag, 2007.
22. Weidner I. Warum ein interkulturelles Training wichtig sein kann. Arbeiten in den USA: Fettöpfchen lauern überall // Computerwoche. 11.10.2000. URL: <https://www.computerwoche.de/a/arbeiten-in-den-usa-fettnaepfchen-lauern-ueberall,516715> (дата обращения: 09.02.2021).

Шедяков В. Е. Труд, капитал и социальная безопасность // Вестник Прикамского социального института. 2021. № 1 (88). С. 158–165.

Shedyakov V. E. Labour, capital and social security. *Bulletin of Prikamsky Social Institute*. 2021. No. 1 (88). Pp. 158–165. (In Russ.)

УДК 330:101:327.316.7

В. Е. Шедяков

Независимый исследователь, Киев, Украина

ТРУД, КАПИТАЛ И СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Шедяков Владимир Евгеньевич — доктор социологических наук, кандидат экономических наук.
E-mail: shedyakov1@gmail.com

Состояние общественных отношений изучается с позиций укрепления социальной безопасности. В частности, динамика общественных отношений выявляется в переходе от «общества капитала» к «обществу труда». Как капитал бывает разный: хронологически, сущностно, по происхождению и по другим характеристикам (например, промышленный, финансово-спекулятивный, ростовщический, торговый и т. д.), что формирует разные циклы воспроизводства и влияет на социальную безопасность, так и в труде могут превалировать самые различные черты. Из всего многообразия возможных параметров эпоха выделяет как общественно необходимый творческий труд. Соответственно, период форсированного перехода в развитии социума делает возможным и требует культивирования творческой активности. Формирование условий для просоциальных раскрытия, развития и реализации в творческом труде способностей и одаренности людей (в частности, равный доступ к общественно важным благам, снятие с плеч человека рутинных функций) рассматриваются как важнейшее направление обеспечения социальной безопасности. В свою очередь, для культивирования точек роста «общества творческого труда» оказывается необходимым комплексное преобразование образа жизни, организационно-управленческих отношений, ценностных иерархий и пр.

Ключевые слова: капитал, труд, творческий труд, очеловечивание, гражданство, патриотизм, народовластие, социальная безопасность.

V. E. Shedyakov

Free-lance, Kiev, Ukraine

LABOUR, CAPITAL AND SOCIAL SECURITY

Shedyakov Vladimir E. – Doctor of Sociological Sciences, Candidate of Economic Sciences.

The state of public relations is studied from the standpoint of strengthening social security. In particular, the dynamics of social relations is revealed in the transition from the “capital society” to the “labour society”. As capital is different: chronologically, in essence, origin and other characteristics (for example, industrial, financial speculative, usurious, commercial one, etc.), that forms different cycles of reproduction and affects social security and in various traits may prevail in labour. From all the variety of possible parameters, the epoch singles out as socially necessary creative work. Accordingly, the period of forced transition makes it possible and requires the cultivation of creative activity. The formation of conditions for pro-social disclosure, development and realizing in creative work of people's talents (in particular, equal access to socially important goods, removal of routine functions from a person's shoulders) are considered as the most important area of social security. In turn, for the cultivation of points of growth of the “society of creative labour” it is necessary to comprehensively transform the way of life, organizational and managerial relations, value hierarchies, and so on.

Keywords: capital, labour, creative labour, humanization, citizenship, patriotism, democracy, social security.

«Никто не может служить двум господам:
ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить;
или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть.
Не можете служить Богу и маммоне».

Евангелие от Матфея 6:24

Тридцатилетие ликвидации Советского Союза побуждает к проведению соответствующего анализа, имеющего массу направлений и аспектов. Понятно, что для учета социального наследия важен груз и положительных, и отрицательных характеристик, но для обогащения содержания творческих поисков и «бросков в будущее» особо существенны закрепленные в общественном сознании и воспроизводящиеся в новых условиях структуры институтов и традиций. Между тем проявившийся во множественных достижениях в жизни человечества скачок к высотам социализации-индивидуализации и повсеместному наполнению корзины гражданских прав имел прямое отношение к победе над неграмотностью, повышению качества педагогики, а также созданию спроса на грамотных специалистов. Ойкумену ведут вперед такие вдохновляющие проекты, как первый сверхзвуковой авиалайнер, первый искусственный спутник, выведение на орбиту первого живого существа, первый космонавт, первая женщина-космонавт, первый космический коллектив, первый межнациональный космический экипаж, первый выход космонавта в открытый космос и т. д., а сталкивает в неоархаику насаждение старых бездоказательных заблуждений, в толще которых порой когда-то были крупинки новых наблюдений, пусть и в иррациональных формах. И ныне «русские вакцины» — очередное спасение мира, ставшее ярким символом впечатляющих достижений этих лет в числе прочих системных социальных, научных и технологических прорывов.

Сформированный же Западной Европой и столь тщательно проанализированный и выписанный, в частности, еще К. Марксом (в «Капитале» и многочисленных имеющих самостоятельное значение рукописях) способ производства предполагает адекватное ему — безопасное для его основ и полезное для поддержания господства — образование, воспитание, здравоохранение, науку и культуру. Разумеется, их уровень, препятствующий оперированию массами, не может не расцениваться как вредный и опасный. Так, задаче максимизации прибыли (а значит, экспансии и удержанию рынков) по-прежнему подчинена стратегия Запада (в частности, «вашингтонского болота»). Соответственно, жизнь населения — лишь разменная монета для ее достижения. А подход «забрать себе или уничтожить» у него торжествует во всем: от отношения к прорывным технологиям и их носителям — ученым и инженерам — до медицинских средств и лекарств. Капитал как общественные отношения, соответствующий строй, называющий себя демократическим и зиждущийся на империалистическом тоталитаризме и агрессии, по-прежнему руководствуется формулой «всё — для богатых». С привычными уточнениями: «всё — для лояльных системе богатых Запада, прежде всего — США». Поэтому чтобы воспользоваться его благами, надо и обеспечить богатство, и жить в «цитадели демократии». Так, с одной стороны, и в США, и на Западе в целом изрядное число безработных, нищенствующих, прозябающих и неудовлетворенных [3; 5; 8; 19]. С другой — в их лимитрофах жизнь еще антагонистичней и страшней. Несостоятельность систем здравоохранения, образования, чрезвычайных ситуаций, науки (в частности, фармацевтической), политического и экономического режимов, в очередной раз выявленная пандемией, — естественная черта угасающей общественной организации. Однако это-то и подталкивает ее к агонии последних конвульсивных всплесков агрессивности, часто иррациональных по сути, но с вполне рациональным инструментарием разрушения и хаоса. Всем очевидная утрата Западом лидерства — цивилиза-

ционного, глобального — происходит при нарастании не столько внешней неэффективности, сколько внутренних обстоятельств (деградации элиты, расколе общества, моральном и технологическом упадке).

Сейчас новообразованные из советских республик государства вынуждены определяться, идти ли в кильватере Запада, других формируемых моделей общежития — или же возвращаться к собственной идентичности. Однако инерция по-прежнему чревата идеологией «экономики недоверия к человеку», которой общество заразили в конце XX века. Соответственно, быстрого возрождения, как правило, не происходит. Скорее, напротив. Прежние базовые ресурсы социально-экономического роста на бывших «национальных окраинах» во многом эрозировали или исчерпаны. Демонтированы технологические линии. Ликвидированы целые отрасли, в том числе когда-то становые для народно-хозяйственного комплекса. Заодно это лишает целый ряд инженерных специализаций отечественного заказчика. Уже не только высшее, но и полное среднее образование, а также качественное здравоохранение становятся элитарными. Растет доля людей за чертой бедности. Одновременно у «хозяев жизни» с детства формируется эгоцентризм с незнанием (и нежеланием знать) условий жизни народа, использованием патриотической риторики исключительно как средства прикрытия бизнес-интересов и карьерных целей. Деление на анклавов учебы, проживания, жизнедеятельности противостоящих групп становится настолько отчетливым, что напоминает классические «две нации». Наследуемая собственность, родственное переплетение кланов, избирательность в применении норм права фиксирует этот раскол общества. Естественно, что люди стараются искать свой удел за границей¹.

Паразитическое существование, не способное к творческой жизни, наиболее ярко выявляет свое историческое бессилие именно на переломе эпох. Между тем творческий подъем переходного периода совершенно не сводится к политехнологиям «цветных революций» и выборным махинациям. Он высвобождает творческую энергию и отдельных людей, и народов; «есть высшая смелость: смелость изобретения, создания, где план обширный объемлется творческой мыслью» (А. С. Пушкин). Происходят кардинальные изменения не только отдельных социально-политических институтов, но и всей культурной среды, отношений, структур. При этом взаиморезонируют социальная инженерия и общественная среда перемен. Соответственно, решающий фактор исторической конкуренции — грамотное высвобождение творческой самостоятельности широких масс народа. Без поддержки снизу усилия сверху, как правило, неэффективны, а теперь и вовсе контрпродуктивны. Чтобы наиболее полно и продуктивно использовать происходящие общественные процессы, необходимо видеть как закономерности, так и особенности изменений, и понимать их суть, и представлять инструментарий защиты национальных интересов, сдвиги в диапазоне его конечной продуктивности.

Путь гипериндустриализации как антитезы системного нарастания неоархаики ориентирует на максимальное просоциальное высвобождение творческой (прежде всего — научно-интеллектуальной) активности, что означает объективную необходимость курса на построение социума, государства и экономики общего блага. И здесь разнокачественность общества, будучи потенциальным фактором проблем, как ни странно, может стать толчком

¹ В частности, когда-то лелеемые советской властью в соответствии с концепцией «ускоренного развития национальных окраин» и вынесения экспортноориентируемых производств ближе к конечному потребителю, а после распада СССР, как правило, разоренные, с розданными олигархам за рубеж и местным коллаборантам наиболее ценными богатствами, страны постсоветского пространства зачастую уже превратились из охранного пояса в депрессивные территории, восстановление которых до сколько-нибудь приемлемого уровня требует огромных затрат. Однако они по-прежнему концентрируют в себе фрагменты единого разделенного народа. Вместе с тем давление потоков агитпропа формирует всё более плотное враждебное окружение, а падение там уровня жизни и возможностей пристойного содержания семьи создает благоприятную почву для использования в различных целях.

к стабилизации и развитию: в иначемыслии, творческой инициативе, поиске должно видеть средство гармонии социального и индивидуального: «Пусть расцветают сто цветов...». Отнюдь не сконструированные формальные конструкты, а именно качество жизни и возможности творчества определяют прогресс страны; горизонты открываются тем государствам, где общественный строй максимально способствует развитию и реализации творческого потенциала граждан. А то, что не станет «почкой роста», грозит превратиться в резервацию социально-экономических отношений и архаику технико-технологических укладов, территорию агрессии и опосредованных конфликтов между глобальными (а то и региональными) игроками.

Неотъемлемой частью процесса максимизации творческого раскрытия человека на производстве становится преодоление всеобщности капиталообразных форм. Не подчинение меркантильным целям, а переход общества к генерализирующему решению более широких социальных задач соответствует логике истории [1; 14; 17; 19]. Общественное устройство, основанное на движении капитала, замещается социальной организацией, базирующейся не на процессе труда как такового, но на труде творческом. Как известно, труженик — единство энергетических, силовых возможностей, прилежания и тщательности с комплексом знаний, умений и навыков к деятельности. Замещение простого мускульного труда машинами, автоматами, а то и комплексами биороботов делает наиболее ценным уникальную комбинацию человеческой одаренности, развиваемую и проявляемую в творческой активности. Так, жизнедеятельность создателя-творца, овладевшего достижениями знаний и культуры, становится фундаментом социально-политического устройства [2; 4; 6; 7; 11]. Тогда как для творчества социокультурные вопросы отнюдь не элемент надстроечного уровня, а внутренний остов существа общественной динамики. Органичное развитие — условие безопасности. Соответственно, освоение, приращение и полномасштабная реализация социокультурного потенциала (а отнюдь не только достижение определенных критериев и показателей — например, производительности труда) входит в стратегические задачи формирующейся на практике и в теории общественной парадигмы, что непосредственно и порождает заинтересованность общества в подвижничестве педагогов, и требует высочайшего уровня их мотивирования и подготовленности [13; 15; 18].

Очевидно, что для овладения открывающимися возможностями требуется максимизация общественного поля творческой активности, а значит, равный доступ к ресурсам развития и реализации в просоциальном творчестве дарований, освобождение человека от бытовой рутины и механической деятельности для собственно человеческого труда, воспитание привычки к творчеству (прежде всего в труде и власти/управлении), повышение качества образования. Разумеется, постановка человека во главу угла общественной (в частности, производственной) культуры означает выращивание уважения к человеку труда, свободам и правам личности и трудового коллектива (в том числе права на развитие) и т. д. Материальной основой такого положения становится ситуация, при которой добросовестное участие в общественно-полезной деятельности является делом чести и единственным фундаментом высокого социального престижа, а получаемых за нее средств с лихвой хватает на безбедное существование. На уровне общества это дополняется формированием структур общества равного благоденствия, ойкумены — преодоления попыток нечистоплотной борьбы за рынки и эксплуатации человека. Так, заостряя роль личного и коллективного творчества, Роберт Рождественский констатировал: «Я не верю, что это винтики // Космосу вызов бросали!» Черты характера, присущие новой исторической общности «советский народ», сфокусированы во множестве обобщенных образов, обладающих документальной достоверностью и справедливо вошедших во всемирный «золотой фонд» (например, отраженных в образах А. Мересьева в «Повести о настоящем человеке»

Б. Н. Полевого, П. Корчагина в «Как закалялась сталь» Н. А. Островского, С. Петрова во «Всем смертям назло» В. А. Титова, запечатленный во всенародно любимой песне «Огромное небо» О. Фельцмана и Р. Рождественского подвиг сохранивших Берлин ценой своих жизней Б. В. Капустина и Ю. Н. Янова, и т. д.). Социальное наследие включает бесчисленное количество подобных примеров: «— Наша разведка неплохо работала, и мы знали приблизительно численность Красной Армии, количество танков, авиации, знали мощь русских военных заводов. Сопоставляя силы, мы были уверены в победе. Но мы не знали советских русских. Человек Востока всегда был загадкой для Запада. Наполеон совершил ошибку. Мы ее повторили, — и, возведя к небу свои серые оловянные глаза, сказал: — Это не преступление, это — рок.

Рок? Признаюсь, я просто-таки взволновался, выслушав это вынужденное признание. Рок! Мне сразу вспомнился безногий летчик, о котором я еще ничего не писал. Летчик, который так упорно уходит от меня. Вот он, этот “рок”, который решил исход войны и бросил вас на скамью подсудимых, Герман Вильгельм Геринг!» [9, с. 206–207].

Научно-образовательный комплекс — его состояние и динамика — определяющий элемент развития. Без надлежащего обучения (в том числе постоянного само- и переобучения) необходимое вовлечение широких масс в процессы творчества (прежде всего в труде и управлении/власти) является лишь декларацией намерений или же торжеством невежества. Воспитание творческой активности и вертикального мышления — такая же необходимость пестования государственного подхода, как и умения жить проблемами своего общества, подчиняя задачам развития Родины свое «Я»¹ [10; 12; 16].

Положение преподавательского состава — важнейший фактор образования и воспитания, а содержание, структурирование и оформление научно-образовательных учреждений, обществоведческих программ и курсов неминуемо несет ту или иную идеологическую нагрузку, затрагивая национальные интересы. Так, например, довузовское и вузовское образование должно готовить к будущему, сознательной активности в нём. И в соответствии с меняющимися условиями при насыщенности пространства всевозможными текстами необходимо прежде всего мотивировать, научить отбирать и добывать знания, понимать и творчески применять их. Уродливость ситуации может складываться уже в процессе обучения, когда над профессорско-преподавательским составом надстраиваются мириады разнообразных контролеров, поучающих и проверяющих. Тогда как требуется прямо обратное: обслуживание основной деятельности звена преподаватель — студент. При этом для верного понимания информации и выработки вкуса к самостоятельному индивидуальному и коллективному поиску растёт ценность личного примера накала духовной (в частности, научно-интеллектуальной) жизни, а значит, преподаватель должен быть исследователем. Потому на смену модели педагога-распространителя / передатчика готового знания пришел педагог, ориентированный на творческий поиск и открытия. Одновременно, поскольку утрата смысла означает утрату подлинной жизни, подмену ее той или иной фикцией, социализация и аккумуляция — естественные элементы формирования личности, в том числе средствами образования.

¹ Напротив, крайне неприятной не только для хозяйствования, но и для всего социально-политического климата становится ситуация «один с сошкой — семеро с ложкой», да еще и вкупе с гораздо выше оплачиваемыми бездельниками из «офисного планктона». Увы, на «национальных окраинах», в одночасье обретших государственность, массивное «промывание мозгов», «зачистка» от получивших советскую прививку от лжи и насаждение внешних интересов порой усилили отрицательный отбор, укрепили позиции групп, ориентированных на прибыль и комфорт, обеспечив для них скоростные социальные лифты. Соответственно, к власти приведены те, для которых «раньше думай о Родине» — заведомая глупость, а патриотизм — пустая декларация, камуфлирующая личный и групповой эгоизм. Между тем дух предпринимательства и творческая инициатива должны служить развитию, а не упадку, питать созидание, а не стяжательство, гражданственность, а не раболепие. Именно на таких основаниях должен складываться народно-государственный консенсус, формироваться баланс общественных и частных интересов.

Адекватное росту мощи человеческого потенциала повышение уровня социальной безопасности требует не только приоритетного освоения знания и культуры, но и закрепления активной гражданской позиции. Воспитание — критически важный элемент подготовки к осознанному участию в делах общества. Осознанная гражданственность выступает непосредственным фактором переустройства и развития, способствуя самодисциплине регулирования творческой активности в труде и во власти/управлении. Таким образом, качество социокультурной ткани выходит на первый план. Сплоченность и взаимовыручка — органичная основа гражданственности. Так, для труда простого естественны одни общественная среда и политический строй, для сложного — другие, для уникального, творческого — третьи. Это требует системных политико-экономических изменений, но не только. Меняется образ жизни, доминирующая система ценностей, что, в свою очередь, по-новому ставит вопрос как задач, так и средств общественно эффективных образования, воспитания, управления.

Общественная педагогика, социальная работа и социетальное управление оказываются необходимы и безотлагательны для массовой подготовки к участию в предстоящих переменах. Повышение массива творчества, максимизация вовлечения в него с наиболее полным развитием и раскрытием одаренности каждого требует равенства в возможности освоения достижений человечества и социальной защищенности. Выход же в эпицентр общественного богатства и, стало быть, конкурентной борьбы сугубо индивидуальных комбинаций человеческой одаренности (прежде всего духовно-интеллектуальной), тесно сопряженных с ценностно-смысловыми комплексами, социальным наследием и исторической памятью, делает кардинальные демократизацию и гуманизацию системообразующих отношений труда, собственности и управления необходимым шагом в раскрытии экономического потенциала. Вместе с тем задачи максимизации творческой активности (в частности, обеспечения просоциальных развития и раскрытия способностей населения) требуют адекватного государственного курса, прежде всего в направлениях высвобождения от рутинной деятельности, повышения качества и равнодоступности общественных благ, создания соответствующих условий жизнедеятельности. Разумеется, тем самым увеличивается значение социальной нагрузки политико-экономического курса государства как отражения ответственности перед народом. С одной стороны, участие в труде должно гарантировать материальное благосостояние и обеспечивать высокий социальный статус; с другой же — только личный труд, индивидуальное участие в общем творчестве и может быть фактором дифференциации в благосостоянии и престиже.

Таким образом, всемирно-исторический процесс обнаружил ныне очередной период форсированных преобразований парадигмального уровня, кардинально меняющих условия функционирования и развития ойкумены. В очередной раз пандемия выявила не только качество социальной сферы и научно-технологического уровня, но и готовность к ответственному мировому лидерству. Яркий контраст отличает поведение угасающих в агонии тоталитарных стран всевластия капитала от жизнеутверждающего разнообразия культурно-цивилизационных миров, культивирующих многоцветие творчества, прежде всего творческого труда и народовластия. И новое осевое время не просто сминает многие прежние общественные институты, но и трансформирует как реальность, так и представления о структуре и путях развития. Оно заново диктует свои требования к обществу и человеку, выполнение которых и обеспечивает прочность системы социальной безопасности. Одним из важнейших измерений прогресса человечества становится мера общественной востребованности реализации индивидуальных комбинаций сущностных сил каждого, соотношение внешнего и внутреннего побуждения конкретных форм их проявления. При существующем разнообразии характеристик формирующейся общественной парадигмы

(отражающихся в столь же многочисленных ее определениях), констатация самого факта, и необходимости, и очевидности коренных изменений глобального масштаба уже становится банальностью.

Устойчивый прогресс и успешная активная адаптация к меняющимся условиям предполагают эффективное научное творчество и высококачественное образование. Стабильное миролюбие, достоинство и выдержка нуждаются, чтобы не искушать агрессоров, в очевидном превосходстве, невозможном без развития, неразрывно связанного с наукой и образованием. Так, обеспечение реального суверенитета ныне непосредственно зависит и от научно-образовательно-производственных кластеров, и от их востребованности на отечественной почве, и от качества социокультурного пространства. Упрочение социальной безопасности при расширении опоры на творческую активность и разумную инициативу масс неотвратимо выносит образование и воспитание на уровень первостатейных общественных приоритетов. Культивирование научно-образовательно-производственных кластеров — очевидное условие прогресса.

Между тем при усилении тенденций формирования в глобальном масштабе общества знания надо учесть и объективную необходимость расширения круга потребностей, связанных с материальной доступностью высококачественного образования, и заинтересованность государств (в случае их высоких притязаний и целевых ориентаций) в приоритетном росте качества человеческого потенциала и создании условий развертывания и реализации одаренности каждого в просоциальном творчестве. Повышение роли образования и здравоохранения в наращивании количественных и качественных параметров человеческого потенциала культурно-цивилизационного мира ориентирует на понимание базового значения миссии педагогов и врачей для своего народа; на придание статуса государственному чиновнику. Очевидно, что государственными деятелями или чиновниками не могут быть живущие от иноземных щедрот: очень велик шанс, что радеть они будут о благе отнюдь не своего народа.

В контексте сложившейся сегодня ситуации в мировом сообществе и данной статьи вполне актуальными и современными представляются слова Н. Островского, которыми хочется закончить: «Самое дорогое у человека — это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не была мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за подленькое и мелочное прошлое, чтобы, умирая, смог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире — борьбе за освобождение человечества. И надо спешить жить. Ведь нелепая болезнь или какая-нибудь трагическая случайность могут прервать ее».

Библиографический список

1. Библер В. С. От наукоучения — к логике культуры. М.: Политиздат, 1990. 413 с.
2. Бугалин А. В., Колганов А. И. Пределы капитала: методология и онтология. М.: Культурная революция, 2009. 680 с.
3. Буторина О. В. Испания: стратегия экономического подъема. М.: Наука, 1994. 155 с.
4. Вассерман А. А. Чем капитализм хуже социализма. М.: АСТ, 2017. 413 с.
5. Громько А. А. Расколотый Запад: последствия для евроатлантики // Современная Европа. 2018. № 4. С. 5–16. DOI <https://doi.org/10.15211/soveurope420180516>
6. Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация. М.: Родина, 2019. 1280 с.
7. Кожинов В. В. Судьба России. М.: Воениздат, 1997. 400 с.
8. Ознобищев С. К. Россия и Европа в новом измерении безопасности // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2016. Вып. 42 (58). С. 10–12.
9. Полевой Б. П. В конце концов. М.: Советская Россия, 1969. 415 с.
10. Садовник М. Уроки патриотизма // Красный маяк. 1978. 7 нояб. С. 4.
11. Хинштейн А. Е. Конец Атлантиды. М.: Олма Медиа Групп: Просвещение, 2018. 624 с.

12. Шедяков В. Е. Воспитание гражданственности — условие подъема иммунитета общественной среды // Актуальні питання суспільних наук: соціологія, політологія, філософія, історія: Матер. Міжнар. наук.-практ. конф. Київ, 2018. С. 27–32.

13. Шедяков В. Е. Значение социального капитала для формирования экономики (пост)современного типа // Крымский экономический вестник. 2015. № 1 (14), март. С. 114–121.

14. Шедяков В. Е. Смена общественной парадигмы в теории и на практике // *Advanced Discoveries of Modern Science: Experience, Approaches and Innovations: Collection of Scientific Papers “SCIENTIA” with Proceed. of the I Intern. Scient. and Theor. Conf. Amsterdam, 2021. Vol. 2. P. 38–42.* DOI <https://doi.org/10.36074/scientia-09.04.2021>

15. Шедяков В. Е. Социальная педагогика и экономическая власть // *Modern Educational Space: the Transformation of National Models in Terms of Integration: Proceed. of the II Intern. Scient. Conf. Leipzig, 2019. P. 157–159.*

16. Шедяков В. Е. Трансформация социокультурных измерений гражданственности // Гражданственность личности в условиях изменяющегося мира: от протестной к созидательной активности: сб. науч. ст. Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. Курск, 2015. С. 151–159.

17. Шедяков В. Е. Экономическое мышление за пределами либерализма // *Содружество. 2016. № 5. С. 90–94.*

18. Shedyakov V. E. The mastery of social pedagogy is an integral condition of organic economic development // *Anti-Crisis Management: State, Region, Enterprise / ed. by R. Bendaravičienė, K. Shaposhnykov. Riga: Baltija Publishing, 2020. P. 89–106.* DOI <https://doi.org/10.30525/978-9934-26-020-9-7>

19. Wallerstein I. *After Liberalism*. New York: New Press, 1995. 278 p.

Формирование деловых качеств китайского студенчества как фактор обеспечения экономической безопасности (по результатам эмпирического исследования) / П. П. Дерюгин, Л. А. Лебединцева, О. В. Ярмак, И Ши, Е. А. Камышина // Вестник Прикамского социального института. 2021. № 1 (88). С. 166–174.

Formation of Chinese students business qualities as a factor of ensuring economic security (the results of empirical research) / P. P. Deryugin, L. A. Lebedintseva, O. V. Yarmak, Yi Shi, E. A. Kamyshina. *Bulletin of Prikamsky Social Institute*. 2021. No. 1 (88). Pp. 166–174. (In Russ.)

УДК 316.4

П. П. Дерюгин

Санкт-Петербургский государственный университет; Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет; Санкт-Петербург, Россия

Л. А. Лебединцева

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

О. В. Ярмак

Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия

И Ши

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Е. А. Камышина

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет,
Санкт-Петербург, Россия

ФОРМИРОВАНИЕ ДЕЛОВЫХ КАЧЕСТВ КИТАЙСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)¹

Дерюгин Павел Петрович — доктор социологических наук, профессор.

E-mail: ppd1@rambler.ru

Лебединцева Любовь Александровна — доктор социологических наук, доцент.

E-mail: llebedintseva879@gmail.com

Ярмак Ольга Валерьевна — доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой

«Социальные коммуникации».

E-mail: olga_yarmak@inbox.ru

Ши И — аспирантка.

E-mail: shiyi11@mail.ru

Камышина Елена Александровна — аспирантка.

E-mail: kamyshina.elena@gmail.com

В статье на основе результатов эмпирического исследования представлены особенности структуры ценностей студентов университета, являющиеся уникальными. Показано, что ценности выступают системообразующим феноменом, который объединяет все иные элементы и факторы, из которых складывается человеческий капитал. Подчеркивается, что методика социологической диагностики человеческого капитала, основанная на обращении к ценностям респондентов, позволяет наиболее адекватно выстраивать процедуры и стратегии диагностики. Результаты эмпирического исследования подтвердили выдвинутые гипотетические предположения о том, что ценностные сети студенчества Пекинского университета обладают уникальными характеристиками, выра-

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07443/ 19, при поддержке РНФ № 19-18-00246.

женными в стремлении выпускников к конкурентоспособности, расчетливости и прагматизму. Сделаны прогнозные выводы о перспективах подготовки студенчества университета в отношении эффективного влияния на человеческий капитал.

Ключевые слова: человеческий капитал, ценности, сетевой подход, прагматические ценности, рациональные ценности, студенчество.

P. P. Deryugin

Saint Petersburg State University;
Saint Petersburg State Electrotechnical University; Saint Petersburg, Russia

L. A. Lebedintseva

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

O. V. Yarmak

Sevastopol State University, Sevastopol, Russia

Yi Shi

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

E. A. Kamyshina

Saint Petersburg State Electrotechnical University, Saint Petersburg, Russia

FORMATION OF CHINESE STUDENTS BUSINESS QUALITIES AS A FACTOR OF ENSURING ECONOMIC SECURITY (THE RESULTS OF EMPIRICAL RESEARCH)

Deryugin Pavel P. — Doctor of Social Sciences, Professor.

Lebedintseva Lyubov A. — Doctor of Social Sciences, Associate Professor.

Yarmak Olga V. — Doctor of Social Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Social Communications.

Shi Yi — Postgraduate Student.

Kamyshina Elena A. — Postgraduate Student.

Based on the results of an empirical study, the article presents the unique structure of values of this University students. It is emphasized that the methodology of sociological diagnostics of human capital, based on the appeal to the values of respondents, allows the most adequate to build procedures and strategies for diagnosis. The results of the empirical study confirmed the hypotheses that the value networks of Peking University students have unique characteristics, which are expressed in the graduate's desire for competitiveness, prudence and pragmatism. Predictive conclusions are made about the prospects for preparing university students with respect to the effective impact on human capital.

Keywords: human capital, values, network approach, pragmatic values, rational values, students.

Введение

В современных экономических реалиях деловые качества студенчества рассматриваются как ядро человеческого капитала, а в конечном итоге — как условие и фактор, обеспечивающий экономическую безопасность страны в ближайшей и отдаленной перспективе. Такая позиция характерна для всех стран — лидеров экономического развития, в том числе и для Китайской Народной Республики (КНР). После 1990 года — признание актуальности рыночных преобразований в КНР — ценности студенческой молодежи ориентированы на высокую конкурентоспособность и включенность в системообразующие ориентации утилитарной рыночной экономики. Так же, как это ранее происходило в странах передового экономического развития, где рационально-прагматические ценности быстро распространялись на все слои и социальные группы общества, образование в китайских университетах всё более ориентировано на развитие деловых качеств студенчества.

Теоретико-методологические основания настоящего исследования сформированы на базе источников, которые охватывают теории нескольких групп. Во-первых, источники, где ценности человека рассматриваются как установки, ориентации и убеждения личности, которые складываются как результат собственного жизненного опыта человека (У. Томас, Ф. Знанецкий) [10; 11; 17]. Во-вторых, теоретические разработки, где ценности рассматриваются как система взаимосвязанных элементов — ценностные сети (М. М. Бахтин, Р. Гойс) [1; 2; 6; 15]. В-третьих, фундаментальные и современные теории, где человеческий капитал рассматривается в системе ценностей (Т. В. Панфилова, Т. Н. Гайдай) [4; 5; 8; 19]. В-четвертых, научные работы, раскрывающие ценности растущего прагматизма как одного из трендов развития общества и высшего образования (Л. Н. Яковенко) [13; 18].

Концептуальное единство обозначенных теоретических подходов обусловлено связующей ролью ценностей личности, которые, с одной стороны, отражают всю совокупность действующих социальных норм, принципов, правил и социальных практик и под влиянием которых формируются установки личности, а с другой — этими установками определяется ценность, важность и значимость выборов человека, характер применения и использования знаний, навыков и умений (В. А. Ядов).

В условиях рынка ценности личности приобретают утилитарную направленность, в их структуре всё более преобладает прагматичность и рационализм. Ценными в большинстве своем признаются те характеристики человеческого капитала — знания, навыки и умения, которые могут играть роль локомотивов экономического развития, то есть те, которые не просто адекватно отражают рыночный дух экономики, а еще и влияют на увеличение прибылей, воспроизводство, увеличение и рост стоимостей и т. д. В условиях рыночной экономики рациональность и прагматизм становятся главными ценностными ориентирами образования.

Основанные на вышеназванных концептуальных позициях главные гипотетические предположения исследования заключались в том, что студенты университетов в своей самооценке, в эталонах подражания и в антиэталонах будут отдавать предпочтение деловым качествам личности. Среди деловых качеств личности те индикаторы, которые важны для обеспечения конкурентоспособности и прагматизма, у студентов окажутся более значимыми, чем у молодых людей, не обучающихся в университетах. В сетях ценностей студентов университета сложатся такие локации — узлы и группы деловых ценностей, которые будут отличаться большей связанностью и весомостью в отношении прагматических ориентаций. В совокупности наличие показанных признаков сетей ценностей, на наш взгляд, будет подтверждать особый статус деловых качеств личности в системе ценностей. В свою очередь, это станет подтверждением прагматической направленности формирования человеческого капитала студентов университета.

Эмпирическими объектами исследования стали респонденты трех категорий: студенты Пекинского университета (257 человек); молодые китайцы — молодежь, то есть люди в возрасте от 18 до 35 лет (315 человек), которые не обучаются в университете; китайцы старшего поколения, то есть люди в возрасте от 36 до 65 лет (287 человек). Выборка случайная.

В качестве основного метода сбора информации использовался интернет-опрос, который позволял определить, какими качествами обладает сам респондент, какими качествами обладает человек, которого респондент определял для себя в качестве эталона подражания, а также какими качествами обладает человек, которого респондент воспринимает как негативный эталон (модифицированный тест Фестингера). Подробно эта методическая процедура описана в авторской статье [14]. В значительной степени наши выводы опираются на ранее проведенные исследования в российских и китайских университетах, где была адаптирована методика исследования.

Результаты и обсуждение

В сетях ценностей студенчества Пекинского университета зафиксирован ряд уникальных локаций, которые позволяют сделать важные выводы о деловых ценностях и их роли в понимании человеческого капитала.

1. *Во всех изученных ситуациях студенты университета оценивают деловые качества людей выше, чем это делают другие категории респондентов — молодежь и люди старших возрастов, не прошедшие обучение в университетах (табл. 1).*

Таблица 1

Оценка деловых качеств различными категориями респондентов
(в сравнении со студентами)

Категория респондентов	Положительный эталон	Самооценки	Негативный эталон
Молодежь (18–35) лет	–0,03	–0,52	–0,34
Старшее поколение (36–65) лет	–0,05	–0,38	–0,24
Все респонденты (общество в целом)	–0,03	–0,43	–0,31

Здесь следует подчеркнуть, что все результаты сравнения данных студентов с данными других респондентов, показанные в табл. 1, оказались с отрицательным значением коэффициентов. Такие результаты демонстрируют тот факт, что во всех изученных случаях студенты Пекинского университета деловым качествам личности придают большее значение, чем это, например, в целом характерно для китайской молодежи (в среднем различия с молодежью составляет –0,29 балла). Далее, самое существенное различие у студентов университета в сравнении с китайской молодежью складывается по показателям самооценки деловых качеств. Здесь коэффициент различий достигает максимума –0,52 балла. Это означает, что собственные деловые качества студенты университета оценивают значительно выше, чем деловые качества других молодых людей.

В сравнении со старшими поколениями такое различие несколько уменьшается в среднем до –0,26. Это говорит о том, что студенты университета «мыслят по-взрослому» и рассматривают деловые качества скорее так, как это характерно для людей более зрелого возраста, людей с большим трудовым и жизненным опытом — старших поколений китайцев.

Как становится очевидным, деловые качества в социальном портрете любых людей (положительных, отрицательных эталонов, самих себя) для студентов университета оказались самыми важными и самыми значимыми индикаторами человеческого капитала.

2. *В иерархии деловых качеств в системе ценностей студенчества университета зафиксированы устойчивые алгоритмы оценивания студентами как самих себя, так и других людей — эти алгоритмы прежде всего ориентированы на оценивание лидерства и расчетливости (табл. 2, 3).*

Если сравнивать рейтинги качеств студентов университета с рейтингами качеств с точки зрения молодежи, которая не обучается в университете (см. табл. 2, 3), то на первых местах в рейтингах у респондентов, не являющимися студентами, как положительного эталона, так и самих себя, оказалось качество преуспевания. Для «не студентов» достигнутый уровень собственного благополучия и процветания расценивается как ведущий критерий в восприятии самих себя и других людей, которых они относят к образцам и эталонам подражания. Финансовая обеспеченность, крепкое здоровье и счастливый брак, в целом благополучная жизнь для большинства китайцев является основной ценностью, чего не

скажешь о китайских студентах, у которых, напротив, преуспевание занимает последние места среди важных ценностей, критерий благополучия по их самооценке также находится на последнем месте.

Таблица 2

Ценности китайских респондентов — молодежи, не обучающейся в университете

Рейтинги ценностей	Положительный эталон	Самооценки	Негативный эталон
1	Преуспевание	Преуспевание	Расчетливость
2	Целеустремленность	Прагматизм	Целеустремленность
3	Лидерство	Целеустремленность	Преуспевание
4	Прагматизм	Лидерство	Прагматизм
5	Власть	Власть	Власть
6	Расчетливость	Расчетливость	Лидерство

Таблица 3

Ценности китайских студентов

Рейтинги ценностей	Положительный эталон	Самооценки	Негативный эталон
1	Лидерство	Лидерство	Целеустремленность
2	Целеустремленность	Целеустремленность	Лидерство
3	Расчетливость	Расчетливость	Власть
4	Прагматизм	Прагматизм	Расчетливость
5	Преуспевание	Власть	Прагматизм
6	Власть	Преуспевание	Преуспевание

Группа респондентов старшего возраста и студенты также противоречиво оценивают и лидерские качества. Результаты сравнения табл. 2 и 3 показывают, что лидерство и целеустремленность — важные качества конкурентоспособности — занимают первые места в рейтингах студенчества при оценивании как самих себя, так и положительного/негативного эталонов. Способность влиять на других людей, умение формулировать и ставить цели, получать поддержку в достижении поставленных целей, лидировать воспринимается студентами университета как самое важное мерило при оценивании как самих себя, так и положительных/отрицательных эталонов. Прежде всего это говорит о том, что студенты отличаются от других респондентов высокими требованиями к лидерским способностям, к умению выстраивать перспективу — ставить цели, то есть к качествам, которые важны для управления в любой сфере деятельности.

По полученным рейтингам становится очевидным, что нацеленность на лидерство выступает центральным моментом в ценностных характеристиках китайских студентов, что раскрывает их практикоориентированность как будущих руководителей. Будущие лидеры на ценностном уровне выделяют данные качества как несомненное достоинство, также этот факт подтверждает готовность студентов брать на себя функции организаторов и руководителей. Немаловажно, что лидерство и целеустремленность рассматривается студентами как два равноценных качества, которые набрали практически одинаковые баллы и везде соседствуют в таблице рейтингов. Даже у отрицательных эталонов, где эти качества оцениваются значительно ниже, они остаются на первых местах в иерархии рейтингов.

Другой важной особенностью критериальной системы оценивания человеческих качеств студентами университета является актуальность рациональных ценностей. Из табл. 3

видно, что качества расчетливости и прагматизма во всех случаях находятся рядом как критерии оценивания, но при этом расчетливость признается важнее, чем прагматизм. Поэтому ценность качества расчетливости заслуживает особого внимания и рассмотрения. Расчетливость, то есть способность и умение анализировать, находить проверенные (эффективные и оптимальные) решения не на основе простого интуитивного чувства, но при помощи анализа и проработки различных вариантов действия, по взглядам студентов, выступает условием успешности человека (положительного эталона и самооценки). Вероятно, этот факт отражает осознание студентами важной роли аналитической подготовки и рационального смысла образования. Если сравнивать по этому параметру данные студентов и других респондентов, можно заметить, что для других респондентов это качество играет незначительную роль и занимает последние места в рейтингах как положительного эталона, так и самого себя. Более того, у негативного эталона, напротив, расчетливость стоит на первом месте, что показывает, что такие способности скорее воспринимаются большинством китайцев (не студентов) как негативная характеристика человека.

Анализ показанных результатов фиксирует вполне осознанную студентами университета важность целеполагания, актуальность развитых качеств лидерства и рационально-прагматического подхода к достижению целей.

3. В ценностных сетях деловых качеств студентов системообразующее значение играет властность, которую студенты косвенно или неявно понимают как значимую «мягкую силу» (рис. 1, а, б).

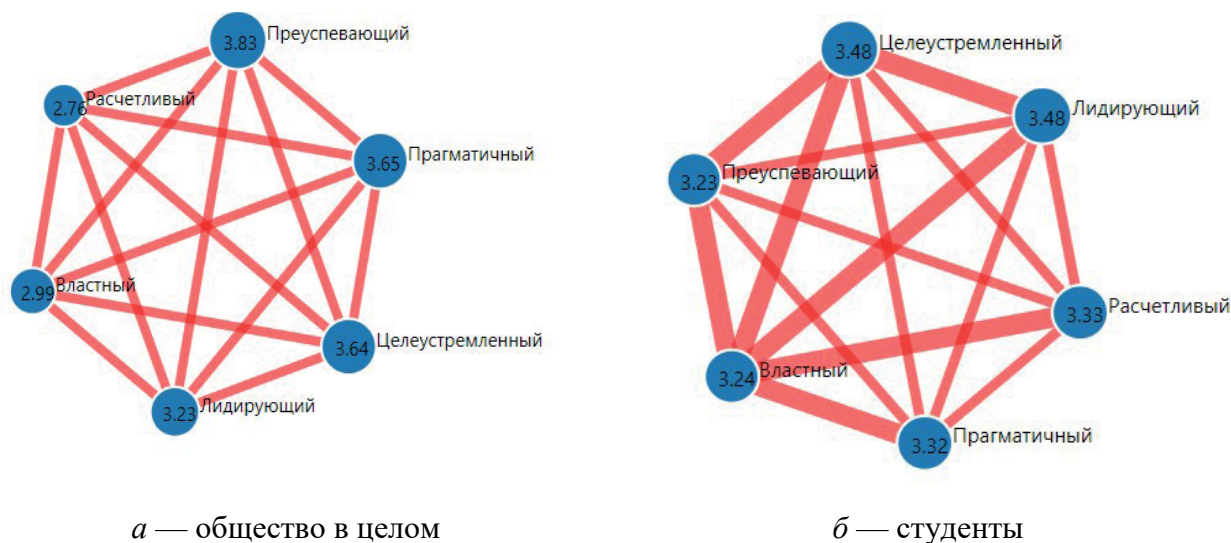

Рис. 1. Модели сетевых связей деловых ценностей китайского общества в целом (а) и студентов (б), самооценка: цифрами обозначены весовые значения деловых качеств по пятибалльной шкале, линиями — сетевые связи

В чем особенность и проблемность понимания властности в системе ценностей китайских студентов? Характеризуя негативный эталон, студенты показывают, что это властные люди: негативные эталоны характеризуются высокой степенью стремления властвовать. Властность в самооценке, как и в сети ценностей, находится на пятой позиции, то есть практически внизу ценностной иерархии, а при оценивании положительного эталона, более того, на самых нижних позициях в иерархии. Таким образом, очевидно, что на уровне формального оценивания других людей властность рассматривается студентами чуть ли не самым негативным качеством человека. Поэтому выглядит парадоксальным, что наряду с этим в сети ценностей студенчества властность замыкает на себе все другие ценности

делового портрета личности, то есть связана сильными сетевыми связями со всеми другими деловыми качествами. Это довольно отчетливо видно по толщине (плотности) линий на рис. 1, характеризующих высокую и очень высокую степень связей между властностью и всеми иными качествами-индикаторами (корреляционная связь оценивается на уровне $+0,7...+0,9$ со всеми иными качествами) в самооценке. В целом данный факт подтверждает важное значение властности в системе ценностей студентов, что отражает важное значение властности в иерархии отношений в жизни китайского общества (Ли Уи) [12, с. 42–43].

В настоящем случае показанные системные связи подтверждают признание студентами важной роли такой формы организационных отношений, как власть, то есть способность не только мобилизовывать и мотивировать других людей (лидерство), но также проявлять волю, умение влиять на других преодолевая возможное сопротивление, и способность подчинять себе других людей, навязывать свою позицию.

4. Деловые качества в сети ценностей студенчества связаны наиболее сильными связями в сравнении со связями во всех других подгруппах ценностей (рис. 2, а–г).

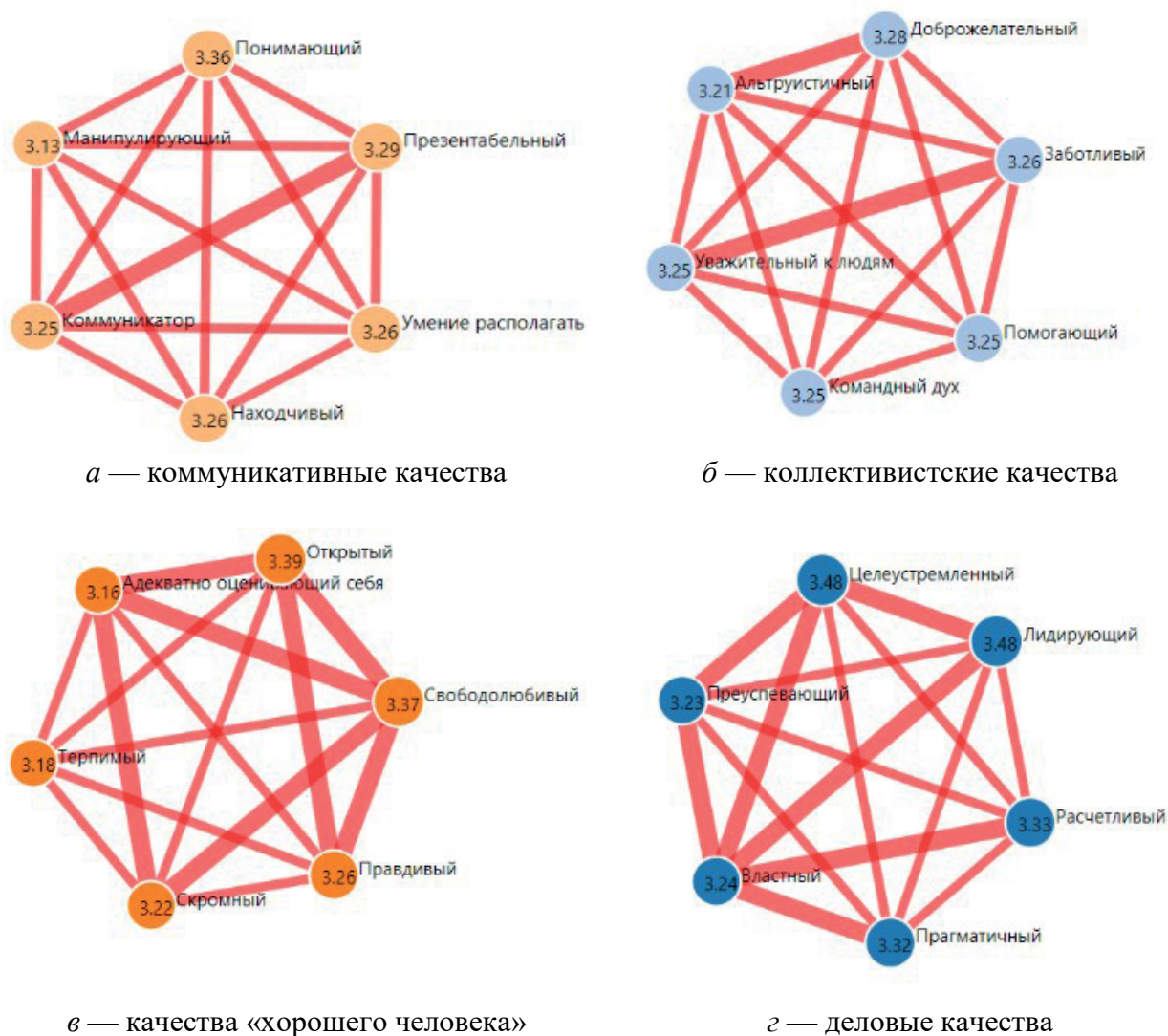

Рис. 2. Сети ценностей по подгруппам качеств (самооценка)

Собственно, такое сравнение сетевых характеристик с точки зрения теории М. Грановетера является самым объективным признаком силы сети ценностей: чем крепче сетевые связи, тем более «мягкой силой» обладают такие сети, что является показателем эф-

фективного взаимодействия [7]. Это еще раз подтверждает вывод о том, что в системе ценностей студентов Пекинского университета деловые качества определяются ими как основная характеристика человеческого капитала.

Заключение

Результаты исследования подтвердили, что ведущими (самыми актуальными) ценностями студенчества Пекинского университета выступают деловые качества. Среди деловых качеств личности центральное место занимают конкурентоспособность — сочетание лидерства и целеустремленности, а также утилитарные качества — расчетливость и прагматизм. Конкурентность и утилитаризм взаимосвязаны, что в целом раскрывает общую характеристику направленности системы подготовки в университете, ориентирующую студенчество на участие в экономике на основе рыночных ценностей. Важно и то, что для китайского студенчества властно-волевые качества личности играют системообразующую роль среди деловых качеств. Тем самым очевидно, что в перспективе студенты не только морально готовы по-деловому строить свою деятельность, но и обладают высоким потенциалом поступать в соответствии со своими ценностями и готовы использовать власть в достижении своих целей. Немаловажно и то, что деловые качества для студентов университета даже более важны, чем собственное преуспевание.

Социальная динамика роста прагматических ценностей китайского студенчества отражает общемировую тенденцию утверждения утилитарного мировоззрения. Прагматические ценности становятся ориентациями повсеместно. Студенческая молодежь в этом отношении не исключение, она является слепком с китайского общества, но при этом лидирует в освоении прагматизма и рационализма благодаря американизации и европеизации образования. Более того, анализируя результаты исследования студенчества, можно предполагать, что будущая китайская элита станет еще более деловой и прагматичной и значительно более расчетливо-рациональной, особенно ярко демонстрируя все признаки «экономического человека» [6].

Подводя итоги эмпирического исследования, следует также сказать об ограничениях и возможных перспективах дальнейшей работы над этой проблематикой. Ограничение настоящего исследования заключается в том, что за кадром в данном случае остаются многочисленные социально-педагогические факторы, которые оказывают стимулирующее воздействие на формирование системы деловых качеств студенчества (семья, содержание учебного процесса в университете, принципы отбора абитуриентов, воспитательная работа со студентами и пр.) и на обеспечение экономической безопасности. Это может стать актуальным направлением перспективных исследований.

Библиографический список

1. Бабицкая О. П., Анохина Н. К. Ценностные аспекты науки // Вестник Сибирского государственного индустриального университета. 2016. № 1 (15). С. 51–55.
2. Волосков И. В. Система ценностей постсоветского студенчества // Россия: тенденции и перспективы развития. 2015. № 10-1. С. 620–621.
3. Воробьева Г. С. Рациональность экономического поведения человека с точки зрения междисциплинарного подхода // Вестник Томского государственного университета. 2014. Вып. 383. С. 159–169.
4. Гайдай Т. Н. Возмещение затрат человеческого капитала и его соответствие системе общечеловеческих ценностей // Вестник Московского финансово-юридического университета. 2014. № 4. С. 19–31.
5. Глухова З. В., Куклина Е. С. Человеческий капитал и человеческий потенциал: подходы к оценке // Вестник Сибирской государственной автомобильно-дорожной академии. 2013. № 2 (30). С. 95–100.

6. Гойс Р. Системы, ценности и эгалитаризм // Логос. 2016. № 2 (111). С. 231–244.
7. Гребенщикова А. В. Подходы к осмыслению сущности сетевого взаимодействия в высшем образовании // Вопросы методики преподавания в вузе. 2014. № 3 (17). С. 28–34.
8. Гуськова Н. Д., Клюева А. П. Современные теории социального капитала // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2012. № 2. С. 152–160.
9. Данилкова М. П. Система ценностей личности // Идеи и идеалы. 2011. № 3. С. 88–93.
10. Зотова К. В. Установка как социологический индикатор групповой регламентации // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2006. № 3-1. С. 234–238.
11. Лапин Н. И. Проблема ценностей в исследованиях В. А. Ядова и его коллег // Экономическая социология. 2009. Т. 10, № 3. С. 82–93.
12. Ли Уи. Ценностные ориентации китайской молодежи: сравнительная характеристика приоритетов столичного и регионального студенчества // Вестник РУДН. Сер.: Социология. 2009. № 4. С. 40–46.
13. Межевич Н. М., Жабрев А. А. Некоторые аспекты теории сетевых структур как инструмента управления инновационной деятельностью // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2010. № 9. С. 118–125.
14. Методика эмпирического исследования социодинамики корпоративных ценностей: сетевое измерение / П. П. Дерюгин, И. А. Баруздин, А. С. Тараненко, М. В. Сивоконь // Дискурс. 2018. № 6. С. 80–95.
15. Панфилова Т. В. Человеческий капитал в свете проблемы ценностей // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 3. С. 153
16. Томина Е. Ф. Педагогические идеи Джона Дьюи: история и современность // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 2. С. 360–366.
17. Ракитянский Н. М., Сунь Цзыци. Опыт концептуального моделирования китайского политического менталитета. Ч. 2 // Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки. 2016. № 5. С. 64–86.
18. Цыцарев А. А. Сетевое информационное общество: антропологическое измерение // Вестник Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема. 2011. № 1-1. С. 73–85.
19. Яковенко Л. Н. Ценности высшего образования в контексте прагматизма // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2015. № 3 (163). С. 45–50.

Атажонова С. Б. Модернизация высшего образования и образовательных программ на основе инновационных идей и цифровых технологий в Узбекистане // Вестник Прикамского социального института. 2021. № 1 (88). С. 175–178.

Atajonova S. B. Modernization of higher education and educational programs based on innovative ideas and digital technologies in Uzbekistan. *Bulletin of Prikamsky Social Institute*. 2021. No. 1 (88). Pp. 175–178. (In Russ.)

УДК 378.124

С. Б. Атажонова

Андижанский машиностроительный институт, Андижан, Узбекистан

МОДЕРНИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ НА ОСНОВЕ ИННОВАЦИОННЫХ ИДЕЙ И ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В УЗБЕКИСТАНЕ

Атажонова Саидахон Бораталиевна — PhD, докторант.

E-mail: saida_ashurova@mail.ru

Статья посвящена вопросам модернизации высшего образования и образовательных программ на основе инновационных идей и цифровых технологий в Узбекистане. Автор анализирует основные существующие способы модернизации образования. Особое внимание обращается на способы, которые на сегодняшний день считаются наиболее актуальными: цифровизация образования, внедрение инновационных идей в обучение, системная модернизация образовательной деятельности вузов в целом.

Ключевые слова: модернизация, цифровизация, инновационные идеи, высшее образование.

S. B. Atajonova

Andijan Mechanical Engineering Institute, Andijan, Uzbekistan

MODERNIZATION OF HIGHER EDUCATION AND EDUCATIONAL PROGRAMS BASED ON INNOVATIVE IDEAS AND DIGITAL TECHNOLOGIES IN UZBEKISTAN

Atajonova Saidakhon B. — PhD, Doctoral Student.

This article is devoted to the issues of modernization of higher education and educational programs based on innovative ideas and digital technologies in Uzbekistan. The authors analyze the main existing methods of education modernization. Particular attention is paid to the methods that are currently considered the most relevant: digitalization of education, the introduction of innovative ideas in education, systemic modernization of educational activities of universities in general.

Keywords: modernization, digitalization, innovative ideas, higher education.

Новые возможности для переориентации системы профессионального образования на высокое качество создал Закон «Об образовании в Узбекистане», вступивший в силу 7 августа 2020 года¹. Он обеспечил правовые условия для эффективного взаимодействия образовательных организаций и промышленных предприятий. Университеты и техникумы

¹ Об образовании: закон Республики Узбекистан от 23.09.2020 № ЗРУ-637 // Национальная база данных законодательства. 24.09.2020. № 03/20/637/1313 / Национальный правовой информационный центр «Адолат» при Министерстве юстиции Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/ru/docs/5013009> (дата обращения: 20.04.2021).

смогли разорвать порочный круг внутренней логики развития и перейти к построению программ, отвечающих требованиям реального сектора экономики. Базовые кафедры на предприятиях, совместные образовательные программы, различные формы сетевого взаимодействия образовательных организаций и компаний должны обеспечивать выпускникам высокий уровень компетенций для работы на сложных современных производствах в соответствии с международными стандартами. Особый упор на практико-ориентированный подход будет сделан в процессе подготовки высококвалифицированных рабочих.

Привлечение и удержание лучших кадров в системе профессионального образования позволит рассчитывать на успешную реализацию планов по повышению международной конкурентоспособности нашего образования. Планируемое вхождение ведущих узбекских вузов в сотню лучших университетов мира — важный сигнал для внешней среды, привлекающий в наши университеты лучших преподавателей, ученых и студентов мира¹. Кроме того, университеты, которые могут достичь таких амбициозных целей, будут устанавливать стандарты качества на внутренней арене, тем самым способствуя саморегулированию узбекской системы профессионального образования. В то же время наши ожидания относительно самосовершенствования системы не исключают дальнейшего развития системы внешней оценки качества образования. Государственный аудит — мониторинг эффективности университетов, новые подходы к аккредитации, а также независимая оценка — сертификация квалификаций, профессиональная и общественная аккредитация образовательных программ, участие образовательных организаций в сравнительных международных исследованиях — призваны гарантировать каждому студенту образование, которое соответствует самым высоким международным стандартам в кратчайшие сроки. Достижение качественного профессионального образования — задача непростая, но вполне реальная. Уже давно стало очевидным, что именно консолидация усилий общества, власти и бизнеса позволит системе профессионального образования быстро перестроиться и соответствовать ожиданиям людей и потребностям развития страны [2; 3].

Многие факторы, влияющие на характер и интенсивность цифровизации образования, определяют различные пути их развития. Одна из важнейших тенденций цифровизации образования — расширение сферы образования. Настоящие цифровые технологии (онлайн-обучение, большие данные, сетевые практики) существенно изменяют его архитектуру. Виртуализация образования помогает реализовать одно из значений понятия «цифровое» — дискретность, «непрерывность». Образование не ограничивается стенами учебных заведений, регионов и даже национальных государств. В таких условиях учебные заведения перестают быть «хозяевами» своей территории. Причин этого несколько.

С одной стороны, работодатели не всегда удовлетворены качеством подготовки выпускников учебных заведений; содержание образовательных программ не полностью соответствует требованиям рынка труда. По мере роста спроса на цифровые знания и навыки растут и асинхронные ожидания работодателей и выпускников. Фактически, нанимая дипломированного бакалавра или магистра, работодатель вынужден его переквалифицировать. Крупные предприятия всё чаще используют практику создания собственных учебных центров и центров непрерывного образования, корпоративных университетов.

С другой стороны, рост «монетизации» социальных сетей привлекает новых участников на рынок образовательных услуг. Частные лица и стартапы начинают свои собственные, часто узкоспециализированные образовательные проекты. В этом случае устраняются раз-

¹ Об утверждении Концепции развития системы народного образования Республики Узбекистан до 2030 года: указ Президента Республики Узбекистан от 29.04.2019 № УП-5712 // Национальная база данных законодательства. 29.04.2019. № 06/19/5712/3034 / Национальный правовой информационный центр «Адолат» при Министерстве юстиции Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/docs/4312783> (дата обращения: 20.04.2021).

личия, важные при становлении индустриальной эпохи: локализация образовательных центров (столица — периферия, отечественные — зарубежные), их физическая форма (очная — дистанционная). В этом контексте большое значение имеет концепция обучения в течение всей жизни (иными словами — концепция непрерывного образования), сформированная в двадцатом веке. Понятно, что вскоре отечественным учебным заведениям придется конкурировать с международными компаниями в сфере образовательных услуг [1].

Тенденции изменений в управлении системой образования требуют отдельного рассмотрения. Если в прошлом технологические решения позволяли в определенной степени автоматизировать процесс обучения, то сегодня изменения в средствах и методах самоуправления системой требуют постоянного общения между студентами, преподавателями и учебным заведением. Такие технологии могут значительно снизить трудозатраты педагогов и администрации, контролирующих органов и агентств по аккредитации. Например, с развитием технологий обработки данных и машинного обучения многие трудоемкие задачи можно полностью автоматизировать — от проверки домашних заданий до управления студенческими обсуждениями с помощью чат-ботов. Современные программные решения позволяют автоматизировать обработку информации, получаемой от студентов, о характере и динамике учебного процесса (поведение студентов, их чувствительность к предлагаемому материалу, скорость обучения и т. д.). Эксперты связывают развитие данного сегмента образовательных технологий с возможностью практической трансформации системы образования от модели «образование для всех» к модели «образование для каждого». Фактически мы говорим о создании индивидуальной структуры обучения с уникальной персонализированной траекторией, которая учитывает конкретные потребности студентов.

Узбекское высшее образование давно нуждается в серьезном обновлении — с этим тезисом согласны все: от чиновников до студентов и ректоров. Для решения этой проблемы Министерство образования и науки Узбекистана проводит комплексную реформу, в которой можно выделить ряд уровней. Во-первых, на кафедрах вузов проводится диагностика высшего образования через мониторинг успеваемости. Затем разрабатываются программы оптимизации для выявленных слабых учебных заведений, а ведущие университеты получают государственную поддержку для выхода на международный рынок. В то же время Министерство образования и науки проводит переподготовку ректоров, чтобы в вузах Узбекистана внедрялись современные методы управления. Мониторинг эффективности университетов был задуман как первый шаг к серьезным изменениям в узбекском высшем образовании. Ведь для реформирования нужно понимать, что, собственно, имеется, от чего нужно избавляться в первую очередь. Не секрет, что узбекское высшее образование крайне неоднородно: в университетах обучают, казалось бы, по одним и тем же направлениям и специальностям, однако выпускники сильно различаются по уровню знаний и навыков. Важнейшим способом устранения этой ситуации видится создание образовательных программ, совместно разработанных и утвержденных партнерами сети, при реализации которых консолидируются ресурсы участников — материально-технические, учебно-методические, кадровые и др. — с целью их оптимального использования для повышения доступности и качества образования. Сетевое взаимодействие не только стимулирует развитие системы непрерывного образования, но и позволяет образовательной системе гибко реагировать на изменения спроса на образовательные программы. Для решения выявленных проблем необходимо, на наш взгляд, в первую очередь развивать такие направления, как внедрение онлайн-модулей профессиональных программ, укрепление партнерских отношений между университетами, что должно привести к электронному онлайн-обучению, поощрение особо успешных студентов и, наконец, привлечение бизнеса к инвестициям.

Библиографический список

1. Зенков А. Р. Цифровизация образования: направления, возможности, риски // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Проблемы высшего образования. 2020. № 1. С. 52–55.
2. Модернизация профессионального образования [Электронный ресурс]. URL: https://www.kommersant.ru.ТЕМА_051_191113.PDF (дата обращения: 15.03.2021).
3. Цифровые технологии — 2019: глобальное использование Интернета ускоряется. Специальные отчеты [Электронный ресурс]. URL: <http://wearesocial.com/blog/2019/01/digital-2019-global-internet-use-ускоряется> (дата обращения: 15.03.2021).

Малик Е. Н. Цифровая медиасреда как ресурс активизации политического участия молодежи // Вестник Прикамского социального института. 2021. № 1 (88). С. 179–183.

Malik E. N. Digital media as a resource to enhance youth political participation. *Bulletin of Prikam-sky Social Institute*. 2021. No. 1 (88). Pp. 179–183. (In Russ.)

УДК 070.1:323-053.6(470)

Е. Н. Малик

Академия Федеральной службы охраны России, Орел, Россия

ЦИФРОВАЯ МЕДИАСРЕДА КАК РЕСУРС АКТИВИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ МОЛОДЕЖИ

Малик Елена Николаевна — кандидат политических наук, доцент.

E-mail: malik57-elena@mail.ru

На основе комплексного анализа автором раскрыты основные проблемы влияния информационных потоков массмедиа на формирование социально-политических ориентаций молодых граждан. Оценка роли средств массовой информации в политической социализации современной российской молодежи показала, что сфера деятельности традиционных медиаресурсов в российском политическом пространстве заметно сузилась по сравнению с электронными. В цифровую эпоху целесообразно оценить возможности влияния различных цифровых медиаканалов на политическое сознание и поведение молодых людей. Электронные массмедиа, особенно сетевые, во многом ответственны за инициирование моделей общественно-политической активности молодых граждан. На основе анализа большого фактического материала автор выявляет медийные предпочтения молодых граждан, формируемые при воздействии традиционных, электронных и сетевых средств массовой информации. Обоснована роль интернет-социализации молодежи в активизации институциональных форм ее участия в демократизации российского общества.

Ключевые слова: СМИ, массмедиа, молодежь, политическая социализация, Интернет, политическая субъектность, молодежная политика.

E. N. Malik

Academy of Federal Guard Service of the Russian Federation, Orel, Russia

DIGITAL MEDIA AS A RESOURCE TO ENHANCE YOUTH POLITICAL PARTICIPATION

Malik Elena N. — Candidate of Political Sciences, Associate Professor.

Based on a comprehensive analysis, the author revealed the main problems of the influence of mass media information flows on the formation of socio-political orientations of young citizens. An assessment of the role of the media in the political socialization of modern Russian youth showed that the activities of traditional media resources in the Russian political space are noticeably lost in relation to electronic ones. In the digital age, it is advisable to assess the possibilities of the influence of various digital media channels on the political consciousness and behavior of young people. Electronic mass media, especially network media, are largely responsible for initiating models of socio-political activity of young citizens. Based on the analysis of large factual material, the author identifies the media preferences of young citizens when exposed to traditional, electronic and online media. The role of Internet socialization of youth in the activation of institutional forms of its participation in the democratization of Russian society is justified.

Keywords: media, mass media, youth, political socialization, Internet, political subjectivity, youth policy.

В глобальном информационном обществе система средств массовой информации меняет свою структуру, содержание и формы подачи информации, всё усиливая свое влияние на общественное сознание. Мы являемся свидетелями трансформации международных от-

ношений, где очевидна агрессивная внешняя политика западных оппонентов, рост сепаратистских настроений и экстремистских идеологий.

Электронные СМИ, особенно сетевые, играют значительную роль в формировании моделей общественно-политической активности молодежи. Следует поддержать мнение Е. С. Устинович, что «политика сегодня стала гораздо сложнее. Происходят серьезные общественные и технологические трансформации» [14, с. 177]. В данной связи поиск эффективных механизмов стимулирования политической активности молодежи и направления ее по позитивному вектору сегодня для российского общества по-прежнему актуален.

Массмедиа были и остаются важнейшим институтом политической социализации молодых людей, оказывая непосредственное влияние на усвоение ими общественных норм, становление политических ценностей и, как следствие, выражение форм социально-политической активности [8].

В настоящее время в политической культуре молодежи, а значит, и в процессе их политической социализации происходят существенные изменения [10]. Политическое сознание молодого поколения формируется в условиях продолжающихся социально-экономических и политических преобразований общества, неопределенности ориентиров общественного развития страны; значительных перемен в деятельности институтов и агентов социализации, в первую очередь — институтов семьи и образования. Молодежь современной России — весьма неоднородная социальная общность, дифференцированная по разным основаниям, в том числе по уровню жизненных шансов в силу разницы стартовых возможностей (место проживания, экономическое положение семьи, качество полученного образования и т. д.) [13, с. 157–158].

Сегодня массмедиа служат для молодых россиян одним из основных источников сведений о политике, оказывая значительное воздействие в силу частоты и продолжительности взаимодействия. СМИ не только транслируют информацию, отражая состояние общественных настроений, но и служат инструментом их формирования. «Процесс политической социализации личности обусловлен влиянием разнообразных факторов социальной среды, что отражается на состоянии политической системы общества» [10]. Результаты проведенных исследований указывают на тот факт, что «в свое свободное время молодые люди чаще всего заняты просмотром телевидения, общением с друзьями, прослушиванием музыки и просмотром фильмов, прогулками и серфингом в интернете» [4, с. 197]. При этом взаимодействие с другими институтами политической социализации либо носит обязательный, директивный характер (учеба и работа), либо совершается гораздо реже (как форма проведения досуга).

Говоря о роли СМИ в политической социализации современной российской молодежи, важно подчеркнуть, что сегмент традиционных СМИ в российском политическом пространстве стал существенно меньше электронных медиаресурсов.

Рассматривая традиционные СМИ как институт политической социализации молодежи, следует упомянуть о функциональной неполноте его влияния, поскольку его однонаправленность исключает одну из весьма значимых составляющих процесса социализации — возможность обратной связи посредством политической коммуникации [3, с. 55]. Если раньше советские СМИ являлись идеологическим рупором государственной машины и выполняли мобилизационные воспитательные и патриотические задачи, то сегодня достаточно объемный сегмент системы российских СМИ невозможно охарактеризовать как часть образовательно-воспитательной системы.

Как было уже сказано, на сегодняшний день политическая коммуникация осуществляется преимущественно в интернете, и с каждым днем интернетизация нашего общества продолжает набирать обороты. Всё чаще участие молодых граждан в политической сфере проявляется в сетевых формах [7]. «Сетевой принцип» состоит в том, что в цифровую эпоху интенсификация и технологичность обмена информацией являются базовыми элемен-

тами общественно-политической активности молодежи. Результаты опроса подтвердили, что социальные сети выступают наиболее популярным интернет-ресурсом. «Подавляющее большинство опрошенных (86,7 %) имеют свой профиль в социальных сетях, что является следствием потребности в общении» [12, с. 197].

Электронные массмедиа дают своей аудитории принципиально новые технологии интерактивного участия. Примечательно, что 59 % российской молодежи ориентированы на активное применение цифровых коммуникаций для получения профессиональных знаний и умений. Учитывая данные обстоятельства, многие традиционные массмедиа используют социальные сети для повышения своих рейтингов. Создавая официальные страницы в популярных соцсетях, они расширяют диапазон обратной связи с аудиторией и оперативно размещают все горячие новости и свежие телерепортажи с места событий [15]. Такое интерактивное взаимодействие позволяет онлайн-читателю стать частью глобальной корреспондентской сети. Тому примером может служить онлайн-вещание референдума в Крыму через социальные сети.

Согласно данным массового опроса, для 90 % молодежи Интернет является абсолютно незаменимым источником информации; 78,3 % молодых россиян проводит в глобальной Сети более четырех часов ежедневно, из них 38 % — до восьми часов в сутки [2, с. 232]. Среди источников информации почти 60 % молодых граждан выбирают новостные сайты в Интернете; 43 % отдают предпочтение форумам, блогам, сайтам социальных сетей. Пользователи глобальной Сети среди новостных источников указали на следующие позиции: «читаю новости в поисковиках («Яндекс», *Mail.ru*, «Рамблер», *Google* и т. д.) или перехожу через них по ссылкам» — 46 %; «читаю новости в социальных сетях, блогах, форумах (*Twitter*, *Facebook*, «ВКонтакте», «Одноклассники» и т. д.)» — 34 %; «смотрю новостные видео (на *YouTube*, *RuTube* и т. п.)» и «читаю новостные интернет-ресурсы, интернет-СМИ» — по 20 %; «читаю новости в мессенджерах (*Telegram*, *WhatsApp*, *Viber* и т. д.)» — 16 %. Среди интернет-поисковиков 33 % молодых респондентов выбирают Яндекс (*yandex.ru*); 25 % — *Google* (*google.com*); *Mail.ru* (*mail.ru*) — 4 %¹.

Выбор молодежью мессенджеров для получения информационных сообщений и поиска новостей в Интернете

Тип мессенджера	Процент от числа опрошенных
«ВКонтакте»	33
<i>Instagram</i>	22
«Одноклассники»	6
<i>Telegram</i>	10
<i>WhatsApp</i> , <i>Viber</i>	6
<i>Facebook</i>	4
<i>Twitter</i>	3
«Мой мир» на <i>Mail.ru</i>	2
«Мой круг»	0
<i>LiveJournal</i> («Живой Журнал»)	1
Другие	1
Затрудняюсь ответить	1

Рассматривая особенность интернет-социализации современной молодежи, необходимо сказать, что сетевое пространство имеет свои законы и свою систему ценностей [9]. Растущая медиаактивность молодежи способствует, во-первых, трансформации медиати-

¹ Исследование «Интернет как источник информации: практики и доверие» [Электронный ресурс]. Данные Фонда общественного мнения. Опрос «ФОМнибус» — опрос граждан РФ от 18 лет и старше 20 января 2020 г. 53 субъекта РФ, 104 населенных пункта, 1500 респондентов. URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/14170> (дата обращения: 20.01.2021).

зированной политики, когда меняется вектор коммуникационного процесса, а во-вторых, большей открытости государственной власти и демократизации современного российского общества. Примером может служить электронное голосование, которое позволяет интегрировать в избирательный процесс молодой электорат. Наибольший уровень поддержки голосования через интернет фиксируется в возрастной группе от 18 до 34 лет.

Развитие цифровых технологий открыло новые возможности перевода политических процедур в электронный вид [6]. В целом внедрение практик электронного голосования позволяет снизить различные сложности, возникающие при традиционных способах голосования посредством бумажных бюллетеней. Так, главными преимуществами электронного голосования, по мнению россиян, являются: дистанционность (28 % респондентов), быстрота (16 %) и удобство (12 %). Следовательно, эта категория граждан уже ориентирована на выбор механизмов электронной демократии. С одной стороны, дистанционное голосование обеспечивает интеграцию российских граждан в избирательный процесс, снижает временные издержки на голосование, повышает его мобильность и доступность. С другой стороны, электронные онлайн-сервисы повышают риски информационных сбоев, кибератак, вбросов и манипуляций. Среди основных недостатков электронного голосования респонденты выделили «простор для фальсификаций» (21 %), «риск утечки данных» (15 %) и «отсутствие интернета/слабый интернет» (12 %)»¹.

Следует отметить, что наибольшее предпочтение электронному формату политического участия отдает молодежная аудитория, которая с раннего детства вовлечена в цифровую среду. Как показывают результаты всероссийского опроса, 49 % молодежи одобрительно относятся к расширению практики электронного голосования и чаще, чем в целом россияне, выбирают его (при условии доступности) как альтернативу традиционному бумажному. Молодежь активно принимала участие в электронном голосовании на выборах в Мосгордуму в 2019 году и за поправки в Конституцию РФ, которое проходило с 25 июня по 1 июля 2020 года. На вопрос: «Какой способ голосования Вы выберете на следующих выборах?» — около 50 % молодых граждан указали на «электронное голосование через интернет»².

Результаты данного исследования показали, что массмедиа служат для молодых россиян одним из основных источников сведений о политике, оказывая значительное воздействие в силу частоты и продолжительности взаимодействия.

Сегодня развитие информационно-коммуникативного механизма молодежной политики ориентировано на превращение глобальной Сети в современный инструмент поддержки и саморазвития российской молодежи. Электронную и цифровую демократию следует рассматривать не как совокупность инновативных принципов управления, а в качестве особой системы отношений граждан к политическому пространству [5]. Запрос на внедрение и качественное развитие электронной и цифровой демократии среди россиян существует и актуализирован в молодежной среде.

Интернет-медиатизация политики представляет собой не только направление трансформации модели коммуникации, но и путь к открытому правительству и одновременно результат гражданской активности молодежи. Большая задача здесь отводится информационной деятельности политических партий и общественных организаций [16]. Именно данные институты гражданского общества, используя свои сетевые ресурсы и электронные СМИ, могут помогать молодому поколению ориентироваться в политическом потоке и избирательно оценивать новостные события.

¹ Пионеры интернет-выборов [Электронный ресурс]. Совместный аналитический доклад Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) и Центра политической конъюнктуры // Официальный сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10376> (дата обращения: 26.01.2021).

² Там же.

В качестве положительной тенденции необходимо отметить создание многополярной картины политического мира с представлением в ней различных идеологий. В транзитивный период новейшей российской политической истории СМИ создали для молодежи возможность выбора модели политических ценностей, поведения и форм политической активности или же отказа от таковой [1].

Молодежь является не только объектом, но и субъектом политической социализации. Этот процесс всё в большей степени имеет не вертикальный, а горизонтальный характер, когда молодые граждане демонстрируют альтернативные формы социально-политической активности и модели политического поведения — от электронных выборов до подписания онлайн-петиций, а также осуществляют непрерывный выбор из возможных образов мира благодаря деятельности цифровых массмедиа.

Библиографический список

1. Баранова Г. В. Факторы формирования социально-политической активности // Теории и проблемы политических исследований. 2016. Т. 5, № 5А. С. 5–14.
2. Бродовская Е. В. Влияние цифровых коммуникаций на формирование профессиональной культуры российской молодежи: результаты комплексного прикладного исследования // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 1. С. 228–251.
3. Васецкий А. А., Малькевич А. А. «Новые СМИ» в процессе политической социализации молодежи // Управленческое консультирование. 2011. № 3. С. 43–48.
4. Горбатова Н. В., Малькевич А. А. Современные СМИ как инструмент политической социализации молодежи // Управленческое консультирование. 2015. № 5. С. 52–63.
5. Грунистая О. С. Государственная молодежная политика в РФ: проблема организационно-правового обеспечения // Государственное и муниципальное управление в XXI веке: теория, методология, практика. 2019. № 13. С. 29–34.
6. Гуреева А. Н. Медиаактивность российской молодежи как драйвер медиатизации политики // Век информации. 2020. Т. 8, № 2. С. 31–36.
7. Добринская Д. Е. Социологическое осмысление интернета: теоретические подходы к исследованию сети // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2016. № 3. С. 21–38.
8. Малик Е. Н. Влияние средств массовой информации на политическую активность молодежи в современной России (особенности, перспективы оптимизации): автореф. дис. ... канд. полит. наук / Орлов. регион. акад. гос. службы. Орел, 2007.
9. Малькевич А. А. Информационная политика России и проблемы политической социализации молодежи // Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки. 2015. № 3 (7). С. 97–102.
10. Мироненко А. А., Мироненко Н. В. Социальные модели в теориях массовых коммуникаций // Среднерусский вестник общественных наук. 2009. № 4 (13). С. 93–97.
11. Оганян К. М. Политическая культура современной молодежи // Наука. Инновации. Технологии. 2019. № 2. С. 189–196.
12. Омельченко Е. Л. Поведенческие практики и социально-сетевые предпочтения нового поколения российской молодежи в начале XXI века // Социальные сети и виртуальные сетевые сообщества: сб. науч. тр. Сер. «Информация. Наука. Общество» / РАН. ИНИОН. Центр соц. науч.-информ. исслед.; отв. ред. Л. Н. Верченков, Д. В. Ефременко, В. И. Тищенко. М., 2019. С. 191–200.
13. Самсонова Т. Н., Титов В. В. К вопросу о становлении национально-гражданской идентичности российской молодежи в условиях глобальных социокультурных трансформаций начала XXI века // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2017. № 3. С. 156–173.
14. Устинович Е. С. Государственная политика в сфере информационных технологий: монография. Курск: Деловая полиграфия, 2011. 283 с.
15. Чернобров В. П. Конвергенция СМИ в условиях мобильных технологий // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2017. № 4. С. 88–96.
16. Чижов Д. В. Формирование имиджа российских политических партий в сети Интернет // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 1. С. 313–338.

Прохоров А. В. Характеристика медиасреды ведущих российских вузов // Вестник Прикамского социального института. 2021. № 1 (88). С. 184–191.

Prokhorov A. V. Characteristics of leading Russian universities media environment. *Bulletin of Prikamsky Social Institute*. 2021. No. 1 (88). Pp. 184–191. (In Russ.)

УДК 070

А. В. Прохоров

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина, Тамбов, Россия

ХАРАКТЕРИСТИКА МЕДИАСРЕДЫ ВЕДУЩИХ РОССИЙСКИХ ВУЗОВ

Прохоров Андрей Васильевич — кандидат филологических наук, доцент кафедры «Менеджмент, маркетинг и реклама», заведующий Лабораторией теоретических и прикладных исследований рекламы.

E-mail: proh_and@rambler.ru

В статье рассмотрено текущее состояние медиасреды ведущих отечественных вузов, основу которой составляют периодические издания, интернет-порталы. Важная особенность данных элементов медиасреды заключается в их ориентированности на различные сегменты внешней аудитории, на трансляцию ценностей бренда учебного заведения. Фактор работы вузовских СМИ на бренд учебного заведения приобретает особое значение в силу формирования новых категорий вузов — федеральных, научно-исследовательских, опорных.

Ключевые слова: университет, медиасреда, СМИ, бренд университета.

A. V. Prokhorov

Tambov State University named after G. R. Derzhavin, Tambov, Russia

CHARACTERISTICS OF LEADING RUSSIAN UNIVERSITIES MEDIA ENVIRONMENT

Prokhorov Andrey V. — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor at the Department of Management, Marketing and Advertising, Head of the Laboratory for Theoretical and Applied Research of Advertising.

The article examines the current state of media environment of leading Russian universities, which is based on periodicals and Internet portals. The important feature of these elements of media environment is their focus on various segments of external audience, on the transmission of educational institution brand values. University mass media is the factor influencing university brands in the framework of new categories of universities formation — federal, research, flagship.

Keywords: university, media environment, media, university brand.

Последние два десятилетия характеризуются переформатированием вузовского пространства в стране. Ряд российских университетов приобрели новый статус, который предполагает определенную государственную поддержку при выполнении установленных показателей эффективности. Стали формироваться категории федеральных, научно-исследовательских и опорных университетов, реализация миссий которых невозможна без должного освещения со стороны СМИ. Новый характер отношений вуз — общество, вуз — регион, вуз — город предполагает изменение роли и статуса вузовских медиа и, как следствие, расширение целевых аудиторий и спектра освещаемых проблем, трансформации медиасреды вузов [2, с. 303].

Нами уже было проведено ретроспективное исследование вузовской периодики, анализ же текущего состояния вузовской медиасреды позволяет понять, насколько она трансформируется в условиях конкурентного рынка образовательных услуг [8; 9].

Рассмотрение современного состояния медиасреды российских вузов уместно начать с характеристики медиасреды МГУ имени М. В. Ломоносова, университета, традиционно являющегося лидером в сфере журналистского образования и уровня развития медиасреды вуза.

Газета «Московский университет» выпускается с ноября 1937 года. Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-59475 выдано 3 октября 2014 года. В настоящее время издается тиражом 5 000 экземпляров и распространяется в корпусах вуза. Контент издания характеризуется тем, что большое внимание уделяется материалам о студентах вуза, интервью с преподавателями. Новостные материалы освещают факультетскую жизнь, деятельность филиалов университета в других городах.

*Мультимедийный портал «Московский университет»*¹ представляет собой интернет-версию газеты «Московский университет» и рассказывает о жизни университета в актуальном ключе. Портал «Московский университет» — это проект Центра медиакоммуникаций и информации МГУ имени М. В. Ломоносова, который продолжает устоявшиеся традиции газеты «Московский университет». Среди заявленных целей портала значатся:

- совершенствование информационной деятельности Московского университета;
- создание единой университетской коммуникационной среды;
- позиционирование университета в российском и глобальном информационном пространстве;
- формирование корпоративной культуры².

Материалы «Московского университета» в полной мере сосредоточены на трансляции бренда МГУ как ведущего вуза в стране, а также его амбиций на международной арене.

Молодежный интернет-журнал МГУ «Татьянин день» (Taday.ru) издается храмом мученицы Татианы при Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова³. Первый номер издания вышел 25 января 1995 года в Татьянин день. Газета «Татьянин день» стала первой в России студенческой православной газетой. В первое десятилетие существования строгая периодичность издания не выдерживалась, в газете преобладали материалы аналитического характера. По популярности среди аудитории газета «Татьянин день» опережала официальное издание вуза — газету «Московский университет». С 1998 по 2004 год издание выходило с пометкой «на правах журнала». С 2006 года издание функционирует в онлайн-формате, выпуск бумажной версии был прекращен.

Интернет-журнал «Татьянин день» освещает широкий спектр проблем, представляющих интерес для студентов: вопросы личностного развития, события в сферах науки, культуры и искусств.

На факультете журналистики МГУ функционирует **Объединенная редакция студенческих СМИ**, целью которой является развитие практических навыков у студентов: «Деятельность редакции преимущественно направлена на воплощение теоретических знаний на практике, а также развитие ориентированности в медиапространстве, умения работать в команде»⁴.

¹ Мультимедийный портал о жизни МГУ имени М.В. Ломоносова [Электронный ресурс]. URL: <http://www.msu-online.ru/> (дата обращения: 15.12.2019).

² Информационный портал «Московский университет» [Электронный ресурс]. URL: <http://practinform.tilda.ws/msumediakit> (дата обращения: 10.05.2020).

³ Молодежный интернет-журнал МГУ «Татьянин день» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.taday.ru> (дата обращения: 15.12.2019).

⁴ Объединенная редакция студенческих СМИ МГУ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.journ.msu.ru/smi/> (дата обращения: 13.07.2020).

Объединенная редакция студенческих СМИ факультета включает пять медиапроектов разных направлений: телеканал «Моховая, 9», радио «Моховая, 9», интернет-издание «Журналист Online», информационный портал «Лаборатория научной журналистики», газета «Журналист».

Телеканал «Моховая, 9» — это еженедельная информационная программа, которая издается силами студентов факультета журналистики МГУ. В программе освещаются ведущие новости журфака, а также события и проекты МГУ.

Радио «Моховая, 9» занимается производством аудиоконтента различных форматов в образовательных и учебных целях в соответствии с принципами качественной журналистики¹.

«Журналист Online» является интернет-изданием, контент которого создают студенты факультета журналистики МГУ. Тематика материалов разнообразна и не ограничивается студенческими новостями. В издании представлены рубрики «Интервью», «Репортаж», «Заметка», «Лонгрид» и др.²

Информационный портал «Лаборатория научной журналистики» позволяет студентам вырабатывать навыки популяризации науки. Портал «Лаборатория научной журналистики» призван стать многофункциональной виртуальной площадкой по распространению научных знаний, способствующей формированию пула научных журналистов и экспертов за счет привлечения их к написанию, комментированию и рецензированию материалов и тем, освещаемых порталом³.

Первые практические навыки студенты-журналисты МГУ получают в газете «Журналист».

Основными элементами медиасреды НИУ «Высшая школа экономики» являются: корпоративное информационное издание «Окна роста», газета «Вышка» и портал «The Вышка».

«Окна роста» — это корпоративное информационное издание НИУ ВШЭ, которое объединяет представителей разных специальностей, дисциплин и мировоззрений, выступает одним из инструментов, «объединяющих большой, многоликий и разнообразный университет»⁴.

«Окна роста» издаются Управлением академического развития с 2009 года. «Окна роста» стали пространством общения между дисциплинами, кампусами, факультетами и школами, администраторами, преподавателями и учеными, а также нашими коллегами и друзьями по академии⁵.

Газета «Вышка» издается раз в месяц тиражом 600 экземпляров. Контент издания составляют интервью, мнения экспертов, информация о студенческих инициативах. Номера издания распространяются в корпусах вуза ВШЭ, а также в электронном виде. Газета ориентирована прежде всего на аудиторию, которая не читает сайт⁶.

Портал «The Вышка» ориентирован на формирование вышкинского сообщества («комьюнити»). Ресурс позиционирует себя как «независимое медиа о студенческой жизни, над которым работают студенты разных вузов»⁷. Ядро целевой аудитории составляют студенты, но интерес портал представляет для выпускников, абитуриентов и преподавателей⁸.

¹ Радио «Моховая, 9» [Электронный ресурс]. URL: https://radio_mohovaya9.tilda.ws/ (дата обращения: 13.07.2020).

² Журналист. Online [Электронный ресурс]. URL: <https://journalonline.msu.ru/> (дата обращения: 13.07.2020).

³ Объединенная редакция студенческих СМИ МГУ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.journ.msu.ru/smi/> (дата обращения: 13.07.2020).

⁴ Окна роста [Электронный ресурс]. URL: <https://okna.hse.ru/onas> (дата обращения: 17.11.2020).

⁵ Там же.

⁶ Academic Forum. 2015. № 3. С. 1. (Приложение к Окнам роста).

⁷ The Vyshka [Электронный ресурс]. URL: <https://thevyshka.ru/about> (дата обращения: 12.10.2020)

⁸ Academic Forum. 2015. № 3. С. 1.

Обращает на себя внимание ресурс «*Типичная Вышка*»¹, который является электронным сборником с инфографикой, рассказывающей о НИУ ВШЭ, студентах, аспирантах, преподавателях, научных сотрудниках, административном персонале, выпускниках, абитуриентах и т. д. Сборник выпускается с 2012 года, с 2017 года выходит в электронном виде.

Содержание инфографики ресурса строится на результатах опросов Центра внутреннего мониторинга НИУ ВШЭ и данных статистики. Редакция ресурса обозначает направленность следующим образом: «*В выпусках “Типичной Вышки” мы хотим в легкой и нескучной форме поделиться данными о Вышке, рассказать самое интересное и характерное для нашего университета*»².

Другим примером вузовского корпоративного СМИ выступает *газета «Педагогический университет» Московского государственного педагогического университета*, корни которой восходят к 1920-м годам. Аудитория издания в настоящий момент максимально широкая: от студентов и преподавателей до абитуриентов. Газета своими материалами — репортажами, интервью, художественно-публицистическими текстами — дополняет сайт университета, который обрабатывает новостную картину вуза [4].

Н. В. Кодола характеризует газету «Педагогический университет» как корпоративное и студенческое издание, направленное «на расширение положительного информационного пространства МПГУ внутри университета и за его пределами» [5, с. 524]. Среди задач, которые ставят перед собой сотрудники редакции «Педагогического университета», информационная, коммуникативная, рекреативная, но главное направление — патриотическое и профессиональное воспитание студентов. Под патриотическим воспитанием понимается военно-патриотическое, воспитание патриотизма в отношении страны и традиций университета [5, с. 524].

«Педагогический университет» распространяется по факультетам МПГУ, школам и выставкам, электронная версия и архив изданий представлены на сайте вуза.

Н. В. Кодола отмечает, что для работы студенческого СМИ значение имеют формы работы с аудиторией. В 2018 году в Институте журналистики, коммуникаций и медиаобразования МПГУ функционирует дискуссионный клуб «Медиакафе», который был организован по инициативе главного редактора издания В.А. Славинной. К участию в работе «Медиакафе» привлечены преподаватели вуза, корреспонденты издания. Результаты обсуждения в рамках клуба находят отражение на страницах «Педагогического университета» [3].

В *Московском физико-техническом институте (МФТИ)* с 1958 года выходит *корпоративное издание «За науку»*. Большую часть истории издание выходило в виде студенческого листка или комсомольской газеты³. С 2014 года издание выходит в современном — журнальном — формате. В 2016 году издание было перезапущено как глянцево-научно-популярный иллюстрированный журнал. В то же время газета «За науку» издается параллельно журналу. По замыслу редакции, газета направлена на внутреннюю аудиторию МФТИ. Журнал выполняет роль имиджевого издания для друзей и партнеров МФТИ. Раз в год выпускается самостоятельный англоязычный номер журнала, что объясняется интенсивностью международного направления деятельности вуза.

В МФТИ при поддержке Фонда целевого капитала вуза функционирует *интернет-портал «За науку»*⁴. Ресурс освещает вопросы науки и образования, основная задача портала — позиционирование МФТИ в качестве крупного мирового научного центра. Наряду с новостями и дайджестом научных событий в МФТИ на ресурсе представлены интервью,

¹ Типичная Вышка [Электронный ресурс]. URL: <http://thatssohse.info> (дата обращения: 23.11.2020).

² The Vyshka (дата обращения: 23.11.2020).

³ Academic Forum. 2015. № 3. С. 2

⁴ Интернет-портал «За науку» [Электронный ресурс]. URL: <https://zanauku.mipt.ru> (дата обращения: 18.12.2020).

авторские колонки, посвященные актуальным вопросам науки и техники, современным проблемам и месте науки в их решении (например, С. Оксенгендлер «Антивирусный маркетинг»¹, 25.11.2020).

Характер и структура медиасреды *Национального исследовательского технологического университета Московского института стали и сплавов (НИТУ «МИСиС»)* определяется структурными преобразованиями, связанными со слиянием двух вузов — НИТУ «МИСиС» и Московского государственного горного университета — в 2014 году.

Газета «Сталь» является изданием Ученого совета и общественных организаций Национального исследовательского технологического университета «МИСиС» с тиражом 1 500 экземпляров. Начала издаваться с 1930 года как многотиражная газета Московского института стали. 2 ноября 2010 года был торжественно отмечен 80-летний юбилей «Стали».

В материалах газеты «Сталь» отражены успехи научной и инновационной деятельности НИТУ «МИСиС», тем самым подчеркивается соответствие вуза текущему статусу научно-исследовательского технического университета. Газета выступает инструментом обратной связи во взаимодействии со студентами. Например, освещаются основные проблемы студентов, затрагиваемые в рамках проекта «Открытый ректорат», традиционных встреч представителей ректората с обучающимися (материал «Эффект обратной связи»²).

Наряду с газетой «Сталь» после объединения вузов продолжает издаваться *газета «Горняцкая смена»*, которая сейчас позиционируется как газета Горного института НИТУ «МИСиС», а по сути, продолжает традиции газеты Московского государственного горного университета, начатые в 1931 году. В настоящее время «Горняцкая смена» издается как двухполосная газета в виде вкладки в газете «Сталь».

В НИТУ «МИСиС» также издается *студенческий журнал «Сплав»*, который отличается высоким качеством издания и контента. В материалах издания освещаются успехи студентов вуза, рассказывается о вузовских традициях, раскрываются направления, представляющие интерес для учащихся (практика и стажировки в компаниях, академическая мобильность).

История издания *НИУ «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого» «Политех»* начинается с 9 (22) ноября 1912 года. Современную историю «Политеха» следует вести с момента регистрации газеты Ленинградским исполкомом горсовета народных депутатов 21 января 1991 года.

Статус вуза определяет контент издания. Внимание уделяется инициативам университета в рамках программы «5-100», направленной на повышение конкурентоспособности ведущих российских университетов среди ведущих мировых научно-образовательных центров.

Печатные издания представлены в структурных подразделениях Санкт-Петербургского политехнического университета. В частности, Институт военного технического образования и безопасности выпускает *газету «Офицерский сплав»*, которая считается тематическим приложением к региональному выпуску газеты «Офицерский сплав» Совета представителей национальной ассоциации объединений офицеров запаса вооруженных сил в Северо-западном федеральном и Западном военном округах.

В *Национальном исследовательском университете ИТМО* функционирует *объединенное студенческое СМИ «Мегабайт»*. В медиагруппу входят радио, видео, интернет-

¹ Интернет-портал «За науку» [Электронный ресурс]. URL: <https://zanauku.mipt.ru/2020/11/25/antivirusnyj-marketing> (дата обращения: 18.12.2020).

² Сталь. 25 дек. 2019. № 9.

издание, газета «Мегабайт» и журнал *NewTone*. Медиагруппа «Мегабайт» ведет репортажи с главных событий вуза и города, общается с исследователями из научных лабораторий и рассказывает о технологических новинках.

Контент «Мегабайт» создается студентами под руководством профессиональных журналистов. Попробовать свои силы в качестве корреспондентов, радиоведущих, операторов, монтажеров, фотографов могут все студенты петербургских вузов.

Высокий качественный уровень демонстрируют печатные издания *Пермского государственного национального исследовательского университета*. Прежде всего обращает на себя внимание *информационно-художественный журнал «Университет»* высоким уровнем полиграфии, а также представленных материалов. Журнал издается раз в год с 2003 года тиражом 999 экземпляров. Виктор Призюк, главный редактор журнала, характеризует издание следующим образом: «Журнал “Университет” — это не чтение впопыхах. Журнал “Университет” — это неторопливое дело, которое не терпит суеты. Идеально, если вы проведете с ним вечер, а то и не один, обстоятельно познакомитесь с его главными героями и услышите, что они хотели сказать. С этой точки зрения наш журнал какой-то не очень модный, так как отличается от современных принципов общения с читателем». Журнал издается один раз в год, по сути являясь «продуктом медленного приготовления». «Университет», по замечанию В. Призюка, «пропускает через себя все события, которые переживал университет за последний год, снимает с этого лишние шумы и оставляет только самое важное. Фиксирует и анализирует историю»¹.

В 1948 году заложены традиции *вузовской газеты «Пермский университет»*. В материалах издания ярко представлена научная и инновационная работа в вузе («В ореоле МИПов»²), читателя знакомят с жизнью университетского кампуса. К газете «Пермский университет» выходит приложение — *Academia*, учредителем которого является Студенческий дворец культуры вуза. Прежде данное издание являлось самостоятельным альманахом, которое выходило тиражом 400 экземпляров и на страницах которого освещалась культурно-творческая жизнь вуза, события, проходящие в стенах дворца культуры.

К отдельным выпускам газеты «Пермский университет» выходит двухполосное приложение «Глобус» географического факультета ПГНИУ.

Издание Prof.com позиционируется как газета Профсоюзной организации студентов ПГНИУ, которая обладает значительным влиянием в вузе. Prof.com издается с 2009 года, в настоящее время по форме является полноцветным журналом, освещающим различные грани студенческой жизни вуза («Студенческий медиацентр Ё. Сварено в Пермском университете», «Университетские конкурсы: развлечение или развитие»³).

В ПГНИУ также функционирует *аудиожурнал «Цифровой университет»*, который рассказывает о ведущих преподавателях и ученых университета, об их научных исследованиях, жизни факультетов, направлениях подготовки [6, с. 80]. Цель аудиожурнала — обучение аудитории и расширение кругозора через популяризацию науки. Аудиожурнал «Цифровой университет» также является инструментом профориентации — информирования школьников о направлениях подготовки в вузе.

Главная задача информационной службы *Донского государственного технического университета* определяется как «формирование и продвижение в СМИ устойчивого положительного имиджа ДГТУ, многопрофильного опорного вуза Ростовской области»⁴.

¹ Университет. 2016. № 10.

² Пермский университет. Сент. 2020. № 5.

³ Prof.Com. 2019. Вып. 53.

⁴ Информационная служба ДГТУ [Электронный ресурс]. URL: <https://donstu.ru/structure/administrative/sluzhby-pobshchim-voprosam/informatsionnaya-sluzhba/> (дата обращения: 15.10.2020).

Информационная политика ДГТУ как опорного вуза «строится на принципе проактивной позиции», которая предполагает использование любых поводов взаимодействия с региональными и федеральными СМИ¹.

В ДГТУ издаются газета *«Инженерная смена»* и молодежный журнал *«Плюс один»*.

Журнал «Плюс один» позиционирует себя как информационно-развлекательное издание. Тираж издания 5 000 экземпляров. Газета издается на высоком профессиональном уровне. В материалах издание делает акцент на роли вуза как опорного в регионе («Изобретатели опорного вуза стали призерами фестиваля *Profest*»²). Наряду с привычными новостными материалами, интервью, приводится инфографика, отражающая деятельность вуза (например, «опорные вузы на карте России»³). Статус молодежного журнала поддерживается соответствующим контентом, в том числе актуальными мемами как атрибутами молодежной культуры, материалами о киберспорте, тестами (например, тест «Кто ты из инноваторов?» с возможными результатами: Павел Дуров, Илон Маск, Марк Цукерберг, Стив Джобс, Билл Гейтс⁴) и т. д.

Редакция журнала «Плюс один» использует различные формы взаимодействия и активации аудитории. В январе 2021 года в официальной группе вуза в «ВКонтакте» состоялось голосование за лучшую обложку журнала «Плюс один» 2020 года.

С 8 февраля 2010 года в Донском государственном техническом университете начинает вещать студенческое радио под названием *«Зачётное радио»*. «Зачётное радио» предлагает своим слушателям тематические подкасты: «Джэм Тейст» рассказывает о музыке и музыкальных направлениях, *Cooking Cat* — о национальных кухнях, «Лично мне почитать» — о чтении и книгах, «Диванный кинокритик» предлагает обзоры кино, «Научная смена» освещает достижения в сфере науки, о жизни факультетов рассказывает подкаст «Факультач».

Ведущими элементами медиасреды *Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова* выступают: газета *«Наш университет»*, портал актуальных мнений *«Наш университет_онлайн»*, журнал *«Орен. Открытый университет»*, которые рассматриваются как эффективные инструменты информационно-имиджевой политики вуза [1, с. 76].

Газета «Наш университет» — это образовательно-просветительское, аналитическое издание СВФУ. Целевая аудитория издания — студенты, преподаватели, учителя и абитуриенты. Первый номер газеты вышел 1 марта 2011 года. До 2011 года, будучи печатным корпоративным изданием Якутского государственного университета, газета имела другое название — «Якутский университет» [1, с. 78]. Газета «Наш университет» издается тиражом 999 экземпляров. Издание позиционируется как «газета длительного чтения». Авторский коллектив составляют студенты, преподаватели, сотрудники, выпускники университета. К сложившимся рубрикам издания относят: «Собеседник», «Актуально», «Наука», «Тренд», «Федеральный университет». Редакция издания придерживается таких жанров, как заметка, репортаж и интервью, которые в равной степени представлены во всех номерах газеты. Сравнительно в меньшем количестве представлены жанры исследовательско-новостные (статья, отчет, рецензия) и исследовательские (статья, эссе) [7, с. 105].

Сайт актуальных мнений «Наш университет_онлайн» был запущен 11 марта 2014 года. Проект представляет собой универсальную площадку, которая объединяет различные

¹ Информационная служба ДГТУ [Электронный ресурс].

² Плюс один. Март 2018. № 3.

³ Плюс один. Сент. 2017. № 8.

⁴ Плюс один. Март 2018. № 3.

типы контента: информационные сообщения, аналитику, экспертные колонки и интервью, инфографические и мультимедийные проекты.

Портал знакомит читателей с материалами семи основных блоков: «Экспертное мнение», «Тема недели», «Интервью», «Проект», «Инфографика», *Vox Populi*, «Фотожурнал». Экспертами выступают ученые университета, аспиранты, стажеры и инноваторы [1, с. 78].

В СВФУ с 2012 года издается публицистический журнал «*Open. Открытый университет*», который обладает качественным дизайном характеризуется оригинальной подачей содержания статей [1, с. 78].

Издание «*Open. Открытый университет*» предназначено для широкой общественности, которая интересуется наукой, культурой, политикой, историей, общественными проблемами и др. Среди авторов издания — ученые, преподаватели, выпускники университета. На страницах журнала широко освещаются научные исследования, проводимые в университете, культурно-массовые мероприятия, жизнь ученых, студентов, выпускников [1, с. 78]. Со временем журнал *Open* из университетского превратился в общегородское издание.

Таким образом, медиасреда современных вузов претерпевает трансформацию, связанную с необходимостью решения новых задач, стоящих перед высшими учебными заведениями. В частности, вузовские СМИ более активно задействованы в формировании и продвижении бренда учебного заведения, трансляции ценностей культуры вуза как на внутреннюю, так и на внешнюю аудиторию.

Библиографический список

1. Виниченко В. А. Корпоративные медиа в формировании образа регионального университета // *Colloquium-journal*. 2019. № 26-6 (50). С. 76–78.
2. Иванова Л. В. Новые городские медиа в медиаландшафте моногородов (на примере г.о. Тольятти Самарской области) // *Аллея науки*. 2018. Т. 3, № 10 (26). С. 303–308.
3. Кодола Н. В. Аудитория вузовской прессы: формы работы // *Журналистика в 2019 году: творчество, профессия, индустрия: сб. материалов. Междунар. науч.-практ. конф. / Фак-т журн. МГУ. М., 2020. С. 193–194.*
4. Кодола Н. В., Глазкова В. А. Вузовская пресса в условиях трансформации медиапространства // *Наука и школа*. 2019. № 2. С. 68–72.
5. Кодола Н. В. Трансформация вузовской прессы и ее роль в воспитании студенчества // *Высшее образование для XXI века: проблемы воспитания: доклады и материалы XIV Междунар. науч. конф.: в 2 ч. 2017. С. 523–527.*
6. Пенский О. Г. Информационная политика: опыт пермских университетов // *Университетское управление: практика и анализ*. 2011. № 6 (76). С. 79–82.
7. Печетова Н. Ю. Жанр заметки в молодежной прессе (на примере газеты «Наш университет») // *Медиалингвистика*. 2014. № S3. С. 103–106.
8. Прохоров А. В. Периодика отечественных региональных вузов в ретроспективе // *Ученые записки Новгородского государственного университета*. 2020. № 7 (32). С. 4.
9. Прохоров А. В. Современный университет в условиях глобальной конкуренции // *Вестник Тамбовского университета. Сер.: Общественные науки*. 2015. № 3 (3). С. 45–49.

Тимофеева О. В. «Женская забастовка» в Польше в свете реакции польского академического сообщества // Вестник Прикамского социального института. 2021. № 1 (88). С. 192–199.

Timofeeva O. V. “Women’s strike” in Poland amid the reaction of the polish academic community. *Bulletin of Prikamsky Social Institute*. 2021. No. 1 (88). Pp. 192–199. (In Russ.)

УДК 930 (85). 438

О. В. Тимофеева

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

«ЖЕНСКАЯ ЗАБАСТОВКА» В ПОЛЬШЕ В СВЕТЕ РЕАКЦИИ ПОЛЬСКОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА¹

Тимофеева Ольга Валерьевна — старший преподаватель кафедры «История и археология».
E-mail: olga.timofiejewa@gmail.com

Статья посвящена анализу отражения протестов в отношении ужесточения законодательства об абортх в конце 2020 года, известных как «женская забастовка», в реакции польского академического сообщества — преподавателей, студентов, университетской администрации.

Ключевые слова: Польша, «женская забастовка», протест, аборт, университеты, студенты, конституционный суд.

O. V. Timofeeva

Perm State University, Perm, Russia

“WOMEN’S STRIKE” IN POLAND AMID THE REACTION OF THE POLISH ACADEMIC COMMUNITY

Timofeeva Olga V. — Senior Lecturer at the Department of History and Archeology.

The article is devoted to the analysis of the reaction of the Polish academic community, teachers, students, university administration on the protests against the tightening of the abortion legislation at the end of 2020, known as the “women’s strike”.

Keywords: Poland, “women’s strike”, protest, abortion, universities, students, constitutional court.

Осенью 2020 года польские города должны были быть парализованными по случаю очередной волны коронавирусной инфекции. Однако на улицы выходят женщины, вновь протестующие против решения конституционного суда Польши по вопросу о доступности абортх. Забастовка женщин — явление, имеющее уже достаточно продолжительную историю. Впервые в 1975 году организовавшим «Женский выходной» исландкам удалось добиться принятия закона о равноправии, запретившего дискриминацию по половому признаку. В 2016 году польские женщины проводят массовую женскую забастовку, получившую название «черный протест», где десятки тысяч поляков и полячек в понедельник под проливным дождем протестовали против ужесточения абортного законодательства.

Из всего спектра женской повестки проблема абортх является для Польши наиболее горячей, ведь мы знаем Польшу как страну с высоким уровнем религиозности. По данным доклада Европейской комиссии, в 2005 году более 80 % населения Польши называли себя

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31794 «Мобилизация vs самоорганизация: кросснациональный анализ факторов и векторов женского участия в политике».

верующими [13, р. 9]. Согласно же отчетам Института статистики католического костела, в стране в 2017 году по сравнению с предыдущим на 1,6 % выросло число верующих, принимающих регулярное участие в воскресной мессе, что составило 38,3 % католиков. Это означает, что не менее 400 000 поляков в 2017 году регулярно принимали участие в этом таинстве [4, с. 4].

Аборты в Польше запрещены с 1993 года. Действующий сегодня «Устав о планировании семьи, охране человеческого плода и условиях допущения прерывания беременности» от 7 января 1993 года [17] называют компромиссным, так как в его содержании представлены позиции, удовлетворяющие одновременно позициям и сторонников, и противников абортов. С точки зрения этого акта аборт в стране до недавнего времени были легальны в нескольких обстоятельствах, а именно: аборт возможен, если беременность угрожает жизни и здоровью матери; аборт возможен, если известно о неизлечимых болезнях, угрожающих жизни плода; аборт также может быть осуществлен, если беременность стала результатом преступления. Таким образом, в Польше с 1993 года (с перерывом на полгода в 1997 году) действует один из самых жестких в Европе законов в этой области [см. подробнее: 1].

По крайней мере с 2015 года в политическом поле Польши конкурируют между собой две основные партии, идеологическое противостояние их между собой Л. С. Лыкошина называет «польско-польской войной» [2]. «Право и справедливость» (ПиС) братьев Качинских так же, как и «Гражданская платформа» (ГП), созданная бывшим премьер-министром Польши, бывшим председателем Европейского союза Дональдом Туском, относятся исследователями к правой части политического спектра. Однако если ГП не делает акцента на вопросах идеологии и посвящает себя главным образом вопросам экономического благополучия граждан, то ПиС прямо обозначает свою приверженность христианско-демократической, национально-католической, консервативной традициям. И именно ПиС в опоре на консервативные ценности предпринимает в 2016 году очередное наступление на репродуктивные права, поддержав законопроект об исключении из допустимых по закону условий легальности аборта пункт о неизлечимых болезнях плода. Результатом стал «черный понедельник» 2016 года, через несколько дней после которого законодатели подавляющим большинством проголосовали против «драконовского» законопроекта. Однако и альтернативный законопроект «Спасем женщин» [18], значительно либерализующий текущее положение дел и предусматривающий возможность прерывания беременности по решению женщины до 12 недели беременности, а также вводящий сексуальное просвещение в школе, тоже был отклонен парламентариями, что в очередной раз подтвердило неготовность правящего большинства к либерализации в столь горячем вопросе.

Важно отметить, что наибольшее сопротивление ПиС вызывает именно пункт, связанный с тяжелой болезнью плода. Уже в 2017 году представитель партии ПиС в сейме Бартоломей Врублевский обратился в конституционный суд уже по поводу пункта, связанного с медицинскими проблемами плода [15]. Не скоро, но тем не менее 22 октября 2020 года конституционный суд Польши принимает решение о том, что такой пункт противоречит польской конституции, гарантирующей право на жизнь [20]. Активные протесты, в первую очередь в столице, начинаются в тот же вечер, но очень быстро распространяются на всю страну.

Протест, сегодня известный как «женская забастовка», отличается от «черного понедельника» 2016 года прежде всего тем, что в 2020 году протесты не завершились одним днем. Под лозунгом «Это война» протестующие прорабатывают программу действий, создают координационный совет, ведут активную пропаганду в Сети, и всё это в условиях ма-

сочного режима конца 2020 — начала 2021 года. Польское общество последние годы крайне поляризовано в политическом отношении, одним из доказательств тому служит результат последних президентских выборов, где с отрывом менее 3 % над представителем ГП одержал победу ставленник ПиС [19]. Этот же раскол мы наблюдаем в обществе и по вопросу отношения к «женской забастовке» и повестке протестов. Согласно опросу общественного мнения Кантар от ноября 2020 года 57 % опрошенных поддерживают протесты, даже при том, что не участвуют в них [14]. Наряду с этим, говорит то же исследование, больше всего поддерживающих женский протест находится в группе молодых людей 18–24-летнего возраста. Среди этой возрастной группы почти каждый третий, а именно 29 %, принимали участие в протестах [14]. Академическое сообщество неоднородно, так же как и само польское общество. Вдобавок академическое сообщество, безусловно, не является сегодня замкнутым, как в средневековье, но представляет собой неотъемлемую часть всего общества. Особенностью академического сообщества можно назвать уровень правовой культуры и сознательности выше среднего, а также молодой возраст большей части участников. В этой связи ситуация в польских университетах в ходе протестов, а также позиция студенчества и администрации могут составить особую картину, не во всем схожую с общей ситуацией в стране.

Университет в Гданьске — одно из крупнейших государственных высших учебных заведений в Польше, насчитывающее более 21 тысячи студентов. Гданьск — родина движения «Солидарность», осуществившего демократический транзит в стране. Студенты университета организовано выступили в поддержку протестов уже в 10 утра 28 октября. К моменту начала пикета перед зданием главной библиотеки собрались около 500 человек, каждый из участников мог подойти к мегафону, многие из студентов признавались, что впервые взяли слово в ходе демонстрации. Среди заявлений выступавших студентов звучали голоса о том, что молодежи не нужно делать выбор в пользу эмиграции, так как Польша еще может стать светским государством. Кроме того, часть студентов потребовали от властей учебного заведения увольнения профессора Якуба Стелины, члена конституционного суда, который поддержал решение по вопросу закона об абортах и не высказал особого мнения. Студенты уже в понедельник во время удаленных занятий у профессора Стелины устанавливали на своих профилях символ женского протеста — красную молнию, а затем одна из студенток обратилась к Стелине с предложением уволиться из университета. Важно отметить, что в Гданьском университете к пикетирующим вышел исполняющий обязанности ректора Кшыштоф Белавски. Он поблагодарил собравшихся за участие в протестах словами о том, что права женщин — это фундаментальная ценность и за нее стоит бороться. И это при том, что один из судей конституционного трибунала преподает в Гданьском университете, то есть является его подчиненным. Позднее к протесту присоединились студенты Гданьской политехники [16].

Ректор Познаньского университета имени Адама Мицкевича (47 тысяч студентов) публикует открытое письмо, которое размещается на официальном сайте Познаньского университета 26 октября 2020 года. Ректор профессор Богумила Каневска в своем обращении громко заявляет о том, что решение конституционного трибунала, ограничивающее права женщин, принято без общественных консультаций, без заботы о последствиях, без уважения к правам человека, обязательным в демократическом государстве, да кроме того, бьет по науке, а именно подвергает сомнению смысл пренатальных исследований, а академическое сообщество, с ее точки зрения, имеет право знать позицию ректора, даже не всеми разделяемую [10].

Краковский, или Ягеллонский, университет — один из старейших в Центральной и Восточной Европе и один из крупнейших в Польше, насчитывает на сегодня около 50 ты-

сяч студентов. Ректорская коллегия Краковского университета в ответ на решение конституционного суда 22 октября 2020 года выпустила открытое обращение на имя президента страны, маршала сейма, маршала сената и председателя совета министров. В своем тексте члены ректорской коллегии называют решение трибунала крайним отсутствием ответственности за судьбы людей, чьим жизни и здоровью сейчас угрожает особая опасность. И поскольку, говорится в тексте, власти университета ощущают свою ответственность за 50-тысячное академическое сообщество с различными взглядами на ситуацию, то обращаются к президенту, премьеру и руководителям сейма и сената за быстрым поиском выхода из трудной ситуации, в которой оказалось польское общество. В состав коллегии, как и в список подписантов письма, входит ректор профессор Яцек Попель и проректоры университета [5]. Важно отметить, что в числе прочих обращение, совершенно однозначно определяющее позицию органа управления университета в отношении женского протеста, подписывает проректор Коллегиум Медикум. А именно в среде медицинского сообщества долгое время громко звучали голоса противников аборт, и именно медицинское сообщество Польши было обвиняемо в эксплуатации так называемой «оговорки совести» (*klausula sumienia*) — правового регулирования, позволяющего врачу даже в ситуации легального аборта отказаться его проводить, если это противоречит его идеологической или религиозной позиции [см. подробнее: 3]. В ситуации протестов глава медицинского подразделения Краковского университета демонстрирует солидарность с протестующими, отмежевываясь от пролайферской позиции.

Ректор Вроцлавского университета (более 20 тысяч студентов) профессор Пшемислав Вишевски обратился к студентам и преподавателям в интервью «Газете Выборчей», одному из самых известных польских изданий, от 26 октября 2020 года. Ректор произносит очень лиричные слова о том, что он является мужем жены, которая любит больше жизни троих прекрасных, не всегда согласных с ними обоими детей, и он не представляет себе, чтобы кто-то мог ее вынудить на такую любовь. Таким образом, профессор Вишевски однозначно дает понять, что разделяет ценности «женской забастовки» [7]. При этом в выступлении ректор, избегая острых слов, говорит о том, что у университета свой путь, путь развития и обучения светскому, рациональному, гуманитарному дискурсу о мире, путь создания культуры, опирающейся на дискуссию, не на насилие — вновь в этих словах мы можем обнаружить отсылку к идеалам женского движения. Ректор Вроцлавского университета подчеркивает в своей речи, что каждый из нас живет во имя ценностей и каждый обязан эти ценности защищать, а также протестовать, когда эти ценности оказываются в опасности, а права отбираются. «Мы все гражданки и граждане светской Польши ... решение суда разрушает общественный компромисс по вопросу аборт», — говорит ректор, и здесь вновь мы не можем говорить о сохранении первым лицом вуза нейтралитета в отношении острой политической ситуации в стране. В открытом письме в адрес работников, докторантов и студентов учебного заведения профессор Вишевски призывает к принятию «рациональных решений в заботе о человеке. Это путь развития и учения о светской, рациональной, гуманистичной культуре дискурса о мире». Он пишет: «Как учителя и как студенты мы учимся строить между собой мосты, опирающиеся на логику, эксперимент, довод — всегда с заботой о человеке. И мы отрицаем как противоречащие человеческому достоинству насилие, презрение, желание доминирования со стороны сильного. Мы верим в свет человеческого разума даже тогда, когда обстоятельства тому противоречат. Если бы мы эту веру отбросили, мы бы обрекли себя и своих сограждан на ночь ненависти». «Берегите себя. Помните о достоинстве Университета, которое создаете. Дискутируйте всегда во имя рациональности, во имя гуманизма», — призывает ректор [7].

Варшавский университет является сегодня одним из крупнейших и самых престижных государственных высших учебных заведений Польши. На сегодняшний день в нем обучаются более 60 тысяч студентов. В Варшавском университете в ходе протестов принимается решение оставлять ворота кампуса открытыми вечером дольше обычного, чтобы в том числе протестующие могли оказаться на территории университета в безопасности. С просьбой об этом в адрес ректора Варшавского университета профессора Алоизия Новака обратились работники отделения психологии. По средневековой традиции полиция не может без согласия ректора входить на территорию университета. В обращении психологов к ректору звучат слова о том, что «решение конституционного суда, ужесточающее законодательство об абортах, вызвало сопротивление многих сообществ как женщин, так и мужчин. Множество ректоров высших учебных заведений высказались однозначно, указывая на драматические общественные последствия решения и взывая к уважению прав человека и свободы выбора в вопросах морали, которой право не должно касаться». «С глубоким сожалением, — пишут работники отделения психологии, — мы подчеркиваем факт, что среди таких людей нет ректора университета». Далее в воззвании была сформулирована просьба о возможности не закрывать ворота кампуса, чтобы все участвующие в протестах могли укрыться на территории университета, если станут объектом агрессии или репрессий со стороны полиции [9]. Обычно ворота университетского кампуса на Краковском предместье закрывают в 20:00. Пресс-секретарь университета доктор Анна Модзелевска пояснила, что в текущей ситуации это время продлено до 22:00, и университет будет постоянно мониторить ситуацию, чтобы в случае необходимости продлить время закрытия ворот для обеспечения безопасности студентов и работников университета. Безопасность протестующих для университета вопрос необычайно острый в связи с тем, что ровно напротив главных ворот университетского кампуса на Краковском предместье расположен Костел Святого Креста, чьи ступени стали местом столкновений в самые первые дни протестов. 28 октября, несмотря на обвинения, высказанные в воззвании отделения психологии, в том, что ректор остается безучастным к требованиям протестующих, ректором были объявлены так называемые «деканские часы», позволяющие студентам легализовать свое участие в протестах во время занятий.

Важно отметить, что 4 ноября на сайте Варшавского университета были опубликованы рекомендации представителя и главного специалиста университета по вопросам равноправия о том, что ценности женского протеста вписываются в круг ценностей, которые репрезентует университет и многие другие польские вузы. В преамбуле подчеркивается, что Варшавский университет поддерживает протестующих через такие меры, как оставление ворот открытыми, предложение правовой и психологической поддержки. Это преподносится как ответственность и забота университета об общественности. Таким образом особо подчеркивается не пассивная роль Варшавского университета и его властей, которые отреагировали заметно позднее некоторых других вузов страны. Рекомендации специалиста по равноправию преподавателям советуют позаботиться о том, чтобы студенты не чувствовали себя исключенными из-за своих взглядов, то есть официально заявлено, что отношение студентов или преподавателей к протестам не должно отразиться на оценках [12].

Не сложно отметить, что Варшавский университет демонстрирует широкий спектр отношения к протестам и женской повестке, подтверждая тезис о поляризованности польского общества. Ряд отделений Варшавского университета раньше ректора взяли слово в вопросе о «женской забастовке» и высказали поддержку протестующим, и среди них советы факультетов биологии, ориенталистики, педагогики, психологии, социологии, деканские советы отделений политических наук и международных отношений, отделения экономических наук, а также некоторые работники иных подразделений университета. При

этом отдельного внимания заслуживает открытое письмо — ответ на позицию университета, высказанную в рекомендациях специалиста по равноправию. На такую позицию университета публично отреагировали девять профессоров и почетных докторов (пять из девяти — историки) отреагировали острым вопросом, адресованным к ректору и властям университета, о том, действительно ли агрессия, дискриминация и вульгаризмы стали университетскими ценностями [6]. Таким образом, здесь мы обнаруживаем явно выраженную позицию противников «женской забастовки», сторонников громкого решения конституционного суда.

Особо следует обозначить реакцию сообщества не государственного, а католического университета. Католический университет в Люблине имени Иоанна Павла II — единственный негосударственный теологический университет Польши, имеет солидную репутацию и готовит отнюдь специалистов не только в области теологии и канонического права, но и в различных областях светской науки. Уже в первые дни после решения конституционного суда студентки католического университета стали заявлять в Сети о попытках не дать им высказываться по столь горячему вопросу [8]. Студентки университета заявляли об угрозах отчислением в адрес тех, кто высказывал открыто проабортные взгляды. Подобные угрозы звучали от деятелей, связанных с фондом «Жизнь и семья», инициаторов движения «Остановим аборты». От некоторых обучающихся поступали вопросы к руководству университета, могут ли они, как в некоторых иных университетах, рассчитывать на «ректорские часы», чтобы иметь возможность поддержать протест, за что также были подвергнуты критике в Сети в связи с необходимостью решать, быть ли студентом католического университета или демонстрировать свободу выбора. В нормативно-правовых актах университета говорится: «Как студент Католического университета в Люблине имени Иоанна Павла II буду добросовестно выполнять свои обязанности, чтобы быть усердно подготовленным на благо Костела и Родины. Руководствуясь принципами христианской морали, буду охранять достоинство студента и заботиться о добром имени университета, а также соблюдать все постановления его властей. Да поможет мне Бог» [11]. Светская свобода выбора не звучит в первых строках документов католического вуза, что и создает дополнительное конфликтное поле для студентов и сотрудников с различными взглядами на проблему. Однако и в этой ситуации важно отметить, что представитель университета Моника Стойовска в пояснениях для СМИ сообщила, что с профиля вуза в Сети удаляются лишь те комментарии, которые являются вульгарными, провокационными и выходят за рамки общепринятой культуры ведения дискуссии на публичных профилях. На вопрос, как Католический университет в Люблине смотрит на участие своих студентов и студенток в протестах в защиту прав женщин, представитель университета ответила, что время после окончания занятий является личным временем студента [8].

Таким образом, мы видим, что полярность мнений по отношению к «женской забастовке» в обществе в полной мере представлена в академической среде. Мы наблюдаем жаркую дискуссию в академическом сообществе по важному общественно-политическому вопросу. Нет возможности обнаружить монолитность позиции студенчества, или администрации, или преподавателей. Важно отметить, что развитие событий, обозначение своих позиций в академической среде протекает в большей степени мирно, тогда как на улицах польских городов «женская забастовка», по сообщениям СМИ, порой вступает в столкновения с защитниками права на жизнь и полицией. Мы не обнаруживаем в университетской среде информации об актах вандализма, насилия, нападениях, хотя обнаруживаем заявления о попытках использовать административный ресурс. Широкую дискуссию в академическом кругу мы можем объяснять серьезно укоренившейся в польском обществе демократической традицией. Кроме того, нельзя забыть о свойственной польскому обществу традиции про-

теста. Только лишь история движения «Солидарность» говорит нам о способности польского общества к самоорганизации, об умении формулировать требования и добиваться от властей, чтобы их услышали. Важно отметить, что академия не дистанцирована от происходящего в обществе и политике, университеты в лице руководства, представителей подразделений и отдельных сотрудников считают важным обозначить позицию учебного заведения по вопросу протестов. И если студенчество нередко бросает университетским властям обвинение в летаргии, то действия отдельных представителей профессуры получают в СМИ название «бунта профессоров». Однако мы не обнаруживаем сколь либо явной реакции властей страны, правящей партии на позицию академии, при том что академическое сообщество считает для себя крайне важным высказаться по горячей повестке.

Библиографический список

1. Вершинина Д. Б., Тимофеева О. В. Женский вопрос в католической стране: траектории гендерной политики в Ирландии и Польше конца XX — начала XXI века (на примере вопроса об абортах) // Вестник Пермского университета. История. 2019. № 3. С. 95–108.
2. Лыкошина Л. С. «Польско-польская война»: политическая жизнь современной Польши: монография / ИНИОН РАН. М., 2015. 258 с.
3. Тимофеева О. В. Свобода совести врача в решении вопроса об абортах в современной Польше // Женское и мужское в традиционной и современной культуре: сохранение, фиксация, понимание: материалы XIII Междунар. науч. конф. Рос. ассоциации исследователей женской истории и Ин-та этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН: в 2 ч. / ИЭА РАН. М., 2020. Ч. 1. С. 435–438.
4. *Annuario statistico ecclesiae in Polonia ad 2019*. URL: http://www.iskk.pl/images/stories/Instytut/dokumenty/Annuario_Statisticum_2019.pdf (дата обращения: 15.06.2021).
5. *Apel Kolegium Rektorskiego Uniwersytetu Jagiellońskiego do Władz RP w sprawie wyroku Trybunału Konstytucyjnego z dnia 22 października 2020 r.* URL: https://www.uj.edu.pl/documents/10172/146167589/Apel_w_sprawie_wyroku_TK.pdf/489ceb68-ebec-4447-9cb9-dcdf01d7e154 (дата обращения: 15.06.2021).
6. “Czy wartościami UW są dyskryminacja, agresja i wulgaryzmy?” List profesorów do Rektora UW. *Tygodnik Solidarnosci*. 06.11.2020. URL: <https://www.tysol.pl/a56174-Tylko-u-nas-Czy-wartosciami-UW-sa-dyskryminacja-agresja-i-wulgaryzmy-List-profesorow-do-Rektora-UW> (дата обращения: 15.06.2021).
7. Dzikowska J. Rektor UW: “Odrzucamy jako sprzeczne z godnością człowieka przemoc, pogardę i chęć dominacji ze strony silniejszych” *Wyborcza.pl*. 26.10.2020. URL: <https://wroclaw.wyborcza.pl/wroclaw/7,35771,26438190,ректор-uniwersytetu-wroclawskiego-odrzucamy-jako-sprzeczne.html> (дата обращения: 15.06.2021).
8. Gmiterek-Zabłocka A. Strajk kobiet. Studentki KUL alarmują, że zamyka się im usta: Przerażające, co się dzieje. *Tok.fm*. 28.10.2020. URL: <https://www.tokfm.pl/Tokfm/7,103085,26448816,strajk-kobiet-na-katolickim-uniwersytecie-lubelskim-alarmuja.html> (дата обращения: 15.06.2021).
9. Karpieszuk W. Apel do rektora UW o otwarcie bram kampusu, by protestujący mogli się tam schronić przed policją. *Wyborcza.pl*. 26.10.2020. URL: <https://warszawa.wyborcza.pl/warszawa/7,54420,26450088,apel-do-rektora-uw-o-otwarcie-bram-kampusu-by-protestujacy.html> (дата обращения: 15.06.2021).
10. List Rektora z 26 października 2020 r. URL: <https://amu.edu.pl/wiadomosci/aktualnosci/ogolnouniwersyteckie/list-rektora-z-26-pazdziernika-2020-r> (дата обращения: 15.06.2021).
11. *Regulamin Studiów Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego Jana Pawła II*. URL: https://bip.kul.lublin.pl/files/1658/akty_prawne_2021/uchway/228_zal._regulamin_studiow_2019_jednolity_od_1.10.2021.pdf (дата обращения: 15.06.2021).
12. Rekomendacje rzeczniczki akademickiej i głównej specjalistki ds. równouprawnienia na UW w sprawie wykorzystania symboli w przestrzeni akademickiej. URL: <https://www.uw.edu.pl/rekomendacje-rzeczniczki-akademickiej-i-glownej-specjalistki-ds-rownouprawnienia-na-uw-w-sprawie-wykorzystania-symboli-w-przestrzeni-akademickiej/> (дата обращения: 15.06.2021).

13. Social values, Science & Technology. Special Eurobarometer 225. 2005. URL: http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/ebs/ebs_225_report_en.pdf (дата обращения: 15.06.2021).
14. Sondaż Kantaru: 70 proc. badanych popiera protest Strajku Kobiet // Rzeczpospolita. 20.11.2020. URL: <https://www.rp.pl/Spoleczenstwo/201119278-Sondaz-Kantaru-70-proc-badanych-popiera-protest-Strajku-Kobiet.html> (дата обращения: 15.06.2021).
15. Teister W. Aborcja eugeniczna do Trybunału Konstytucyjnego! // Gosc.pl 24/20 URL: <https://www.gosc.pl/doc/4285851.Aborcja-eugenicznado-Trybunału-Konstytucyjnego>. (дата обращения: 15.06.2021).
16. Tokarczyk M. “Kupcie im kwiaty na grób, który sobie kopia”. Protest studentów na Uniwersytecie Gdańskim. // Wyborcza.pl. 28.10.2020. URL: <https://trojmiasto.wyborcza.pl/trojmiasto/7,35612,26449043,kupcie-im-kwiaty-na-grob-ktory-sobie-kopia-tlumy-protestujacych.html> (дата обращения: 15.06.2021).
17. Ustawa z dnia 7 stycznia 1993 r. o planowaniu rodziny, ochronie płodu ludzkiego i warunkach dopuszczalności przerywania ciąży // Dziennik Ustaw. 1993. Nr. 17. Poz. 78. URL: <http://prawo.sejm.gov.pl/isap.nsf/download.xsp/WDU19930170078/U/D19930078Lj.pdf> (дата обращения: 15.06.2021).
18. USTAWA z dnia ... 2017 r. o prawach kobiet i świadomym rodzicielstwie (project). Komitet Inicjatywy Ustawodawczej Ratujmy Kobiety 2017. URL: <https://www.dropbox.com/s/y3m0j7fc9elzjmy/ProjektRatujmy2017final-2.pdf?dl=0> (дата обращения: 15.06.2021).
19. Wybory Prezydenta Rzeczypospolitej Polskiej 2020 r. URL: <https://prezydent20200628.pkw.gov.pl/prezydent20200628/> (дата обращения: 15.06.2021).
20. Wyrok Trybunału Konstytucyjnego z dnia 22 października 2020 r. sygn. akt K 1/20. URL: <https://tvn24.pl/najnowsze/opp1t-Wyrok-Trybuna%C5%82u-Konstytucyjnego-z-22-pa%C5%BAdziernika-2020-roku> (дата обращения: 15.06.2021).

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

В научном журнале «Вестник Прикамского социального института» публикуются материалы, которые связаны с анализом социально-экономических и правовых отношений, посвящены актуальным проблемам развития общества и личности, носят как теоретический, так и экспериментальный характер, обобщают результаты исследований ученых и распространяют опыт практики работы специалистов в указанных отраслях. Приоритетное исследовательское направление — теоретические и практические вопросы совершенствования системы обеспечения национальной безопасности и реализации стратегических национальных приоритетов.

Подача материалов в журнал «Вестник Прикамского социального института» означает согласие автора (ов) на их публикацию в журнале и размещение в режиме свободного доступа в Интернете.

Публикация в журнале и рассылка электронного экземпляра — бесплатная. Печатный экземпляр журнала предоставляется при условии оплаты — 400 руб. за один экземпляр. Иногородние авторы оплачивают также почтовую пересылку — 250 руб.

Рукописи принимаются в порядке поступления. Количество статей в журнале ограничено. Редакционная коллегия оставляет за собой право отбора материалов, проверки их на оригинальность текста с помощью системы «Антиплагиат» и редактирования статей для публикации. Статьи, написанные не по тематике журнала, оформленные не по правилам, не рассматриваются.

К рукописи прилагается заявка на публикацию статьи:

Фамилия, имя, отчество на русском языке	
Фамилия, имя, отчество на английском языке	
Место работы на русском языке	
Место работы на английском языке	
Должность на русском языке	
Должность на английском языке	
Адрес для переписки (с почтовым индексом)*	
Телефон с указанием кода города*	
Электронная почта	
DOI статей автора в базах Scopus и Web of Science (при наличии)	
Необходимость печатного экземпляра журнала (Да/нет)	

* Адрес и телефон в журнале не печатаются.

Статьи и заявки направляются в электронном виде по адресу: psi.nauka@mail.ru или представляются по адресу: Пермь, ул. Куйбышева, 98А, Прикамский социальный институт, каб. 205, научный отдел. Телефон редакции — (342) 214-26-76.

1. Для создания статей используется текстовый редактор Microsoft Office Word. Шрифт **Times New Roman 14**, междустрочный интервал — **1,5**, рекомендуемый объем — **до 15 страниц** (до 30 тыс. знаков). Все поля — **2 см**.

2. В начале статьи указывается **УДК**.

3. Далее указываются сначала **на русском, затем на английском языке**:

- на первой строке по центру полужирным шрифтом — **инициалы и фамилия автора(ов)**;
- на второй строке по центру — **место работы автора (ов)**;
- далее полужирным шрифтом прописными буквами с выравниванием по центру — **название** статьи;
- ниже с выравниванием по ширине — **ученая степень и звание, должность** (по желанию автора (ов)), **адрес электронной почты автора (ов)**;
- далее с выравниванием по ширине — **аннотация (авторское резюме)**, то есть изложение основного содержания и результатов исследования. Объем аннотации — до 200 слов, не более 2 тыс. знаков с пробелами. Аннотация должна отражать предмет, цель, методологию, результаты исследования и выводы. Аннотация (авторское резюме) к статье является основным источником информации в информационных системах и базах данных, индексирующих журнал;
- ниже с выравниванием по ширине — **ключевые слова** (5–10 слов).

4. **Ссылки** на источники из библиографического списка даются внутри текста статьи в квадратных скобках с указанием страниц, на которых расположен цитируемый текст: [2, с. 312; 3].

5. **Библиографический список** приводится в конце статьи, оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008. Литература и электронные источники помещаются в списке в алфавитном порядке; источники на иностранных языках помещаются в конце списка; нумерация списка — автоматическая. В статьях, включенных в список, указываются все страницы публикации, например: Гринин Л. Е. Глобализация и процессы трансформации национального суверенитета // Век глобализации. 2008. № 1. С. 86–97.

В библиографический список рекомендуется включать только литературу и электронные ресурсы, а ссылки на нормативные правовые акты (в том числе из сети Интернет или справочно-правовых систем) и архивные источники размещать в форме автоматических постраничных сносок (внизу страницы с новой нумерацией на каждой странице, шрифт сносок — Times New Roman 10).

При описании электронных ресурсов из сети Интернет указывается электронный адрес цитируемой веб-страницы, а не сайта в целом; после электронного адреса необходимо в круглых скобках указать дату обращения к документу, например: (дата обращения: 01.02.2018).

6. В конце статьи помещается **информация для цитирования**: указываются полные выходные данные статьи на русском и английском языках для облегчения ее цитирования (автор (ы), название статьи, место и год издания, номер выпуска).

Пример оформления статьи

УДК 351.74

В. В. Шилов, Т. Н. Сергеева

Березниковский филиал Пермского национального исследовательского политехнического университета, Березники, Россия

ПРЕСТУПНОСТЬ И РАБОТА ПОЛИЦИИ В ИНДУСТРИАЛЬНОМ ЦЕНТРЕ УРАЛА (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА В ГОРОДЕ БЕРЕЗНИКИ ПЕРМСКОГО КРАЯ)

Шилов Владимир Викторович — кандидат исторических наук, заведующий кафедрой «Общенаучные дисциплины», член Правления Российского общества социологов (Пермское отделение).

E-mail: Vvvs595959@mail.ru

Сергеева Татьяна Николаевна — старший преподаватель кафедры «Общенаучные дисциплины».

E-mail: garri_62@mail.ru

На основе прикладного социологического исследования и статистической информации дается оценка криминогенной ситуации и работы сотрудников межмуниципального отдела полиции Министерства внутренних дел Российской Федерации «Березниковский» Пермского края. Методом социологического опроса определен уровень доверия жителей города Березники и Усольского муниципального района Пермского края к представителям правоохранительных органов. Проводится утверждение, что для достижения правопорядка полиция должна быть ориентирована не только на милитаризованные структуры, наряду с репрессивными мерами должна набирать силу ориентация на социальное обслуживание населения.

Ключевые слова: реформа, гражданское общество, свобода, ответственность, сотрудничество.

V. V. Shilov, T. N. Sergeeva

Berezniky branch of the Perm National Research Polytechnic University, Berezniky, Russia

CRIME AND POLICING IN THE INDUSTRIAL CENTER OF THE URALS (BY RESULTS OF SOCIOLOGICAL SURVEY IN BEREZNIKI, PERM TERRITORY)

Shilov Vladimir V. — Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Scientific Disciplines, a Member of the Board of the Russian Society of Sociologists (Perm branch).

Sergeeva Tatiana N. — Senior Lecturer at the Department of Scientific Disciplines.

On the basis of applied social research and statistical evaluation are given the crime situation and the work of the staff of inter-municipal police department of the Interior Ministry “Berezniki” Perm territory. The method of the sociological survey determined the level of trust and the residents of the city of Berezniki and Usolye municipal district of the Perm territory to representatives of law enforcement agencies. States that in order to achieve the right order and the police must be focused not only on the militarized structure, but also, along with repressive measures, should be a growing trend, oriented towards the social service of the population.

Keywords: reform, civil society, freedom, responsibility, cooperation.

Защита жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, противодействие преступности, охрана общественного порядка, собственности и обеспечение общественной безопасности — эти вопросы всегда находятся в центре внимания политиков и общественности [1].

Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства¹.....

Библиографический список

1. Аналитический обзор зарубежных исследований о практике изучения и формирования общественного мнения о полиции / ВНИИ МВД России. М., 2003.
2. Бунов Е. Г. Сотрудники органов внутренних дел об эффективности их деятельности // Социологические исследования. 2011. № 11. С. 87–89.
3. Владимир Колокольцев: «Полиция должна заслужить доверие граждан» // Министерство внутренних дел Российской Федерации: офиц. сайт. 2012. 12 июля. URL: <https://мвд.рф/news/item/150545> (дата обращения: 12.03.2016).
4. Заманихина Т. Участковые стали «писателями». Сенаторы обещали законодательную поддержку МВД // Рос. газета. 2013. 31 окт.
5. Ипакян А. П. Оценка деятельности органов внутренних дел в механизме налаживания их взаимодействия с населением // Проблемы взаимодействия органов внутренних дел с общественными объединениями по охране правопорядка и обеспечению общественной безопасности: материалы «круглого стола» 27 янв. 2006 г. в Акад. управления МВД России / Акад. управления МВД России. М., 2006. С. 96–97.

Информация для цитирования:

Шилов В. В., Сергеева Т. Н. Преступность и работа полиции в индустриальном центре Урала (по результатам социологического опроса в городе Березники Пермского края) // Вестник Прикамского социального института. 2018. № __. С. __.

Shilov V. V., Sergeeva T. N. Crime and policing in the industrial center of the Urals (by results of sociological survey in Berezniki, Perm Territory). *Bulletin of Prikamsky Social Institute*. 2018. No. __. Pp. __. (In Russ.)

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 5.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.

Автономная некоммерческая
организация высшего и
профессионального образования

ПРИКАМСКИЙ СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ

**ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ
ПО НАПРАВЛЕНИЯМ
ПОДГОТОВКИ
(БАКАЛАВРИАТ):**

- Психология,
- Экономика,
- Менеджмент,
- Юриспруденция.

ФОРМЫ ОБУЧЕНИЯ

Очная, заочная, очно-заочная

**ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ
ОБРАЗОВАНИЕ**

Общеразвивающие программы
для детей и взрослых.

**ПОВЫШЕНИЕ
КВАЛИФИКАЦИИ
ПЕРЕПОДГОТОВКА КАДРОВ**

По всем реализуемым
образовательным программам.
Подробнее на сайте института.

ЮРИДИЧЕСКАЯ КЛИНИКА

Оказание бесплатной юридической
помощи гражданам.

**ЦЕНТР ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ
ПОМОЩИ**

Кризисный центр психологической
помощи людям, попавшим в сложные
жизненные ситуации.

**e-mail: pkpsi@yandex.ru
сайт: www.psi.perm.ru**

**г. Пермь, ул. Куйбышева, 98А
тел.: (342) 214 26 16**

Автономная некоммерческая организация
профессионального образования

ПЕРМСКИЙ ГУМАНИТАРНО- ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ КОЛЛЕДЖ

**Среднее
профессиональное
образование**

СПЕЦИАЛЬНОСТИ:

Техник-программист

**- Программирование в
компьютерных системах**

Бухгалтер

**- Экономика и бухгалтерский
учет (по отраслям)**

Юрист

**- Право и организация
социального обеспечения**

Специалист по рекламе

- Реклама

Дизайнер

- Дизайн (по отраслям)

ПРИЁМ НА БАЗЕ

9 и 11 классов

ФОРМЫ ОБУЧЕНИЯ

Очная, вечерняя, заочная

**г.Пермь,
ул.Куйбышева, 98А
сайт: www.pgtk-perm.ru**

**Приёмная комиссия
тел.: (342) 214 26 16
e-mail: pkpsi@yandex.ru**

